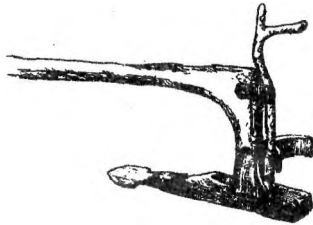

Османов М.О.

**ХОЗЯЙСТВЕННО-
КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ
(АРЕАЛЫ)
ДАГЕСТАНА**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ОРДЕНА "ЗНАК ПОЧЕТА" ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Османов М.О.

**ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ
ТИПЫ (АРЕАЛЫ)
ДАГЕСТАНА**

(с древнейших времен до начала XX века)

instituteofhistory.ru

Махачкала 1996 г.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в советской этнографической литературе наблюдается определенное усиление интереса к хозяйственно-культурным типам (ХКТ) и историко-этнографическим областям (ИЭО). Интерес этот имеет вполне объективные причины. Хотя этнография является наукой, объектом изучения которой являются этносы, однако ее предметной областью является прежде всего традиционно-бытовая культура (127, с. 84; 128, с. 264). Изучение же последней только на уровне и в масштабах этносов порождало дробную картину развития человеческой культуры, затрудняло понимание сходных явлений в культуре разных этносов, общих закономерностей развития культуры. Именно это обстоятельство послужило одной из причин возникновения в этнографической науке многочисленных этнографических школ, для которых оказалось не под силу познание общих и частных закономерностей развития культуры на этническом и межэтническом уровне (527, с. 144-151; 53, с. 119-122, 231-232, 242-250 и др.).

Между тем, в задачу этнографии входит изучение не только особенного, но и общего в образе жизни, культуре и психологии народов (127, с. 84; 128, с. 264). Поэтому "для понимания общих закономерностей развития культуры в целом, а также складывания ее специфических черт у отдельных народов и в рамках крупных регионов, большое значение имеет разработанная советскими учеными концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей" (127, с. 130; 128, с. 33). Таким образом, необходимость концепции ХКТ и ИЭО диктуется прежде всего "необходимостью выявления общего и особенного в этнографической картине мира", причем определяемость общего и особенного в образе жизни, культуре и психологии принадлежностью к таким комплексам как ХКТ и ИЭО ставится в один ряд с определяемостью, "принадлежностью к одной социально-экономической формации" (128, с. 268).

При этом, несмотря на "природно-хозяйственный облик" ХКТ, различие их "на основании изучения взаимодействия людей с окружающей природой", непреложным является их исторический характер, различие "по историческим эпохам" (581, с. 62). Ю.В. Бромлей даже считает, что именно "рассмотрение культурных ареалов как исторических категорий позволило советским этнографам М.Г. Левину и Н.Н. Чебоксарову выделить две своеобразные разновидности таких общностей: хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области" (128, с. 18. Ср. также 573, с. 92; 354, с. 5).

Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор **М. Г. Гаджиев**

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект: 96-01-16017

Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. — Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. — 316 с.

АА000076 от 30.11.95.

Исследование процессов сложения и эволюции хозяйственно-культурных типов (ХКТ) — ареалов Дагестана от древности до начала XX в. на базе природной среды, хозяйственных занятий, социально-экономической и политической ситуации, в том числе общественного разделения труда, а также культурных традиций и этнокультурных взаимодействий, включающее разработку понятия и определения местного ХКТ, т.е. хозяйственно-культурного ареала (ХКА). Выявлены и исследованы исторические ХКА и сложившиеся к XIX-XX вв. равнинно-предгорный, горный и высокогорный ХКА.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

© Османов М.О. 1996.

instituteofhistory.ru

В качестве общего требования к применению концепции ХКТ и ИЭО в советской этнографии выработался еще принцип необходимости учета при исследовании любых аспектов культуры народов региона взаимосвязи и взаимодействия трех комплексов — ХКТ, сопряженной с ним ИЭО и входящих в нее (полностью или частично) этнических общностей (127, с. 241).*

Таким образом, советские этнографы понимают ХКТ “как категорию, вскрывающую механизм возникновения разнообразия культуры народов”. (582, с. 95), рассматриваемого в контексте концепции единства исторического процесса. В свете сказанного представляется совершенно справедливым утверждение С.А. Арутюнова и А.М. Хазанова о том, что “так же как АК (археологическая культура) в археологии, ХКТ в этнографии выступает одним из основных, базовых понятий данной дисциплины” (94, с. 142).

Несмотря на такое признание, концепция ХКТ, как представляется, недостаточно “задействована” в советской этнографии. Не получила дальнейшего развития теория концепции, мало региональных разработок ХКТ, исследований о соотношении этнического и надэтнического в ХКТ, “почти не изучаются” конкретные вопросы “генезиса основных хозяйственно-культурных типов” (146а, с. 79) и т.д. Видимо, определенную роль в этом сыграли, по выражению А.И. Першица, наблюдаемый в советской этнографической школе “предельно выраженный интерес к этническому аспектам истории” (455а, с. 73); игнорирование, как указывает Г.Е. Марков, того факта, что такие фундаментальные проблемы “как первобытная история народов, история хозяйства, семьи, социальной, общественной организации... определяются во многом не этнической спецификой, а общеисторическими закономерностями, хозяйственно-культурным типом и т.д.” (375а, с. 83), что изучение самих “этнических культур невозможно... без учета, — как пишет С.И. Вайнштейн, — и роли хозяйственно-культурных типов в целом” (146а, с. 81-82).

Замечу, что и в недавней дискуссии о месте этнографической науки по статье Ю.В. Бромлея и М.В. Крюкова, концепции и теории ХКТ было уделено мало внимания (127а).

Как указывалось, творцами концепции ХКТ и ИЭО были М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров, хотя, справедливости ради, надо отметить, что сделали они это не на голом месте. В частности, в советской этнографии их предшественником был С.П. Толстов, который говорил о выделении хозяйственных типов “в процессе географической дифференциации хозяйственной деятельности человеческих обществ” (532, с. 31-32) (об этом ниже).

М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров определяют ХКТ как “исторически сложившиеся

* Интересно отметить, что П.Г. Богатырев, говоря о “сотворчестве народов-соседей” в создании культуры, подчеркивает, что оно настолько тесное, что отдельные произведения ее оказываются фактически этнически безымянными, безадресными (122, с. 133).

комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития” (348, с. 4). Определение стало почти хрестоматийным, как математическая теорема или грамматическое правило и в последующих определениях имеются лишь или перестановки, или небольшие уточнения и акцентации.

Выше уже говорилось, что ХКТ не существуют сами по себе и тесно взаимосвязаны с ИЭО, что отражено и в основополагающей статье (и названии) концепции М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова. Некоторые исследователи предлагают другое наименование — историко-культурная или традиционно-культурная область. Поскольку термин “традиционный” предполагает обычно прошлое, пришедшее из прошлого, а ИЭО может существовать и в настоящем, и поскольку слово “исторический” как-бы демонстрирует исторический характер явления, что обязательно для понятия ИЭО, лучше, по-видимому, принять определение историко-культурная область (ИКО). Итак, ИКО по М.Г. Левину и Н.Н. Чебоксарову, это “территория, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определенная культурная общность” (348, с. 10, 12. См. также 135, с. 15). В состав ИКО могут входить группы, различные по языку, происхождению, принадлежности к ХКТ. В отличие от ХКТ ИЭО “всегда включают народы, расселенные на смежных территориях и реально связанные между собой, хотя и различающиеся часто по уровню и направлению социально-экономического развития”. В качестве примера ИЭО первого порядка нашей страны (из четырех) приводится и Кавказ (с подразделением на Северный Кавказ и Закавказье) (570, с. 216).

В дальнейшем, поскольку темой нашего исследования являются ХКТ, мы будем касаться ИЭО лишь в той степени, в какой это будет необходимо для исследования проблематики, связанной с ХКТ. В частности, одним из таких актуальных вопросов является проблема образования ИЭО в результате общения и взаимодействия разных народов и различных ХКТ, которая в свою очередь становится важнейшим условием функционирования ХКТ, как особых форм “взаимодействия общества с природной средой” и образует “историко-культурную среду для развития ХКТ, облегчающую переход от низших типов к высшим”. (580, с. 25).

Концепция ХКТ и ИЭО, ее провозглашение явились крупным рубежом в развитии советской и мировой этнографической науки. На основе категорий ХКТ и ИЭО в значительной степени решается вопрос о механизме зарождения и эволюции отдельных отраслей хозяйства и их комплексов, соотношения их в комплексах, разнообразия и многообразия культуры, вопросов конвергентности, диффузии, взаимодействия и влияния культур на уровне этносов и регионов.

Большим достоинством ХКТ как научной категории является ее универсальность, применимость ко всем ступеням “социально-экономического

развития от первобытно-общинного строя до социализма" (573, с. 92), и при этом, что особенно важно при изучении истории хозяйства и культуры бесписьменных (или малописьменных) народов, наблюдается однородность, сравнительно-типологическая соотносимость с археологическими культурами (АК), которые там, где они отражают хозяйственно-производственную деятельность своих носителей, коррелируют с ХКТ, "безотносительно к характеру той гипотетической общности, которая может скрываться или не скрываться за данной АК" (94, с. 143). Таким образом, исследование ХКТ позволяет с одной стороны осветить историю зарождения и развития хозяйства и культуры в региональном или общепланетном плане, и в то же время, выявить формы и степень взаимодействия хозяйственно-культурных феноменов на уровне этносов и регионов в межэтническом и пространственном отношении, в синхронном и диахронном плане.

Именно имея в виду эти свойства научной категории ХКТ, мы сочли целесообразным их изучение в интересах освещения истории хозяйства и культуры Дагестана с точки зрения обстоятельств и характера их зарождения, контактирования и взаимодействия с культурой соседних регионов и этносов, сложения региональных и этнических особенностей, образования или вхождения в какую-то ИЭО и т.д.

Исследование ХКТ позволит осветить и отдельные моменты политической истории на основе изучения взаимодействия и взаимовлияния отдельных ХКТ, или их составных частей, а также образования ИЭО, могущей послужить на субрегиональном уровне основой общественно-политической организации, так же, как эта последняя способствует (или препятствует) процессам хозяйственно-культурной консолидации (или разобщения).

Изучение ХКТ позволит т.о. поставить на более реальную научную почву проблему соотношения (и выявления) конвергентных и заимствованных компонентов хозяйства и культуры, соотношения между этнически обусловленным (этнодифференцирующим) и надэтническим, сложившимся под воздействием географических и общественно-экономических факторов в отраслях хозяйства и культуры.

Важным аспектом изучения ХКТ Дагестана является и вопрос о роли исторически сложившихся ХКТ в процессах этнического общения и консолидации. Сложение разных ХКТ в пределах определенных регионов создавало объективные предпосылки для общения, интенсификации контактов и расширения контактных зон. Исторически Дагестан являлся регионом, сложившимся при совокупном воздействии природно-географических, хозяйственно-экономических и этнических факторов: отграниченный и закрепленный политической традицией, он служил и полем (и объектом) действия ХКТ, а также, в определенной степени их рамкой. При таких условиях ХКТ, цементируя этнополитические области, районы, создавая для них общий (совокупный) экономический фон, способствуют и сложению ИЭО. Выше мы уже упоминали, что образование, сложение ИЭО связано с общением и взаимодействием

и народов, и разных ХКТ (580, с. 24). Отсюда ясно, что ХКТ, несмотря на свою надрегиональную и надэтническую сущность, могут входить в рамки одной ИЭО, как, впрочем, один ХКТ может бытовать в пределах нескольких ИЭО.

Подобная цементирующая роль ХКТ могла быть особенно важной и результативной в условиях этнической пестроты населения Дагестана, которая трудно поддавалась консолидирующим усилиям (тенденциям) культурно-исторических, политических, религиозных и др. традиций и институтов.

Результативность объединяющей функции ХКТ, этнического общения и взаимодействия населения, носителя ХКТ, обуславливалась главным образом тем, что основное содержание ХКТ, его единство "структурно определяется ведущей отраслью хозяйства", которая в комплексном сочетании с природно-географической средой во многом определяет и особенности культуры и этнокультурных традиций (86, с. 8; 580, с. 23; 297, с. 74; 348, с. 4; 372, с. 23). Это означало, что общение, контакты имели место в сфере производства (базисного института) и материального обмена, что придавало общению фундаментальный, постоянный, объективно-неизбежный характер. Общение и контакты такого рода, естественно, порождали предпосылки и условия для культурно-этнических, языковых, политических и т.п. взаимодействий, способствовавших ослаблению как регионально-территориальной, так, и, особенно, этнической (национальной) замкнутости и изолированности.

Зонально-районное и пространственно-территориальное расположение (размещение) ХКТ Дагестана, и соответственно их носителей — отдельных этносов (этнохозяйственные районы) складывалось таким путем, что исторически происходили этнические связи двух типов: межэтнические и внутриэтнические. По своему значению и последствиям для этнической (экономической, политической, культурной) истории Дагестана оба типа взаимодействий были одинаково важны. Первые закладывали фундамент межнационального сближения, сложения элементов общедагестанской культуры, (экономики), самосознания, способствовали сложению представления о Дагестане как историко-географическом, политическом и этнорегиональном едином целом; вторые же создавали предпосылки для внутриэтнической консолидации и образования народностей.

Учение о ХКТ возникло, конечно, не случайно и не на голом месте. Многообразие форм хозяйственно-производительной деятельности человека и связанное с этим разнообразие культурных проявлений, после прохождения этапа накопления материалов, требовали своего объяснения, как в смысле познания самой картины сходных и различающихся культурных особенностей, так и осознания этого единства и многообразия в своем происхождении, эволюции. Особенно усилились подобные тенденции в этнографической науке во второй половине XIX в., когда целый ряд исследователей пересматривают старые положения, стремятся вычлнить и исследовать ряды однопорядковых явлений разных культур в связи с факторами экологического, социально-экономического, социально-бытового и культурного

(взаимодействие) характера, выявить общие закономерности в культурно-бытовом многообразии, установить исторические корни и весь комплекс условий и обстоятельств, породивших это многообразие в синхронном и диахронном аспектах.

Естественно, что в подобных попытках исследователи сталкивались с проблемами пространственных и временных аспектов в изучении элементов культуры, что помогало полнее раскрыть динамику закономерностей их развития и вглубь и ширь (86, с. 3). При этом положение о ХКТ и ИЭО обнаружило исключительную продуктивность в изучении генезиса и развития форм хозяйственно-культурной деятельности человечества с древнейших времен. Проецируя ХКТ на имеющиеся материалы, исследователи прослеживают хозяйственную деятельность со времен палеолита, показывая как первобытный охотник и собиратель в процессе хозяйственного освоения ойкумены, путем миграции расширяет зону древних ХКТ, образуя многие локальные варианты культуры, “обусловленные многообразием источников существования”. Материалы четко показывают различия в темпах развития населения разных ландшафтных зон, зарождение в мезолите и неолите зоны производящего хозяйства (85, с. 24-25), и что особенно важно, показывают существенную роль ХКТ в социально-экономическом развитии человеческого общества, например, роль оседлого земледелия с развитой ирригацией в становлении древнейших классовых обществ или неполивного общинного плужного земледелия в развитии феодальной Европы (85, с. 32-33). Это обстоятельство сыграло немалую роль в выделении и отграничении культурных ареалов. И хотя исследователи, особенно советские, неоднократно напоминали, “что речь идет о хозяйственно-культурных, а не просто хозяйственных типах”, тем не менее, исходя из того, что “единство типа определяется ведущей отраслью хозяйства, представляющей всегда одну из главных сторон общественного разделения труда” (86, с. 8) на первый план при классификации выдвигаются формы хозяйственной деятельности. Так, например, известный исследователь Эд. Хан (620; 619; 617; 618) также выделил хозяйственные формы земли, причем он дает классификацию в двух аспектах: пространственном и стадийном: 1) охотники и рыболовы, 2) мотыжное земледелие, 3) огородничество, 4) хлебопашество, 5) скотоводство, 6) садоводство. Одновременно, Эд. Хан развенчал известную еще со времен античности трехстадийную схему хозяйственной истории человечества (собирательство и охота — пастушеское скотоводство — земледелие), обосновав идеи одновременного сосуществующего зарождения и развития земледелия и скотоводства.

Идеи и труды Эд. Хана вызвали к жизни целый ряд исследований экономистов, географов, этнографов, посвященных изучению форм и типов хозяйственной деятельности мира и их картографированию. Наиболее известные из них: карта К.Сэпира (1925 г.), карта земледельческих культур Х.Энгельбрехта (1930 г.), карта Д.Уайтлиси (главные земледельческие области земного шара, 1936 г.), Д.Тиммонса (1944), Р.Томана, Ван-Регена (1956), К.Каваши (1957), Оксфордский экономический

атлас (1959), Д.Фрайера (1965) и Х.Грегора (1963) (614, с. 95-132). Наиболее значительными из них по богатству материала и мотивированности считаются карты Уайтлиси и Грегора (627, р.199-240; 613). Английский географ-экономист Григ сделал подробный критический обзор всех этих схем, с достаточно аргументированными оценками их достоинств и недостатков, на основе сформулированных им принципов типологизации и картографирования (сначала определить типы на основе установленных критериев, затем очертить по этим типам ареалы, но гибкие, с приближенными моделями, которые можно будет дополнять и исправлять).

Однако и Григ не смог выявить наиболее существенные (и сущностные) недостатки этих схем, вытекающие из отсутствия диалектического подхода к изучаемой проблеме. Если диффузионисты ставили во главу угла “культурные круги” и их распространение, то в этих построениях хозяйственные формы оказывались как бы изолированными, статичными, существующими сами по себе и неизвестно как сложившимися. Голый эмпиризм “хозяйственников” оказался в неменьшей степени антиисторическим, чем диффузии “культурников”. Последние, несмотря на порочные теоретические и методологические посылки, своим интересом к формам культуры, пусть и диффузированных, способствовали “накоплению картографической информации и зарождению идей о историко-этнографических ареалах” (86, с. 5). Однако основоположники концепции о ХКТ и ИЭО М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров назвали в качестве своих предшественников не Хана и его последователей, не “культурников”, а известного американского этнографа Кл.Уислера (628; 629). Правда, если говорить строго о действительном предшественнике этой концепции, следует, по-видимому, называть не К.Уислера, а его учителя Ф.Боаса. Именно он первым обратил внимание на ареальное бытование элементов культуры, не связанное ни с этническими, ни с лингвистическими, ни с социальными факторами, т.е. именно ему принадлежит разработка этнографической категории “историко-этнографический ареал” (инициатор карты 1900 г. — “северо-американские культурные ареалы”). Генерализующую идею Ф.Боаса претворил в жизнь Кл.Уислер, и выразилось это претворение в теории “культурных областей”, которую известный советский этнограф Я.В.Чеснов считает “картиной распространения этнографических черт” (хотя и “статичной” (582, с. 68).

Следует отметить, что у К. Уислера концепция культурных областей имеет как бы двоякий характер. В начале книги он, исходя из постулата о том, что “наиболее существенной и объективной чертой человека является добывание пищи”, и объявив “специализацию на одном виде пищи универсальной тенденцией разных групп человечества”, К.Уислер формулирует свое положение о культурных областях на основе пищевых комплексов, которые рассматриваются как “аккумуляции комплексов в пределах определенных ареалов” (628, р. 1-3). Он выделил в доколумбовой Америке ареалы: 1) охотников, 2) рыболовов лососевых, 3) собирателей диких семян (“желудевые собиратели”), 4) агрокультурный, подразделяющийся на маисовый и маниоковый

(628, р. 3-19, 68).

Однако, неверность исходных позиций — пищевые комплексы, крен в сторону формулирования ИЭО на их основе и поиски их соотношения с экологической средой (вместо того, чтобы искать их на базе ХКТ), привели К.Уислера к неверному положению о культурной области как зоны влияния некоего культурного центра, сложившегося в результате приспособления к экологической среде (582, с. 70 сл.). В конечном счете К.Уислер и другие американские этнографы не сумели разграничить и смешали два разных вида культурной общности: сложившиеся от схожести экологических, хозяйственных и социальных условий и от связей и влияний, т.е. явления, свойственные и ХКТ и ИЭО (526, с. 53-54). Его ареалы хотя они “бесспорно ХКТ”, но с другой стороны некоторые из ареалов “представляют собой не столько хозяйственно-культурный тип, сколько историко-культурную область. Все же заслуга Уислера несомненна”, — заключают М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров, — “и мы в какой-то степени можем назвать его в числе своих предшественников в разработке данных вопросов” (348, с. 7).

В целом, при всех достоинствах и большом материале К.Уислера и др. понятие ХКТ, “как категории, вскрывающей механизм возникновения разнообразия культуры народов, американскими этнографами не было сформулировано” (528, с. 95). Тот же К.Уислер фактически не дал определения сформулированного им понятия “культурная область”. Таким образом получилось, что в определенной степени соединив методы “хозяйственников” и “культурников”, освободившись от их однобокости, К.Уислер не смог их разграничить, разобраться в аспектах историко-географическом, экологическом, культурно-конвергенционном и культурно-диффузионном.

С иных позиций подходят к изучаемой проблеме отечественные исследователи. Хозяйственно-культурное многообразие мира изучается в свете концепций единства исторического процесса, проистекающего в многообразных проявлениях на синхронном и диахронном уровнях, по диалектическим законам единства и борьбы противоположностей. Отсюда и объяснение неравномерности хозяйственного, социального и культурного развития — от особенностей исторического процесса у разных групп народов, в разных регионах и в разные эпохи.

С самого начала провозглашения концепции ХКТ советские этнографы подчеркивали их исторический характер. Их нельзя уложить в раз навсегда данную схему, и нельзя исходить из их неизменности в разные эпохи, хотя бы и одного ХКТ в одном и том же месте и у одного же народа. М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров связывают возникновение ХКТ со временем сложения человеческого общества. Популяции древнейших гоминид (начало раннего палеолита) имели примитивное комплексное хозяйство; обитая “в сравнительно однородных экологических условиях” они принадлежали к “одному ХКТ бродячих охотников и собирателей жаркого пояса” (86, с. 9). После сложения производящего земледельческого и скотоводческого хозяйства с несколькими мировыми очагами: (переднеазиатский и восточно-средиземноморский

— VIII-VI тыс. до н.э. — самый ранний; индо-китайский (VII-VI), ирано-среднеазиатский (VI-V) и др., дальнейшими рубежами служат развитие орошаемого земледелия, распространение культур риса и корнеплодов, и особенно развитие пашенного земледелия с использованием тягловой силы животных, синтезированного симбиозного хозяйства, ставшего важнейшей основой прогресса человечества. Особое значение имело в этом процессе открытие плуга, создавшего новые предпосылки для прогресса пашенного симбиозного земледелия и одновременного выделения специализированного скотоводства в степях и полупустынях Евразии, где и произошел переход “от комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству” (86, с. 13).

Усилиями советских этнографов С.П. Толстого, М.Г. Левина, Н.Н. Чебоксарова, Б.В. Андрианова, Я.В. Чеснова, Г.Е. Маркова, Т.А. Жданко и др. были не только сформулированы и обоснованы положения концепции о ХКТ и ИЭО, но и создана картина зарождения и развития ХКТ в масштабах всей планеты от древнейших времен до XIX в. При конструировании этой картины были соблюдены основные требования понятия ХКТ — историзм и учет многих взаимосвязанных, взаимодействующих факторов (экологическая среда, социально-экономический уровень, культурные влияния и пр.). Пространственно (ареально) очерченные ХКТ прослеживаются от древности до наших дней, причем прослеживается развитие не отдельных ХКТ, а общей картины хозяйственно-культурных особенностей, наблюдающейся в виде проявлений ХКТ, постоянно изменяющихся, зарождающихся и исчезающих, взаимодействующих в рамках отдельных ИЭО. Поэтому совокупность ХКТ, представляемых и картографируемых советскими этнографами, например, для XV в. (570, с. 164 сл. Карта) или для более богато представленного материалами XIX в. (86, с. 13-16) является одновременно и системой ХКТ, сопряженных с соответствующими ИЭО, и итогом развития ХКТ предшествующего времени в совокупности и взаимодействии, в определенных условиях экологии и социального развития; и основой для последующего развития, взаимодействия, возникновения и исчезновения ХКТ в той же общей системе развития человечества, в рамках взаимодействия взаимосвязанной совокупности факторов: народ (этнос) — экология — хозяйство — социально-экономическое развитие — ХКТ — культурные влияния и взаимодействия — ИЭО и т.д.

Следует подчеркнуть, что создание такой общей картины базировалось на источниках (исследованиях) трех родов (групп). В первую очередь это работы общетеоретического характера, в которых заложены как сами основы, так и их дальнейшая интерпретация и развитие концепции о ХКТ и ИЭО. Конечно, не всегда можно отделить чисто теоретические работы, нередко серьезные вопросы теоретического и методологического характера разрабатываются и в исследованиях второй группы, посвященных отдельным, региональным проблемам указанной концепции, поэтому такое разделение можно считать в определенной степени

условным.

Третья группа исследований может быть определена как литература смежных (стыковых) с этнографией научных дисциплин, в т.ч. и неисторического характера.

Остановимся на каждой из трех групп в отдельности. О работах общего характера нам уже приходилось говорить; в них ставятся прежде всего проблемы концептуального характера, вопросы формулировки, ее содержания, основных компонентов понятий ХКТ и ИЭО, взаимосвязи с другими понятиями этнографической науки. Это, прежде всего, работы С.П. Толстого, М.Г. Левина, Н.Н. Чебоксарова, Ю.И. Семенова, Ю.В. Бромлея, Б.В. Андрианова, Я.В. Чеснова, Г.Е. Маркова, С.А. Токарева, Ю.Н. Аверкиевой, С.И. Брука, И.К. Рабиновича, С.А. Аругюнова, А.М. Хазанова, А.И. Першица, С.И. Вайнштейна, В.И. Козлова и др. исследователей (533; 532; 530; 529; 248; 347; 346; 349; 350; 348; 570; 78; 85; 83; 86; 499; 128; 127; 580; 582; 579; 578; 373; 374; 375; 526; 528; 136; 54; 51; 52; 135; 130; 132; 131; 478; 95; 99; 100; 94; 565; 454; 148; 147; 149; 296; 298; 297; 269; 369).

Во второй группе исследований, как правило, преобладают работы региональной или отраслевой тематики. В них, с одной стороны исследуются (проецируются) общие положения концепции в преломлении на местном материале, или же посредством изучения местных особенностей хозяйственно-культурной жизни делаются обобщения, позволяющие подкрепить, дополнить, обогатить материалом положения концепции. Именно поэтому, как указывалось, во многих случаях грань между общетеоретическими работами и работами, посвященными отдельным проблемам концепции или разным регионам бывает довольно условной. Поэтому нам остается перечислить некоторые, наиболее специальные из работ, не указанные в первом перечне. Отметим при этом, что в большей степени изучаемыми в отношении ХКТ оказались Северная Азия, Средняя Азия и Казахстан, Прибалтика, — меньше Кавказ. Имеется известная прямая корреляция между степенью изученности ХКТ и составлением региональных историко-этнографических атласов (572; 569; 82; 87; 581; 584; 240; 238; 239; 407; 324; 158; 602; 486; 485; 153; 152; 443; 442; 503).

Значение исследований смежных дисциплин вообще важно для этнографии, для концепции же ХКТ значение некоторых из них представляется очень существенным. География, например, признана отраслью науки, связывающей отрасли наук о природе — с одной стороны, и обществе — с другой. Да и в самом понятии ХКТ экология, природно-географическая среда является одним из главных, определяющих компонентов, фоном и основой ХКТ. С другой стороны, ХКТ глубоко историчны, возникая, развиваясь, исчезая и вновь складываясь с древнейших времен, от начала человеческого общества, они могут быть изучены в своем диалектическом развитии лишь с помощью археологии. Собственно говоря, без географии и археологии не может быть и самих ХКТ, все исследователи прибегают (вынуждены) к географическим (143; 241; 117; 590; 301) и археологическим материалам, методам и аспектам проблемы (429; 391; 393; 462; 463; 357; 497; 546; 522; 548; 551).

Несмотря на то, что благодаря всем этим изысканиям концепция ХКТ получила солидную теоретическую, методологическую и источниковедческую базу, нельзя еще говорить о полной завершенности и отточенности концепции, о единстве взглядов на все аспекты ее теории и практического “наполнения”. В частности, хотя общая формулировка особых возражений не вызывает и лишь слегка уточнялась и дополнялась, однако при ее применении к материалу, определении отдельных ХКТ, степени их градуированности, дробности, количества, соотношения, имея в виду именно хозяйственные типы, имеются существенные разночтения (мы не говорим пока о культурном компоненте ХКТ, о содержании которого еще меньше единодушия и даже мало предложенных версий). Так, например, Н.Н. Чебоксаров и И.А. Чебоксарова, базируясь также на статье М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова, подразделяют ХКТ планеты на три группы, “которые отличаются друг от друга все более и более высокой производительностью труда, а вместе с тем и нарастающей величиной прибавочного продукта” (570, с. 171). Первая группа — ХКТ “с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства”, вторая — ХКТ “мотыжного (ручного) земледелия и животноводства”, третья — “плужного (пашенного) земледелия с использованием тягловой силы домашних животных при сельскохозяйственных работах” (570, с. 171). См. также карту). Отличительная черта первой группы — использование для потребления таких продуктов природы, которые готовы для употребления без предварительного вмешательства человека, т.е. у них т.н. “присваивающее” хозяйство, хотя определенная условность этого термина очевидна почти для всех исследователей, в т.ч. и для авторов (570, с. 171).

Во второй группе основной источник существования — “выращиваемые культурные растения и домашние животные”. У третьей группы — пашенных (плужных) земледельцев — наиболее характерная черта — использование “тягловой силы домашних животных в сельскохозяйственных работах” (570, с. 172).

Первая группа делится авторами на 8 ХКТ, распространенных на территории от жаркого пояса до Арктики, и представляющих собой различные комбинации (до двух) собирателей, охотников и рыболовов (170, с. 174-186). Вторая группа объединяет 9 ХКТ, также от тропиков до тундры, из них в четырех преобладают земледельцы, в двух скотоводы, двух — оленеводы и в одном — скотоводы и земледельцы (179, с. 186-205).

И, наконец, в третьей группе три ХКТ, представляющие пашенных земледельцев трех климатических поясов (170, с. 206-215).

Позднее Б.В. Андрианов и Н.Н. Чебоксаров предложили для XIX-XX вв. более развернутую дробную классификацию, в которую вошли семь групп ХКТ и дополнительно восьмая группа “зон нового времени”. В первую группу и здесь входят ХКТ, основанные на присваивающей экономике, их всего 9. Следующая группа — ХКТ с “производящей экономикой, основанной на ручном труде”, — их всего 11, из них шесть скотоводческих, два — земледельческих с охотой, собирательством и

рыболовством, без скотоводства, или с незначительным скотоводством, три — земледельческо-скотоводческих (86, с. 14. См. также карту). Следующая, третья группа — развитые ХКТ с пашенным земледелием, всего 4. Четвертая группа объединяет скотоводческо-земледельческие ХКТ, всего — 3. В особую (пятую) группу выделяют авторы (и автор карты Б.В. Андрианов) т.н. трансформированные ХКТ, в которых при сохранении основного занятия, определившего лицо ХКТ, происходят в новейшее время большие изменения в сопряженности с другими ХКТ, или с современным интенсивным хозяйством, с соответствующей деформацией и социально-экономической структуры (таких ХКТ — три).

Шестая группа объединяет современные типы хозяйства, которые выделены уже и по пространственному признаку и поэтому названы зонами; их всего четыре. Таким образом, авторы выделяют 30 ХКТ и 4 зоны нового времени (86, с. 15-16. См. также карту).

Определенное несогласие с подобной дробной картиной распространения ХКТ выразил, в частности, Г.Е. Марков. Он замечает, что ХКТ, их классификации разномасштабны (разнообъемны). Сам Г.Е. Марков предлагает упростить крупные группы ХКТ, ближе увязать их с крупными этапами разделения труда и социально-экономического развития и сводит их к пяти группам: 1) "Наиболее примитивный ХКТ" — охота, собирательство (рыболовство) — эпоха дикости; 2) "Сочетание присваивающих видов занятий с ручным земледелием"; 3) "Мотыжное земледелие", животноводство-вспомогательно (народы тропической зоны) — варварство; 4) "Кочевое и полукочевое скотоводство (варварство); 5) "Плужное земледелие" (цивилизация); 6) "Современный аграрно-промышленный комплекс" (375, с. 150). При всей привлекательности такой четко выписанной группировки, следует указать на ее известную неопределенность, "трудновязываемость" с конкретными этапами хозяйственного и социального развития. Например, кочевое и полукочевое скотоводство было не только в эпоху варварства, а плужное земледелие прошло путь от рабовладельческой эпохи до социализма. С другой стороны, целесообразными выглядят крайние группы этой классификации, и особенно введенный автором тип — "аграрно-промышленный комплекс".

Как уже упоминалось, конкретных развернутых разработок ХКТ по отдельным странам, регионам или ИЭО существует очень немного. Если в вышеупомянутых работах А.И. Робакидзе и Д.С. Вардумяна имеются разработки по Грузии, Армении и Кавказу, то по Дагестану по этой части почти ничего не сделано. Правда, в статье Б.В. Андрианова и Н.Н. Чебоксарова, когда говорится о типе пашенных земледельцев горных районов, с "более высоким удельным весом в хозяйстве скотоводства (преимущественно в пастушеской форме) и целым рядом специфических черт материальной культуры, присущей горцам", указывается на его преобладание и у народов Кавказа, и в частности, аварцев (86, с. 15).

Из этой выдержки вытекает, что население горного Дагестана (поскольку у

всех горцев — дагестанцев хозяйство, исключая отдельные небольшие различия — однотипно), относится к пашенным земледельцам, представляющим симбиозное земледельческо-скотоводческое хозяйство, с развитым скотоводством. Несомненно, это одна из самых точных характеристик хозяйственного (и культурного, поскольку многие ее параметры определяются хозяйством и природной средой) типа населения горного Дагестана. Близкую позицию в отношении ХКТ Кавказа занимает и Д.С. Вардумян. В частности, он выделяет "ХКТ плужных земледельцев долинных и предгорных районов умеренной и субтропической зон Кавказа, в сочетании со стойлово-пастбищным скотоводством... в различных вариантах"; затем "ХКТ полуседлых полукочевых скотоводов степных и ряда предгорных районов Кавказа, в сочетании с теми или иными отраслями земледелия"; и "ХКТ кочевых скотоводов степных районов без земледелия" (153, с. 17).

Будет, по-видимому, целесообразным дать предварительную классификацию ХКТ (ареалов) Дагестана, имея в виду главным образом ее рабочие функции и необходимость очерчивания общего фона и проблематики исследования.

Начиная от Прикаспийской низменности, естественной границы Дагестана, мы прежде всего видим кочевников — ногайцев. Особой проблемы в идентификации и выделении их ХКТ не существует: и литература (418, 1, с. 393; 276, с. 122-123) и полевые материалы несомненно свидетельствуют, что ногайцы являлись в XIX в. кочевниками. Поскольку к концу века у них появились некоторые черты оседлости в виде зачатков земледелия и постоянных поселений, справедливо будет в применении к ним говорить и о полукочевниках. По классификации (карте) Б.В. Андрианова это будут, т.о. "кочевники и полукочевники — скотоводы аридной зоны, умеренного пояса, подтип пустынь и степей (26, а)" (86, с. 17). Пространственно он охватит Ногайскую степь с ее кочевым скотоводством и населением. По классификации Д.С. Вардумяна это ХКТ кочевых скотоводов степных районов Кавказа, у которых земледелие вовсе отсутствовало" (153, с. 17).

Ведущее место в хозяйстве ногайцев занимали овцеводство и коневодство; образ жизни кочевой, постоянных поселений не было, жилищем служили переносные разборные (терме) и неразборные (отав) юрты (276, с. 122-123; 185, с. 16-33, 44-50).*

Второй ХКА, который фиксируется в Дагестане XIX в. — это тип пашенных земледельцев равнины (Терско-Сулакская и Приморская низменности) и нижнего предгорья. В классификациях Б.В. Андрианова и Д.С. Вардумяна аналогий этому типу нет. Территория Дагестана располагается в зоне умеренного климатического пояса (218, с. 61), а у Б.В. Андрианова для этого пояса имеются типы пашенных земледельцев только для лесов, лесостепей, тайги и приморских районов (с рыболовным подсобным

* В работе мы не будем рассматривать ХКТ кочевников-ногайцев, т.к. во-первых, они хорошо исследованы в специально посвященной им литературе (см. 373; 374. А также библиографию), и во-вторых, хозяйственный тип ногайцев не был в то время органической составной частью Дагестанской ИКО.

промыслом) (86, Карта). Ближе тип Д.С. Вардуйяна, но у него имеются в виду только долины и предгорья (153, с. 17). Придется, по-видимому, нам, исходя из наших материалов, дать формулировку ХКТ, более приближенного к объективному положению вещей в хозяйстве и культуре Дагестана. Прежде всего нам надо считаться с мнением специалистов — географов — Дагестан это страна с умеренным климатом, даже с суровым в высокогорье и определенным смягчением лишь на самом юге Приморской низменности. Кстати, и на карте Б.В. Андрианова Дагестан входит в пределы умеренного подпояса (по Д.И. Шашко) (590, с. 204) правда, без дополнительного знака о недостаточности увлажнения, характерного для всей его территории, кроме высокогорья: «общая сухость климата» считается специалистами «характерной особенностью» Дагестана (свыше 55% территории получает менее 500 мм осадков, 43% — от 500 до 1000 мм) (218, с. 97-100). Далее, если говорить о ландшафтных особенностях, то на первый план выступает степь, затем лесостепь и в совсем незначительной степени — лес. Фактически его можно исключить, т.к. он относится больше к верхнему предгорью. Таким образом, ХКТ наиболее развитой (в XIX в.) в земледельческом отношении части Дагестана можно сформулировать следующим образом: оседлые пашенные земледельцы умеренного подпояса, подтип степей и лесостепей (близок к 24 а, Б.В. Андрианова). Однако равнинное земледелие Дагестана являлось симбиозным, со значительной ролью скота, особенно рабочего, тяглого, и поэтому здесь будет уместнее говорить об «оседлых земледельцах — скотоводах», и тогда этот тип будет сходен с подтипом 23 а, Б.В. Андрианова (сходен, но не аналогичен, т.к. у Б.В. Андрианова речь идет о земледельцах — скотоводах теплового пояса западного подтипа с развитым огородничеством) (86, Карта).

От хозяйства равнины и нижнего предгорья в определенной степени отличается хозяйство верхнего предгорья. В особенности это касается населения лесных предгорий, на хозяйство и культуру которых лесная зона наложила определенный отпечаток. При этом наблюдается такая закономерность — предгорья, расположенные выше лесного пояса, приобрели хозяйственно-культурный облик горной зоны, а расположенные ниже, в т.ч. превращающиеся в лесостепь леса, примыкают к ХКТ равнинных земледельцев-скотоводов. Непременный признак лесного типа — преобладание, наряду с земледелием, содержания именно КРС, как тяглого, так и молочного. В виду переходного характера этого типа и сравнительно небольшого удельного веса среди ХКТ Дагестана, будет, по-видимому, целесообразно считать лесной тип подвидом предыдущего — оседлых пашенных земледельцев умеренного пояса, но подтип «лесов и лесостепей», т.е. именно тот подтип, который обозначил для небольшой части Дагестана Б.В. Андрианов (24а) (86, Карта).

Следующая зона Дагестана, отличающаяся своеобразием экологии, хозяйства и культуры — внутренний горный Дагестан. Выше мы упоминали, что в статье Б.В. Андрианова и Н.Н. Чебоксарова выделена горная область Кавказа (и в числе населяющих ее — аварцы) как область пашенных земледельцев теплового пояса, со

значительным удельным весом скотоводства (86, с. 15, см. также карту). Однако на карте Б.В. Андрианова этот подтип не обозначен на всем Кавказе (86, Карта). Между тем, развитые традиции земледельческого хозяйства, высокая культура террасного земледелия, глубокие корни земледелия, восходящие здесь к неолиту, дают полные основания говорить о пашенных земледельцах и скотоводах горного Дагестана (309; 310; 313; 173). И отнюдь не случайно Б.В. Андрианов и Н.Н. Чебоксаров назвали аварцев-земледельцев в одном ряду с такими традиционными землепашцами, как таджики или кашмирцы. Следовательно, нужно только переместить их в умеренный подпояс и отразить это на карте. И тогда описываемый ХКТ можно охарактеризовать так: оседлые пашенные земледельцы и скотоводы умеренного пояса, подтип горный. Поскольку горные подтипы умеренного и теплового поясов в силу особенностей горной экологии различаются не очень сильно, следует признать его близким к пашенным земледельцам и скотоводам теплового пояса, подтип горный (23в) (86, Карта).

И, наконец, четвертый ХКТ, фиксируемый в Дагестане в XIX в. приходится на высокогорную зону. В формах скотоводства, которые здесь преобладают, наблюдается значительная подвижность, в т.ч. и части населения, однако это не полукошечники (наличие земледелия, стойлового содержания скота, древние традиции оседлости и постоянные поселения с капитальными жилищами, башнями, крепостями и т.д.) (444, с. 65, 69-70; 437, с. 37-46). По классификации Андрианова-Чебоксарова данный тип как бы конструируется из двух подтипов-кочевников и полукошечников высокогорий и полуседлых и полукочевых скотоводов-земледельцев, подтип горный. Определения «кочевой», «полукочевой» — отбрасываем; затем, поскольку земледелие незначительно и имеет небольшой удельный вес — сохраняем формулировку — «скотоводы — земледельцы». В целом определение этого типа получится таким: ХКТ подвижных скотоводов и земледельцев аридной зоны умеренного пояса, подтип высокогорный (443, с. 22-27).

Таким образом, в Дагестане в XIX в. фиксируется четыре ХКТ, каждый из которых прошел длительную эволюцию от первобытных собирателей и охотников через первичные формы ручного земледелия и примитивного скотоводства до развитых форм террасного земледелия и отгонного и стойлового скотоводства.

Таковы наши некоторые предварительные наброски относительно ХКТ, его содержания, перечня бытующих в Дагестане ХКТ, их взаимоотношений между собой и с ИЭО. Другие вопросы исследуемой проблемы, в частности о соотношении ХКТ и социальных организмов, о соответствии в самом ХКТ экологических, хозяйственных, культурных и социальных факторов и т.д. будет, по нашему мнению целесообразнее рассмотреть в специальной главе, посвященной понятию ХКТ и его основным компонентам (содержанию).

ГЛАВА I.

О ПОНЯТИИ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО ТИПА, ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Во "Введении" мы приводили уже определение ХКТ Левина-Чебоксарова.

Характерно, что уже в самом определении ХКТ заключается его всеохватность (всеобщность), и когда речь идет о ойкумене в целом, или крупных историко-географических провинциях, формула ХКТ служит надежным и точным инструментом хозяйственно-культурной идентификации и классификации. Однако, если взять небольшой регион, географическую область, то хозяйственно-культурная классификация оказывается затруднительной, инструмент формулы оказывается неполным, и дать определение комплексу местных хозяйственных и культурных особенностей не всегда удается.

Такое положение складывается, по-видимому, по той причине, что концепция (и формула) ХКТ оперирует народами (или регионами) в совокупности, и уже в самой конструкции определения предполагает оперирование хозяйственно-культурными комплексами народов, а не народа (этноса, местности, региона). В самом деле, если мы на основе концепции попытаемся выделить ХКТ, например, Дагестана, то окажемся в определенном затруднении: описание исторически сложившихся комплексов особенностей хозяйства и культуры, особенно их выделение, вычленение из общей массы феноменов хозяйства и культуры, фактически превратится в последовательное описание хозяйства и культуры, ибо нет критериев вычленения и классификации. Отсюда и то обстоятельство, что у всех авторов приводимые ими перечни феноменов хозяйства и культуры, составляющие ХКТ, очень подробны, разносоставны и включают большую часть компонентов хозяйства и культуры вообще. Между тем, как известно, чтобы обрисовать комплекс определенных феноменов, необходимо иметь критерий признаков, по-которым этот комплекс характеризуется и вычленяется. Если мы характеризуем, например, систему земледелия, мы исходим из учета способов и методов призванных повысить плодородие почвы, если речь идет о формах скотоводства — способов и методов, призванных обеспечить благоприятные условия кормления и воспроизводства скота; так же происходит при

типологизации любых явлений или компонентов культуры. В нашем же случае подобного критерия нет, конкретная типологизация идет описательно, группирование и классификация производятся посредством последовательного сравнения, уподобления характеризующих хозяйственно-культурных черт уже описанным и поименованным комплексам.

Эта особенность формулировки ХКТ отмечена в довольно резкой, но в общем-то, по-видимому, справедливой характеристике В.П. Алексеева: "Типология ХКТ которую мы имеем до сих пор, очень обща, и... малооперациона, что подразумевает расплывчатость характеристики и неопределенность вкладываемого в нее содержания" (66а, с. 352). Таким образом получается, что ХКТ как бы существуют только во множественном числе, как макросистема и познаются только во множестве, только в сравнении и только описательно.

Разумеется, складыванию подобной "технологии" типологизации ХКТ способствовали объективные обстоятельства. Авторы этой концепции С.П. Толстов, М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров должны были показать единство закономерностей сложения и развития хозяйства и культуры человечества от первобытных охотников и собирателей до современных форм хозяйства и культуры (532; 531; 348; 85; 86; 580). С другой стороны, было создано столько перечней для культурных и хозяйственных комплексов и ареалов (ср. 614), что необходимо было в какой-то мере погасить эту инерцию и сделать шаг к обобщению хозяйственно-культурной картины мира в ее развитии, и объяснить сходство хозяйственно-культурных комплексов в различных частях ойкумены. При такой постановке вопроса основное внимание фокусировалось на конвергентных явлениях культуры в планетарном масштабе, исследование же конкретных хозяйственно-культурных комплексов и ареалов отодвигалось на будущее. К сожалению, в последующем концепция ХКТ интерпретировалась без особых попыток расшифровать (и унифицировать) содержание (перечень компонентов — признаков) комплекса особенностей хозяйства и культуры.

В подобной расшифровке может, видимо, сослужить службу и концепция антропогеоценозов В.П. Алексеева, который не без оснований полагает, что по характеру "взаимодействия хозяйственной деятельности и микросреды антропогеоценозы и сливаются в то, что принимается за хозяйственно-культурный тип" (66а, с. 356). Правда, в антропогеоценозе структурными компонентами которого являются "хозяйственный коллектив как демографическое целое, его производственная деятельность, эксплуатируемая территория", не отражен культурный компонент, но имея в виду их относительную локальность (В.П. Алексеев допускает, например, в Дагестане, даже одноаульные антропогеоценозы) (66а, с. 357) и что они сливаются в ХКТ, можно допустить, что дифференциация по культурным компонентам происходит на следующем иерархическом уровне — в ХКТ. При таком положении в пределах одного региона или области можно было бы наметить такой иерархический ряд в хозяйственно-культурной характеристике: антропогеоценоз — ХКТ (вернее, его

локальное, “местное” отражение, т.е. хозяйственно-культурный ареал — ХКА) историко-культурная область (ИКО).

Как говорилось, инструментом для создания глобальной хозяйственно-культурной картины мира авторам концепции послужила формулировка: ХКТ — это “исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития”. Как видим, эта формулировка концепции ХКТ может служить выявлению общего и особенного в этнографической картине именно мира, ойкумены в целом. Возможно, будет целесообразно наряду со ставшей уже хрестоматийной формулировкой ХКТ Левина-Чебоксарова выработать на ее основе конкретную формулировку, которая могла бы стать инструментом в хозяйственно-культурном описании отдельных регионов, областей, районов.

В этом случае она должна быть конкретизирована по отдельным компонентам ХКТ, но вместе с тем иметь (как инструмент) и глобальный характер. Тогда это будет частное описание, осуществляемое на правилах всеобщности и, следовательно, позволяющее сделать шаг к обобщению как в смысле масштабов (до глобальности), так и типизации.

С учетом сказанного можно предложить следующую формулировку ХКТ “местного значения”, т.е. ХКА — исторически сложившийся комплекс взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, отражающий их состояние в регионе (области, районе) во взаимосвязи с экологией и уровнем экономического и общественно-политического развития, и в частности с общественным разделением труда. Существенной особенностью местного комплекса является его территориальная определенность (привязанность), выраженная ареальность. Практически это реализация на конкретной территории общей формулы ХКТ как динамического стереотипа, т.е. это уже хозяйственно-культурный ареал — ХКА, что отразилось и в предлагаемом определении, являющемся фактически конкретным переложением формулировки Левина-Чебоксарова.

Ареальный комплекс хозяйственно-культурных черт одновременно является и единственным в своем роде феноменом и одним из многих аналогичных, которые могут быть выявлены сходными методами и принципами классификации и типизации в других местах ойкумены. Таким образом, если в общей формулировке мы имеем дело с типологизированным комплексом хозяйственно-культурных черт, обобщением, динамическим стереотипом, служащим для типологизации в глобальном масштабе, то местный тип представляет собой конкретную реализацию этого стереотипа на определенной территории.

В связи с этим есть, по-видимому, смысл, внести определенные терминологические различия в оба эти понятия — общее и частное. Напрашивается решение, что конкретное выражение ХКТ предпочтительно назвать хозяйственно-

культурным ареалом (ХКА), или, в применении к современности, как это сделано некоторыми исследователями, хозяйственно-культурной зоной.*

Поскольку ХКТ — надэтнические комплексы, можно исходить из посылки, что их реализация у определенного народа является результатом того, что этот народ находится на определенной территории, объединенной единством экологии, хозяйства и уровнем общественного развития, и поэтому следует говорить о реализации ХКТ именно на определенной территории, т.е. возможна лишь ареализация ХКТ, но не его этнизация.

Напрашивается вопрос, не надумана ли сама постановка вопроса о ХКА. Думается, что нет, особенно если иметь в виду систематизированное изучение хозяйственно-культурных особенностей небольших регионов. Вводя понятие ХКА мы получаем, во-первых, возможность доказать наличие конвергентности в различных культурах; во-вторых, при изучении нескольких ХКА в рамках одной ИКО подтвердить эту конвергентность на развернутом конкретном материале; в-третьих, мы получаем возможность анализа и выявления в локальной культуре (как в рамках региона, так и в рамках отдельного этноса) различных эколого-хозяйственно-культурных особенностей и традиций как конвергентных, так и специфически этнических. Это представляет одну из интересных сторон исследования культуры. В противном случае этнографическая целесообразность выделения ХКТ была бы невелика.

Хотя основные компоненты ХКТ, казалось бы, достаточно четко обозначены, однако и здесь имеются отдельные моменты, которые требуют дополнительного исследования. При хозяйственно-культурной ареализации в пределах небольших регионов или областей возникает потребность в определенной детализации компонентов, в расшифровке содержания комплекса особенностей хозяйства и культуры.

Правда, основной признак — критерий очевиден и не вызывает никаких сомнений — это тип хозяйственной деятельности. Сформулированный авторами концепции тезис о том, что различия между ХКТ в первую очередь касаются “основных занятий населения” (354, с. 5), был принят всеми исследователями (ср., например, высказывание Г.Е. Маркова: “при выделении ХКТ основное значение имеет хозяйственный компонент” (372, с. 23). “Ведущая форма хозяйственной деятельности” составляет основу ХКТ еще потому, что определяет “особенности культуры” (348, с.6)*, а также “в значительной степени определяла важнейшие этнографические параметры образа жизни, которые могут быть сведены к следующим дефинициям: оседлый, полуседлый, полукочевой, кочевой и бродячий (86, с. 8).

Эти параметры образа жизни подсказывают нам, что форма хозяйственной деятельности, являющаяся определяющей основой ХКТ, представляет собой композицию типа земледелия, включая основное обрабатывающее орудие, (иногда с учетом и системы земледелия) и формы скотоводства. Другие признаки хозяйства (или занятий населения)

* Насколько нам известно, впервые этот термин в применении к ХКТ был применен С.П. Толстовым (354, с. 8).

* Ср. об этом же у Б.В. Андрианова — “направление хозяйства и географическая среда в значительной степени определяли особенности материальной культуры” (85, с. 23).

вряд ли есть смысл вводить, следуя справедливому предостережению Г.Е. Маркова, который пишет, что "существует довольно ограниченное число хозяйств, позволяющее создать четкую классификацию (372, с. 23). С ним солидарны и другие исследователи. Например, С.А. Арутюнов и А.М. Хазанов считают, что ХКТ являются крупными реалиями, отражающими ведущие и основные направления производства и хозяйства, поэтому абсолютизирование побочных и мелкоаспектных сторон хозяйства в качестве основы выделения мелких ХКТ не перспективно (94, с. 143). Можно, по-видимому, принимать во внимание и иногда использовать для уточнения разграничения еще два дополнительных показателя: орошение (иригация) и садоводство с виноградарством. Эти уточняющие признаки могут быть весьма плодотворными, например, при классификации близких по сущности (т.е. однотипных по основному показателю, хозяйственному типу), но различающихся по второстепенным признакам ХКА. Например, тип пашенных земледельцев равнинного и горного Дагестана XIX в. различался по наличию иригации, а горно-долинный приобрел своеобразие именно в силу наличия орошения и садоводства. В классификации Б.В. Андрианова и Н.Н. Чебоксарова для рубежа XIX-XX вв., самая подробная и разработанная из известных нам, ХКТ с пашенным земледелием и скотоводческо-земледельческие ХКТ классифицированы именно с помощью основных и дополнительных критериев. Например, пашенные (тип земледелия) земледельцы с переложным (система земледелия), орошаемым и неорошаемым (иригация) земледелием: в другом садоводство и огородничество, с указанием "и скотоводства". (86, с. 15-16. См. также карту).

После того как классифицирована отрасль хозяйства (одна, преобладающая, равные по удельному весу), определяющая содержание ХКТ и дающая ему название, и сформулирована характеристика образа жизни, связанная с ними, наступает очередь ландшафтно-климатической и зонально (поясно)-климатической характеристики, которая нередко выступает в качестве дифференцирующего критерия. Например, Б.В. Андрианов разграничивает тип пашенных земледельцев и скотоводов теплого пояса и умеренного пояса, кочевников и полукочевников-скотоводов аридной зоны жаркого и теплого, в умеренного поясов и т.д. (86, с. 15-16. Карта).

В нашем случае речь может идти не о поясах, а зонах (высотных природно-географических), однако здесь и этот критерий имеет немаловажное значение — характер каждой из основных отраслей хозяйства и ее удельный вес, а значит и соответствующие элементы культуры меняются от равнины через предгорье, горы, горные долины до высокогорья.*

* Ср. об этом у Г.С. Читая относительно Грузии: он называет основой естественно-исторического деления Грузии вертикальную зональность: низменность, равнина, предгорье, высокогорье. И далее, "Сообразно естественно-историческим областям выработались и хозяйственно-исторические области, с присущей им хозяйственной спецификой (586, с. 3).

Например, горные долины в Дагестане выделяются именно в силу отчетливого своеобразия долинных климато-географических условий (резко выраженная сухость и необходимость орошения при наличии речных систем, аллювиальные почвы внизу и скалистые склоны, требующие террасирования, по склонам гор). Свообразие высокогорья также не требует особых доказательств — суровый климат, ограниченность годных для обработки участков, обилие горных летних пастбищ, способствующее преимущественному росту (развитию) скотоводства.

Необходимо отметить еще одну сторону хозяйственного типа как основного структурообразующего компонента ХКТ — необходимость выявления главной (определяющей) отрасли хозяйства. При любых сочетаниях отраслей, любой комплексности хозяйства, даже в тех случаях, когда отрасли трудно разграничить по удельному весу, всегда можно найти дополнительные критерии, позволяющие выявить определяющую, ведущую отрасль. "Обычно одна из отраслей хозяйства является ведущей, господствующей. Именно она обуславливает характер хозяйства социального организма в целом." (500, с. 52), отмечает Ю.И. Семенов. Так, например, в равнинном ХКА пашенных земледельцев-скотоводов определяющей отраслью является земледелие, скотоводство же, являясь составной симбиозной отраслью хозяйства, имеет относительно подсобный характер, что отражено и в наименовании ХКА. Напротив, в высокогорном Дагестане определяющей отраслью является скотоводство, земледелие же, сосуществуя рядом с ним, симбиозным или подсобным не является, и поэтому ХКА именуется типом подвижных скотоводов и земледельцев.

Остается еще одна отрасль хозяйства, которая имеет непосредственное отношение к ХКТ — это промыслы, причем нескольких видов: сельскохозяйственные или хозяйственно-отраслевые (охота, рыболовство, пушной промысел), домашние художественные (изготовление орудий, оружия, тканей, ковров и т.п.) и отхожие (промысловый отход, земледельческий, ремесленный, промышленный).

В описании ХКТ Дагестана промыслы должны занять подобающее им место в качестве типодифференцирующих критериев. В особенности это касается домашних художественных промыслов и отходничества. Любой из них является довольно точным разделительным признаком в применении ко всем зональным хозяйственным типам, если и не по наличию или отсутствию, то по удельному весу очень отчетливо. Равнина, например, характеризовалась слабым развитием домашних промыслов и почти полным отсутствием отхожего промысла (до развития капиталистического хозяйства); предгорная — наибольшим развитием промыслов, связанных с обработкой дерева; горная — сильным развитием многих домашних промыслов и отходничества, высокогорная — повсеместностью хозяйственного отхожего промысла.

Таким образом, для выявления определенного ХКА и соответствующего привязывания его к генеральной типологической классификации ХКТ, необходимо прежде всего выявить особенности хозяйства, которые заключаются, как мы видели, в следующем: тип земледелия (иногда с учетом системы земледелия), с добавлением

дополнительных показателей ирригации и садоводства (с виноградарством), форма скотоводства, промыслы.

Составление подобного рабочего перечня критериев определения хозяйственного типа позволяет провести работу по выявлению и сведению в типологический ряд особенностей хозяйства и характеристике ХКА определенного региона, не оглядываясь на возможные параллели и аналогии в других регионах и областях. Определив местные ХКА можно затем, сгруппировать их, поместить в общую классификацию ХКТ, проследить общие и своеобразные черты, историю сложения и закономерности развития.

Однако, для более широких сравнительных типологических построений и обобщений требуется большая наполненность ХКТ, обрастание его структурой плотью культурных компонентов. Иначе сама постановка вопроса о ХКТ и их исследование только на уровне хозяйственных типов сведется к описанию и констатации факта связанности хозяйства с экологической средой и уровнем социально-экономического развития, но мало что дадут для выяснения культурного многообразия и параллелей, соотношения факторов хозяйственного, экологического, этнического, культурного и т.д. Связана с этими вопросами и проблема ИКО, ее соотношений с экологической хозяйственной средой, с ХКА.

Принципиальное отношение к этому — хозяйственный тип, или хозяйственно-культурный, выражено было основоположниками концепции, которые подчеркивали именно ХКТ, а не просто хозяйственный (348, с. 4). Это второй, бесспорно признаваемый компонент (и критерий дифференциации) ХКТ, хотя они констатируют, что особенности культуры, характерные для каждого типа определяются направлением хозяйства в данных географических условиях (348, с. 6). Еще более категорично Н.Н. Чебоксаров высказывался по этому поводу в соавторстве с Б.В. Андриановым: “Следует напомнить, что речь идет о хозяйственно-культурных, а не просто о хозяйственных типах, хотя единство типа структурно определяется ведущей отраслью хозяйства представляющей всегда одну из главных сторон общественного разделения труда (86, с. 8).

Правда, в самом понимании и оценке культурного компонента, дифференцирующей роли различных элементов культуры, и т.о. наполненности состава самого компонента, степени определяемости культуры хозяйственно-экологическими, или этническими, или социальными факторами и т.п. имеются определенные разночтения. Принимая положение о том, что ХКТ независимы от языковых, этнических и антропологических общностей, а также от ИЭО (348, с. 16-17), что именно хозяйство является главным, определяющим компонентом ХКТ, обеспечивающим надлежащий таксономический уровень, точность и идентичность классификации, исследователи уделили меньше внимания культурному компоненту. Наиболее четко сформулировал принцип учета в ХКТ культурного компонента Г.Е. Марков, принцип, который практически исповедуется всеми, но сформулировал

именно он, - создавать классификацию ХКТ на хозяйственном признаке, “учитывая как описательный признак культуру” (372, с. 24). Думается, это единственно правильное решение “утилизации” культурного компонента для дифференциации и классификации ХКТ.

В процессе такого описания могут, по-видимому, обнаружиться возможности классификации из заданных, уже сформулированных критериев — культурных феноменов, и тогда можно будет попытаться ввести в “обойму” критериев по дифференциации ХКТ и культурные феномены, или целые их комплексы. Это тем более вероятно по той причине, что в этнографической действительности совсем нередки ситуации, когда сложившаяся на базе двух факторов (“уровень социально-экономического развития и характер среды обитания”) хозяйственная система в результате длительной стабильности социально-экономической жизни и природной среды “превращается в устойчивую традицию и приобретает как бы силу инерции” (127, с. 250). Это способствует своего рода “культуризации” хозяйственного типа, приобретению им некоторых черт традиционного культурного феномена.

Таким образом, мы подошли к вопросу о степени этничности ХКТ, их этнизации. С одной стороны имеется четко сформулированное, установившееся и признанное положение — ХКТ надэтничны, хозяйственный тип определяется средой и уровнем социально-экономического развития, основные формы материальной культуры определяются не столько границами этносов, сколько границами ХКТ. С другой — инерция хозяйственных традиций и вариабельность элементов ХКТ, вызванная культурными традициями этнических общностей. Особого противоречия здесь не должно быть, требуется лишь диалектический, дифференцированный подход: есть основное положение: ХКТ надэтничны, есть частные исключения из него, которые как всякие исключения выявляются лишь в процессе исследования, применения общего положения и подтверждают правило. Если, например, попытаться проследить как происходило сложение и развитие определенного, регионального ХКТ то может оказаться, что он из надэтнического элемента (например ХКТ кочевников-скотоводов) превратился со временем в ХКТ, свойственный определенному этносу. Так, произошло, например, с кочевниками-ногайцами, продвинувшимися в Прикаспийскую низменность и ставшими соседями оседлых народов — земледельцев. Это — социально-бытовой организм ногайцев, ногайского этноса, это одновременно ХКТ кочевников-скотоводов. Рядом с ними, например, кумыки-земледельцы. Ситуация: соседствуют ногаец-кочевник, кумык-земледелец, хозяйственно-культурному размежеванию сопутствует этническое различие. Наибольшее внимание этому вопросу уделил Я.В. Чеснов, которому удалось показать правомочность постановки вопроса об “этнической специфике ХКТ” (578). Однако, следует помнить, что ХКТ определяется направлением хозяйства и географической средой (М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров), что единство его “структурно определяется ведущей отраслью хозяйства” (Б.В. Андрианов, Н.Н. Чебоксаров) (348, с. 4; 86, с. 8), что “при выделении хозяйственно-

культурных типов основное значение имеет хозяйственный компонент” (372, с. 23). В этой связи можно вспомнить об аварцах Дагестана, этническое единство которых сложилось задолго до XIX в. и имевших в XIX в. несколько ХКА (горный земледельческий, долинный земледельческо-садоводческо-скотоводческий, высокогорный скотоводческо-земледельческий) с соответствующими культурными компонентами.

Интересно привести по этому поводу мнение известного кавказоведа А.И. Робакидзе. Он пишет о собственной схеме хозяйственно-культурных районов Грузии, что “ни по уровню развития элементов культуры и быта, ни по разнообразию их форм приведенная нами схема не укладывается в рамки племенного деления, она покоится на общностях принципиально иного типа” (485, с. 29). Примерно так же высказываются и археологи. Так, например, А.А. Формозов замечает, что сходство культуры это еще не единство этноса, в то же время и ряд различий “не имеет отношения к различиям этнического порядка” (552, с. 12, Ср. 94, с. 141-142).

Признаем однако, что хозяйственно-культурный комплекс является одновременно составной частью культуры определенного этноса, и как таковая может оказаться и традиционно-бытовой и этнически окрашенной. Поэтому ХКТ должны изучаться и на уровне этносов, и соотношение хозяйственно-культурного и этнического представляет одну из интереснейших сторон исследования ХКТ. В противном случае этнографическая целесообразность выделения ХКТ, полезность, продуктивность для этнографии как отрасли исторической науки была бы невелика. Не случайно С.И. Брук назвал классификацию по ХКТ и ИЭО “классификацией народов по принципу их культурной близости” (134, с. 44).

Думается, что этнодифференцирующая и этноинтегрирующая роль ХКТ будет намного ощутимее и продуктивнее, если в конкретных случаях рассматривать их на фоне ИЭО, в их взаимной сопряженности. Изучение ХКТ в пределах ИЭО, представляющих собой конкретные территориальные образования с границами, опосредствованными социально-политическими и культурными факторами, и образующих “историко-культурную среду для развития ХКТ”, территориально отграничивает совокупность ХКТ, сложившихся на основе экономических связей в результате “разделения труда у обществ, находящихся в различных ландшафтно-климатических условиях” (580, с. 15, 24-25; 582, с. 78) и дает возможность комплексного исследования ХКТ, с учетом аспектов хозяйственного, культурного, этнического, политического, социального.

Изучение в сопряжении с ИЭО (ИКО) делает более эффективным исследование культурного компонента ХКТ. Так, в пределах ИЭО появляется возможность рассмотрения проблемы с точки зрения знаковых показателей (марок), которые могут быть и этнознаковыми и хозяйственнознаковыми, культурнознаковыми, социальнознаковыми и т.д. (583, с. 70-71). Наложение или сопряжение знаков (марок) разных аспектов, например, этнических и хозяйственно-культурных, при исследовании

культурного компонента ХКТ несомненно поможет в разграничении и выяснении и этнодифференцирующей и этноинтегрирующей роли хозяйственно-культурных элементов, поможет выяснению, выявлению хозяйственно-культурных конвергентно-приспособительных (к экологии, хозяйству) и этнокультурных (культурно-традиционных) компонентов культуры этноса. Например, в условиях дагестанской ИЭО и соседствующих ХКТ и этносов, будет представлять немалый интерес вопрос о соотношении зонально-хозяйственного и традиционно-этнического в распространении основного обрабатывающего земледельческого орудия — оборотного равнинного плуга и горского полозного рала.

Теперь остановимся конкретно на вопросе о культурных компонентах (составляющих) ХКТ.

Выше мы указывали, что в имеющихся разработках и классификациях ХКТ являются больше хозяйственными типами, чем хозяйственно-культурными. Культурный компонент в них почти не представлен, за редкими исключениями. В частности, один из представляемых компонентов — орудие обработки земли, и то больше как основное хозяйственное орудие, а не как компонент культуры.

Разумеется, и хозяйство (особенно хозяйственные орудия, земледельческие культуры и т.п.) является элементом культуры, но если эта оговорка указывала бы какой-то выход из положения, тогда ХКТ следовало бы просто назвать культурным типом.

Конечно, первое побуждение, и небезосновательное, ввести в понятие ХКТ те культурные феномены, которые в наибольшей степени связаны с хозяйством, занятиями, производством, т.е. входящие по классификации культуры Ю.И. Мкртумяна в производственную сферу (производство и воспроизводство материальных благ, орудий и средств производства (404, с. 42-46), т.е. принять за основу выделения ХКТ “общность и специфику хозяйственно-производительной деятельности, находящую отражение в сфере материальной культуры, в том числе в наборе орудий труда, бытовых предметов, форме жилища и т.д. (94, с. 143) (с включением, таким образом, и жизнеобеспечивающей сферы культуры). На первый план выдвигаются те элементы культуры (прежде всего материальной), которые в наибольшей степени сопряжены с экологией, хозяйственной деятельностью, отражают специфику ее типа, форм хозяйства, являясь одновременно и компонентами хозяйства. Сопряженность здесь оказывается многоплановой, что делает эти элементы продуктивными в дифференцирующем плане. Так через хозяйство эти элементы сопрягаются (взаимодействуют) с экологической средой, в таком же взаимодействии находится с природой само хозяйство (вспомним: древнейшие ХКТ “формировались как экологическо-хозяйственные группы (393, с. 18), географическая среда подвергается воздействию хозяйства и культуры, все они подвержены процессам социально-экономического и политического развития, и, наконец, многие процессы и явления в их взаимодействии приобретают силу инерции, культурной и этнической традиции,

которая также вместе с экологией и хозяйством становится продуцирующей силой в образовании (сложении) ХКТ.

Таким образом, после особенностей хозяйства, которые идут на первом месте в раскрытии содержания понятия ХКТ, можно, по-видимому, включить основные орудия труда, наиболее характерные, специфические для данного ХКТ, дополняющие характеристику основного аспекта хозяйственной деятельности, или раскрывающие ее дополнительные стороны. Поскольку они дополняют хозяйственно-производственную характеристику ХКТ, следует учитывать и их функционально-технологические особенности. Так, например, ясно, что палка, мотыга и плуг по-разному обрабатывают почву, поэтому орудия входят в определения ХКТ еще на уровне характеристики хозяйственного компонента (мотыжные или плужные земледельцы). Но, например, вспахивающее орудие — орудие рознь. Есть оборотный плуг, переворачивающий пласт, есть орудие бороздяще-отваливающего типа с почти вертикальной (под углом) рабочей частью (соха); и есть взрывающе (чиркающе) — полудотваливающее, с почти горизонтальной рабочей частью — пятой (полозом) — рало. Применение любого из этих орудий свойственно ХКТ, выделяемому под названием «пашенные земледельцы», и в то же время каждый из них отражает не только технологию, он характеризует уровень развития земледелия, его технической оснащенности, симбиозности со скотоводством (КРС); характер почв, климатические особенности (необходимость глубокого заделывания семян) и, конечно, инерцию этнокультурных традиций. Следовательно, основное пахотное орудие может быть использовано в качестве дифференцирующего критерия многопланово, и должно быть введено в критериум понятия ХКТ. Дополнительным признаком служит борона, в условиях Дагестана являющаяся результативным дифференцирующим показателем, по той причине, что тип пахотного орудия во многом определяет и наличие (или отсутствие), бороны и боронования (например, при вспашке ралом тяжелый полоз выполняет и функции боронования).

В орудиях уборки одним из четких показателей является наличие или отсутствие косы, употребление ее для уборки хлеба, а также, наличие женских орудий уборки сена, сочетающих функционально-технологические свойства косы и серпа одновременно (косовидный серп или одноручная коса). Для горных районов показательна двухпозиционная коса, незаменимая на сенокосах, находящихся на разных горных неудобьях.

Из орудий обмолота и в самой его технологии следует выявлять наличие вытаптывания скотом, обмолота палками, цепями, катком и особенно молотильной доской, что характеризует и особенности животноводческой кормовой базы и удобрений (мякина вместо соломы).

Во всех известных нам перечнях культурных компонентов ХКТ орудия труда занимают место следующее за самим типом хозяйства, поскольку они образуют с ним единое целое. Дальше уже начинаются различия. Например, в перечнях Линь-

Яо-Хуа-Чебоксарова (354, с. 5) и Чебоксарова-Чебоксаровой (570, с. 170) вслед за орудиями труда идет пища, а у А.И. Робакидзе — хлебопекарная печь. (486, с. 60-61). Однако нам представляется, что по всем параметрам, в т.ч. и по близости и сочлененности с хозяйством, следующим дифференцирующим признаком должен быть транспорт, грузовые перевозки. На первый план здесь выступает вопрос о наличии и удельном весе гужевого колесного транспорта, полозных средств транспортировки, о роли в них лошади и КРС, о удельном весе вьючных перевозок, роли в перевозках осли, о степени использования различных животных в качестве верховых, наличии ручной транспортировки и т.д.

Исследователи, включившие пищу в перечень сразу вслед за хозяйством не так уж непоследовательны: если транспорт составляет с хозяйством единый технологический, производственный организм, пища представляет собой как-бы отражение, преломление сущности хозяйства. Большинство исследователей считают пищу одной «из наиболее тесно связанных с природными и хозяйственными условиями областей бытовой культуры» (166, с. 80). Систему питания, как «связанную с производственными и жизнеобеспечивающими подсистемами культуры» считают «составным элементом более сложного комплекса, а именно хозяйственно-культурного типа» С.А. Арутюнов и Ю.И. Мкртумян (97, с. 13). Продуктивной является мысль названных авторов о необходимости «построения типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов, как в рамках конвергентных, так и родственных ХКТ» с учетом «и структурных, и генетических параметров» (97, с. 13).

Весьма продуктивным является сформулированное авторами для армянской системы питания положение о трех ее существенных пластах: 1) связанный с ведущим ХКТ; 2) субстратный («связанный с пережитками ХКТ, основанного на собирательстве, охоте и рыболовстве»; 3) адстратно-суперстратный (отражение формирования ИЭО, т.е. связанный с развитием «межэтнических контактов и культурных заимствований») (97, с. 15). Советские исследователи отмечают и другое свойство народной пищи — «ярко выраженную этническую специфику» (93, с. 191), свойство, которое она сохранила в наибольшей степени из всех хозяйственно-культурных компонентов. Все эти моменты необходимо учитывать при рассмотрении пищи в качестве культурного компонента ХКТ. Естественно, что она отразит и историческую этапность развития производящего хозяйства и элементы — остатки (пережитки) предшествующих ХКТ, и особенно, культурную и этническую традицию.

При учете дифференцирующих свойств пищи на первый план выступает животный или растительный характер ее происхождения. В первом немалое значение имеет преобладание вида животного, ибо в большинстве случаев преобладание пищи, связанной с продукцией КРС указывает на симбиозность скотоводства с земледелием, преобладание же пищи из продуктов овцеводства — свидетельствует о значительной роли и большом удельном весе скотоводства, и особенно овцеводства. Разумеется, в подобных случаях не нужно забывать и пережиточных, инерционных моментов, при

которых пища отражает или давно пройденный, не существующий тип хозяйственного развития, или же этнокультурные и хозяйственные контакты и связи.

В растительной пище градации могут быть по наличию и удельному весу пищи из злаковых (зерно, бобы), клубневых, овощных, бахчевых, фруктовых. Даже если некоторые из этих видов растительных не составляют заметного удельного веса в пище, само наличие некоторых из них (напр., овощей), является важным признаком пищевого культуры.

Все исследователи, приводившие перечень описательных признаков культурных компонентов ХКТ немалое место отводят и жилищу. В перечне Линь Яо-Хуа и Чебоксарова, и Чебоксарова-Чебоксаровой она идет сразу за пищей, у А.И. Робакидзе — позже. Зато у последнего жилище названо «важнейшим ингредиентом данного ХКТ» (горного), а поселение стоит в перечне на первом месте даже впереди хозяйственного типа (354, с. 5; 570, с. 170; 486, с. 60-61).

Первое различие поселения и жилища связано с особенностями образа жизни: временные поселения (стойбища) кочевников с юртами (кибитками) и оседлые поселения пашенных земледельцев и оседлых скотоводов с капитальными жилищами. В оседлых поселениях отличается тип заселения (расселение на местности, ландшафте), планировка (напр., в равнинном и горном). В жилище очень много признаков, которые могут стать дифференцирующими, это — соотношение жилого и хозяйственного комплексов, удельный вес животноводческих помещений, вертикальная планировка, материал строительства, форма перекрытия, средства отопления и др. Нетрудно заметить, что любой из этих признаков может сыграть роль дифференцирующего критерия для природно-хозяйственных зон (или ХКА) Дагестана.

Еще один компонент культуры, который приводится в качестве дифференцирующего признака, это домашняя утварь, ее «наиболее отличающиеся предметы» (486, с. 60-61). Предметов утвари очень много и поэтому было бы целесообразно пытаться установить их определенный перечень вне конкретных ХКТ. Большое значение имеет здесь само бытование определенного предмета, «встречаемость» его. В этом плане можно вспомнить громоздкие вместительные лари — цагуры (уси) центрального внутреннего горного Дагестана. Один этот предмет заставляет задуматься наблюдателя, воочию видящего хозяйственный тип с недостатком зерна и тут-же, сплошь и рядом вместительные, большей частью незаполненные зерновые лари.

Значительной разграничительной ролью обладает посуда, разная кухонная утварь. Обилие керамической и тяжелой медной посуды — верный признак оседлого земледельческого (земледельческо-скотоводческого) хозяйства, в то время как кожаные и шерстяные емкости, занимающие значительное место в хозяйственном и домашнем быте — очевидный признак того, что скотоводство является важной отраслью наблюдаемого хозяйства.

Из других компонентов, называемых почти всеми исследователями, назовем еще одежду. Вообще-то одежда такой элемент культуры, в котором инерция этнической традиции бывает сильнее, ярче выраженнее, и поэтому она больше служит этнодифференцирующим показателем. Всем известен пример головных уборов дагестанских женщин, отличавшимся «оригинальностью и исключительным разнообразием, отражавшим этническую принадлежность, возрастные, социальные различия» (186, с. 92). О головных уборах аварских женщин, например, исследователи говорят, что каждое общество «имело свой тип головного убора», и что «по форме головного убора аварцы безошибочно определяли принадлежность его носительницы к тому или иному обществу» (423, с. 19).

Однако в некоторых отношениях и одежда дает немалый хозяйственно-культурный дифференцирующий результат. На особое значение в «прослеживании границ распространения ХКТ» жилища и одежды обращает внимание Д.С. Вардумян (154, с. 3).

Например, большая, до земли, тяжелая овчинная шуба дагестанских горцев имела вполне практическое природно-хозяйственное зональное объяснение: больше свободного времени зимой, мужские посиделки на годеканах, возможные только в шубе. В бедных семьях с небольшими домами старики нередко и в холода оставались на ночь в мечети или на годекане, завернувшись в шубу. Мало топлива, дома не обогревались, шубы служили и печкой, и одеждой, и матрацем, и одеялом. Этим предпосылок и обстоятельств не было на равнине, поэтому там шубы были легкие, приталенные, выполняющие роль только и именно одежды, не мешающие и в работе. Или, например, на равнине, где не было крутых каменистых улочек, неудобных для хождения, были в ходу т.н. «башмаки», обувь типа «сабо», выполняющая роль калош. Объяснение — в отличие от горной части, зимнее ненастье, грязь. Или — именно с равнины получили распространение сапоги-ноговицы с кожаными калошами.

В перечне А.И. Робакидзе указан еще целый ряд компонентов — признаков, из которых можно выделить хлебопекарную печь, мельницы, напитки. Центральный нагорный Дагестан, например, поражает обилием мельниц, хотя своего зерна здесь было совсем немного. Но это, как и многочисленные заброшенные террасы — следы былого, и поэтому можно сказать, что мельницы (опять таки как и террасы, лари и т.п.) служат показателем развитых земледельческих традиций.

Хлебопекарная печь, напротив, отражает, не только историческую хозяйственную традицию, но и современное состояние хлебопекарного (а следовательно, и зернопроизводящего) дела. В особенности показательно в этом отношении наличие общественных печей ежедневного пользования, что было особенно свойственно для равнинного земледельческого населения. В высокогорной же части, у скотоводов-земледельцев также наблюдалось бытование общественных печей, но эпизодического использования, в связи с каким-либо ритуальными трапезами (свадьба, поминки и т.п.).

Довольно отчетливым разделительным признаком можно считать и традиции изготовления и потребления напитков. Кочевники-скотоводы пользуются исключительно напитками (алкогольными, безалкогольными и малоалкогольными) животноводческого происхождения.

А у пашенных земледельцев почти повсюду напитки — хлебные. В некоторых высокогорных областях — медовые. Интересно отметить, что в Дагестане, даже в высокогорье, в регионе преобладания скотоводства, не сложилась традиция изготовления напитков из продуктов животноводства.

Остается сказать несколько слов о компонентах духовной культуры. Эта сторона вопроса затрагивалась исследователями в меньшей степени. Сыграла роль инерция — ХКТ определяется главной отраслью хозяйства (580, с. 23), а она и географическая среда в основном определяют особенности материальной культуры (85, с. 23) — поэтому внимание оказалось сосредоточенным на хозяйстве, связанных с ним орудиях труда, соотносимых с ним и экологией элементов материальной культуры.

Правда, основоположники концепции М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров указали, что различия между ХКТ проявляются в области духовной культуры, причем и это проявление определяется уровнем развития производительных сил, “направлением хозяйства” (348, с. 10). В качестве примеров авторы приводят “образы культурных героев”, “пантеон духов, представления о загробной жизни, космогонические мифы и т.д.” (348, с. 10). Различия по этим аспектам не могут быть одинаковыми, например, у кочевых скотоводов и пашенных земледельцев и др., у которых естественно, складывался свой хозяйственный календарь, свои покровители, божества и соответствующие магические обряды, ритуалы и художественные представления, культурные герои и т.д. С другой, например, стороны у пашенных земледельцев долины Нила, весь земледельческий цикл которых зависел от разливов Нила, и пашенных богарных земледельцев нагорий Передней Азии или Кавказа, несмотря на однотипность основной отрасли хозяйства, по разному сложился весь цикл и особенности хозяйства, производственный быт, идеологические, в т.ч. религиозные представления, народный календарь, обрядность, праздники и т.п. В этом плане в условиях Дагестана довольно продуктивную роль может сыграть обряд первой борозды, дающий возможность проследить закономерности зонального, конвергентного и субстратного историко-генетического характера.

Рассмотрение этих компонентов культуры как последовательно, так и в совокупности приводит нас к выводу, что создание универсального критерия (“обоймы” признаков) представляет собой практически невозможную и, по-видимому, неосуществимую, да и нецелесообразную задачу.

Только этим можно объяснить относительную громоздкость и бессистемность перечней критериев в имеющихся исследованиях. Трудность прежде всего связана с тем, что во-первых, ХКТ — историческая категория, и набор культурных элементов (или один из них), имеющий дифференцирующую силу и значение на одном

историческом этапе, может потерять эти свойства на другом.

Во-вторых, в разных комплексах, составляющих одноименные ХКТ, нередко представлены разные перечни объективно существующих элементов культуры, могущих стать дифференцирующими компонентами и поэтому составить для них единый дифференцирующий критерий будет затруднительно.

В-третьих, и при наличии одних и тех же компонентов культуры (одинаковых перечнях) в одноименных ХКТ, отдельные из них обладают разной степенью дифференцирующей роли в разных ХКТ ввиду разной степени культурной значимости, весомости и соответственно презентативности и фиксируемости (“уловимости”) в этих ХКТ.

В силу этих обстоятельств установить твердый перечень-критериум культурных компонентов ХКТ оказалось невозможным. Однако, отмечая невозможность (и нецелесообразность) установления универсального твердого перечня критериев культурных компонентов ХКТ, вместе с тем следует, по-видимому признать, что для практического облегчения описания можно наметить примерный круг компонентов и их комплексов, которые могут быть дифференцирующими признаками-критериями для ХКТ, (особенно для ХКА). Исходя из наших разработок в этот критериум можно внести: в хозяйственном типе — особенности хозяйства — тип земледелия, иногда с учетом и системы земледелия, с дополнительными признаками — ирригация, садоводство и виноградарство; форма скотоводства; промыслы, в т.ч. домашние.

В культурном компоненте ХКТ — орудия труда, транспортные средства, пища, поселение и жилище, домашняя утварь, одежда, хлебопекарные устройства, мельницы, напитки (их можно сгруппировать вместе с пищей); духовная культура (обычаи и обряды, особенности народного изобразительного искусства, верований, культов и фольклора, отражающие формы труда и быта).

Еще один напрашивающийся вывод — исследование ХКТ должно проводиться в рамках и сопряжении с ИЭО (ИКО), в которую входит данный ХКТ. При совпадении изучаемого региона или страны и ИЭО (или с историко-культурной подобластью) ХКТ следует изучать в связи и с непосредственной политической историей и общественным бытом (и строем) страны (народа).

Таким образом, изучение ХКТ, которые сами по себе не являются ни этническими ни политическими реалиями, требует совокупного исследования их на фоне ИЭО и политико-экономических регионов. И в подобном подходе к изучению оказывается необходимым и результативным ареальное раскрытие ХКТ, что позволяет конкретизировать сопряженность ХКТ и ИЭО. В этой связи вспомним положение Ю.В. Бромлея о “систематизирующей роли и типов традиционного хозяйства — в таком случае мы будем иметь хозяйственно-культурные ареалы”, представляющие собой “конкретное выражение того или иного” ХКТ, и являющиеся разновидностями историко-культурных ареалов. Подобные ареалы выступают как бы компонентами более широких — традиционно-культурных (историко-этнографических) общностей.

Если последние можно назвать “многофакторными” общностями, то хозяйственно-культурные ареалы выступают как “однофакторные” (скажем, такими как с системообразующим языком, религией и т.п.) (127, с. 50). Но оба вида ареалов однотипны в том отношении, что являются историческими категориями, разновидностями культурных ареалов, представляющими межэтнические комплексы (128, с. 18, 268).

Этнографы — кавказоведы одними из первых стали разрабатывать ХКТ в переложении на ареалы и в сопряжении и на фоне ИЭО. Так, например, А.И. Робакидзе выделил в Грузии три ХКТ на основании очень обширного перечня хозяйственных и культурных компонентов, но персонифицировал их не как конкретные ХКТ (хотя он говорит и о них), а как “районы, отличающиеся различными хозяйственно-культурными чертами”: западная Грузия (колхидская низменность), восточно-грузинская равнина, горная Грузия (486, с. 60-61; 485, с. 29).

На целесообразность разработки и исследования ХКТ на фоне ИЭО (способствовавшей контактам и взаимообогащению ХКТ) “т.к. своеобразие культурных явлений находит объяснение именно в этих двух параметрах рассмотрения”, указывает и Д.С. Вардунян (153, с. 16, 17). В этом плане и Дагестан вполне может считаться историко-этнографической областью или подобластью. Его можно считать таксономической единицей, объединяющей географическую провинцию, ограниченную природными рубежами и культурной и политической историей, составившую в результате совокупного исторического развития его народов и регионов одну ИЭО, в рамках которой сложились в процессе общественного разделения труда несколько взаимодействующих и сочлененных ХКА.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА II

ОЧЕРК ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ДАГЕСТАНА

Любая проблема, связанная с историей хозяйства, будь это скотоводство, земледелие, в целом ХКТ требует увязки с вопросом о природно-географических условиях. Конечно, человек — существо общественное, он и творец и раб общества, которое развивается по законам развития именно общества, а не природы. Но одновременно человек сложился в природе и в своей деятельности по обеспечению личных физиологических и бытовых потребностей тесно связан с ней, и во взаимодействии с ней строит всю свою деятельность. Хорошо сказали об этом К.Маркс и Ф.Энгельс: “Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга (11, с. 16). И поэтому “всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории” (11, с. 19)*. Но характер этих взаимоотношений природы и общества в принципе определяется законами общественного развития, и в каждую историческую эпоху “влияние общества на природу было ограничено степенью познания законов природы и обусловлено уровнем развития техники”, с тенденцией постоянного возрастания влияния общества на географическую среду (83, с. 93-94; см. также 506а, с. 156). Однако, чем дальше в глубь веков отстоит от нас хозяйственная деятельность человека, тем больше случаев мы имеем убедиться в значимости природного фактора. Так, например, множественность занятий и типов хозяйственной деятельности, сложившиеся в первобытную эпоху были вызваны тем, что основой производства служила природа, а это породило “разнообразие материального производства в разных экологических средах”, что отразилось и на сложении и эволюции ХКТ, которые в своем развитии тесно связаны с особенностями географической среды, что особенно четко

* Близка к этой позиции Г.В. Плеханова, который справедливо отмечал, что естественная среда стала “важным фактором в историческом развитии человечества”. (465, с. 157).

прослеживается “на ранней стадии развития” (85, с. 23; 471, с. 12). Именно тогда направление хозяйственной деятельности, выбор орудий и приемов воздействия на природу во многом “зависит от свойств природной обстановки” (270, с. 12-13).

Одной из ранних форм проявления такой зависимости явился факт привязанности первобытного производящего хозяйства к регионам, имевшим пригодные для аккультурации и одомашнивания растения и животных и связанные с этим преимущества для хозяйственно-культурного развития населения этих регионов (210, с. 45). Хотя “географическая основа” и бывает более очевидной при низком уровне производительных сил, тем не менее влияние природных условий в той или иной степени существует постоянно, пока существует человеческая хозяйственная деятельность. В отдельные исторические периоды их влияние то ослабевает, то возрастает, в зависимости от резких поворотов как в развитии природной среды, так и человеческого общества.

Так, например, “в жизни палеолитического человека” природная среда (“ландшафтно-климатическая обстановка, растительный и животный мир, естественные убежища, сырье для орудий”) “играла огромную роль”. В частности, в нижнем палеолите на Кавказе изменение среды (похолодание — обледенение — межледниковья — межстадиалы) регламентировало расселение, особенности хозяйства и быта, жилище и одежду (360, с. 20; 361, с. 174). Однако, со времени появления человеческого общества, его роль в этом взаимодействии возрастает, и историческая ценность географической среды, даже если она неизменна, “бывает различна в разные исторические эпохи” (400, с. 69). В целом три группы этносов Л.Н. Гумилева по взаимоотношениям с ландшафтом (“приспосабливающиеся”, “поддерживающие” и “создающие новый ландшафт”) (213, с. 187) можно считать по-видимому и стадиальными, хотя нарушения подобной закономерности на протяжении истории бывали не раз. Выявление взаимодействий природно-географической и общественно-исторической среды, степени определяемости каждого явления, особенно в хозяйственной деятельности человека, “совокупным взаимодействующим воздействием обеих сред” (270, с. 7) и составляет одну из задач агроэтнографии. “С этнографией связано изучение роли географических факторов в развитии традиционных форм хозяйства и культуры народов земного шара на разных этапах их истории” (133, с. 23).

Переходя к более конкретным вопросам проявления относительного географического детерминизма в хозяйстве отметим, что разнообразие природных условий в рамках региона, ИКО обуславливало многообразие занятий населения, отраслей хозяйства (101, с. 208), причем особую колоритность такому многообразию придавало ландшафтно-зональное многообразие.

Таким образом, географическая среда — одно из условий развития общества, она ускоряет или замедляет его развитие, но не определяет. Однако, на ранних стадиях развития географическая среда “одно из важнейших условий формирования сходных

культурно-хозяйственных типов”, являвшихся по существу “экологическо-хозяйственными группами” (393, с. 18), иными словами в первобытную эпоху “разнообразие материального производства в разных экологических средах” предопределенное географической средой, “отразилось на формировании, эволюции и закономерной смене различных хозяйственно-культурных типов” (85, с. 23).

В механизме взаимодействия географической среды и человека этнографическая наука выделяет несколько аспектов. Первый из них — ландшафт представляет “возможности биологического существования” (127, с. 246) (в формулировке И.П. Герасимова — использование человеком естественных природных ресурсов) (453, с. 311); второй — любое сообщество во взаимодействии адаптируется к ландшафту прежде всего биологически, и третий — культурная адаптация, заключающаяся и в защите от неблагоприятных факторов, и в использовании ресурсов природы для своего существования (127, с. 246) посредством хозяйственной деятельности, иными словами — зависимость образа жизни людей от природы (экологический фактор) (453, с. 311). Однако на этом этапе воздействие опосредствовано — через развитие производительных сил (127, с. 246; См. также 473, с. 76). Последнее же неминуемо приводит к обратному воздействию на природу посредством своего производства и хозяйственного быта (128, с. 164) (обратная связь общества с природой) (453, с. 311), которое опять в свою очередь может вызвать бумерангом повторно-обратное воздействие, уже более частного характера, на человека, этнос (пример — степное скотоводство — истощение пастбищ — перемещение этносов (128, с. 164).

Таким образом, получается, что в формуле взаимодействия человек — природа действует ряд закономерностей различного по сущности характера: формирования и развития природной среды; формирования человека как биологического вида; формирования человека как социального вида, т.е. формирования общества (453, с. 311); формирования культуры, разумея главным образом хозяйственно-бытовой комплекс.

При конкретном проявлении взаимодействие природа-человек обнаруживает как бы определенную таксономичность, несколько ступеней: первая — среда в целом является для человека источником добывания необходимых средств и полей его хозяйственной деятельности по этому добыванию. Вторая, в зависимости от особенностей экологической ниши, в которой человек разворачивает свою хозяйственную деятельность, он выбирает специфические средства хозяйствования, иными словами выбирает соответствующие занятия. Конкретно говоря, эти различия в хозяйствовании вызываются особенностями утилизации солнечной энергии (кинетической в энергию органики). Отсюда — зависимость потенциальных пищевых ресурсов от периодического закона географической зональности (годового радиационного баланса земной поверхности, суммы атмосферных осадков и радиационного индекса сухости), определяющего все разнообразие природных

комплексов (ландшафтов) (86, с. 9).

Так формируется ведущая форма хозяйства и соответственно определенный ХКТ.

Прежде чем приступить к конкретному описанию физико-географических условий Дагестана с точки зрения их использования в хозяйственной деятельности человека, коротко остановимся на некоторых общих географических понятиях, непосредственно связанных с вопросом соотношения географии и хозяйства. В географической науке считается, что главными "творцами" ландшафта и всех других процессов на земной поверхности являются распределение тепла и активной влаги (264, с. 215). Ландшафт же — это совокупность предметов и явлений, в которой особенности рельефа, климата, вод, почвенного и растительного покрова и животного мира, а также, до известной степени, деятельности человека сливаются в единой гармоническое целое, типически повторяющееся на протяжении данной зоны земли (115, 1, с. 5). Ландшафты суши группируются в ландшафтные зоны с широтным простираем, связанным с таким же простираем климатических и почвенных поясов (115, 1, с. 6). Подобную широтную зональность в географии принято называть "северо-южной правильностью" Савицкого, и она считается такой же непреложной как и шарообразность земли (264, с. 216). Однако зональности сопутствует и явление аazonальности, связанное с несколькими причинами: соотношением между сушей, океанами и морями, геологическим строением и абсолютными высотами. "Каждый ландшафт зонален и в то же время аazonален" (264, с. 216-217). Особенно важно для нашей темы положение о вертикальной зональности (А.Г. Исаченко предлагает называть ее "поясностью"), которая похожа на широтную, но осложнена рельефом, экспозицией склонов, хребтов ("барьерная" роль), своеобразием увлажнения и пр. Это "своеобразный аazonальный вариант широтной зональности" (264, с. 219-220). Характерно, что основным ведущим фактором ландшафта в горах признается рельеф, затем геолого-геоморфологические особенности, растительность, почвы, степень преобразованности и пр. (264, с. 253 сл.).

Одним из важнейших показателей географической зоны является радиационный индекс сухости — соотношение между годовым радиационным балансом и годовыми осадками, которые выражены в количестве тепла, потребном на их испарение — $R \setminus L \setminus r$, где R — радиационный баланс, L — теплота испарения, r — годовые осадки (209, с. 219).^{*} Очертания границ зон, связанные со значениями индекса сухости оказываются более извилистыми по сравнению с плавными границами радиационного баланса. И "главные аazonальные факторы", формирующие распределение осадков,

^{*} Оптимальным для биомассы является индекс сухости в 0,8-1. От одного до двух — умеренно-недостаточное увлажнение, выше двух — засушливые условия (недостаточное увлажнение), выше трех — резко засушливые условия (крайне недостаточное увлажнение) (191, с. 99-100).

т. е. изменение условий увлажнения — это "расположение береговых линий материков или горных цепей" (209, с. 132). В несколько иной форме это положение было сформулировано еще Р. Зигером: климат альпийских стран, как и других мест, определяется тремя моментами: географической широтой, положением по отношению к морю и высотой над уровнем моря (623, с. 33).

С учетом суммы средних суточных температур, суммы осадков, влагообеспеченности в виде геотермического коэффициента, физико-географических и климатических условий территории, с учетом специфики сельскохозяйственного использования и производится агроклиматическое районирование географических провинций (59, с. 10). Дагестан признан в географической литературе самостоятельной физико-географической провинцией (191, с. 126-133; 218, с. 5-6).

Дагестан расположен на северо-восточных склонах Большого Кавказа и Прикаспийской низменности. Значительная часть его занята отрогами Главного Кавказского хребта, простирающегося на юго-восток от г. Наидрис-цвери (3098 м над у. м.) до г. Базар-дюзи (4485 м). На севере и востоке — Прикаспийская низменность. От соседних республик (в современных границах) Дагестан большей частью отделен естественными границами (хребты, реки, море). На юго-востоке и юге по р. Самур и гребню Главного хребта — Азербайджан (граница — 325 км), юго-западе Грузия (граница — 155 км). На западе — Чечня (328 км), отделенная гребнями Снегового и Андийского хребтов и их отрогами. На северо-востоке — граница со Ставропольским краем (по Ногайской степи — 225 км), на севере, по сухому руслу р. Кумы Дагестан граничит с Калмыкией, и, 530 км границы проходит по морю. Республика Дагестан заключена между 45° и 41°15' северной широты и 45° и 48°35' восточной долготы. Протяженность в меридиональном направлении — 405 км, в широтном — 213 км. Площадь — 50,3 тыс. кв. км. Несмотря на то, что в переводе "Дагестан" означает страна гор, значительную часть его территории составляет низменность (в настоящее время — свыше 40% площади). Исторически к Дагестану относилась Терско-Сулакская низменность (Хасавюртовский округ Терской области), южнее Махачкалы переходившая в узкую Приморскую низменность и после Дербента вновь расширяющаяся. Горный Дагестан образован восточной частью главного хребта и его боковыми отрогами (Снеговой хребет, Пирикительский, Богосский, Нукатль, Дюль-тыдаг, Самурский и др.), отделенных от главного котловинами — Дидойской, Бежтинской, Джурмутской, Самурской и др. Напротив, внутренний горный Дагестан образован продольными хребтами (Андийский, Салатау, Гимринский, Чонкатау, Лес, Карасырт) и плато (Хунзахское, Гунибское, Шунудагское, Турчидагское, Кегерское, Левашинское и др.). Следующий уступ — предгорный, шириной 25-50 км, наибольшая высота — 1200 м, средняя — 500-700 м. В целом Дагестан по благоприятности природных условий занимал одно из последних мест на Кавказе. Равнины его большей частью полупустынные, горы, несмотря на небольшую абсолютную высоту (ниже 5

тыс. м) труднодоступны, скалисты, а в целом рельеф, представляющий невообразимую мешанину хребтов, ущелий, долин и плато, был одним из самых расчлененных и неудобных для хозяйства и общения. Во второй половине XIX в. Дагестан составлял, кроме упомянутого Хасавюртовского округа, Дагестанскую область, с 9 округами — Темир-Хан-Шуриинский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Даргинский, Казикумухский, Аварский, Андийский, Гунибский, Самурский. Остановимся сначала на характеристике физико-географических условий. Большинство географов делят Дагестан на 3 (некоторые на 4) зоны с 10 подзонами. Например, верхнеальпийская зона, альпийская горнолуговая, субальпийская горно-луговая, с лесами и без них (все они могут быть отнесены к высокогорной зоне); горно-степная умеренно-теплая и особенно теплая и засушливая части; лесостепная и степная зона предгорий; сухостепная зона Приморской низменности, в т.ч. с обильным подпочвенным увлажнением (50, с. 19; 191, с. 98, 105-106; 192, 1, с. 97-102, 112-130, 133-134, 154-158, 192-201).

Заметим, что уже в выделении зон заложены основы их сельскохозяйственного районирования. В его основу принято брать угодия (ограниченная по размерам территория, однородная на своем протяжении, как в смысле сочетания факторов роста растительности, так и самой растительности — по Р.И. Аболину) и особенно их сочетания — зоны (наиболее крупная форма закономерного сочетания различных угодий в пространстве, представляющая отражение режима влажности) (50, с. 7-8), “Общая физиономия зоны характеризуется определенным сочетанием естественных угодий и более или менее ограниченными возможностями в отношении освоения под сельскохозяйственную культуру” (50, с. 8).

Попытаемся физико-географическое и угодиинно-зональное деление Дагестана, являющееся основой сельскохозяйственного районирования, рассмотреть в совокупности, комплексе, и связать с конкретными предпосылками и возможностями для реализации тех или иных хозяйственных занятий.

1. Начнем с низменной зоны (часть Терско-Кумской, Терско-Сулакская и Приморская низменности).

а) Терско-Кумская полупустыня (Ногайская степь) имеет сухой и континентальный климат (индекс сухости — до 3-х и выше, означающий “резко засушливые условия”), кроме солончаковых, светло-каштановых, солонцеватых и т.п. почв, подвижные и закрепленные пески. Растительность солянковой и полынной полупустыни (седая полынь — более всего, солодка, кермек, солянка, лебеда, солерос, саган, недорошь; в песках — степного и кустарникового типа (песчаная полынь (серажин), астрагал, молочай, вейник, песчаный камыш (писчик), персидский вьюнок, пырей, свинойрой, ажирек, кустарниковые солянки); по берегам рек, речек: камыш, кустарник (лох, ивняк, тamarisk). Количество осадков возрастает с востока на запад (200-300 мм из них 70% в вегетационный период), поэтому на западе (и юге) растительность лучше и образует густую полынно-травяную степь. Сильные процессы

дефляции (овцы и ветры). Зимние и круглогодичные пастбища (231, с. 50; 507, с. 21-24; 191, с. 98, 105; 160, с. 77 сл.; 50, с. 43).

б) Терско-Сулакская дельтовая равнина. Почвы — лугово-болотные, лугово-каштановые и светло-каштановые; индекс сухости около двух (сухое жаркое лето, холодная зима), годовое количество осадков возрастает с севера на юг. Камышовые и рогозовые луга в понижениях, на ровных и повышенных местах — злаково-полынные, солодково-полынные и солянковые. С приближением к предгорью переход в сухую степь с преобладанием полыни, реже ковыля и бессмертника. Высокое естественное плодородие. Орошаемое земледелие, мясо-молочное животноводство, овцеводство на примыкающих к орошаемым землям пастбищах, выпас преимущественно в холодное полугодие (507, с. 24-27; 191, с. 106).

в) Южная равнинная подзона. Осадков — 350-500 мм, максимум — осенью, около 50% — в вегетационный период. К злаково-полынным добавляются житняковые степи с зарослями тамариска и солянковыми ассоциациями. Почвы светло-каштановые и луговые, слабо засоленные, а также каштановые, лугово-каштановые, лугово-болотные, лугово-лесные. Хозяйственный профиль идентичен профилю Терско-Сулакской дельты (507, с. 29-31; 160, с. 77 сл.).

2. Предгорная зона. а) Северо-западное предгорье. Слабая расчлененность. Осадки — 500-550 мм. Геотермический коэффициент — 1,3-1,5 — свидетельство хорошей увлажненности. Почвы темно-каштановые, черноземные и коричневые. Растительность — предгорные луга, в т.ч. остепненные, леса, кустарники (507, с. 32-34; 50, с. 34).

б) Центральное предгорье. Почвы — светло-каштановые и каштановые. Максимум осадков на севере — летом, юге — летом-осенью. Геотермический коэффициент — 1-1,2; растительность — злаковые и злаково-полынные степи, кустарники, выше (500-1000 м) — сочная растительность (большетравье: восточный аконит, огромный девясил, татарский сузык, лесная спирея, ясенец, кавказская лилия и др.), пышные леса, горные широколиственные, основная масса лесов республики (507, с. 34-35; 192, 1, с. 200-201; 231, с. 54).

в) Юго-восточное предгорье. Нижний пояс (200-500 м) менее влажный, верхний (500-1000 м) — более; осадков — 300-400 мм, геотермический коэффициент — 0,9. Злаковая и полынно-злаковая сухая растительность (полынь таврическая, каперсы, сафлор, синеголовник). В межлесных пространствах разнотравно-злаковая степь.

Для всего нижнего предгорья характерна фригана (заросли жестких или колючих трав и полукустарников — каперсы, колючие васильки, румянка, шалфей, резеда, скабиоз, хармал, бессмертка и др.) и шибляк — заросли кустарников (держидерево, крушина Палласа, боярышник восточный, жимолость грузинская и т.п.). В верхнем предгорье больше облесенность, сосредоточены основные луга области (507, с. 37; 160, с. 78-87; 231, с. 53-54). Предгорье наряду с Терско-Сулакским междуречьем являлось житницей Дагестана: орошаемое и неполивное земледелие, насаждения,

большой удельный вес содержания КРС. В верхнем поясе, особенно в лесной зоне, роль земледелия падает.

3. Горный Дагестан делится на собственно среднегорье и горные долины.

а) Северо-западное среднегорье. Умеренно-холодный полувлажный климат. Геотермический коэффициент — от 1,5 до 2,1 (осадки 430-600 мм, основная их масса — май-сентябрь). Растительность — разнотравно-бородачевые, выше (с 1800 м) переходят в субальпийские остепненные луга и луговые степи с травостоем в 70-80 см (злаковые — мятлик, типчак, полевица, пырей, овсяница, костер; бобовые — красный и белый клевер, эспарцет, люцерна, горошки; разнотравье — герань, скабиоза, девясил, васильки, горечавки, колокольчики, некоторые зонтичные). Почвы — горно-луговые, черноземовидные, горные лугово-степные, горные каштановые и черноземные. Луга эти можно использовать и как сенокосы и как высококачественные летние пастбища (что делалось чаще). Выпасный период 4-5 месяцев, доступны всем видам скота (507, с. 39-40; 50, с. 22-23; 160, с. 79-87). Исторически был основной кормовой базой отгонных форм скотоводства в Дагестане (наравне с юго-восточным среднегорьем), и горно-террасного земледелия.

б) Юго-восточное среднегорье. Осадков чуть меньше чем на северо-западе (450-550 мм, геотермический коэффициент — 1-1,5). На востоке — мезофитные и остепненные среднегорные луга. В западной части — субальпийские остепненные луга и луговые степи (вейник тростниковый, полевицы, костер пестрый, овсяница пестрая, буквица крупноцветная, скабиоза кавказская, герани и т.п.). Сильное разрушение почв из-за нерегулируемого выпаса скота, особенно овец (507, с. 40-42; 160, с. 77-78).

в) Горные долины. Умеренный полусухой климат, жаркое сухое лето, мягкая солнечная зима. Осадки — 335-371 мм. Геотермический коэффициент — 0,83-1,2. Растительность — от болотной до сухостепной. Почвы — лугово-болотные, аллювиально-луговые, луговые, лугово-каштановые и каштановые. Особенность долинной зоны — отсутствие цельного территориального пояса — она вкраплена в горную и высокогорную зоны по руслам рек. По солнечным склонам сильна ксерофитизация — горная фригана: эспарцет рогообразный, астрагал колючий, татарник и шалфей дагестанские, эфедра, пузырник восточный, полынь солянковидная, котовик голубой, восточный шлемник, серебристый вьюнок и др. На каменистых склонах еще — пырей стройный, ковыль красивейший, ковыль дагестанский, осока низкая (507, с. 43-44; 50, с. 22-24; 160, с. 77-87; 231, с. 55).

4. Высокогорный Дагестан. Некоторые авторы не выделяют его в отдельную зону, а причисляют к горной зоне в качестве подзоны (160, с. 15-18; 507, с. 20). Однако хозяйственная специфика высокогорья побуждает нас выделить его в отдельную зону. Здесь холодная зима, короткое лето. Осадки 800-1000 мм — преобладающая часть в теплый период. Геотермический коэффициент — выше двух, самый высокий в Дагестане. Почвы — горно-луговые альпийские и субальпийские,

большую часть маломощные. Растительность: альпийские и субальпийские луга, на высоте 3000 м изрежены, переходят в рассеянные лужайки. Разнотравные (ковры) осоково-злаковые, плотно-дерновые, белоусовые, низкотравные кобрезиевые и кустарничковые луга с брусникой, черникой и водяникой 4-6 см высоты (манжетка кавказская, трехзубчатка, подорожник шебнистый, тмин кавказский). Меньше бобовых (клевер розовый кавказский, астрагал альпийский), злаковых (овсяница овечья приземистая, мятлик альпийский), осоковых (осока печальная). При чрезмерном выпасе засоряются — бодяком бесстебельным, оленкой, погремком, из ядовитых — чемерицей, волче-ягодником. Летние пастбища, но кратковременные (июль-август) после них перегоняют скот в субальпийский пояс (160, с. 87-98; 507, с. 42-43; 231, с. 56).

Таким образом, в природно-хозяйственном отношении большинство авторов делят Дагестан, как мы видим, на 3 зоны, с 10 подзонами. Наша поправка в эту схему заключается в выделении самостоятельной высокогорной зоны — получается 4 зоны (равнинная с тремя подзонами, предгорная тоже с тремя, горная с тремя и высокогорная). Другая наша поправка связана с хозяйственной специализацией. Большинство авторов, разбивая Дагестан на природно-хозяйственные зоны ориентируются на современное хозяйство. Исторически же, в частности в XIX в. мы наблюдаем меньшую дробность хозяйственных направлений в одних зонах, и большую — в других. Другой момент — есть подзоны, которые географически имеют какие-то различия, связанные с широтным и отчасти вертикальным расположением, особенностями рельефа и т.п. (256, с. 54 сл.) но в хозяйственном отношении, в смысле основных занятий и их удельного веса особых различий не имеют. Например, в равнинной зоне в XIX в. четко выделялись только две подзоны: Терско-Кумская полупустыня (Ногайская степь) с ее кочевым скотоводством и вся остальная низменность от Терека до Самура с большим удельным весом земледелия и содержания КРС. В предгорье же различия в занятиях больше наблюдались в плане вертикальной поясности (верхнее — нижнее предгорье) и его в общем можно рассматривать как одну зону, с частичным выделением подзоны сильной облесенности, и отнесением маргинальных частей к соседним зонам — горной и равнинной. В горной зоне можно выделить долинную подзону, которую ввиду отсутствия сплошного пояса некоторые авторы называют “условной” (507, с. 20). С нашими поправками зональное природно-хозяйственно-историческое районирование будет выглядеть следующим образом: 1) равнина с подзонами, а) северной, прикаспийской (ногайская степь) с кочевым скотоводством, б) южной (от Терека до Самура) с земледельческо-скотоводческим хозяйством с зимним использованием угодий для выпаса скота; 2) предгорье, также с хозяйством, в котором преобладает удельный вес земледелия и содержания КРС; 3) нагорье (среднегорье), с земледелием и скотоводством, с подзоной “горные долины” с добавлением насаждений; 4) высокогорье с развитым скотоводством и слабым земледелием. Такое разделение в целом соответствует членению, предложенному для

Дагестана, например, крупнейшими географами Л.С. Бергом и Б.Ф. Добрыниным. Так Л.С. Берг делит Дагестан на: 1. Прикаспийскую низменность; 2. Предгорья (до 1000-1200 м); 3. Горный внутренний Дагестан (до 2-х-3-х тыс. м); 4. Высокогорный Дагестан (115, П., с. 284. Ср. Также 233, с. 14-15; 160, с. 9-32; 353, с. 171-182; 218, с. 28 сл.) Б.Ф. Добрынин также выделяет в Дагестане 4 геоморфологические области — низменность, предгорье (от 500-600 м до 1000-1200 м над у.м., ширина 20-40 км), нагорье (внутренний или известняковый Дагестан, до 2-3 тыс. м над у.м.), и высокогорье (от 3-х до 4-х тыс. м) (231, с. 6-7, 9, 20). Следует сказать, что природно-хозяйственные зоны Дагестана имеют существенные особенности, отличающие их от зон других географических провинций Кавказа, особенно западного, и связанные с пониженной увлажненностью (наличие сухих степей и полупустынь, узость лесной зоны, яркая выраженность горного ксерофита, наличие выше лесов горных степей, расширение зоны горных лугов и их значительная ксерофитизация, более высокое расположение нивальной зоны и др.). Например, по Дагестану годовая сумма осадков составляет 356-680 мм, (свыше 55% территории получает меньше 500 мм, 43% — до 500-1000 мм), в то время как испарение достигает 800 мм — четко выраженная аридность. Причем, основное количество осадков (250-560 мм, т.е. 60-82%) выпадает в вегетационный период (121, с. 6-7), что увеличивает объем испарения и повышает сухость, аридность. При этом отметим еще одну очень важную, сказавшуюся на специфике хозяйственных занятий особенность — в Дагестане нет постепенного «подъема от приморской низменности к высочайшим вершинам гор. Такой подъем можно установить только по речным долинам» очень узким и малодоступным (50, с. 9-10). Добавим и чрезвычайно разбросанным и запутанным по всем направлениям (Дагестан «состоящий из котловин и соединяющих их ущелий») (472, с. 45). От приморской части территория Дагестана поднимается уступами — от низменности — к предгорьям, шириной 20-40 км (высота 500-750 м), со сложной системой хребтов и долин. Затем — уступ внутренних плоскогорий после долин рек Сулака (четырех Койсу — Казикумухского, Кара-Койсу, Аварского и Андийского), Гюргенчая, Улучая, Самура. Затем идет высокогорье, но и после него к главному хребту имеется, как указывалось, несколько впадин — долин (Бежтинская, Дидойская и др.). Поэтому получается, например, с осадками такой парадокс — за передовыми хребтами предгорий в долинах и плоскогорьях внутреннего Дагестана количество осадков не увеличивается, а уменьшается: предгорное Верхнее Казанище — 630 мм, а нагорный Хунзах — 555, Кумух — 561, Гуниб — 560, а в долинных селениях контраст еще более ощутим Ахты — 340 мм, Тлох — 443, Ботлих, Хаджал-Махи, Гергеболь, Гимры — 418 (50, с. 16-18). Алогичность выпадения осадков простирается и в широтном и высотном направлениях с перемещением на весну и особенно лето, особенно во внутреннем Дагестане, где зима «отличается замечательной сухостью и ясностью» (231, с. 29). Осень — 15-25% осадков, весна — 25-30, лето — 45-55 (20-35 на низменности и в предгорье). «Обстоятельство это является особенно благоприятным моментом для

развития как дикой, так и культурной растительности» (50, с. 18; 231, с. 28-29, 31).

Такое двойное нарушение географических закономерностей — сначала широтной зональности — вертикальной поясностью, а затем вертикальной — подзональными вариациями режима осадков, связанными с местными рельефными особенностями, характерно для многих крупных горных систем. В частности оно отмечено для Средней Азии (480, с. 74).

Резко выраженная сухость климата Дагестана отразилась и на вертикальной протяженности природно-хозяйственных зон. Так, например, в Кабардино-Балкарии, характеризующейся повышенной влажностью, равнинная зона не простирается дальше 100-120 м над у.м., предгорная — 500-600 м, нижняя горная зона — 700-900 м, высокогорная — от 2000 до 3000 м (386: с. 89). А в Северной Осетии, равнина — до 420-650 м, предгорная полоса имеет высоты от 420-650 до 850 м, горная 850-2000 м, высокогорная — от 2000 до 3300 м (486, с. 5, 7).

Соответственно имеются существенные различия и по лесной полосе и высоте снеговой линии (линии вечного снега). В Дагестане более или менее четко обозначена лишь линия предгорных лиственных лесов, сочетающейся с лесостепью (на высотах 600-1200 м), довольно узкой в вертикальном разрезе. Линия же хвойных лесов, как уже говорилось, обозначена слабо, лишь кое-где, и ее место занимают горно-луговые степи. Во всем Дагестане леса занимали лишь около 4% территории и они составляли также всего 4% лесов Кавказа (416, с. 260). Для сравнения укажем, в те же годы в Кубано-Черноморье леса составляли 21% территории, Карачаево-Черкессии — 23, Кабардино-Балкарии — 9 (231, с. 56). Восстановления же леса в условиях недостаточного увлажнения и при «чрезмерной пастьбе скота и разрушении почвенного покрова» совершенно не происходило. Отсюда и многие беды — смыл почвы, превращение гор в пустыню, ухудшение лугов, иссякание источников, усыхания и разливы рек и т.п. (231, с. 57-58). Другой очень важный для хозяйства момент — высота снеговой линии. В условиях высокогорья, где даже в сухих областях увлажнение бывает сравнительно достаточное, отодвижение этой линии хотя бы на 100 м означает соответственное увеличение кормовых угодий по всем поясам, начиная от предгорья, причем соответственно повышается и верхняя линия произрастания хлебных злаков. В высокогорном Дагестане снеговая линия проходит по высоте 3800-3900 м, в среднем на 500-1000 м, выше чем на Западном Кавказе (192, 1, с. 154-159; 191, с. 150). Например, в Закавказье средняя высота ее — 3250 м, а на западе южного черноморского склона Кавказа опускается даже до 2700 м. Так, например, в конце XIX в. высота снежной линии в западной части Дагестана была определена в 2926 м, в средней — 3231 м, в восточной (г. Шалбуз-Даг — 3651 м и г. Шахдаг — 3788 м), в среднем — 3818 м (416, с. 34). Для сравнения можно привести пример Альп: здесь снеговая линия начинается в среднем от отметки в 2600 м: на севере — 2700, на юге — 3000 м. Колебания и здесь довольно велики — от 2400 до 3200 (623, с. 97); в Пиренеях же она составляет 8400 ф — 2560 м (416, с. 34). Еще один пример того, насколько диапазон использования

ярусов дагестанских гор был выше сравнительно с другими горными провинциями: верхней границей пояса хлебных злаков в Альпах была высота 1300-1400 м, в Дагестане же посевы озимой пшеницы и ярового ячменя распространены на высоте 2200-2500 м.

Из этого следует, что хотя природные условия Дагестана по своему богатству и потенциальным возможностям в хозяйственном использовании (например, качество почв, пастбищ, степень увлажнения) уступали другим географическим провинциям Кавказа, в то же время степень реализации этих возможностей, благодаря большей вертикальной протяженности природно-хозяйственных поясов, была выше чем в других провинциях. Те дополнительные 500-1000 м вертикальной поясной протяженности за счет отодвижения снеговой линии оборачивались дополнительными площадями пастбищ и возделываемых земель.

Правда, в перспективе это имело, конечно, и отрицательные стороны: широкие снежные и ледниковые пояса питают реки, способствуют сохранению влажности в нижних поясах, поддерживают леса, те, в свою очередь, поддерживают в этом отношении нижние пояса, реки, благотворно влияют на климат, сохранность среды. Не случайно реки Дагестана держат печальный рекорд на всем Кавказе и Европейской части бывшего СССР по смыву почвы — 2600-5000 г/м³ (192, 1, с. 157).

Скажем еще об одной особенности дагестанских гор. Специфика условий привела к тому, что “несмотря на меньшую густоту и высоту растительного покрова, на то, что он менее сочен и высок”, чем, например, на Западном Кавказе (191, с. 151), он отличался хорошими питательными и вкусовыми качествами, ибо в составе растений на пастбищах было много злаковых (особенно — овсяница, костер, “которые образуют сплошные пестрокостровые и пестроовсяниковые луга”) (160, с. 87-89; 191, с. 151-152).

В заключение остается изложить материал о политико-административном делении Дагестана в прошлом и настоящем, в проекции на рассмотренные нами природно-хозяйственные зоны. Это будет необходимо для четкого установления границ зон и подзон, особенно при работе с цифровыми материалами, характеризующими хозяйство. Следует отметить, что абсолютно точно “подогнать” административные и зональные границы, разумеется, невозможно. В таких случаях мы относим ту или иную административную единицу к той зоне, на которую приходится большая и наиболее характерная в природно-хозяйственном отношении часть политико-административной единицы.

Равнинная зона Дагестана охватывала по административному делению второй половины XIX в.: в Терской области — Хасавюртовский и Аксаевский участки Хасавюртовского округа. В Дагестанской области — Чирюртовский, Темир-Хан-Шуринский, Таркинский и Карабудахкентский участки Темир-Хан-Шуринского округа. Нижне-Кайтагский и Северно-Табасаранский участки Кайтагско-Табасаранского округа, Гюнейский участок и Уллусский магал Кюринского округа — всего 10 участков. Когда речь идет о округах, то обычно эти четыре округа (Хасавюртовский, Темир-

Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский) называются в числе сельскохозяйственных житниц региона, что подкрепляется тем обстоятельством, что и большая часть остальных участков этих округов, входящих в следующую предгорную зону (пояс) также являются сельскохозяйственными.

Предгорная зона охватывала Нагорный участок Хасавюртовского округа Терской области; Дженгутаевский участок Темир-Хан-Шуринского округа; Кара-Кайтагский — Кайтаго-Табасаранского; Южно-Табасаранский и Котур-Кюринский — Кюринского — всего 5 участков. Отдельные куски их территории вполне могут быть причислены к равнинному сельскохозяйственно-скотоводческому ХКА, который в этом случае с полным правом можно было бы назвать равнинно-нижнепредгорным ХКА земледельцев-скотоводов.

В целом же эти участки, находящиеся на стыке с горной зоной могут быть присоединены к ней, вернее ее ХКА.

В горную зону входят с севера на юг: Технудальский и Каратинский участки Андийского округа; весь Аварский округ (Хунзахский, Батлукский, Хиндалалский, Цатанихский участки); Тилитль — Гидатлинский, Куядинский участки Гунибского округа, Цудахарский, Кутишинский, Мекегинский и Акушинский — Даргинского округа; Вицхинский — Казикумухского округа; Уркарахский — Кайтаго-Табасаранского — всего 14 участков. Из них в двух — Мекегинском и Уркарахском, имеются небольшие отрезки предгорной территории. Вместе с вышеназванными пятью предгорными участками они могут быть отнесены к горному ХКА земледельцев и скотоводов (Табл. 1). Относительно горно-долинной зоны нам уже приходилось говорить, что она в некотором роде “условная” зона, ибо территориально неотделима от горной и частично высокогорной зоны — речные долины вкраплены в массивы их территорий. Наиболее значительные долины были в Технудальском (Ботлихская долина), Хиндалалском (Ирганайская), Хунзахском (Зайбско-Гонатлинская), Тилитль-Гидатлинском (Гидатлинская), Цудахарском (Хаджалмахинская) участках.

И, наконец, высокогорная зона: Гумбетовский, Андийский, Ункратль-Чамалалский, Тиндальский, Дидойский участки Андийского округа; Андалалский, Тлейсерухский, Бохнадальский, Анцухо-Капучинский Гунибского; Сюргинский — Даргинского; Мукарский, Казикумухский, Ашты-Кулинский — Казикумухского; Курахский — Кюринского и весь Самурский округ (Докузпаринский, Ахтыпаринский и Лучекский участки) — всего 17 участков.

В заключение приведем современное разделение зон на административные районы. Тут наша задача облегчается, так как в современной литературе и периодической печати приводится подобное районирование, осуществленное с учетом природных и хозяйственных показателей. Правда, мы не встречаем в них разделения между районами среднегорья и высокогорья, а имеющееся в литературе разделение трактует высокогорье несколько расширительно (507, с. 19-21). Поэтому приведем перечни районов полностью по всем зонам: равнинная зона: Кумторкалинский,

Бабаюртовский, Кизлярский, Ногайский, Тарумовский, Хасавюртовский, Кизилюртовский, Дербентский, Каякентский, Карабудахкентский, Магарамкентский — всего 11 районов. Напомним поясную протяженность — от - 28 до 200 м над у.м. Площадь — 2,35 млн.га (из 5,33) т.е. 44% (до революции, равнина с Хасавюртовским округом, но без Кизлярской и Ногайской степей составляла 0,86 млн.га из 3,84, т.е. 22,3%).

Предгорная зона: Буйнакский, Казбековский, Сулейман-Стальский, Кайтагский, Новолакский, Сергокалинский, Табасаранский, Хивский — всего 8 районов. Протяженность пояса — от 200 до 1000 м над у.м. Площадь — 0,84 млн.га (16%), до революции 21,8%.

Горная зона: Акушинский, Ахвахский, Ботлихский, Гергебильский, Гунибский, Лакский, Левашинский, Шамильский, Унцукульский, Хунзахский — всего 10 районов. Высотная протяженность — 1000-2000 м. Площадь 0,95 млн.га (18%), до революции — 24,7%.

Высокогорная зона: Агульский, Ахтынский, Докузпаринский, Гумбетовский, Дахадаевский, Кулинский, Курахский, Рутульский, Тляратинский, Цунтинский, Цумадинский, Чародинский — всего 12 районов. Высотность — св. 2000 м. Площадь — 1,17 млн.га (22%), до революции — 30,4% (218, с. 26; 507, с. 19-21; 220, с. 14-39; 15, с. 231-232; 17, с. 350; 22. За 1913 г. с. 9-11).

Разумеется, и в районировании по зонам настоящего времени есть отдельные несоответствия. Они порождены стремлением соблюсти традиционное хозяйственное единство определенных единиц, или же вызваны соображениями природно-географического (учет естественных границ и рубежей, необходимость наделения района достаточным количеством определенных видов угодий), этнического, коммуникационного (некоторые этнически однородные с населением района селения передаются в другой район, исходя из хозяйственных и транспортных интересов населения этого аула).

Так, например, части территорий Карабудахкентского, Каякентского и Магарамкентского районов на крайнем их западе вполне могут быть отнесены к нижнему и даже верхнему предгорью. С другой стороны ближние к побережью территории Буйнакского, Сулейман-Стальского, Кайтагского, Сергокалинского и Табасаранского районов могли бы считаться равнинными.

В еще большей степени это можно сказать о горной и высокогорной зонах. Почти в каждом горном районе можно обнаружить участок территории, который по всем признакам, в т.ч. хозяйственным, является высокогорным. Подобное отсутствие резкой границы между обеими зонами объясняется специалистами тем, что отроги бокового хребта “часто глубоко вклиниваются во внутренний горный Дагестан” (160, с. 18). Например, в Ботлихском районе сочетаются долинное садоводческое хозяйство вдоль реки и скотоводческое хозяйство в расположенных высоко в горах селениях (к примеру — Муни и Риквани; высота первого над уровнем моря — 630 м, второго —

1800 м, и присельские угодья его тянутся еще на сотни метров). Таких примеров множество, например в Гергебильском, Гунибском, Хунзахском, Унцукульском, Левашинском и др. районах. Такая же картина и в высокогорных районах. Высокие горы сочетаются здесь порой с глубокими речными долинами, в которых традиционно сложилось садоводческое хозяйство. Такое сочетание наблюдается в Ахтынском, Гумбетовском, Цумадинском и др. районах. Например, в Ахтынском районе — сс. Луткун, Ахты расположены внизу в долине, хотя и достаточно высоко (1062 и 1190 м над у.м.), это традиционно садоводческие селения, а сс. Гдым и Борч — высоко в горах (2220-2226 м над у.м.) — с традиционно преобладающим скотоводческим хозяйством.

Таковы вкратце природно-географические условия Дагестана в непосредственно наблюдаемый период. Обзор этих условий показывает, что природа Дагестана при сравнительно слабо выраженной щедрости, отличалась большим многообразием экологических форм. Здесь можно встретить ландшафты от песчаных и солончаковых пустынь до пойменных пышных лугов и болот, от минусовых от уровня моря (-28) низменностей до высокогорных лугов и ледников. Подобное многообразие, при скупой отдаче не щедрой на дары местной природы способствовало многообразию форм хозяйственной деятельности, большей выраженности зональной и подзональной хозяйственной специализации, и соответственно развитости межхозяйственных, обменных и культурных связей.

Мы специально не останавливаемся на особенностях географических условий в период сложения производящего хозяйства, на особенностях ландшафта, климата с точки зрения их удовлетворяемости зарождению основных отраслей хозяйства — земледелия и животноводства, на генотипах флоры и фауны, которые могли стать первоосновами для аккультурации растений и domestikации животных, полагая, что эти вопросы целесообразнее будет рассмотреть (на основе уже изложенного) при освещении материала о хозяйстве древнейшего населения Дагестана.

ГЛАВА III

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ ДАГЕСТАНА В
ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ВРЕМЯI. Пути и основные этапы зарождения и развития производящего хозяйства
Дагестана в эпоху первобытно-общинного строя*1. Географическая среда Дагестана и вопрос о вызревании элементов и зарождении производящего хозяйства. (Мезолит и ранний неолит (VII-VI тыс. до н.э.).*

Прежде чем приступить к вопросу о зарождении производящего хозяйства, целесообразно выяснить вопрос о наличии в Дагестанской географической провинции предпосылок, способствовавших его складыванию. И прежде всего следует выяснить в какой степени описанная нами среда XIX-XX вв. соответствует среде древности, эпохи зарождения производящего хозяйства.

Чтобы проследить изменения в географической среде от позднего плейстоцена до XIX в. необходимо осветить два аспекта ее развития: ее влияние на деятельность человека и обратное воздействие человека на природу, возрастающее с прогрессом общества, развитием производительных сил.

В сложении климато-географических особенностей помимо широтных факторов (широтность столь же непреложна, как солнце и шарообразность земли), большую роль играли рельеф, положение по отношению к морю, "барьеры" между сушей и морем.

С этой точки зрения Каспий играл немалую роль в географии, хозяйстве Дагестана. Но ввиду озерного характера и небольшой величины роль аккумулятора и передатчика влаги его была небольшой и влияние его, проистекавшее именно из озерной сущности его, исходило от периодически повторяющихся трансгрессий.

Для нас представляет интерес послехвалынская или "новая" трансгрессия VI-IV тыс. до н.э. (197, с. 332; 542, с. 78; 151, Табл. 3; 284, с. 151-152), поскольку совпадает со временем зарождения производящего хозяйства на Кавказе (411, с. 78-79; 318, с. 96).

Влияние трансгрессии могло выразиться в сокращении площади равнинных плодородных земель, сдвигении высотных поясов, частичной миграции населения в сторону гор, что уплотняло население, создавало предпосылки для ускорения созревания производящих начал в хозяйстве населения. По мнению исследователей уплотнение

населения неизменно вызывает интенсификацию хозяйственных усилий, рост технического совершенства, в конечном счете скачок в развитии производительных сил. Вот как это выглядит по схеме С.Н. Библикова: рост населения нарушает соответствие между потребностями и возможностями добычи мяса, упадок охоты — рост значения собирательства. Совершенствование орудий охоты — истощение охотничьих ресурсов, охота делается менее надежной, собирательство — малопродуктивно. И складывается ситуация, при которой "возрастала необходимость в коренных экономических преобразованиях, начавших новую эру — производящего хозяйства" (119, с. 22). Такого же мнения придерживаются В.Н. Гладилец, который связывает производящее хозяйство с кризисом охотничьего хозяйства (203, с. 72-77), В.А. Шнирельман — с "хозяйственным кризисом" (601, с. 215). При этом надо иметь в виду, что в очень трудных (тундра, тайга), как и в легких для хозяйствования регионах (экваториальные леса) условия для зарождения производящего хозяйства складываются реже и здесь сохраняются некоторые древние хозяйственно-культурные типы (ХКТ) и присваивающие формы хозяйства (86, с. 13).

Возвращаясь в Дагестану отметим: равнина, погребенная под морем (о чем свидетельствуют обширные морские террасы) (205, с. 39; 353, с. 171-172; 50, с. 9-10) не могла послужить экологической нишей для зарождения производящего хозяйства.

Горная система же образовалась задолго до голоцена, периода зарождения производящего хозяйства, что означает устойчивость климато-географической ситуации (151, с. 46-48, 151-153; 218, с. 24; 421, с. 3; 576, с. 149-150; 384, с. 16-20). Географическая сеть сложилась также одновременно с горной системой, т.е. в раннем плейстоцене (233, с. 23; 353, с. 172). Развитие же климата определялось общеширотными процессами наступления и отступления похолодания и оледенения. Однако в Дагестане масштабы оледенения были не очень значительны, особенно в долинах (482, с. 319; 352, с. 168; 415, с. 169-173). Эта особенность порождена закрытостью от влажных воздушных масс Атлантики ("барьеры") и открытостью воздушным течениям Средней Азии и Казахстана.

Это положение привело в конечном счете к тому, что к началу голоцена климат Дагестана приобретает сухость и континентальность (198, с. 200, 261, 276; 212, с. 170-173). А это, в свою очередь, определило ксерофитизацию флоры, в соответствие с которой пришел и животный мир, но основное ядро флоры и фауны сохранилось (368, с. 17-18; 211, с. 535; 159, с. 86, 87, 234, 244 (табл. 62-63), 366, 367). Свидетельство этого — костные остатки Чохского мезолитического и неолитического поселения, среди которых много остатков нестальных копытных: муфлонообразный баран, дикий кабан, лошадь и др. (309, с. 32; 314, с. 131; 159, с. 195; 211, с. 518, 519). Крупный ботаник Н.И. Кузнецов прямо указывает, что послеледниковый Дагестан являлся центром развития ксерофитов Кавказа, что его южные скалистые склоны "ископи веков давали приют нагорно-ксерофитной и степной растительности" (333, с. 1, 9, 171, 244; 334, с. 213-260).

Т.о. мы видим, что принципиальных различий в природной среде Дагестана XIX-XX вв. и периода конца плейстоцена — начала голоцена не обнаруживается, если не считать антропогенных факторов (например, обезлесивание, террасирование горных

склонов, результаты эродирования почвы и др.).

Что касается наличия изменений в географической среде, связанных с деятельностью человека, то они, конечно, имели место, и в частности связанные с паловым, а потом подсечным земледелием (314, с. 137, 138; 434, с. 71, 72) (обезлесение и смыв почв). Н.И. Кузнецов указывает, что первобытные леса Дагестана были уничтожены густым населением (334, с. 171), а потом при сухом климате не могли восстанавливаться, по словам Б.Ф. Добрынина "из-за чрезмерной пастьбы скота и разрушения почвенного покрова" (231, с. 57). Однако последствия эти не относятся к периоду зарождения производящего хозяйства.

С точки зрения зарождения этого хозяйства, вернее его условий, особое значение имеет нагорный ландшафт, создающий и представляющий необходимый для зарождения производящего хозяйства комплекс-минимум ландшафтных и климато-географических особенностей. Горный ландшафт признан областью, откуда идут истоки образования хозяйственных форм, ХКТ, ключи экономической дифференциации. "Древнейшие земледелие и животноводство возникли не в речных долинах, а в горных районах и предгорьях" (566, с. 47).

Предпосылками этого явления были: разнообразие физико-географических условий на небольшой территории, изобилие жизненных ресурсов, древесных пород, благоприятный кормовой состав трав (наилучшие из них — люцерна, шабзар, пажитник, эспарцет — горного происхождения) — что могло удовлетворить потребности и охотника, и рыболова, и пастуха, и собирателя и земледельца (293, с. 161, 162, 164). Сухие нагорья старого света называются всеми исследователями в качестве зон зарождения производящего хозяйства, а в числе предпосылок называют: разнообразие ландшафтов, очаги диких злаков и бобовых, достаточное количество тепла, обилие аллювиальных почв, разнообразные животные, в том числе исходные формы домашнего скота (85, с. 25; 303, с. 63; 496, с. 4; 392, с. 8; 391, с. 116). "Очагами первоначальной земледельческой культуры считал горные районы Н.И. Вавилов, каковыми одними из первых в мире он называл Армению и Дагестан (146, с. 171; 144, с. 87-88, 121; 143, с. 82; 112, с. 298). Возникновение "земледелия в горных условиях" подтверждено и новейшими исследованиями.

Подобное сильное влияние географической среды на "выбор форм хозяйственной деятельности человека" (351, с. 115) проявилось прежде всего в преимуществах для населения, проживающего в районах с наличием предпосылок для зарождения хозяйства (210, с. 45). По словам Дж.Мелларта, крупнейшего специалиста по древнему хозяйству, "центр происхождения земледелия и скотоводства следует искать там, где эти злаки и животные встречаются в диком состоянии" (397, с. 16).^{*} Здесь же уместно привести выражение В.М. Массона о "аксиоме о зарождении

^{*} О необходимости для зарождения скотоводства наличия животных, годных для приручения, в "собственной фауне" говорил и В.И. Равдоникас (475, с. 29).

земледелия в зоне естественного произрастания злаковых культур" (393, с. 13; 355, с. 115; 395, с. 15). Однако эти предпосылки еще не определяют сложение производящего хозяйства. Имеется ряд дополнительных условий, и прежде всего это определенный уровень производительных сил, выражаемый в частности, в природно-хозяйственной зоне (предтеча ХКТ), области, характеризующейся приблизительно одинаковыми природными ресурсами для определенного уровня развития производительных сил (453: с. 307). Другое условие — совпадение ареалов аккультурации злаков и животных, ибо злаки были для них одним из важнейших источников питания (601, с. 51, 52; 392, с. 9). Все исследователи считают эту комплексность обеих отраслей, их одновременное развитие, опережающее и определяющее значение собирательства и земледелия — обязательной в сложении производящего хозяйства (355, с. 108, 116, 117; 600, с. 51; 601, с. 216; 372, с. 61; 337, с. 428; 562, с. 96; 476, с. 571). Это и объективная основа и необходимое условие зарождения первобытного хозяйства.

Еще одно условие — на базе роста производительных сил и производительности труда население должно прийти к оседлости до появления земледелия и скотоводства (309, с. 64). Оседлость, основанная на собирательстве и охоте, есть генеральный признак зарождающегося хозяйства, без которой невозможна аккультурация злаков и животных. Отсюда и наличие первых стационарных поселений, основанных на собирательстве и охоте. Массивы диких злаков давали жизнь оседлым поселениям, а это уже мостик к их аккультурации, а запасы зерна и соломы облегчали первые опыты по domestикации и животных (90, с. 128, 129). В связи с этим интересно, что в дагестанских языках есть общедагестанские (п्राязычные) слова, обозначающие колос, солому, полову, траву, сено, но нет слова "пастбище", а в существующих "основы не обладают генетическим родством". Доместицируемый скот не мог выгоняться на пастбище, он "кушал" дома, поэтому, как например, в даргинском языке, понятие выпаса произошло от слова "кушать" (луччиз — есть (для скота) — луче — выпас) (512, с. 148, 149, 152, 153, 164, 169, 174, 204, 205, 207, 208, 209, 278, 279, 280, 282; 556, с. 21-23, 26, 52, 53, 60-62, 64-66, 72, 124, 130, 133, 139; 434, с. 69).

Еще одно условие-обстоятельство: упомянутая нами выше перенаселенность. Она наступала скорее в субтропической, степной зонах, где беднее флора и фауна и оттого скорее наступала критическая плотность населения, дававшая толчок к переходу к производящей экономике (203, с. 71, 72, 76, 77; 119, с. 22; 322, с. 149). Идеальным полигоном в этом отношении является Дагестанская географическая провинция, сочетающая разнообразие и множественность экотипов с органической бедностью (аридность, сухие почвы и растительность, популяционная бедность фаунистических экотипов, связанная с бедностью органической базы).

По-видимому, не случайно именно внутренний горный известковый Дагестан с наиболее сухим климатом, скалистый, с наименьшей облесенностью, слабостью почвенного покрова вне лиманов, но зато с густой сетью рек и речек, и больших и малых долин, и ущелий стал центром зарождения производящего хозяйства,

террасного земледелия, горного орошения, горной монументальной каменной архитектуры и т.п. Именно он представлен наиболее выразительными памятниками первобытной эпохи, периода зарождения и дальнейшего развития производящего хозяйства (Чох, Гинчи и др.). Дагестанские археологи считают, что Дагестан стоит в ряду первичных очагов сложения производящего хозяйства (В.Г. Котович, М.Г. Гаджиев, Х.А. Амирханов) (314, с. 121-164; 173, с. 7-8; 174, с. 55-58; 175, с. 5-27; 70, с. 146-147; 71, с. 158-181). В основе их построений следующие моменты: наличие злаков и животных для аккультурации, традиции оседлого собирательского и охотничьего хозяйства, параллели с древнейшими памятниками Ближнего Востока. По части злаков Н.И. Вавилов считал Дагестан одним из очагов "первоначальной земледельческой культуры", "наиболее важным мировым очагом" видového происхождения злаковых, без которого "нельзя понять эволюцию пшеницы и ржи" (144, с. 24; 140, с. 591).

Называя Кавказ "исключительным явлением в смысле видовых и сортовых ресурсов", Н.И. Вавилов ставит его на первое место "по разнообразию видов культурных и диких пшениц" (145, с. 116).

Заметим, что в XIX-XX вв. в Дагестане возделывалось 7 видов и 55 разновидностей (ботанических) пшеницы, 14 разновидностей и 30 рас ячменя (это свыше 60% форм ячменя СССР), 5 рас и разновидностей ржи, 7 родов и видов с 50 расами — фасоли и др. (235, с. 79-81, 88, 117; 293, с. 166). Эти положения подтверждены и современными исследователями, в частности ими отмечено и "большое разнообразие типов хозяйственных земледельческих комплексов", в т.ч. "горное террасное земледелие Дагестана" (356, с. 54; 340, с. 109-110). Н.И. Вавилов, как известно, причислял Дагестан к мировым центрам террасного земледелия, говорил о "интенсивной террасной культуре", "изумительных земледельческих террасах" и заключал: "Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане" (142, с. 80).

Но, как указывалось, производящее хозяйство выступало в "нерасчленном единстве". Как же обстояло положение со вторым членом симбиоза — скотоводством? В костных остатках Чохского поселения, о котором мы говорили, преобладают кости муфлонообразного барана (*Ovis sp. cf. Gmelini*) и безоарового козла — прототипов домашних собратьев; в мезолитических стоянках Козьма-нохо и Мекеги — тоже (319, с. 20). Армянский муфлон, который в последнее время признается чуть ли не единственным предком домашней овцы, хотя и не зафиксирован в Дагестане периода производящего хозяйства, однако фиксируется в конце плейстоцена — начале голоцена. В Чохском поселении он преобладает, и независимо от того в каком виде — диком, полудомашнем, домашнем (имея в виду осторожное заключение Н.К. Верещагина) (159, с. 195. Табл. 42), важно что он был. Особую убедительность этому придает факт наличия муфлона на наскальных изображениях мезолитических охотников Чувал-Хварабнохо и Козьма-нохо недалеко от Чоха (318, с. 55, 56, 60). Этим самым как бы выполняются требования, которым должны удовлетворять материалы о региональной доместикации, сформулированные В.А. Шнирельманом:

определение костных остатков доведено до вида (муфлон), наличие вида "надежно зафиксировано" разнородными памятниками для предшествующего доместикации периода; материалы свидетельствуют, что дикий предок служил "важным источником пищи местному населению" (601, с. 37, 38, 41).

Крупный знаток древней фауны Кавказа Н.К. Верещагин считает, что в древнем Дагестане еще в плейстоцене были формы, которые могли послужить исходными и для доместикации (159, с. 195: 366-367). Среди всех костей диких животных в Гинчи К.Н. Золотов определил больше всех костей безоарового козла (249, с. 37; 251, с. 240-241) (*Sarpa hircus aegagrus*), а в группе мезолитических изображений Чинна-Хита (также недалеко от Чоха) безоаровый козел занимает главное место не только по количеству, но и по использованию в композиционной символике. Вполне закономерно, что в более поздних писаницах (Харитани I), периода неолита-энеолита, когда зарождалось и развивалось производящее хозяйство, главное место уже занимают быки (318, с. 37-38. Табл. 2, с. 85-87, 96-97). К неолиту относится и известная находка костей уже одомашненного быка (*Bos taurus G.*) на стоянке Малин-Карат (309, с. 207).

Таким образом, в Дагестане вроде бы были условия для зарождения в начале голоцена производящего хозяйства. Однако это положение не разделяется рядом исследователей, в т.ч. известными специалистами древнейшего хозяйства. Так А.А. Формозов предостерегает против преувеличения факта наличия на Кавказе диких предков доместичированных злаков и животных, ибо такое наличие не "предопределяло раннее сложение производящего хозяйства", поскольку для этого необходим и высокий уровень социального развития племен. В то же время автор признает, что культура в Дагестане складывалась преемственно, на основе палеолитической, и даже признается складывание производящего хозяйства, но только в виде первых шагов. Однако в другой работе скотоводство на Кавказе в мезолите вообще отрицается; в обзорной третьей производится искусственное разделение Западного (плодородный земледельческий, под влиянием античной) и Восточного (скотоводческий, под влиянием Передней Азии) Кавказа, восходящее по его мнению к палеолиту (551, с. 19, 44-45, 47, 48; 548, с. 21; 545, с. 34; 549, с. 21). Здесь можно отметить два несоответствия: 1) зарождение производящего хозяйства произошло именно в горных, предгорных сухих районах, (а не в плодородных долинах), причем при их перечислении Н.И. Вавилов первыми называет Армению и Дагестан (142, с. 82); 2) поскольку по автору скотоводство играло более крупную роль, значит оно было, что противоречит положению автора об отсутствии его на Кавказе в мезолите и даже неолите; 3) поскольку зарождающееся хозяйство было комплексным, выступающим в нерасчленном единстве, состоя "из слитых двух отраслей", "двух китов" и т.д. (462, с. 19; 83, с. 95; 341, с. 109; 389, с. 110), постольку наличие скотоводства с мезолита, имея в виду, что одной из предпосылок слитности являлось совпадение ареалов аккультурации злаков и животных, и то, что один из важных источников питания для скота — зерно, солома (392, с. 9; 601, с. 51, 52), должно предполагать и

соответствующего уровня (и даже опережающее) земледелие; 4) в мезолите и неолите именно переднеазиатское влияние было наиболее прогрессивным и продуктивным, именно здесь мы находим начало и классические формы тех процессов, которые приводят к распространению неолитической революции на территории нашей страны, а два “центра производящей экономики” — “среднеазиатский и кавказский были непосредственно связаны с Передним Востоком и испытывали прямые его воздействия”. И далее: “Есть основания полагать, что связи с Ближним Востоком в широком смысле стимулировали развитие производящего хозяйства на Кавказе” (413, с. 10-11; 389, с. 124; 412, с. 78, 114).

Однако нельзя игнорировать замечания А.А. Формозова о необходимости для сложения производящего хозяйства определенного уровня социального развития.

Даже при наличии комплекса предпосылок, зарождению производящего хозяйства должна предшествовать целая эпоха. Она приходится на верхний палеолит и мезолит. Уже упоминалось, что ХКТ древности были прежде всего экологическо-хозяйственными группами (447, с. 3). Однако на ранних этапах палеолита древнейшие гоминиды еще не дошли, не доросли до хозяйственно-культурной дифференциации, не приспособились к выбору специфических форм хозяйственной деятельности, учету нюансов экологической среды, и везде в пределах ойкумены были как бы на одно лицо — ХКТ бродячих охотников и собирателей. Дифференциация на экологическо-хозяйственные группы происходит лишь в среднем палеолите (86, с. 9-10), с этого времени хозяйство уже “реакция на окружающую среду, которая рождает всю сумму потребностей находящегося в ней коллектива” (577, с. 23). Накопление культурных достижений порождает “новые потребности и способы их удовлетворения”. Таким образом к географической среде в качестве предпосылок производящего хозяйства требуются и “общественные и культурные предпосылки”, например, древность появления человека современного вида, длительное заселение им этой среды, развитие его хозяйственной деятельности (577, с. 23), а также сложившиеся в предшествующий период орудия труда, техника, ее достаточно высокий уровень, наличие зачатков положительных знаний, развитое охотничье — собирательское хозяйство, значительная плотность населения, затруднявшая экстенсивное расширение угодий и т.п. (390, с. 15). Поэтому неолитическая революция это длительный процесс, от верхнего палеолита до энеолита.

В области земледелия: оно из вспомогательной отрасли мезолитических охотников — собирателей становится в неолите ведущей отраслью. Одновременно можно говорить о появлении ХКТ земледельцев-охотников, а затем земледельцев-скотоводов (269, с. 32-33; 303, с. 64-66). Технологический аспект изменения ХКТ — изобретение шлифованных орудий, топоров, особенно топоров-тесел, сделавших возможным подсечное земледелие, очистку участков, строительство, изготовление утвари и пр. (269, с. 33; 309, с. 212; 289, с. 109; 305, с. 70-71; 303, с. 26-27; 389, с. 93).

Так же и в скотоводстве к предпосылкам необходима была оседлость и

земледельческая продукция. Точка зрения, согласно которой “как из искания плодов возникло земледелие, так равным образом в результате охоты появилось скотоводство” (481, с. 41-43), оказалась ошибочной.* Дж.Мелларт, характеризуя натуфийскую и др. протонеолитические культуры (Иерихон, Хаджилар), придает мало значения скотоводству, которого фактически еще нет, при определении хозяйства как производящего (397, с. 26; 34, 97-89). Запасы зерна и соломы давали возможность подкормки, что создавало предпосылки для доместикиации. Поэтому доместицированными в первую очередь оказались основные объекты охоты населения (напр., овца — Северный Загрос, коза — Южный, тур — Анатолия) (603, с. 266-267).

Однако для перехода к производящему хозяйству необходима заготовка впрок и животноводческой продукции — мяса, рыбы (459, с. 154). Не случайно первым прирученным (и одомашненным) животным оказалась собака (от свалок). Опыт приручения собаки использовался при одомашнении других (приманивание). В доместикиации путей и способов было много, в т.ч. и случайные (“любительство”, детские забавы и другие нехозяйственные действия) жертвенный, симбиозный — животные сами идут навстречу и т.д. (601, с. 19-20).

Однако главный стимул доместикиации — хозяйственные нужды, в основе которых — “стремление сохранить важный источник питания в условиях роста растительной пищи и тенденции к оседлости, что привело к оттеснению охоты на второй план” (603, с. 267, 269). Доказательство этого — и в приоритете мелких животных (возможно “любительство”), тогда как приручение крупных (например, злобные и неукротимые бык, кабан) можно связать только с хозяйственными соображениями, и в первую очередь мясом, шкурами, костями. Молоко стали использовать много позднее (372, с. 64), возможно через детей.

Однако для всего этого (специального земледелия и скотоводства) был необходим толчок, и в определении характера этого толчка — предпосылки А.А. Формозов безусловно прав — он носил социальный характер. Хорошо сказано об этом у В.И. Массона: переход к земледелию и скотоводству не следствие “экспериментальных забав досужих интеллектуалов, а острая экономическая необходимость”, и главная роль в этой необходимости принадлежит противоречию “между возрастающим населением и производственными возможностями старых форм экономики” (в частности, кризис охоты), истощением ее возможностей (389, с. 136-138).

В условиях Дагестана, при органической и кинетической бедности флоры и фауны и богатстве экотипов, по-видимому, сыграл большую роль климатический оптимум голоцена, выразившийся в “благоприятном соотношении тепла и влажности, вызвавшем интенсивное развитие растительности и животного мира” (232, с. 5). С

* Одним из первых это доказал Hahn Ed. (617, с. 3; 618, с. 57-58, 66-69, 70, 72-74).

его ослаблением. который выразился здесь раньше и резче, мог наступить указанный охотничий кризис.

Несмотря на наличие условий и предпосылок для зарождения производящего хозяйства в Дагестане (ландшафт, климат, трансгрессии и уплотнение населения, предшествующая оседлость и пр.) остается фактом, что производящее хозяйство Кавказа отставало от переднеазиатского примерно на 2 тысячелетия. Это может свидетельствовать о большей плодотворности и импульсивности тамошних предпосылок.

С развитием производящего хозяйства, в тесной связи с географической средой происходит размещение различных форм сельскохозяйственного производства, т.е. складываются ХКТ (86, с. 8). Так примерно выглядит этапность их сложения: 1) охотники и собиратели злаков позднего мезолита, XI-IX тыс. до н.э.; 2) мезолитические "сборщики урожая" (ячменя и пшеницы); 3) охотники и собиратели с "болотным" или "лиманным" растениеводством; 4) развитие ирригации, появление оседло-земледельческого хозяйства и скотоводства (VII-VI тыс.); 5) первое разделение труда, специализация по скотоводству и орошаемому земледелию; 6) развитие ирригации, бронзовые орудия, классы, государство (IV-III тыс.) (85, с. 26).

Опирающиеся на современные достижения археологии, генетики, абсолютной датировки исследователи подтвердили "географию первоначальных ареалов возникновения скотоводства и земледелия" Н.И. Вавилова (84, с. 34-35). Однако Кавказа среди них нет. Особо стоит среди всех самый ранний из них — переднеазиатский, по отношению к которому Кавказ и Средняя Азия рассматриваются как субцентры, обнаруживающие с ним "тесные связи, в первую очередь с загросской культурной общностью" (392, с. 9, 10; 84, с. 34, 35). Отметим в связи с этим, что если в Передней Азии была множественность самостоятельных очагов доместикиции, зарождения производящего хозяйства, "центров зарождения цивилизации" (397, с. 18-19), если нет оснований считать, что секрет одомашнивания животных "стал известен одной племенной группе и от нее распространился" (391, с. 116), то тем больше оснований говорить о большой степени самостоятельности Кавказского очага зарождения производящего хозяйства, правда, с отставанием от переднеазиатского, и не исключая воздействия последнего как в форме культурного влияния (импорт вещей и идей), так и инфильтрации носителей культуры (314, с. 130, 138, 140; 173, с. 9; 601, с. 70-71). Отличия в развертывании неолитической революции проявляются прежде всего в культурном отставании.

Дж. Мелларт определяет ее начало на Ближнем Востоке с X тыс. до н.э. (финальный верхний палеолит, он называет мезолитом). Мезолит (у него протонеолит) — IX-VIII тыс. до н.э. (397, с. 18) — по определению Н.Я. Мерперта — это "первая фаза развития древнейшего земледелия", началом ее он считает "первые регулярные попытки доместикиции", завершением — "формирование первых долговременных земледельческих поселков" (Карим Шахир, Зави Чеми, Шанидар и др.) (399, с. 9-10). В древнем Дагестане этот этап вызревания элементов и зарождения производящего хозяйства приходится на

VII-VI тыс. до н.э. Наличие типологической связи инвентаря с мезолитическим указывает на преемственность культуры и ее самостоятельность, непрерывность развития (70, с. 146, 147).

Отставание дагестанского (кавказского) очага особенно отчетливо прослеживается на втором этапе неолитической революции — становления и дальнейшего развития производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства. Там — VII-середина VI тыс. до н.э., здесь — середина VI-V тыс. до н.э. (397, с. 18; См. также: 267, 1, с. 11-108; 174, с. 55-58; 173, с. 9-13; 309, с. 9-17, 88-98, 179-183, 211-222; 314, с. 121-153, 163-164). Там завершение становления приходится на VII тыс. (первую половину неолита), по Н.Я. Мерперту это вторая фаза развития древнейшего земледелия (полная доместикиция овцы, козы и др., фортификация, керамика, металл) — Джармо, Тепе-Гуран, Али Кош и др. (399, с. 10).

Как видно, там фаза становления длилась чуть больше тысячи лет, здесь — полторы. Там более благоприятные экологические условия, взаимодействия нескольких очагов, сочетание сухих предгорий с большими аллювиальными равнинами, более высокий уровень социального развития. В Дагестане, видимо, сказались и самостоятельность, и оторванность (относительная) процесса, более поздняя доместикиция или импорт КРС, отсутствие аллювиальных равнин, ресурсная бедность экологической среды.

Третья фаза (по Н.Я. Мерперту) знаменует расцвет первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Она охватывает период VI-V тыс., т.е. вторую половину неолита и ранний и средний энеолит (халколит). Характеризуется завершением доместикиции растений и формированием полного стада (кроме лошади и верблюда) животных, широким расселением земледельцев по равнине; естественным и искусственным орошением, ростом ремесла, обмена, "явным ростом прибавочного продукта", группами поселений и "протогородскими центрами" (389, с. 10-11). В Дагестане эта фаза приходится на энеолит и раннюю бронзу (V-III тыс.) с отставанием на 1,5 тыс. лет и целую эпоху. Вкратце эти фазы для Дагестана: 1) Вызревание и зарождение элементов производящего хозяйства — мезолит, VIII-первая половина VI тыс. до н.э.; 2) Становление и дальнейшее развитие производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства — неолит и энеолит — вторая половина VI-V тыс. до н.э.; 3) Расцвет первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства — эпоха бронзы (III-II тыс. до н.э.) (314, с. 145-153, 163-164; 173, с. 10). Относительно ХКТ положение обстояло так: в начале голоцена (исходе плейстоцена) на всей западной половине ойкумены складывается "средиземноморско-африканская область с преобладающим ХКТ степных собирателей и охотников, или прибрежных рыболовов" (540, с. 20; 85, с. 9-11). (Вспомним о горных степях Дагестана). С.П. Толстов называет его "охотничьим полуседлым хозяйством" (531, с. 19). В мезолите и неолите появляются различия в темпах развития населения природных зон, в ряде областей складываются предпосылки для перехода к типам хозяйства (ХКТ), основанным на растениеводстве и разведении животных (85, с. 25). Важно, что несмотря на единство процесса, он носил полицентрический характер, с охватом обширной территории (391, с. 116-117). При этом многие исследователи, не включая Кавказ в число первичных очагов (напр. Б.В. Андрианов)

(85, с. 25), подразумевают его вхождение в переднеазиатский ареал. Материалы по Дагестану пока бедны, но есть один памятник, позволяющий проследить эволюцию хозяйства на протяжении многих эпох — с середины VI тыс. до н.э. Это Чохское поселение. В мезолите — одинаково развиты собирательство и охота. Главные объекты — муфлонообразные бараны и козлы. О первых (их кости составляют 78%) Н.К. Верещагин говорит, что “нельзя утверждать категорически, что мы имеем дело с дикой, а не одомашненной формой” (316, с. 153).

При этом вспомним, что исходные фаунистические экотипы были представлены здесь еще в плейстоцене (159, с. 195, 366-367).

В отношении земледелия важны микропластинки — лезвия жатвенных ножей и обломки сланцевой и костяной основы ножа, подобные основе из грота Сосруко в Кабардино-Балкарии.

С.Н. Бибиков охарактеризовал его как первое наиболее раннее достоверное жатвенное приспособление, найденное в СССР (118, с. 23-24). А.А. Формозов, правда, считает его ножом собирателей (547, с. 61), но Ю.А. Краснов и В.Г. Котович указывают, что наличие ножей исключает собирательство (дикие злаки ломки и самосыпаются — для самосева), и следовательно, мы имеем дело с начальной фазой земледелия, а Сосруко и Чох — очаги доместикации (тем более, что в последние годы здесь найдены остатки и культурного зерна — об этом ниже) (321, с. 64; 314, с. 133).

Другие раннеолитические памятники — Тарнаирское и Буйнакское, где встречены шлифованные топоры — тесла и крупные ножевидные пластины — признак оседлого земледельческого хозяйства, открытые селища — свидетельство сокращения потребности в угодьях (378, с. 117-124; 381, с. 78-82; 382, с. 21-30; 389, с. 141-142).

Таким образом, мы видим, что материалы, характеризующие вызревание элементов и зарождение производящего хозяйства малочисленны и фрагментарны. Они могут иметь значение лишь на фоне благоприятной для зарождения производящего хозяйства экологической среды и последующего бурного развития земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Именно в достижении этой скромной, хотя и принципиальной цели выяснения наличия экологического и культурно-хозяйственного фона для зарождения наблюдаемого в последующие эпохи развитого самобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства и состоит их главное значение.

2. Становление и дальнейшее развитие производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства — “неолитическая революция” (неолит и энеолит, VI-IV тыс. до н.э.)

Неолит — поворотная эпоха в истории человечества. “Переход к сознательному выращиванию съедобных растений, особенно злаков, и приручению, разведению и отбору животных — величайшая экономическая революция” (568, с. 55), по словам Г. Чайлда. Ему же принадлежит ставшее всеобщим определение — “неолитическая

революция” (609, с. 74). Первое крупное разделение труда — переход к производящей экономике, состоящей из двух “слитых отраслей, т.е. неолитическая революция” (562, с. 98-99). У нее две стадии: 1) зарождение отраслей и 2) “первичных оседлых земледельческо-скотоводческих поселений”. Первую труднее выделить, пока не созданы стандартизованные земледельческие орудия, у скотоводства же трудности — в определении границы между диким экотипом и его одомашненным дериватом. (523, с. 17-18). Особенно ощутимы эти трудности в субочагах наподобие Дагестана. Начало революции, считает В.М. Массон, определяется с момента опытов доместикации, конечный этап — “когда новые отрасли хозяйства стали господствующими в экономической системе” (дают не менее половины продуктов питания) (389, с. 110). Дополнительные признаки: устойчивая оседлость, глинобитная или каменная архитектура, посуда (особенно глиняная), массовое приготовление растительной пищи (389, с. 110; См. также, 391, с. 55).

Наиболее правильной моделью В.М. Массон считает модель земледельческо-скотоводческого хозяйства на базе высокоразвитой экономики охотников-собирателей “с вариантами преобладания земледелия или скотоводства” (не забывая, что хозяйство — комплексное, речь только о преимуществе) (389, с. 111. См. также: 399, с. 9). Такая постановка более правильна, чем “земледельческий максимализм” Э.Хана (617, с. 3), или теория “равноправия” (независимо друг от друга) Э.Тейлора (601, с. 13). При всей слитности, наличие у земледелия продукции (зерно, солома) облегчающей доместикацию животных, делало его первенствующим (617, с. 3; 165, с. 7; 389, с. 111).

Уже указывалось, что зарождение производящего хозяйства началось на Кавказе позднее, чем в Передней Азии, что не могло не привести к воздействию, влиянию последней в этом процессе (390, с. 14-15). Относительно вариантов считается, что в Закавказье был земледельческий, на Северном Кавказе — скотоводческий (389, с. 124; 303, с. 180-181). Р.М. Мунчаев считает, что несмотря на запаздывание, на Кавказе имелись предпосылки для самостоятельного сложения земледелия и скотоводства (благоприятный экологический фон — палеоботанические условия и фауна, развитие общества с глубокой древности, соседство с древнейшими культурами) (411, с. 78; 548, с. 21). Однако в последующей, совместной с Н.Я. Мерпертом работе Р.М. Мунчаев более категоричен в утверждении переднеазиатского влияния на неолитическую революцию на Кавказе (413, с. 10-11). Особенно последовательно отражена эта позиция в приложении по животноводству, автор которого считает, что КРС как вид монофилитичен по происхождению (переднеазиатскому), а овцу по причине отсутствия предковой формы кроме как на Ближнем Востоке и позднего появления ее в других местах (VI тыс.) считает привнесенной “на эти территории” (120, с. 305-306), и доказанным “моноцентризм доместикации овец в области Юго-Западной Азии и монофилитичность происхождения этого вида” (125, с. 305-306). Однако, муфлон был в Армении и Дагестане в конце плейстоцена — раннем голоцене, он преобладает в

материалах Чохского поселения (неважно в каком виде: диком или домашнем), на писаницах Центрального Дагестана (319, с. 20; 318, с. 37-38, 40 (Табл. 2), 96; 159, с. 195, 366-367). Поэтому позиция Мунчаева-Мерперта о “воздействиях” и “стимулировании производящего хозяйства на Кавказе”, не исключая самостоятельности его зарождения, (413, с. 124, см. также, 411, с. 78, 114)*, представляется нам более убедительной. По словам Мунчаева отсутствие надежных свидетельств не давало права “отрицать на этом основании возможность становления здесь в неолите земледелия и скотоводства” (411, с. 60).

Последние материалы Чохского поселения подтвердили его правоту. Получены новые данные “по заселению, адаптации к условиям высокогорья, времени и путей становления здесь производящего хозяйства” (71, с. 20). В неолитическом слое вскрыто: остатки жилища, обломки зернотерок, куранты, обломок костяной основы жатвенного ножа и др. Керамика имеет общность с энеолитом Закавказья. Кремневый инвентарь типологически связан с “нижележащими мезолитическими слоями”. Получены при промывках и определены Г.Н. Лисициной зерна диких и культурных злаков. Хронология — начало и первая половина VI тыс. до н.э. Преемственность в инвентаре указывает на непрерывность культурного развития в течение двух эпох, и “по-видимому, самостоятельное (в Кавказском масштабе) становление производящей экономики”, подтверждая правоту Н.И. Вавилова (71, с. 20; 70, с. 146-147). Замечательны многие результаты изучения памятника: “наиболее ранняя для Кавказа керамика, древнейшие для региона зерна окультуренных злаков..., костные остатки уже одомашненных животных**..., единственный в стране памятник, отражающий процесс вызревания неолитической культуры с производящей экономикой в основном на местной мезолитической основе”, наиболее древнее построенное жилище с каменной архитектурой и др. (71, с. 20; 70, с. 146-147; 72, с. 158-181, 205-208). Все это показывает исключительную важность памятника с точки зрения проблемы становления производящей экономики в Дагестане: после открытий на Чохском поселении сложение кавказского земледельческого очага, а также

* Сходная позиция у Д.Я. Телегина: неолит юга СССР “возник несомненно под значительным влиянием культур Древнего Востока, но это не было “прямым копированием”. Было взаимодействие экзогенных и эндогенных факторов, а само заимствование происходило в двух видах: 1) “заимствование лишь идей и понятий; 2) получение уже готовых импортов” (517, с. 21, 22; см. 90, с. 137). В этом плане вспомним суждение авторитетнейшего специалиста — В.И. Цалкина: для ряда видов (овца, КРС и др.) “по-прежнему совершенно неясен вопрос имеют ли они монофилитическое или полифилитическое происхождение, было ли их одомашнивание процессом моноцентрическим или полицентрическим” (566, с. 45-46).

** По Е.Я. Борисенко, домашние — это “выведенные человеком полезные ему животные, которые несут на себе печать человеческого труда, находятся в тесной зависимости от условий хозяйства и способны в этих условиях размножаться и подвергаться из поколения в поколение искусственному отбору и подбору”, с выделением из них “имеющих непосредственно отношение к сельскому хозяйству” — сельскохозяйственных животных (125, с. 10).

ХКТ земледельцев-скотоводов можно передвинуть с V и даже IV на VI тыс. (76, с. 222; 123, с. 173-174; 83, с. 95), (как в Туркмении), и разрыв между Ближним Востоком и Кавказом сокращается с 3-х до 1,5 тыс. лет.

Неолитическая революция имея началом мезолит, оканчивается в энеолите (6500-3000 гг. до н.э. (267, с. 28-34; 70, с. 146-147). Наиболее значительный памятник эпохи энеолита в Дагестане — Гинчинское поселение (IV тыс. до н.э.) (180, с. 55-61; 177, с. 7 сл.). Его характеризуют прочная оседлость, монументальная архитектура, это единственный на Северном Кавказе “памятник раннего земледельческо-скотоводческого типа”, с самобытной культурой” на местной неолитической основе, но под определенными южными влияниями”, отразившими связь “с общим процессом развития производящего хозяйства, который охватил в VII-IV тыс. до н.э. значительные области старого света” (411, с. 114). Инвентарь поселения характеризуется значительным прогрессом: крупные пластины — вкладыши для серпов, зернотерки, изогнутость серпов, и особенно бороздящие орудия из рога, и мотыги-сукватки (174, с. 55; 173, с. 9), послужившие по мнению исследователей основой для сложения грядильных орудий типа рал. (320, с. 157, 158).

Еще одним фундаментальным изменением в энеолитическом земледелии явилось его перебазирование на лиманные земли, речные террасы, (174, с. 55), что открывает возможности для радикального увеличения площадей, урожайности, прогресса орудий обработки, технологии, возможностей использования тягловой силы, селекции, ирригации и т.д. (399, с. 21; 90, с. 129; 389, с. 138-139).

Правда, мало находок зерна, но, во-первых, его не искали (не было промывок); во-вторых, оно есть в главном памятнике — Чохском, и не исключаются другие находки (Дж. Мелларт, например, допускает “вполне установившееся земледелие” при отсутствии находок зерна, но наличии “ступок и пестиков, зернотерок и курантов”); в-третьих, названия ячменя и ржи восходят по лингвистическим данным к дагестанско-нахскому праязыку (124, с. 17-18; 202, с. 21-22, 25-26). В сложении производящей экономики более отчетлив в Дагестане приоритет земледелия. Богатство ботанического фона при органической, кинетической бедности флоры вызывала бедность кормовых ресурсов, которая (при относительной бедности и фаунистических экотипов) тормозила процесс доместикиции животных. Поэтому дагестанская модель производящего хозяйства оказалась безусловно земледельческой. Однако слитность, бинарность обязательна во всех моделях, что демонстрирует и Чохское поселение. В Гинчи это отставание скотоводства отражено в костных остатках: 34,6% особей домашних животных (249, с. 37-38) (для сравнения: в Халафском Ярмытепе — V тыс. — 83,7% (120, с. 300). Пока здесь высока роль охоты в обеспечении мясом — 50%, позднее — 30 (173, с. 10). Общий подсчет костных остатков энеолитических поселений (96 тыс.) дает уже другое соотношение — 63% домашних, 37 — диких, это уже достаточно высокий уровень скотоводства (253, с. 157).

* В связи с этими цифрами можно вспомнить положение В.М. Массона: преобладающая отрасль хозяйства должна давать не менее половины продуктов питания (389, с. 10).

В соответствии с общей моделью развития комплексного хозяйства скотоводство носило придомный характер (491, с. 3), но в отличие от Закавказья преобладает МРС (1:9, позже 1:4) (174, с. 55-56; 251, с. 237-241). М. Гаджиев связывает это с большой ролью охоты в мясном обеспечении и молочным скотоводством (не резали) (173, с. 9). Однако все исследователи единодушны в том, что молоко стали использовать позже, да и данные по передней Азии показывают мясное использование КРС. (120, с. 303). Материалы по Закавказью показывают, что при дальнейшем развитии хозяйства неудобства для земледелия в горах вызывают к жизни отгонное скотоводство. Тут имеет значение и то, что скот легче дает прибавочный продукт на низком уровне производительных сил. Отгонное же скотоводство приводит к росту МРС, более подходящего для отгона (легче переносит передвижения, неприхотлив (341, с. 104, 109-110, 170; 461, с. 40). Еще одну причину роста овцеводства В. М. Массон видит в развитии подшерстка, что сделало шкуру "исключительно благодарным сырьем для ткачества" (393, с. 39). Сложение и рост отгонного скотоводства наблюдаются и в Дагестане. Это определил М. Г. Гаджиев, который выделил из имеющихся поселений такие, которые по своему характеру (слабый культурный слой, немногочисленность земледельческих орудий, отсутствие капитальных построек и пр.) являлись скорее всего сезонными поселениями скотоводов (173, с. 9; 175, с. 18-15). М. Г. Гаджиев связывает свою интерпретацию с концепцией Б. Б. Пиотровского о сложении отгонного скотоводства, как результате исторической закономерности развития хозяйства в горной зоне Кавказа: усиление роли скотоводства, формирование отгонной формы с сезонными перекочевками овец на яйлаги (463, с. 5). Местные особенности хозяйства, быта и культуры (использование защищенных мест, круглоплановые постройки и т. п.) он связывает поэтому с таковыми у племен Куро-Аракской культуры и делает вывод, что комплекс ее основных признаков сложился еще в энеолите, и Дагестан — один из очагов ее формирования (175, с. 26-27). Очень интересные выводы, однако, этому несколько противоречит положение с развитием овцеводства — тенденция не на рост удельного веса МРС, что неизбежно при отгонном скотоводстве, а на его уменьшение.

Да и автор в другой работе подчеркивает различие между органически едиными земледелием и скотоводством Дагестана и хозяйством племен Закавказья с их яйлажным скотоводством (173, с. 12-13).

Долинно-равнинное же скотоводство — было (как и в Закавказье, Средней Азии и др.) оседлым мясомолочным, ориентированным на КРС, который представляет и тягловую силу (симбиоз: корма — тягловая сила) (393, с. 38; 341, с. 109, 170; 304, с. 14). Поэтому, не отрицая категорически выводов автора, отметим, что в данном случае речь идет скорее всего о сочетании стационарного содержания с яйлажным отгоном (внутриальпийское скотоводство). Примерно такую же картину развития древних земледелия и скотоводства дают Н. Я. Мерперт, В. А. Шнирельман и др. (398, с. 8-11; 601, с. 244, 245).

В схеме В. А. Шнирельмана комплексное производящее хозяйство было необходимым этапом, но затем начинают возникать вариации сочетания и преобладания отраслей, связанные с распространением земледельческо-скотоводческого хозяйства во вторичные очаги, с другими экологическими условиями, хотя и не обязательно каждое достижение культуры (в т. ч. доместикиции) было уникальным (601, с. 245).

По-видимому, в Дагестане, в соответствии с особенностями его экологии, как в одном из субочагов, сложились особенности в развитии скотоводства. Преобладание МРС падает здесь на более ранний период и затем сходит на нет, тогда как по общей модели должно было нарастать. Это преобладание МРС здесь было, по-видимому, связано с запаздыванием доместикиции КРС из-за меньшей приспособленности его для содержания в сухом среднегорье — колыбели производящего хозяйства (389, с. 87; 303, с. 66). То что здесь произошло сходно с общей схемой Г. Е. Маркова о развитии животноводства ранних земледельцев: доместикиция МРС, легкость получения прибавочного продукта с их помощью и рост скотоводства, изменение ландшафта (от выпаса), падение кормовой базы и тенденция на интенсификацию земледелия (372, с. 91). В результате в неолите (в Дагестане — в энеолите) скотоводство превращается во вспомогательную отрасль земледелия, и новый его расцвет связан в дальнейшем с "пустынными, горностепными областями, где отсутствовали условия для интенсивного земледелия" (372, с. 91), т. е. он был уже субочаговым, региональным.

Этот период совпадает с повышением удельного веса КРС, что связывается и для Дагестана с тягловым использованием (175, с. 56; 114, с. 144) (напр. название ярма восходит к общедагестанско-нахскому уровню языка) (566, с. 69). Таким образом, на территории древнего Дагестана от мезолита до финального неолита и энеолита прослеживаются все три группы ХКТ, различающиеся хронологически возрастающей производительностью труда и величиной прибавочного продукта: 1) собиратели-охотники, 2) мотыжного земледелия и животноводства, 3) "плужного пашенного земледелия с использованием тягловой силы" (570, с. 171).

В этой "вертикальной" (570, с. 173) классификации первый этап (ХКТ) является и "горизонтальным", т. к. древнейшие гоминиды имели во-первых, в ареале своего сложения сравнительно однородные экологические условия, и во-вторых, независимо от условий они все начинали с одного — примитивного собирательства и охоты, т. е. принадлежали "к одному ХКТ бродячих охотников и собирателей". Расширение ойкумены и "хозяйственно-культурная дифференциация" происходит в среднем палеолите (86, с. 9, 10), но даже еще в неолите обнаруживаются большие культурные ареалы, с охватом подчас целых субконтинентов, индивидуальных, не соотносящихся с "ландшафтно-климатическими зонами" (128, с. 130). Появление культурных общностей "сопряженных с ландшафтно-климатическими зонами" связано уже "с зарождением общественного разделение труда" (128, с. 130). Именно на этом этапе ХКТ тесно связаны с экологическими условиями.

Тогда же возникают предпосылки складывания в горных странах "локальных

культурных вариантов" даже одного и того же "этнического пласта" (471, с. 12; 391, с. 262, 277).

В Дагестане мы видим проявление этих общих моделей. В палеолите-мезолите — специализированные охотники-собиратели, причем для всех зон характерна "одинаковая основа хозяйственной деятельности" — в палеолите преимущественно охота, в мезолите — начале неолита — ХКТ охотников и собирателей (309, с. 90); в неолите переход к ХКТ земледельцев и охотников с перерастанием в ХКТ земледельцев и скотоводов. Если Чохская стоянка демонстрирует еще комплексное хозяйство начинающих земледельцев-скотоводов, то в неолите уже имеется ландшафтно-климатическое районирование, получает преобладание вариант ХКТ земледельцев-скотоводов.

В энеолите же намечаются и контуры зональной климато-географической специализации ХКТ: на приморский, горный, горно-долинный (лиманное земледелие и сезонно-яйлажное содержание скота), высокогорный.

К финалу энеолита (конец IV тыс.) — завершение неолитической революции в Дагестане. Одно из ощутимых последствий ее — увеличение населения ("первый демографический взрыв") (390, с. 16) и соответственно расселение человека по всей периферии ойкумены. Становление производящего хозяйства повлекло за собой смену ХКТ и резкое возрастание плотности населения (конец палеолита — 3 млн., конец неолита — 50 млн.) (562, с. 99-102; 398, с. 8-11; 296, с. 165, 206, 235); по другим данным: за одно тысячелетие неолитической революции население возросло в 16 раз — с 5 до 80 млн. (399, с. 5). Изменяется сам облик, наполнение ХКТ: постоянные жилища и поселения, керамика, оседлость, обрядность, ритуалы, усложнение общественного быта, возрастание организационных функций системы управления, сложение постаршего организма и пр. С другой стороны "величайшая экономическая революция" стала и социальной, и культурной революцией. Предпосылки перехода к классовому обществу — избыточный (потом прибавочный) продукт, обеспечило именно производящее хозяйство (390, с. 16; 125, с. 62; 127, с. 188). Как указывал Ф.Энгельс "приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения" (9, с. 57).

Одна из особенностей этих процессов в Дагестане — это острота земельного вопроса. Материальным воплощением этой остроты явились скученные дагестанские аулы, монументальная архитектура, проявившиеся уже в энеолите. Это, конечно, всеобщая тенденция, ибо накопление богатств и сплошное освоение территорий переводит потенциальную отчужденность и враждебность на уровень вооруженных столкновений, что стимулирует развитие укреплений (393, с. 138).

В условиях лиманного земледелия Дагестана речные поймы и террасы приобрели при таком положении особую ценность и укрепленное поселение у лиманов было и гарантом урожая и пищи, и одновременно, гарантом защиты своих угодий-кормильцев. Яркий пример подобного поселения — Гинчи, с мощными оборонительными

сооружениями со стенами двухметровой толщины (180, с. 56). В известном смысле неолитическая революция как-бы заложила в зародыше предпосылки будущего своеобразия хозяйства, культуры и быта Дагестана, с его хроническим земельным голодом и истовой борьбой за его утоление (напр. террасы); бедностью и разнообразием способов чтобы справиться с нею (напр. отходничество, промыслы), отчужденностью, борьбой за каждый "свой" клочок земли, и в то же время удивительным пониманием "своего" в общедагестанском смысле (и в хозяйстве, и в обороне во время нашествий пришельцев). И именно в эпоху становления производящего хозяйства были заложены основы богатства и разнообразия форм хозяйствования и материальной культуры, контуры и скелеты ХКТ Дагестана.

3. Расцвет первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства (эпоха бронзы, III-II тыс. до н.э.)

Поскольку сущность ХКТ определяется, как указывалось, хозяйством, продолжим обзор развития хозяйства. Относительно хозяйства эпохи бронзы Кавказа, и в частности Дагестана, имеются две основные точки зрения. Основная часть исследователей считает, что в эту эпоху Кавказ становится скотоводческой страной с отгонным скотоводством. Поэтому исследования дагестанских археологов, показывающие расцвет земледельческо-скотоводческого хозяйства, носят диссонансный характер и не всегда учитываются другими исследователями.

Согласно концепции Б.Б. Пиотровского и его последователей Кавказ как горная страна оказался одним из тех ареалов, в котором в процессе расширения ойкумены сложился тип хозяйства, в котором произошло "отделение скотоводства от земледелия" и "ведушую роль" играет полукочевое (яйлажное) скотоводство (462, с. 19; 461, с. 75-76). Второй уклад — скотоводческий, с превращением в кочевой на Кавказе распространения не получил. Это отделение, или "второе крупное общественное разделение труда" И.Н. Хлопин относит к III тыс. до н.э., В.И. Бибилова, С.С. Черников — гораздо раньше (562, с. 102; 120, с. 306; 575, с. 32).

Общей закономерностью этой эпохи считает сложение первых форм "подвижного скотоводства" и "формирование интенсивных методов ведения скотоводческого хозяйства в среде плужных земледельцев" В.А. Шнирельман (601, с. 242). Некоторые исследователи полагают, что "центр тяжести в экономике кавказских племен был перенесен на скотоводство" по причине "примитивного характера земледельческой культуры", выразившегося в отсутствии сложной ирригационной системы" (165, с. 84-85). Это привело к тому, что начинает преобладать МРС, "появляются временные поселения пастухов", осваиваются высокогорные луга, "скотоводство принимает форму полукочевого, отгонного" (165, с. 84-85). А отсюда один шаг к концепции А.А. Миллера о том, что использование яйлагов привело к появлению в горах "постоянного населения", с базирующимся на овцеводстве хозяйством (402, с. 51). Таким образом и в эпоху бронзы исследователи отдадут

решающую роль в хозяйственной специализации экологическим условиям: равнина — КРС, пустыня, полупустыня, предгорья — МРС (237, с. 113). Правда, Г.Е. Марков считает, что усиление скотоводческого направления произошло только к концу II тыс. до н.э. и этапность его он видит следующим образом: “оседлый скотоводческо-земледельческий, полuosедлый (его называют также полукочевым), яйлажный, отгонный, кочевой (373, с. 18). К.Х. Кушнарева и Т.Н. Чубинишвили, напротив, относят интенсификацию животноводства к III тыс. до н.э. (в предгорных и горных районах). (341, с. 105). Исследователи относят этот процесс ко времени куро-аракской культуры, главной чертой которой считают “быстрое становление скотоводческого хозяйства”, яйлажное скотоводство (341, с. 172-173). В отличие от них главной чертой этой культуры Р.М. Мунчаев считает “развитие земледельческого хозяйства” и что характерно — наиболее выразительным в этом отношении памятником он считает Галгалатлинское поселение в Дагестане. Однако и Р.М. Мунчаев согласен с тем, что на Северном Кавказе земледелие играло меньшую роль и “ведущей отраслью по всей вероятности являлось скотоводство” (411, с. 378, 382). О процессе освоения горных районов, связанным с отделением скотоводства от земледелия, увеличением поголовья, для которого понадобились горные пастбища, говорит и Б.В. Техов (519, с. 194-196; 278, с. 83). Внедрение яйлажной формы на Центральном Кавказе он относит ко II тыс. до н.э., но для населения он правильно считает свойственным оседлый образ жизни (519, с. 194-196; 278, с. 83).

Я.В. Чеснов, говоря о заселении гор Кавказа, связанном с особой скотоводческой отраслью, считает, однако, что “это заселение было в своей основе земледельческо-скотоводческим” (577, с. 56-57). О освоении высокогорных районов на Северном Кавказе путем развития отгонного скотоводства, прослеживаемом от энеолита, майкопской культуры до кобанской говорят Е.И. Крупнов, Л.И. Лавров (326, с. 102-103; 344, с. 222-223). Однако исследователи, как правило, оговаривают, что развитие яйлажного скотоводства происходит “с сохранением оседлых поселений с освоением высокогорных пастбищ для летнего выпаса стад” (448, с. 125-126, 194). Р.М. Мунчаев причиной сдвигов населения и освоения высокогорий считает не развитие овцеводства, не разного рода катаклизмы, а ухудшение климата, возрастание аридности (411, с. 413-414; 380, с. 133).

Четкую общую картину этапов развития скотоводства Кавказа дает В.М. Шамиладзе: неолит (VII тыс.) — domestикация, примитивное комплексное хозяйство; энеолит — расселение на равнине, ирригация, оседлое земледелие и скотоводство (придомное); ранняя бронза — движение в горы, вызванное развитием скотоводства; средняя бронза — в предгорье симбиозное земледельческо-скотоводческое хозяйство (соха — бык), появление горного отгонного скотоводства; конец средней бронзы — постоянные поселения в высокогорье, появление внутриальпийского скотоводства, препятствия — пределы его развития и появление трансюманса (589, с. 281, 282-284, 287-289, 290-291; 359, с. 28; 92, с. 93; 261, с. 205).

В этой характеристике отражена концепция общей закономерности развития хозяйства и скотоводства горных стран, связанной с ростом МРС, дающего большой прибавочный продукт, и кризисом кормовой базы (диспропорция летних и зимних пастбищ) (463, с. 6, 15; 138, с. 118-119; 326, с. 83; 341, с. 109-111).

Эта концепция получила подтверждение на примере многих регионов, однако исключения, как известно, могут быть из всякого правила, и определенным исключением был древний Дагестан, где сочетание экологических, социально-экономических, культурных и политических факторов оказалось иным, что повлекло за собой и иной результат и последствия.

Первым, кто подверг сомнению концепцию о освоении горной части Дагестана в эпоху бронзы и даже железа в связи с развитием отгонного скотоводства был В.Г. Котович. Он обратил внимание на тенденцию соотношения костных остатков КРС и МРС — возобладания с энеолита КРС, что считается безусловным признаком оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, ибо КРС не может перегоняться на большие расстояния, к чему МРС приспособлен в гораздо большей степени (491, с. 4; 393, с. 39; 253, с. 164). При этом автор стал учитывать не только соотношение но и сравнительную массу, поскольку в палеоэкономических исследованиях при анализе скотоводства правильнее (результативнее) проводить “учет костных остатков не по числу особей, а в пересчете на выход мяса” (388, с. 3; 565, с. 124; 567, с. 269). Особенно актуален анализ для эпохи ранней бронзы Дагестана, как переходного периода от завершения становления производящего хозяйства к складыванию направлений хозяйственной деятельности на основе имеющихся типов хозяйствования (земледельческий и скотоводческий). Период довольно богато представлен памятниками, позволяющими изучить хозяйство, ХКТ, и исключить случайности в определении и толковании соотношения и регионального размещения (и их удельного веса) основных отраслей хозяйства. В горной части это Гинчинское, Гапшминское, Усишинское, Галгалатлинское, Кулинское, Верхнегунибское (180, с. 55-61; 181, с. 102, 103; 314, с. 145 сл.), в предгорной — Верхнесигитминское, Чиркейское, Мекегинское (280, с. 158-159; 310, с. 285-286; 182, с. 46-48), на равнине Великентское, Каякентское, Джемикентское, Гильярское поселения (311, с. 121-136; 410, с. 21-26 и др.). Средняя и поздняя бронза представлены такими памятниками как Верхн.Гуниб, Ирганай, Ингердах, Местерух, могильники Гинчи, Чох, Галгалатли, Гагатль, Урма (317, с. 241-257; 107, с. 28-34; 466, с. 109-123; 176, с. 155-175; 409, с. 43-47; 323, с. 100-140), в предгорье — Нижн.Сигитма, Миатли, Чиркей, Тарки, Кичи-Гамри, Утамыш, Маджалис, могильники Мискин-Булак, Талги (281, с. 32-51; 330, с. 221-222; 508, с. 240-257; 315, с. 154-155; 263, с. 126-132 и др.). На равнине — могильники Кяхулай, Манас, Каякент, Мамай-Кутан, Берикей и др. (412, с. 167-203; 508, с. 225-230; 323, с. 140-144). Общая черта памятников — мощные культурные слои, остатки капитальных построек, свидетельствующие о длительной оседлости. Ряд культурных новшеств указывает на дальнейший прогресс в III тыс. земледельческо-скотоводческого хозяйства:

двухкамерные печи для поджаривания зерна перед помолом и выпечки хлеба, зернохранилища, зерновые ямы, вкопанные в землю сосуды; расширение посевных площадей, причем за счет освоения и высокогорий, что положило начало террасному земледелию, которое относится археологами к эпохе бронзы (в связи с исчерпанием ресурсов ровных участков), речные террасы, лиманы (313, с. 21; 317, с. 217; 173, с. 10-11). С этого времени в ХКТ горных земледельцев появляется безошибочный и легко локализуемый признак — террасное земледелие (Верхн. Гуниб, Усиша, Чох) (317, с. 216). Однако, скорее всего это начало террасного земледелия, становление же и расцвет его приходится на вторую половину I тыс. до н.э. — первую половину II тыс. н.э. (V в. до н.э. — XVI в. н.э.), в непосредственной связи с переселением народов, нашествиями кочевников, выключением ими Прикаспийской равнины из регионального хозяйственного организма Дагестанской географической и историко-культурной провинции, с соответственной вынужденной хозяйственно-экономической изоляцией горного Дагестана (184, с. 20-21; 438, с. 294). Начало же террасостроительства почти одновременно с Закавказским и Восточно-Средиземноморским (193, с. 3; 76, с. 19-22). Террасы — признак высокой культуры земледелия в условиях малоземелья, они — средство выхода из тяжелого положения; но они требуют, соответственно “уважения” к себе, т.е. интенсивной обработки, технологической вооруженности, качества обработки, продуманности посевов и насаждений и т.п. Поэтому “начало террасостроительства” озаменовало собой коренной перелом в становлении интенсивных форм земледелия в горном Дагестане” (314, с. 153). Одно из главных проявлений этой интенсификации — плуг, пахотное орудие (461, с. 71; 138, с. 33-37; 229, с. 267). Хотя сами плуги не зафиксированы (из-за особенностей материала), но аргументом может служить наличие свидетельств колесного транспорта, поскольку упряжные пахотные орудия появились в одно время и даже несколько раньше чем колесные повозки (617, с. 146; 320, с. 50-51; 322, с. 35 сл.; 289, с. 298), свидетельств о последних же немало (глиняные колесики, модели колес, и даже целая повозка, хотя и фрагментированная) (391, с. 239; 49, с. 78; 335, с. 74; 315, с. 154). Начало пашенного земледелия в эпоху бронзы датируется и данными языка, поскольку большинство терминов этой отрасли восходит к дагестанскому праязыку и даже глубже (512, с. 148, 149, 152, 153, 166, 167, 169, 204, 205, 207-209, 278-280, 282; 556, с. 21-23, 26, 52, 53, 60-62, 66, 124, 130, 139; 124, с. 17). Внедрение плуга означало новую важную ступень в симбиозе земледелия и скотоводства, плуг — упряжный скот. Только их сочетание дало взрывную силу прогрессу человеческой культуры. “Лишь изобретение плуга и наличие тягловой силы прирученных животных... позволили человеку создать обширные поля и вместе с тем заложить основу для подлинно продуктивного земледелия” (355, с. 116, 117).

С точки зрения эволюции ХКТ — это один из важнейших переломных периодов. Пашенное земледелие открыло большие возможности для технического прогресса, повышения производительности труда и продуктивности, увеличило

приспособительные возможности и соответственно дифференциацию первоначально однородного ХКТ земледельцев, хотя основа ХКТ в бронзовом веке оставалась пока что одной для всех зон — ХКТ пашенных земледельцев и скотоводов. Однако пара плуг — упряжное животное изменив конструкцию и степень симбиозности, создала возможности и для высокопродуктивного земледельческо-скотоводческого ХКТ, и для выделения в специфических экологических условиях и особенностях социального развития и ХКТ преимущественных скотоводов. Более того, прогресс в земледелии (плужном) и появление дифференцированных способов использования животных (шерсть, вьюк, тягло, молоко) послужили в свою очередь “основой для совершенствования форм и методов скотоводства” (601, с. 237). Но прогресс общества — хозяйственный, культурный, социальный обеспечивался, был “особенно значительным” “в зоне пашенного земледелия”, явившегося как бы синтезом земледелия и животноводства (86, с. 10; 573, с. 91). Э. Хан прямо говорит о том, что упряжные животные, “сыграли несомненную роль в становлении плужной культуры вообще”, и что у КРС при его доместикации основной функцией была именно функция упряжного животного. (618, с. 57-58). На всем Кавказе эта роль КРС привела к особому почитанию, связыванию быка с культом плодородия, что нашло отражение и в искусстве древнейших земледельцев, например, глиняные рельефы Верхнегунибского поселения, в “которых запечатлен культ пашни и быка-пахаря (314, с. 146; 317, с. 160-169).

Важное место в этом цикле плодородия с участниками бык — пашня занимает и широко распространенный в Дагестане обряд первой борозды (588, с. 43-60; 595, с. 33; 424, с. 320; 184, с. 55-58; 394, с. 41-44; 57, с. 215-217). В последнее время в его интерпретации усматривается и возможность отражения в нем “величайшего из достижений в технике земледелия в древности — перехода к плужному земледелию”, а насыщенность обряда в Дагестане — свидетельство того, что кавказский (дагестанский) очаг был одним из первых в переходе к плужному земледелию (56, с. 27-28). Однако эта точка зрения разделяется не всеми исследователями. В.А.Шнирельман справедливо отмечает, что появление плуга можно связывать с повозкой только в первичном очаге, а в субочаги она могла проникнуть и до внедрения “плужного земледелия” (601, с. 228). Здесь можно привести два возражения: 1) между повозкой и плугом не было большого хронологического диапазона, проникать тоже они должны были фактически одновременно, вместе; 2) трудно объяснить, если не было плуга, сцены пахоты этой эпохи на глиняных рельефах, а также разработанность ритуала первой борозды, многие элементы которого восходят к праязыку, транародности, т.е. к бронзовому веку.

Плужная культура сопровождается прогрессом и в других орудиях земледельческого цикла. Появляются более производительные серпы с изогнутым и зубчатым лезвием, молотильные доски (Дербент). По словам Ю.А. Краснова использование в тягле животного, усовершенствованные орудия уборки урожая и

молотильная доска являются даже признаками “ведущей хозяйственной роли земледелия” (322, с. 35). К этому добавим керамику с отпечатками зерен, остатки зерна (в Галгалатли более 15 кг обуглившегося зерна) (173, с. 12), довольно разнообразного по видам (полба, твердая и мягкая пшеница, пленчатый и голозерный ячмень, лен и др.), и одно из важнейших проявлений оседлой земледельческой культуры — сады (358, с. 63-66, 76-70, 81-83; 107, с. 28-34). Все это позволяет отнести население Дагестана этой эпохи к ХКТ земледельцев-скотоводов. Есть, правда, один существенный признак, который не присущ ХКТ дагестанских земледельцев — это ирригация, по причине чего, как считают некоторые исследователи, “центр тяжести в экономике кавказских племен был перенесен на скотоводство” (165, с. 85). Дагестанскому земледелию действительно нехватало масштабности, свойственной ближневосточным земледельческим народам. Поэтому здесь не сложились еще города, земледельческая цивилизация, государства. Т.е. здесь не наступил второй этап по периодизации Б.Б. Пиотровского: “второй подъем земледелия и образование на основе технически высокого земледелия государств” (462, с. 19).

Причины: особенности экологии — засушливость, отсутствие больших, доступных для орошения плодородных долин, трансгрессии Каспия, преобладание гористого ландшафта, отсюда слабая специализированность хозяйства, отсутствие больших количеств рабов, и особенно, по-видимому, слабая симбиозность земледелия и скотоводства (большой удельный вес МРС).

Перейдем к скотоводству. Особенности его в эту эпоху: 1) Наличие в хозяйстве всех domestифицированных животных (411, с. 382-383; 255, с. 288-290); 2) уменьшение остатков диких животных (падение удельного веса охоты в мясном обеспечении).

Несколько особо обстоит положение с лошастью. Существует мнение, что “коневодство свойственно всем растительным зонам открытого ландшафта” (237, с. 115). Однако, надо иметь в виду и мясное ее назначение. Поэтому вряд ли правомерно считать, что отсутствие останков лошади есть свидетельство стойлово-пастбищного скотоводства (338, с. 127). Посылку лучше сформулировать так: отсутствие лошади действительно может означать, что мы имеем дело со стационарным скотоводством, но наличие не обязательно будет указывать на то, что хозяйство здесь было кочевым.

И, следовательно, надо разделять приручение лошади и ее функциональное назначение. У сложившихся скотоводов лошадь просто обрела свою главную функцию — транспортную. В этом отношении прав Е.И. Крупнов, который различает для Северного Кавказа время приручения (конец II тыс.) и время, когда она стала “значимой транспортной силой” (IX-VII вв. до н.э.) (325, с. 105). Для Дагестана эпохи бронзы растет удельный вес лошади в мясном обеспечении (бесспорный показатель — велик процент забоя молодняка). А в средневековье она дает до трети костных остатков (пищевых), уступая только КРС (252, с. 101-102; 250, с. 76-77).

Отчетливо выступает и уменьшение удельного веса охоты. Например, Гинчи дает в нижнем энеолите 50% диких животных, в верхнем — 30, (в регионе 37), в эпоху

бронзы в регионе — 12,1 (174, с. 56). На равнине: поздний энеолит — 50% диких животных, бронза 14,4 (255, с. 288-290; 253, с. 157).

Правда, на поздних этапах бронзы наблюдается некоторое повышение доли охотничьего промысла (как и в Закавказье) (173, с. 12). По-видимому, это связано с уменьшением удельного веса МРС в связи с прогрессирующим земледелием и ростом удельного веса КРС. Характерно, что памятники отчетливо свидетельствуют о том, что везде рост удельного веса охоты и КРС строго сопутствуют друг другу: например, в Сигитминском поселении удельный вес охоты вырос до 22,6%, процент КРС — 36,9, МРС — 27,3 (а было раньше — 29,2 КРС и 43,9 — МРС) (255, с. 288-290).

Теперь мы подошли к кардинальному вопросу скотоводства, определяющему характер, формы скотоводства, способы содержания, симбиозность с земледелием и пр. — к соотношению в стаде КРС и МРС.

Преобладание в стаде КРС любого направления, пусть и не тяглого, уже исключает кочевой характер скотоводства и формы его будут стационарными, или, во всяком случае, ограниченно подвижными.

В эпоху бронзы в Дагестане продолжается тенденция уменьшения удельного веса МРС, что отличает местное скотоводство от синхронного по времени северокавказского и закавказского. Одним из первых обратил внимание на закономерности соотношения обоих видов скота А.П. Круглов, отметивший в равнинных памятниках Каякентско-Хорочоевской культуры значительное преобладание МРС (по количеству особей, Каякент: 71,4% МРС, 28,6 КРС, Джемикент: 80 — МРС, 20 — КРС). Это не помешало ему констатировать, что “основой хозяйства и здесь было земледелие, сочетавшееся с развитым скотоводством” (323, с. 25, 35, 36-37). Это положение не совсем традиционно, т.к. преобладание МРС предполагает подвижные, вплоть до кочевой, формы содержания скота. Однако при сильном развитии земледелия это возможно, важно только подчеркнуть, что симбиотичность скотоводства и земледелия будет выражена меньше — здесь сочетание, сосуществование, а не симбиоз, не сочлененность. Тут “овцеводство великолепно уживалось с оседлым земледелием” (289, с. 127).

Ряд исследователей и более позднего скотоводства считают, что развитое отгонное скотоводство, в т.ч. трансюманс, нередко сочетается с земледелием, которым занимается основная часть населения (кроме пастухов) (612, с. 12, 18-19, 20).

Однако в горной части А.П. Круглов говорит о “условиях неудобных для земледелия. Очевидно, если оно и существовало, то не являлось основой хозяйства, уступая здесь ведущую роль скотоводству”, причем и само освоение горной части относится лишь к эпохе бронзы, и связывается с ростом отгонного овцеводства (II тыс.). В I тыс. до н.э. он видит дальнейшее развитие скотоводства и считает, что на Северо-Восточном Кавказе выделяется ХКТ горных районов Кавказа и предкавказских степей, в котором “основой хозяйства было отгонное скотоводство с перекочевками

в горы и степь" (323, с. 94). Фактически это концепция А.А. Миллера — Б.Б. Пиотровского, но сдвинутая на вторую половину эпохи бронзы и начало эпохи железа. Обратим внимание на заключение их положения: "Естественно, что эта форма скотоводства связана с численным увеличением менее прихотливого и легче передвигающегося мелкого скота" (461, с. 40). Однако роста овцеводства в эту эпоху в Дагестане не обнаруживается. По данным К.Н. Золотова, суммированные цифры по скотоводству (100 тыс. костных остатков) показывают такое соотношение КРС и МРС, по особям: энеолит — 555 особей, КРС — 18,5%, МРС — 81,5, отношение — 4,4; бронза — 2149, КРС — 34,5, МРС — 65,5, отношение — 1,9 (253, с. 155). Теперь вспомним предупреждение В.М. Массона: при палеоэкономическом анализе проводить "учет костных остатков не по числу особей, а в пересчете на выход мяса" (388, с. 3) и тогда окажется, что преобладает КРС, и это преобладание нарастает. Соответственно принятой традиции в исторической литературе 1 гол. КРС = 5-7 гол. МРС. Соотношение 1:6 было принято вначале и нами (267, 2, с. 178; 444а, с. 81, Табл. 1, 2; 206, с. 7). Однако, учитывая особенности дагестанского скота (малые размеры КРС), наши полевые цифровые материалы, а также мнение зоологов и археологов, мы принимаем соотношение 1:5 (253, с. 175; 274, с. 172; 275, с. 14, 16-17, 19-21; 121, с. 20; 217, с. 26, 151, 156).* При этом принимаются в расчет и другие биологические, хозяйственные, бытовые параметры. Например, суточная потребность в корме — его заготавливали и заготавливают также из расчета 1:5 (217, с. 12). Теперь можно с большей точностью рассмотреть вопрос об эволюции основ мясного питания, содержания скота (будем помнить еще, что у КРС есть тягловый и молочный скот, не поддающийся закономерностям убоя и мясного питания). В переводе на КРС К.Н. Золотов в эпоху энеолита насчитал 515 гол. КРС, 452 — МРС, 42 — лошади (мясо — 51,2 — КРС, 45 — МРС, 3,8 — лошади). В эпоху бронзы: 3700 гол. КРС, 1409 — МРС, 224 — лош. (мясо — 69,4 — КРС, 26,5 — МРС, 4,1 — лош.). В эпоху железа КРС — 565 гол. (61,3% мяса), МРС — 140 (15,2), лошади — 217 (33,5) (253, с. 171, 175-176). Большой удельный вес лошади в мясном обеспечении — признак отсутствия кочевничества, в котором лошадь выступает в первую очередь как транспортное и молочное животное (618, с. 72-73).

И по другим костным группировкам мы видим рост удельного веса КРС, связанный с развитием земледелия. Хотя в горной части в целом удельный вес МРС выше, чем на равнине, однако преобладание КРС и тенденция на уменьшение масштабов овцеводства продолжается и здесь (напр., из суммы особей явчачных в 100, КРС, составлял — 35 (255, с. 291; 252, с. 102).

Проследим это на примере характерного памятника — Верхнегунибского поселения: от ранней до средней бронзы уд.вес МРС уменьшается здесь с 63,7 до

* Соотношение 1:5 принято и таким крупным знатоком традиционного скотоводства как С.И. Руденко (491, с. 5). Показательна, между прочим, позиция С.Заварова, который приняв шкалу Янсона (1:10), тем не менее для Кавказа предлагает соотношение 1:5 (243, с. 119).

51,7% (в мясном рационе — от 30,6% до 20,8). А число голов КРС возросло с 22,2 до 33,5; доля в мясном балансе — с 55,6 до 70,1% (254, с. 72). Все это дает основания В.М. Котович сделать вывод, что это скотоводство оседлое, придомное, а не кочевое (317, с. 217-219).

К.Н. Золотов прослеживает эту тенденцию преобладания КРС в мясном балансе вплоть до XV в. (253, с. 164-166), до изменения зональной хозяйственной специализации в послемонгольское время. Об этом же говорят и данные убоя молодняка (19,5% — КРС, 59,7 — МРС) (252, с. 102), показывающие, что преобладание КРС связано с использованием в зрелом возрасте (120, с. 302-303), т.е. это явный показатель тягловой роли.

Поэтому трудно согласиться с мнением А.А. Формозова, что Верхнегунибское поселение было скотоводческим, в значительной степени базирующемся на его небезупречном положении, что горные поселения древности это "не мирные глинобитные деревушки земледельцев, а каменные крепости скотоводов" (545, с. 29-31).

Подобные тенденции показывают большинство памятников этой эпохи (255, с. 237-241). Например, в Ирганайском поселении удельный вес поголовья КРС превышает удельный вес МРС в шесть раз (255, с. 237-241). И еще один очень важный факт — 12,4% всего поголовья составляют свиньи (половина от МРС), а значительный процент свиньи в мясном рационе считается бесспорным показателем придомного скотоводства. В ряду подобных доказательств — признаков находится кизяк в ритуальном огне Гюнобского могильника, который предполагает оседлое скотоводство и содержание в стойле (307, с. 32).

Первым, кто на основании этих и других материалов сделал вывод о преобладании КРС и соответственно земледельческо-скотоводческого хозяйства, отверг представление, что скотоводство в Дагестане развивалось в сторону увеличения МРС и в эпоху поздней бронзы, приняло полукошевую форму, был В.Г. Котович. Он считает, что земледельческий инвентарь, состав и соотношение видов скота, форма поселений и жилища, идеологические представления позволяют сделать вывод о том, что древнее хозяйство Дагестана, земледелие, и особенно скотоводство развивалось не по схеме развития хозяйства горных стран Б.Б. Пиотровского, что в хозяйстве народов Дагестана в эпоху бронзы и железа скотоводство приняло "оседлую, а не полукошевую форму", сочеталось с земледельческим хозяйством в симбиозной форме (310, с. 279-297; 313, с. 5-12; 314, с. 120-164). К таким же выводам пришли В.М. Котович и М.Г. Гаджиев (317, с. 211-222; 176, с. 158 сл.; 174, с. 56-58; 173, с. 7-13).

Сходная картина была выявлена в последние годы для соседней Чечни и части Осетии (конца II тыс. до н.э.) (364, с. 91-92).

Что же, какие обстоятельства послужили основой этого отклонения Северо-Восточного Кавказа от магистральной для всего Кавказа линии развития хозяйства с отгонным скотоводством? Как мы видели выше, в энеолите различий еще нет, лишь намечается (по Б.Б. Пиотровскому) постепенный рост удельного веса МРС и переход

к полукочевому скотоводству (III тыс. до н.э.). С этим же связывается упадок земледельческих культур, в частности Куро-Аракской. Т.е. крен к овцеводству (причина: легкость в тех условиях получения прибавочного продукта) привел к развитию полукочевого скотоводства, которое, став основой нового ХКТ подвижных скотоводов, вытеснило ХКТ земледельцев-скотоводов, став базой для новых социальных и культурно-бытовых сдвигов.

Упадок земледельческих культур, вплоть до прекращения жизни на поселениях был вызван и катастрофами политического, демографического характера. Оторванное от равнины население гор не могло заниматься отгонным скотоводством, кочевники не оставляли на ней свободного места, не говоря уже о немирных отношениях (пришельцы, захватили земли, вытеснили местное население). Поэтому горные племена оказались запертыми в "каменном мешке" и у них продолжалось традиционное развитие культуры.

Именно на этот период должен был прийти всплеск террасного земледелия, земледельческо-скотоводческого хозяйства, выразившиеся в росте КРС, плотности населения, монументальной горской архитектуре и т.п. Именно к этому времени относятся богатые памятники земледельческой культуры-Верхнегунибское, Ирганайское, Галгалатлинское и с несколько большим удельным весом скотоводства равнинные Каякент, Джемикент (соотношение КРС и МРС в горных 1:2,7; в равнинных 1:5) (253, с. 157).

Таких "запираний" с занятием равнины было несколько и они способствовали непрерывности этой тенденции хозяйственно-культурного развития.

Из постоянно действующих факторов, связанных с этой особенностью развития Дагестана, признается экологический фактор: в отличие от классической вертикальной зональности Северного Кавказа, с соответствующими большими массивами однородных угодий, в Дагестане сверхрасчлененность расчленила и все элементы экологии и создала "до чрезвычайности сложную природную обстановку... все пестро и вся эта пестрота сходится очень пространственно". "Такая необычная пестрота географической среды" не могла не оказать влияния на хозяйственную жизнь, в т.ч. "на организацию его пастбищного хозяйства (408, с. 128; Ср. также: 231, с. 60-66; 256, с. 49-51, 61-62; 428, с. 368; 306, с. 3-4).

Отсюда специализация хозяйства "не по вертикальным зонам, как на Северном Кавказе, а по естественно-историческим зонам и округам, соответствующим конкретным геоморфологическим областям и районам" (313, с. 11).

Такое дробное чересполосное расположение как бы замыкало каждую из них на себя, что исключало создание больших массивов однородных угодий, например, пастбищ для отгонного скотоводства (без равнины).

Также в отличие от остального Кавказа, по мнению, В.Г. Котовича, где "овцеводческую направленность скотоводства, ставшего вследствие этого полукочевым" определил недостаток "кормовых ресурсов в окрестностях поселений",

в Дагестане, "располагавшем большими пастбищными угодьями" такой нехватки не ощущалось и скотоводство в меднобронзовом веке оставалось оседлым, базируясь на кормовой базе вокруг поселений, в небольшом регионе (313, с. 11). Иными словами, кормовая база обеспечивала круглогодичную потребность скота в кормах в каждой зоне, без отгона. Следовательно, для Дагестана недостаток кормов не мог явиться одной "из главных побудительных причин перехода к полукочевому скотоводству" и скотоводство приняло оседлую форму (310, с. 295-296, 297).

Это положение подтверждает на примере верхнегунибского поселения и В.М. Котович (не было нехватки пастбищных угодий, служившей "главным стимулом для перехода к полукочевой форме хозяйства" (317, с. 220-221) по Б.Б. Пиотровскому (463, с. 6; 461, с. 40).

Дагестан действительно был богат пастбищами, в конце XIX в. в Дагестанской области (следовательно, без Хасавюртовского округа) было 571 тыс. дес. горных летних пастбищ, пятая часть пастбищ Кавказа, больше чем в любой другой области (150, с. 71-72).

Однако, этот столь весомый аргумент нельзя рассматривать однозначно. Аргумент, объясняющий особые пути развития хозяйства, должен быть особо свойственным только для Дагестана. Присмотримся к нему поближе, попытаемся взять более конкретные сравнения.

Мы неоднократно вспоминали экологическую особенность Дагестана — популяционную бедность и ксерофитность флоры. В любом описании географии Кавказа мы найдем упоминание о пышных лугах и лесах Северного Кавказа и сухих горных степях Дагестана (192, 1, с. 127-130; 191, с. 113-114).

Во внутреннем Дагестане местами урожайность пастбищ равна 1-1,5 ц. сухой массы на гектар, это означает, что емкость этого пастбища составляет меньше 1 гол. МРС на 1 га (514, с. 265-267) (для сравнения: в горной Ингушетии емкость — 1 гол. на 0,19 га, и даже горных зимних на 0,79) (563, с. 171-172). Были, конечно, в Дагестане и богатые пастбища, но мало.

Другая сторона вопроса — плотность населения. Археологи считают, что "большое количество поселений, указывает на относительно густую заселенность горных районов" (310, с. 286, 294). Другой фактор в пользу высокой плотности — площадь возделываемых пахотных угодий, особенно террасированных, часто превышающих освоенность в XIX в. Думается, определенную волнообразность подъемов и спадов как плотности населения, так и горного, особенно террасового земледелия придавали периоды отрыва горной части от равнины, "запирания в каменном мешке". Даже если допустить, что плотность населения в эпоху бронзы была ниже, то соответственно она была ниже на остальном Кавказе, тем более, что там было полукочевое скотоводство, при котором плотность населения ниже чем при оседлом хозяйстве. Следовательно, сравнение обеспеченности угодьями соответственно плотности населения там и в Дагестане на примере XIX в. —

допустимо. В конце XIX в. плотность населения в Дагестане была одной из самых высоких на Кавказе, а горный Дагестан, колыбель сельскохозяйственно-скотоводческого хозяйства, вообще держал первенство (300, с. 35; 385, с. 561, 582).

Такая высокая плотность не могла не вызвать стесненности в угодьях, в т.ч. кормовых. Например, в конце XIX в. в Дагестанской области приходилось 1,76 дес. пастбищ и выгонов на душу населения, Карачае — 2,88, Кабарде — 5,59. Намного больше разница в сенокосах. между тем именно они показатель наличия хороших угодий, ибо пастбищами нередко считаются такие угодья, емкость которых равна нулю. В Дагестане на душу было 0,11 дес. сенокосов, Карачае — 0,79, Балкарии — 0,83, Кабарде — 0,84, Ингушетии — 1,15 на двор — примерно 0,23 на душу. Исключив три округа, включавших равнину (Т-Х-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский) мы получаем на 6 горных округов 1,49 дес. пастбищ и 0,06 дес. сенокосов, а в Гунибском (0,05) и Даргинском округах (0,04) и того меньше (22. За 1897, с. 17, 18; За 1903, с. 9, 14, 32; 563, с. 91; 245, с. 122).

В свете сказанного следует, по-видимому, с известной осторожностью подходить к вопросу о большей обеспеченности горного Дагестана кормовыми ресурсами. При этом будем иметь в виду, что эти цифры включают и высокогорные части, которые в эпоху бронзы были в меньшей степени освоены и утилизированы яйлажным скотоводством. А это еще более сужает кормовую базу дагестанского животноводства той эпохи. В этой связи заслуживает внимания одно замечание В.Б. Виноградова и С.А. Дударева. Констатируя отрицание дагестанскими археологами возможности дальних перемещений стад в эпоху раннего железа, они видят объяснение этому в существовании зернового хозяйства, отчего «обитатели дагестанских ущелий не испытывали острой необходимости в поисках новых пастбищ» (162, с. 152).

Земледелие само по себе ограничивает тягу к подвижности, оно сугубо оседло, но оно помимо этого, и гарантирует существование при такой оседлости не только населению, но и скоту. Вспомним неоднократно подчеркнутые в литературе достоинства мякины как корма. Поэтому появление молотильной доски следует считать одним из гарантов развитого симбиозного сельскохозяйственно-скотоводческого хозяйства. Мякина в Дагестане, как ни странно, была основным кормом при стойловом содержании («саман важнейшее кормовое средство для скота в зимнее время») (385, с. 567), и недаром крупные русские ученые — аграрники считали целесообразным заимствовать «кавказские доски» для улучшения кормовых качеств соломы» (290, с. 225).

Еще один аргумент В.Г. Котовича — густая заселенность оседлыми племенами, занимающимися земледелием и скотоводством, с максимальным использованием земельного фонда, исключало перегоны, полукочевое скотоводство (310, с. 294-295). Однако на Кавказе (и в Дагестане) не сложилось полукочевого скотоводства, и со скотом в перегоне участвовали только пастухи. Поэтому оседлое хозяйство и перегоны не исключали друг друга, а дополняли, т.к. каждая отрасль базировалась на

использовании разнородных готовых ресурсов (пахотные, сенокосные, пастбищные угодья).

В этих условиях камерная расчлененность экологических областей и соответственно дробная чересполосная хозяйственная специализация мешали беспрепятственному расширению однородной отрасли хозяйства, ее многотерриториальному возобладанию.

С другой стороны, чересполосная специализированность создавала и предпосылки, тенденции к взаимным обменам, кооперации, а это облегчало и возможности примирения интересов земледелия и яйлажного скотоводства, создания согласованных скотопроектных трасс. Судя по материалам, многие трассы XIX в. имеют длительную историю и явно создавались объединенными усилиями населения разных зон и районов (443, с. 43-45). (Например, стоянка Къаркъа дилтIла — названа по карьере, в котором добывался камень для молотильных досок, следовательно, она появилась вскоре после внедрения молотильной доски).

Из других факторов, мешавших передвижениям скота, называются пересеченность, облесенность и особенно столкновения (313, с. 12).

Действительно, фактор безопасности имел для эпохи бронзы большое значение, но поскольку мы говорим о факторах, послуживших особому пути развития скотоводства Дагестана, отличному от других областей Кавказа, аргумент этот слаб, ибо фактор безопасности имел одинаковую силу для всех регионов Кавказа, так же как расчлененность (меньше), облесенность (больше). Думается, до сложения классового общества, государств и монотеистических религий этнический фактор имел меньшую остроту, чем хозяйственный, (угодийный). Этнографическая действительность XVIII-XIX вв. бесспорно доказывает, что этнический фактор мог быть лишь отражением экономического, и общность хозяйственных интересов примиряла и заставляла жить в мире и кооперативной хозяйственной деятельности самые различные племена. Тонкое наблюдение в этом отношении сделал И.Гербер, который подметил экономическую подоснову в необычной миролюбивости горцев по отношению к насельникам равнины; «нападения и воровства никакого не чинят, чтобы через то волю не потерять пшеница и пшеницу тамо доставать и менять» (200, с. 77, 83, 79-80).

И еще один аспект объяснения особого пути развития Дагестана — социально-экономический. Исходя из принятого в советской литературе положения (491, с. 7-8, 10, 12, 14), что полукочевое скотоводство могло практиковаться только зажиточной верхушкой, в условиях имущественной и социальной дифференциации, делается вывод, что поскольку в бронзовом веке таких предпосылок еще не было, поэтому не могло сложиться полукочевое скотоводство и это определило оседлый характер дагестанского скотоводства (313, с. 12). Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства: 1) отгонное, особенно яйлажное скотоводство, это не полукочевое скотоводство. Отгон на яйлаги осуществляется даже в пределах сельских земель и

совершается всеми общинниками; 2) уровень социально-экономического развития был примерно одинаков по всему Кавказу, особенно северному и поэтому и там не должно было, согласно этому аргументу, сложиться полукочевое скотоводство.

Т.е. аргументация и в данном случае носит общий, возможный и для других регионов характер.

Таким образом, тезис о сохранении в Дагестане земледельческо-скотоводческого хозяйства, вытекающий из археологических материалов (земледельческий инвентарь, виды и удельный вес видов скота, особенности архитектуры) правильно сформулированный и отражающий реальное положение вещей (де факто) не всегда еще находит удачное объяснение, обоснование (де юре). При ответе на этот вопрос следует, по-видимому, не исключать многозначности, допускать как специфические для Дагестана, так и общие для Кавказа пути развития хозяйства. Так, небеспопулярным представляется замечание Б.В. Техова, что при столь выраженном экологическом многообразии Дагестана вряд-ли можно видеть в типе скотоводства с преимущественным развитием КРС всеобщую, единую для всего Дагестана модель (519, с. 196). Вернемся несколько назад: отмечая прекращение жизни и определенный застой (даже регресс) в культурных компонентах Куро-Аракской и Майкопской культур исследователи по разному объясняют его: 1) появлением полукочевого скотоводства; 2) воздействием постоянно продвигающихся на Кавказ полукочевников; 3) прекращением влияния переднеазиатской культуры; 4) экологическими изменениями (усиление аридности); 5) спонтанными замедляющими факторами (411, с. 413-414; 179, с. 10-11). Наверное, многие из них следует объединить.

Действительно, палеоклиматологи указывают на ухудшение климата, усиление засушливости. Это привело к обезлюдению равнинных пространств, население (куроаракцы) устремляется на запад (больше влажность) и горные и высокогорные районы. На этот процесс почти постоянно наслаивается фактор вторжения пришельцев. Упадок равнинной земледельческой базы послужил толчком для развития горного, в т.ч. террасного земледелия, горная часть в своем обеспечении стала все более замыкаться на себя, изыскивая новые хлебные ресурсы, в т.ч. за счет освоения высокогорий (выше влажность (Галгалатли). Террасное земледелие — обязательно тягловое земледелие и чтобы иметь хлеб, надо было иметь тягловый скот.

На равнине, сконцентрированное в поймах земледелие стало сочетаться с отгонным овцеводством в сухих степях (Каякент, Джемикент), и поэтому оно (земледелие) не имело возможностей для расширения.

Постоянные инфильтрации и периодические вторжения кочевников усугубляли это положение и способствовали еще большему отрыву горной части от равнины. “Запертость в каменном мешке” стала т.о. одним из существенных факторов в развитии хозяйства отдельных зон Дагестана. Этот разрыв стимулировал террасное земледелие и стационарное скотоводство в горах, пойменное земледелие и отгонное скотоводство на равнине. Если в горах отсутствие зимних пастбищ и недостаток сенокосов

сдерживали развитие овцеводства, на равнине степи и предгорья обеспечивали для него широкие возможности. Общеизвестно, что летнее содержание скота для жителя равнины представляет меньшие трудности (и без яйлагов), чем зимнее для жителей горной полосы. (89, с. 173-174). При этом однородность равнинной зоны способствовала единообразию равнинного хозяйства, техники, инвентаря, культурной однородности. Здесь один ХКТ земледельцев-скотоводов со значительным удельным весом овцеводства. В горной части множественность естественно-исторических зон породила и соответствующее хозяйственное и культурное многообразие. Большую роль сыграли в этом различные формы скотоводства, порожденные узостью зимней кормовой базы. В этой связи следует сказать, что в последние годы дагестанские археологи (М.Гаджиев) отошли от однозначной трактовки хозяйственного развития в бронзовую эпоху. Связана эта интерпретация с оценкой т.н. сезонных поселений. Г. Кларк указывает, что их возникновение связано с удалением места содержания и выпаса скота от поселения, и “тем, кто следил за стадами и занимался дойкой приходилось сооружать себе хижины, или какие-то укрытия” (289, с. 134). В Дагестане впервые их исследовал и интерпретировал Д.М. Атаев (105, с. 71). М. Гаджиев относит их возникновение к энеолиту и характеризует хозяйство как “земледельческо-скотоводческое с преимущественным развитием овцеводства” (178, с. 2-3). При этом следовало бы иметь в виду одно обстоятельство: нельзя разрывать основные и сезонные поселения, а такие допущения бывают, что приводит к тому, что мы характеризуем одно и то же хозяйство дважды и оно у нас одновременно и оседлое и полукочевое, с преобладанием и КРС и МРС. Нельзя забывать, что сезонные поселения — это поселения оседлого населения: одни поселения здесь постоянные (основные), другие — сезонные, временные (параллельные, хуторские). Все материалы и разыскания М.Гаджиева подтверждают это. Одной из ранних форм скотоводческого хозяйства он считает содержание его в высокогорных сезонных поселениях (Чинна, Чирката) в сочетании с содержанием зимой вблизи постоянного жилья. Отличая ее от полукочевой формы (яйлажного скотоводства) других областей Кавказа, он считает ее “своеобразной формой отгонного скотоводства, отличающуюся осуществлением отгона” в пределах сравнительно небольших территорий” (173, с. 12). В этнографической литературе такая форма содержания скота называется внутриапийской. (589, с. 60-61, 91). Заметим, что наличие землянок и полуземлянок (Галгалатли II) ставит под сомнение летний характер стоянок — для горного Дагестана подобные постройки свойственны только зимним сезонным поселениям (этнографы называют их хуторами) (Ср. 103, с. 48-58) (для летних характерны наземные постройки).

Для внутреннего Дагестана археологи считают характерной “оседлую горностационарную форму скотоводства”. Здесь наблюдается наиболее ярко выраженное “органическое единство земледелия и скотоводства, отсутствие преимущественного развития одной из этих отраслей”, в отличие от Передней и Средней Азии с их орошаемым земледелием и “от Закавказья и других областей

Северного Кавказа” с их преимущественно развитым яйлажным скотоводством (173, с. 13). Однако в отношении других зон Дагестана археологи (М.Гаджиев) отошли от однозначной оценки хозяйства Дагестана в эпоху бронзы. М.Гаджиев пишет, что тип хозяйства внутреннего Дагестана “не может быть механически перенесен на всю территорию Дагестана” и реальная картина хозяйства “Дагестана в древности, очевидно была намного сложнее” (173, с. 13).

Так автор считает, что в жаркой приморской низменности, где земледелие было невозможно без орошения, и в высокогорье, развивалось скотоводство и “практиковалась и отгонная форма скотоводства с далекими перегонами скота” (173, с. 13).

Таким образом, в эпоху бронзы дальнейшее развитие производящего хозяйства как бы разветвляется. Во внутреннем Дагестане, колыбели производящего хозяйства, происходит дальнейшее его развитие, выразившееся в террасном земледелии, развитии симбиозного земледельческо-скотоводческого хозяйства, с высоким удельным весом КРС, меньшим — МРС, и поэтому слабым развитием отгонного скотоводства (оно здесь внутриальпийское). Большую роль в таком направлении хозяйства сыграли экология (сильная расчлененность, прогрессирующая засушливость), разрыв равнины и горной части (запертость в мешке), устойчивость традиций земледельческо-скотоводческого хозяйства. Вместе с тем экология и особенности политического и социально-экономического развития выразились в своеобразии путей хозяйственного развития двух полярных областей, одинаково неблагоприятных для земледелия — здесь сложились ХКТ скотоводов-земледельцев, с преобладанием МРС и отгонного скотоводства.

Громадны изменения в культурных компонентах ХКТ. Пашенное земледелие и тягловый плуг произвели революцию в хозяйстве, экономике, заложили основы имущественной дифференциации и классовобразования.

Одно из важнейших завоеваний эпохи — транспорт-повозка и лошадь, создавшие предпосылки для качественного скачка производительных сил (увеличение радиуса освоения, обмена, общения) (406, с. 104-105).

Еще одна важная черта эпохи палеометалла — “повышение уровня коммуникабельности и темпов распространения информации, чему особенно способствовали колесный транспорт и верховой конь” (387, с. 3). В Дагестане конь раньше внедрился в районах отгонного скотоводства, а повозка, как ни странно, появилась во внутреннем Дагестане не позже, чем на равнине (ср. дарг. уркура — повозка, от арк — ось).

Важный процесс эпохи бронзы — дробление и обособление первоначально единичных (и единых) ХКТ, результат все большего приспособления производящего хозяйства к зональным экологическим особенностям, которые в сочетании с особенностями экономики и общества способствуют складыванию хозяйственно-культурного многообразия. Здесь уже довольно четко обрисовываются ХКТ равнинных

пойменных земледельцев-скотоводов и высокогорных скотоводов и земледельцев.

Специализированные формы хозяйства, в частности земледелие, ускоряют накопление прибавочного продукта и соответственно имущественную и социальную дифференциацию, классовобразование, разложение патриархальных семей (к концу средней бронзы выдвигается малая семья). Решающую роль в этом сыграли особенности становления террасного земледелия (58, с. 185-193) и имущественное расслоение у отгонных скотоводов. Но считать, что этот процесс сопровождается развитием частной собственности отдельных семей на скот — неправомерно, т.к. общинной собственности на скот не существовало. Об этом вполне определенно говорил Ф.Энгельс (“на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей”) (9, с. 58); это подтверждено и самими новейшими исследованиями (455, с. 74; 491, с. 13-14; 372, с. 289). Таким образом, в эпоху бронзы кардинальные изменения в хозяйстве, в ХКТ, в специализации на основе экологии и социально-экономических закономерностей, сопровождаются прогрессом в общественных отношениях (родоплеменных, семейных), в социальной структуре общества. Новый скачок в этом прогрессирующем процессе был связан с освоением железа.

4. Хозяйство периода разложения первобытно-общинного строя (X в. до н.э. V в. н.э.).

Железо — “важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории”, открыло эпоху железного меча “а вместе с тем железного плуга и топора”, “сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств”, вооружило ремесленника орудиями, наиболее твердыми и острыми в то время (9, с. 163).

Дагестанские археологи констатируют продолжение в эпоху железа (которую делят на три периода: переходный, ранний, поздний) основных тенденций развития хозяйства и культуры. Изученных памятников — и поселений, и могильников, вполне достаточно (460, с. 17, 23, 34, 114, 117-118; 219, с. 32, 42-50, 109-110). Один из исследователей — М.И. Пикуль, констатирует взаимно обусловленные отрасли хозяйства — земледелие и скотоводство, причем подчеркивает кормовую зависимость скотоводства от земледелия (406, с. 101). Правда, О.М. Давудов полагает, что “однако они играли лишь подсобную роль” (219, с. 118). Но если придерживаться позиции автора, что отгонное скотоводство в раннем железе исключается (219, с. 116), то подобная категоричность неправомерна, ибо как свидетельствуют этнографические материалы, в стационарном скотоводстве со стойловым содержанием, в условиях Дагестана, роль земледельческого корма была очень высока и “зимние пастбища”, о которых говорит автор (219, с. 118), составляли в горах очень небольшой удельный вес в кормовом балансе. И это тем более вероятно, поскольку уже в эпоху раннего

железа происходит дальнейшее изменение видового состава стада, вызванное отчасти “и интенсивным развитием земледелия, которое особенно стало нуждаться в тягловой силе и средствах передвижения” (460, с. 101). Плотная оседлость при малоземелье и плотной заселенности создавали предпосылки для столкновений “из-за пастбищ и пашен”, что затрудняло “обеспечение сохранности стад, перегоняемых с гор на плоскость. Поэтому скотоводство не могло стать отгонным” (460, с. 102). Отмечая, далее равное (Хабада) или преобладающее (Мака) значение КРС, М.И. Пикуль допускает возможность отдельных передвижений скота и использование “альпийских пастбищ” (где по соседству “родственные племена” (460, с. 102). Хотя О.М. Давудов и не допускает этого (следует только согласиться с ним относительно отгона на равнину), мы присоединяемся к ее мнению, тем более, что такое использование альпийских пастбищ уже началось в эпоху бронзы. Относительно земледелия авторы говорят “об устойчивости земледельческого быта населения гор в I тыс. до н.э.” (460, с. 99). Особо подчеркивается употребление молотильной доски, появление железных серпов, огромных сосудов для зерна, зерен пшеницы, железных ножей для винограда, а также обилие обработанных террас и т.п. (219, с. 115, 116, 111-116; 460, с. 97-101).

В остатках зерна обращается внимание, что оно находилось в некрополе с вещами, имеющими отношение к тризне, что является свидетельством земледельческого культа, важного места земледелия. Другой характерный факт — разнообразная посуда, связанная с переработкой молочных продуктов в условиях стационара (267, 1, с. 108-110; 515, XI, IV, 5) (вспомним: громоздкая и функционально разнообразная керамическая посуда — бесспорный показатель стационарного скотоводческого хозяйства) (391, с. 55). Еще одно важное свидетельство: на Шах-Сенгерском поселении ограждено не только поселение, но и весь комплекс земледельческих угодий, что свидетельствует о важной роли, которую играло земледелие “в хозяйстве древних обитателей данного городища” (314, с. 156).

Что касается развитости и соотношения отраслей, отмечается дальнейшее усиление зональной приспособленности. Относительно равнины говорится о наследовании “древней земледельческой культуры эпохи бронзы”, но характерно, что все памятники расположены или в нижнем предгорье, или у речных террас.

Происходит частичное оседание кочевников, что может свидетельствовать о наличии постоянного давления, в т.ч. хозяйственной диверсии (захват угодий) на равнинное хозяйство. Шах-Сенгерские укрепленные угодья, по всей вероятности, обязаны своим происхождением этому давлению. Поэтому неудивителен рост удельного веса МРС в равнинном скотоводстве, о чем свидетельствуют “головы баранов” в захоронениях, рост его изображений в металлопластике, в керамике (460, с. 162). Характерно, что преобладание изображений группируется в памятниках равнины (Карабудахкент, Тарки) и высокогорья (Бежта, Карата) (460, с. 161-162), т.е. в тех зонах, где еще в предшествующую эпоху наметилось преобладание МРС.

Еще один показатель роста отгонного овцеводства на равнине — рост удельного

веса лошади: уменьшение костей в пищевых остатках и появление целых или частичных ритуальных захоронений, находки бронзовых фигурок. Например, в Сигитма I в предгорье, в раннюю бронзу лошади составляли 8,5% особей, а в раннем железе — 4,2% (251, с. 237-240), в памятниках же у совхоза Герейханова поселение не дало остатков лошади, а могильник дал (253, с. 175-176). А вот внутренний горный Дагестан по-прежнему отдаст предпочтение мясному использованию лошади — в эпоху железа в целом — около трети всей мясной продукции (253, с. 175-176).

Вместе с тем особенность равнинного хозяйства предыдущей эпохи — тяготение к речным долинам земледельческо-скотоводческого хозяйства сохраняется. О. Давудов отмечает наибольший удельный вес КРС в среднем течении р. Сулак. Однако его вывод о нарастании “удельного веса МРС по мере продвижения в горы” (219, с. 118) требует корректив. Имеются материалы (М.И. Пикуль) о преобладании на равнине МРС. Принимая во внимание давление кочевников, остеологические данные, культовое значение барана и лошади и пр. следует отнести положение О.М. Давудова к части равнины — речным долинам, а М.И. Пикуль — к обширным степным пространствам. Это не исключало, однако, возврата скотоводческого хозяйства к своей основе, из которого оно выросло (земледельческо-скотоводческому) при благоприятных условиях (например, ослабление давления кочевников), как это было в это же время в Причерноморье (351, с. 154). Другая неточность — выше равнины внутренний Дагестан показывает преобладание КРС, а не МРС, и лишь дальше, к высокогорью, растет удельный вес МРС. Отметим при этом, что археологи (М.И. Пикуль, О.М. Давудов) присоединились к мнению Е.И. Крупнова о необходимости различения кочевников, полукочевников и кавказских (и дагестанских) пастухов отгонного скотоводства (“это оседлые горцы Кавказа”) (326, с. 304; 327, с. 40), и считают, что скотоводство в Дагестане, в частности в высокогорье, было не кочевое (полукочевое), а с перегонами на летние и зимние пастбища “в пределах территории, которая принадлежала обществу (219, с. 118; 460, с. 103), т.е. внутриальпийское. Теперь относительно соотношения КРС и МРС: Сигитма I и совхоз Герейханова (стенное хозяйство) с падением мясного использования лошади (но ростом культового) показывают рост удельного веса МРС (251, с. 237-241). А Сигитма 2 (приречное), показывающий рост мясного назначения лошади, одновременно свидетельствует о падении веса МРС (всего 8%) и роста КРС и свиней.

Примером же горного земледельческо-скотоводческого хозяйства является Мака — особей МРС и лошадей — поровну, КРС — вдвое больше, мясная продукция МРС составляет одну восемнадцатую всего рациона (255, с. 289). Если взять общие данные, то по сравнению с эпохой бронзы доля МРС уменьшилась в мясном балансе с 26,5 до 15,2%, КРС — с 69,4 до 61,3%, за счет увеличения удельного веса лошади — с 4,1 до 33,5% (253, с. 175-176). Обратим внимание: КРС занимает вчетверо больший удельный вес, чем МРС.

Если взять отдельно горную часть, то картина получится еще более четкой: в

эпоху бронзы овцы составляли 60% поголовья, КРС — 40 (в соотношении между собой) (255, с. 291), и мясная продукция их была в соотношении 60:200. А в эпоху раннего железа (конец II — начало I тыс.) МРС — 48,1, КРС — 51,9 (255, с. 291), соотношение продукции 48:260, т. е. превышение уже более чем пятикратное.

Между тем, между преобладанием МРС и отгонным овцеводством имеется связь (МРС более пригоден для отгона), а преобладание отгонного скотоводства несомненно привело бы к значительному преобладанию в костных остатках МРС, ибо в убое при отгоне преобладает в горах МРС (это показывает и этнографическая действительность): 1) летних горных пастбищ больше и летом скота больше, а этот избыток создается за счет МРС, ибо он легче утилизирует горные неудобные пастбища; 2) КРС (как дойный и рабочий) необходимо держать при селе; 3) как таковой он в первую очередь обеспечивался заготовленным кормом, и "излишним", убойным должен был быть МРС.

В этом же ряду стоит возрастание роли свиноводства, показываемое в памятниках горного Дагестана: в Макинском поселении 14,5% мяса (при 17,5 МРС) (251, с. 237-241).

В эпоху железа продолжают действовать факторы усиления аридности и давления кочевников, приведшие к сложению зональных особенностей хозяйства речных долин равнины (земледельческо-скотоводческое), степей (полукошечное скотоводство), горной части.

Повышение отрезанности горной части сопровождалось при этом дальнейшим ростом и развитием террасного земледелия, выгонно-стойлового скотоводства, с выпасом и на ближних яйлагах (особенно овец).

Высокогорный Дагестан, не имевший базы для земледелия, раньше вынужден был искать способы зимнего и весеннего кормообеспечения. Поэтому здесь раньше сложилась отгонная система (в долины по обе стороны хребта), и возможно именно в эту эпоху сложилась форма весеннего отгона. С другой стороны, большой удельный вес яйлажного содержания приводит к росту выгонно-яйлажно-стойлового содержания КРС мясомолочного направления.

Отметим, что там где замешано воздействие кочевников, в хозяйственном развитии складываются сходные ситуации. Так, на другом конце Северного Кавказа, западном, в степях развивалось кочевое скотоводство, а вблизи речных систем — оседлое пашенное земледелие (344, с. 223).

В целом для всего горного Кавказа (от Дагестана до Абхазии) исследователи считают характерным и в эпоху железа отгонное скотоводство (92, с. 139), (но для Дагестана — в высокогорье и в степях).

Заключительный период эпохи железа назван в дагестанской историографии албанским.

Оценивая основные линии развития хозяйства в эту эпоху следует учитывать продолжение давления кочевнического элемента, возобновившееся в конце I тыс. до н.э. Это проникновение отражено в ряде археологических памятников (в приморском

Дагестане). Однако в горной части сарматский культурный суперстрат отсутствует (Гапшиминский, Урадинский, Куядинский, Галлинский и др. могильники) (267, 1, с. 105, 108). Но прямые и косвенные воздействия на хозяйство, особенно эпизодические, непостоянные, необязательно отражаются в культуре. Воздействие кочевничества часто бывает косвенным, не непосредственным, например, угроза вторжения и торможение земледельческого хозяйства, трудность выпаса скота в угрожаемой зоне, захват пограничных пастбищ. Даже одно нашествие, с его уничтожением посевов и садов, угоном скота, в т.ч. рабочего, уводом трудоспособного населения — подрывает оседлое хозяйство, обрекая его на роль придатка кочевое хозяйство. Не случайно и в эту эпоху укрепленные городища включают и пахотные угодья и выгоны (напр. Урзеки), что справедливо связывается с необходимостью защиты от кочевников (458, с. 110). Правда, в литературе неоднократно говорилось о экономической необходимости для кочевников контактов с земледельческим населением (575, с. 33), о их хозяйственно-культурном и нередко даже военно-политическом союзе, симбиозе и т.д. (240, с. 278-279; 287, с. 46). Такое взаимодействие нельзя категорически исключать и для Дагестана, однако оно весьма проблематично: 1) у богарных земледельцев, в отличие от ирригаторов, земледелие в меньшей степени обеспечивает скот кормами, и поэтому они больше нуждаются в пастбищах — отсюда столкновение интересов; 2) соседи-кочевники и накатывающиеся одна за другой волны нашествий по причине местоположения дагестанцев (Каспийский проход) совершенно разные вещи; 3) у каждого из них — и у земледельцев, и у кочевников должны быть резервы угодий не в стыковой, а "тыловой" части для сглаживания остроты столкновения интересов разнородных хозяйственных типов. Характерно, что и Страбон свидетельствует, что "кочевники нападают и на жителей, так что даже мешают им обрабатывать земли (речь идет о албанцах и кочевниках) (515. XI, IV. I).

В свете этих обстоятельств нам представляется некорректным положение дагестанских археологов о том, что "основной отраслью хозяйства албан, как в равнинной части Албании, так и в горах было земледелие" (267, 1, с. 108).

Во всяком случае для дагестанского Прикаспия, имея в виду и культурные вкрапления в памятниках, это представляется спорным. И потом прямое указание Страбона — "албаны более склонны к пастушескому образу жизни и ближе к типу кочевников" (515, X. IV. I).

Эта "близость" к кочевникам скорее всего указывает на полукошечное хозяйство. Разумеется, в подходящих местах (зонах) у албанов было и земледельческо-скотоводческое хозяйство, и отгонное скотоводство и кочевое. При этом наиболее благоприятные для кочевничества условия были на равнине, в степях. И еще одно соображение: албаны выставили против римлян 22 тыс. всадников.* Даже принимая во внимание возможное преувеличение, свойственное древним историографам при оценке военных контингентов (227, с. 241), это огромная цифра. Между тем на Кавказе

* К.В. Тревер цитирует Элиана, который пишет о "мощных по количеству" табунах лошадей в Каспийской земле, т.е. в Прикаспии, в степях (536, с. 75, 76).

рабочей силой был КРС; ни у одного народа лошадь не была связана симбиозно с земледелием, напротив она была связана с подвижным или кочевым скотоводством, “как средство сообщения для следования за многочисленными стадами” (338, с. 127; 562, с. 99). Рельеф, скудная зимняя кормовая база не могли допустить содержания больших масс лошадей и в горах (массовое коневодство свойственно лишь “растительным зонам открытого ландшафта” (237, с. 113). Следовательно, албанцев, во всяком случае северных, “дагестанских”, и именно равнинных вряд ли можно относить к земледельцам. Поэтому имеются немалые основания считать, что и в албанскую эпоху сохранились основные линии хозяйственно-отраслевого и культурного (ХКТ) развития по отдельным природно-географическим историческим зонам. Тяготение равнинного земледелия к речным системам, укрепленным холмистым местностям приобретает еще большую силу, появляются земледельческие города с огороженным комплексом хозяйственных угодий типа Уркеки. По-видимому, с этих времен пошла традиция насельников равнины располагать свои поселения в укромных, труднодоступных (особенно для конницы) местах предгорья (Эндери, Карабудахкент, Губден, Буинак и др.).

На степных же пространствах все больший вес приобретают подвижные, вплоть до кочевой, формы скотоводства. И древние писатели всю Прикаспийскую равнину севернее албанов безоговорочно называют областью проживания кочевников.

Этот факт занятия кочевниками степных пространств равнины сыграл большую роль в путях и тенденциях хозяйственно-культурного развития горной части. Здесь получилось нечто противоположное, указанному выше симбиозу земледельцев и кочевников в Средней Азии. Кочевники захватывали угодья, вытесняли часть населения в горы, посевы и бывшие пастбища превращали в кочевья. В горах создана уплотненность населения, население вынуждено заниматься тяжелым непроизводительным трудом, чтобы просто создать угодья, пашня делается “из ничего”, такое земледелие дает мало излишков. Сокращение зимней кормовой базы лишило производительности и возможности создания излишков и скотоводство (нет зимних пастбищ). Зерновые возможности равнины сведены к минимуму, и там нельзя достать зерно, хлеб. В этих условиях ХКТ земледельцев-скотоводов горной части претерпевает изменения в обеих отраслях. С одной стороны — расширение маспгабов террасного земледелия, вообще расширение запашки, вплоть до сенокосов (пахотные угодья вокруг села — Мурбе — сенокосы). С другой стороны — тенденция создания излишков скотоводческой продукции за счет освоения новых летних пастбищ, в т.ч. высокогорных “чужих” общин тоже. Т.о. процесс полного скотоводческого освоения альпийских пастбищ, высокогорий, соответствующего продвижения туда населения, внедрения яйлажных форм скотоводства, происшедший в других регионах Кавказа в предшествующую эпоху, в Дагестане падает на заключительную фазу эпохи железа (албанскую эпоху).

Это положение требует пояснений, т.к. выглядит как-бы сотканным из

противоречий. Для предыдущей эпохи одним из главных обоснований бытования земледельческо-скотоводческого хозяйства и отсутствия отгонного скотоводства было наличие зернового развитого хозяйства, теперь же при наблюдающемся расширении земледелия одновременно развивается и отгонное скотоводство. В этом сыграли роль обстоятельства двоякого рода. Первые — причины общего порядка, отражающие последствия естественного хода эволюции хозяйства (рост населения, производительных сил, рост скотоводства, связанный с расширением использования его продукции — овчин, пряжи, молока, навоза и пр.).

Вторые — специфические — рост населения усугублен миграцией с равнины, происходит сдвиг населения к высокогорью (вспомним о чрезвычайной густоте населения, отмеченной арабскими авторами через пару веков (285, с. 38, 53; 597, с. 61), или о густоте памятников в среднем течении р. Сулак (15 поселений на 15 км — (267, 1, с. 132).

Увеличивающаяся плотность населения потребовала увеличения производства зерна (при отсутствии хлеба от равнины) и соответственно расширения распашки и террасного земледелия, а хозяйственное освоение высокогорий, при физико-географической невозможности их заселения и поэтому необходимости использования на расстоянии, из горных и долинных аулов, привело к внедрению отгонных форм скотоводства. А поскольку для отгона больше подходил МРС, он стал основным видом отгоняемого скота. Это один из тех случаев, когда развитое земледелие сочетается с развитым отгонным скотоводством (их развитость подтверждается огромными цифрами контрибуций в зерне с горных владетелей, уводимого завоевателями скота (например, только в одном походе на Кайтаг и Табасаран арабский полководец Джаррах захватил и увел 52 тыс. гол. КРС, овец и лошадей) (110, с. 17-19; 267, 1, с. 156). В условиях отрыва от равнины отгонное скотоводство бывает только яйлажным, и ввиду несоответствия летней и зимней кормовых баз бывает вынужденно-высокопродуктивным (много скота выбраковывается осенью), ограниченным для расширенного воспроизводства. Выбраковывается преимущественно МРС, ибо его зимнее содержание не диктуется другими хозяйственными и бытовыми соображениями (тягло, повседневное молоко), он преимущественно мясной. Отметим, однако, что хотя горный и высокогорный Дагестан близки по профилю скотоводства, но не идентичны. Внутренний горный Дагестан сочетает высоко развитое террасное земледелие со стационарным содержанием — КРС (тягло, навоз, молоко) и яйлажным — МРС, с осенней выбраковкой “лишнего” скота. Это прежде всего земледельцы, и их ХКТ должен быть определен как ХКТ земледельцев-скотоводов. В высокогорье же, еще с предшествующей эпохи на первый план выдвинулось скотоводство, земледелие было как занятие, террас было мало, и ведущая отрасль скотоводства — МРС, без особой роли КРС, особенно тяглого. Поэтому их ХКТ — это ХКТ скотоводов и земледельцев, при очень слабой симбиозности земледелия и скотоводства.

Правда, эти процессы не получили в эпоху железа постоянной устойчивой тенденции, т.к. воздействие кочевников и их хозяйства не стало еще постоянным и полным. Периоды вторжений перемежались передышками, во время которых очаги сохранившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства расширяли свою сферу. Это сразу влияло и на горную часть, население которой получало возможность получения зерна и интенсификации скотоводства за счет использования равнинных зимних пастбищ. Бесперывное воздействие кочевников начинается в следующую эпоху, и описанные нами процессы получают тогда свое завершение.

Несколько слов о социальном развитии. Железо революционизировало не только хозяйство, но и социальное развитие. Сошник повысил культуру и сферу пашенного земледелия, одновременно содействовал специализации земледелия и скотоводства по экологическим областям (взлет пашенного земледелия с одной стороны, переход от скотоводческо-земледельческого к кочевому и великое переселение — с другой) (86, с. 12-13).

Дагестан, расположенный на проходе для великого переселения, в полной мере испытал чашу воздействия переселений и вторжений.

Исследователи придают большое значение специализации, связанной с зональностью хозяйства, в протекании процесса социального расслоения и классообразования, поскольку профессиональная дифференциация (основа сложения обмена) первоначально “зарождается на уровне региональных хозяйственных систем” (75, с. 14-16). Эта специализация является первой из ряда крупных общественных разделений труда, выражающаяся в форме межобщественной или “межобщинной дифференциации хозяйственной деятельности, сопровождающейся” обменом на основе прибавочного продукта (554, с. 129). Так вот, превращение избыточного продукта в прибавочный (в социальную категорию), способный вызвать и “крупное общественное разделение труда” и “иерархизацию форм социальной организации” — также завоевание железа и его эпохи. Получается цепь: хозяйственное обособление — обмен — имущественное неравенство — стремление исправить неравенство — выделение военных руководителей — внутриплеменное имущественное неравенство (видно, например, по Мугерганскому и Шаракунскому могильникам) (267, 1, с. 102). Признаком роста обмена и ремесла-города (Дербент, Урцеки, Топрах-кала). О обмене у албанов упоминает Страбон. Усложнение функций общины, особенно хозяйственных, политических, культовых приводит к образованию прослойки людей, специализировавшихся на организации производства и управления, выполнения идеологических функций” (554, с. 129), т.е. складывается общинная и племенная верхушка, хотя о классах и государстве еще рано говорить (267, 1, с. 102). Механизм этого процесса сформулирован в известной фразе Ф.Энгельса о том, что “господствующие классы в период своего восходящего развития выполняют вполне определенные социальные функции и именно благодаря этому становятся господствующими” (10, с. 502).

Еще один аспект — железные орудия индивидуального пользования сделали возможным производство в рамках индивидуальных семей, что постепенно разрушало первоначальную коллективную производительную силу — общину. При этом главную роль в обеих отраслях захватывают мужчины (тягловое земледелие, дальние отгоны скота, к тому же большая товарпроизводящая роль скотоводства, вдобавок роль воина, все это создавало “основу для развития патриархата” (126, с. 74).

Т.о. “земледельческо-скотоводческие простые металлические орудия явились производственно-технической базой антагонистических докапиталистических формаций” (51, с. 78-79, 83). Правда, в Дагестане этого времени еще рано говорить о формации, рабовладение здесь не стало формационным, а феодализм сложился позднее.

II. Хозяйственно-культурные типы в эпоху феодализма

1. Хозяйство в период становления и развития феодальных отношений; время активного воздействия кочевников и их хозяйства (VI-XV вв. н.э.)

История Дагестана периода феодализма сложилась таким образом, что в его судьбах сыграли громадную роль степные кочевники. Конечно, разрушительными были и нашествия арабов, их поборы, но они не завели кочевого хозяйства и последствия их пребывания здесь были не столь плачевными и основа хозяйства ими не разрушалась.

Общественное развитие дагестанских племен к началу вторжения арабов находилось на стадии межплеменных протогосударственных образований вроде племенных союзов, типа Лакз, Табасаран, Зирехгеран, Хайдак, Гумик, Филан, Серир (267, 1, с. 121-126, 181-186). К VI в. гунны, занявшие Приморский Дагестан, становятся полуседлыми земледельцами и скотоводами (Чирюртовский и Агачкалинский могильники, Бавтугайское поселение (279, с. 216; 508, с. 95-96; 251, с. 239). Все три памятника тяготееют, как и в предыдущую эпоху, к стыку равнины и предгорья, укромным местам. Они показывают, что и пришельцы — гунны и хазары (с. VII в.) стали переходить к полуседлости под воздействием местного населения (“более одаренных и более развитых народностей славянских и особенно Кавказских”) (258, с. 68, 70-71). Одновременно это — свидетельство спада кочевнического воздействия. Арабские писатели довольно точно подметили отличительные особенности хозяйства городов с округами, степи и гор. Всю степь севернее Дербента они называют “пустынной, дикой, в ней много мелкого скота, меду” (285, т. 38, с. 3). Все исследователи отмечают опустошительность нашествий кочевников, даже если они просто проходили по землям. Так Е.И. Крупнов говорит, что “опустошительные орды гуннов, аваров,

половцев, и, наконец, татаро-монголов” топтали степные земли Кавказа (328, с. 54). Добавим еще болгар, савиров, хазар, кыпчаков, сельджуков и др.

О последствиях подобных вторжений можно говорить в двух аспектах: 1) непосредственное разорение, истребление; 2) воздействие их присутствия, их хозяйства (438, с. 289). Последствия первого плана современники сравнивали с нашествием саранчи (“и разбрелись по полям, горам и лощинам подобно тучам саранчи”) (288, с. 156, 154-174; 272, с. 105; 285, т. 38, с. 114); но гораздо тяжелее было второе, ибо по словам С.Л. Тихвинского, хотя в нем нет грабежа и насилия, но “цветущая земледельческая культура уступила место пастбищам, города пришли в запустение”, “преобладающим стал скотоводческий, кочевой сектор экономики за счет резкого сокращения земледелия” (524, с. 57). Катастрофичность была даже не столько в том, что преобладающим стало кочевничество, а в том, что став господствующим, оно исключает другие формы хозяйства, особенно земледелие. В отграниченных природой, традицией, расселением регионах, в одном месте не могут сосуществовать земледелие и кочевничество. И дело было даже не в непримиримости кочевников, а как точно подметил К.Маркс, в том, что они “действовали сообразно со своим способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием” (1, с. 724).

Приведем мнение еще одного крупного специалиста по истории хозяйства: приход кочевников “уничтожил возможность земледельческой культуры”, кочевнику скотоводу “необходимы были громадные пастбищные пространства свободные” от всяких каналов и запашек, земледельческая культура “заменяется кочевым скотоводством” (363, с. 164). Правда, в литературе имеется мнение (о нем мы говорили) о симбиозе земледельческого и кочевого обществ (208, с. 20). Это в Прикаспии было практически невозможно по следующим причинам; чтобы у земледельцев и кочевников установились отношения партнеров, земледелие должно быть орошаемым, мало нуждающимся в пастбищах, занимающим небольшую площадь, оазисным; между ними должны быть рубежи, или же место для отступления, резерв, который скрадывал бы острую ситуацию, например, протяженные вглубь степи. В дагестанском Прикаспии равнина была сжата морем и горами, служила проходом для многих орд (только успели было приспособиться — уже идет другая), идущих с широких просторов южнорусской степи как бы в горловину — т.е. простора для кочевников не было и отношения с бывшими здесь земледельцами и скотоводами складывались бескомпромиссные: те вынуждены уйти в горы, эти располагаются как хозяева на равнине, пока их тоже не потеснят.

Именно эта избыточность нагрузки на пастбища “горловины” “выбила” дагестанскую равнину, сделала ее полупустыней (329, с. 86).

Сама механика кочевания с активизацией в весенне-летний период, исключала существование с земледельческим хозяйством, которое не могло быть налажено при их весенней активности (посевы). Симбиозные отношения не могли сложиться и

с населением горной части, в противном случае они могли стать мостиком и для налаживания совместного разумного использования равнины: 1) в горах был велик контингент изгнанного населения, стеснившего и горцев (вражда); 2) избыточной продукцией горцев также была скотоводческая и у кочевников не было особого стимула для налаживания отношений. Но, как, указывалось, бывали периоды спада нашествий, и тогда все таки налаживались контакты и более прогрессивные методы хозяйствования начинали возрождаться, и часть кочевников даже переходит к оседлости, “на хозяйственный уклад кавказских аборигенов” (539, с. 126) (Напр. Андреяульские городище) (104, с. 135). В этом взаимодействии контактной зоной оказалось предгорье, где земледелие и аборигены “оказались победителями” (543, с. 137, 138, 151).

Хазарский каганат временно объединил оба мира — степной и местный, но после его разгрома вновь сильнее оказывается кочевническая волна, и в X-XII вв. потесненное в глубину предгорий оседлое население обосновывается в труднодоступных, неприступных местах (Аркас, Доргели, Кака-Шура, Кака-Махи), а их “возделываемые поля превратились в первобытные степи” (543, с. 217, 210-221). Для населения горной части это создает два больших неудобства: они не только лишаются возможности получать хлеб с равнины, но и лишаются зимних равнинных пастбищ — кормовой базы для части своего скота (отгона). Это именно один из тех “некоторых случаев”, когда роль скотоводства могла резко упасть вследствие неблагоприятных природных условий, эпидемий, враждебных набегов (601, с. 243).

Однако полного уничтожения местного хозяйства до татаро-монголов не произошло. В период господства половцев даже происходит генезис новой народности и культуры, вобравших в себя черты местной и кочевнической культуры, с преобладанием вклада “местных племен, аборигенов северо-восточного Дагестана”, (183, с. 41), их хозяйственного уклада, их культуры (438, с. 287). Основа (одна из) мирных сношений — “совместное использование летних и зимних пастбищ (543, с. 247) становилась, однако, возможной лишь в периоды определенного равновесия, когда давление извне кочевничества ослабевало. Аналогичными являлись взаимоотношения кочевников и местного населения у кабардинцев, осетин и др. (539, с. 128; 187, с. 150-153; 344, с. 224). Каждая новая волна кочевников нарушала это равновесие, как каждая передышка способствовала восстановлению позиций (и их влияния) ХКТ земледельцев-скотоводов. Оба ХКТ и оба политических (и этнических) мира находились в состоянии неустойчивого равновесия, регулятором которого была жизненность и устойчивость местного ХКТ земледельцев и обширный кочевнический мир южнорусских и азиатских степей, могучие всплески движения которого достигали и дагестанской равнины.

Т.о. коренные изменения в хозяйстве насельников равнины Дагестана начинаются не с начала кочевого скотоводства, и не с первых их вторжений, а с начала великого переселения народов, когда “кочевое скотоводство как особая

узкоспециализированная форма хозяйства” оказалось “связано с крупными передвижениями народов” (тюрки, монголы) (83, с. 95-96). Из трех моделей хозяйственно-культурной жизни, возникающих по Ю.В. Бромлею и В.П. Алексееву в результате завоеваний кочевников, в данном случае более подходит первая, которая заключается в навязывании завоевателями “собственного способа производства” (66, с. 35), собственного ХКТ. Правда, они не столько навязывают, сколько исключают функционирование своего кочевнического хозяйства (имеющего тенденцию к поглощению, охвату всех, в т.ч. окультуренных угодий) ведение других типов хозяйства. А неустойчивое равновесие, складывавшееся временами, создавалось кочевниками, инициатива в определении политических, хозяйственных и иных судеб принадлежала им; возможности использования горцами равнинных пастбищ также определялись исключительно ими. И не надо преувеличивать степени взаимных хозяйственных услуг. Мы уже говорили об узости и незначительности Приморской низменности Дагестана, что исключало возможность ее использования для отгонного скотоводства при наличии здесь кочевнического хозяйства. Несколько лучше обстояло дело на севере, где была более обширная Терско-Сулакская низменность, и не случайно именно здесь и дальше на севере мы имеем примеры более тесных хозяйственно-культурных контактов кочевников и аборигенов. С другой стороны, известно, что кочевники были коневодами и овцеводами, это было единое хозяйство, и раздельного содержания лошадей и МРС у них не было (“лошадь самое ценное для степных кочевников животное”: способность к тебеневке, не нуждается в стойле, молодняк подвижен с рождения, и главное — верховой и грузовой транспорт) (102, с. 95; 491, с. 5). Кроме того, со скотом кочевало и население (“везут, так сказать, свои города расположенные на повозках”, или “ездыт по этой степи не иначе как на телегах” (73, XXXI, 2; 520, с. 279; 544, с. 196-197; 373, с. 72). А это означало, что при любых отношениях пастбища высокогорного Дагестана ими не могли быть использованы.

Учтем и такие факторы: изгнание в горы соплеменников и утеснение там населения, отчего произошло “сосредоточение основной части населения Дагестана в его горной части” (499, ч. 1, с. 668), лишение горцев равнинного зерна и плодов, зимних пастбищ, вырастающий из всего этого и этнический элемент непримиримости, который отразился в местных традициях этнонимизации: противопоставление жителей равнины (тляраал — ав., диркьян — дарг.) и гор (тавлу — кум.) (439, с. 152-154).

А плотность населения благотворно сказалась на развитии земледелия: как расширении, так и культурно-техническом прогрессе. Это период расцвета террасного земледелия, совершенствования агротехнических приемов. Характерное свидетельство об этом аккумулирующем феномене горной части мы встречаем у ал-Омари (XIV в.): “многое еще существует в горах их и в имеющихся городах, несмотря на множество того, что погибло” (520, с. 233). Комментируя это замечание Я.А. и Г.С. Федоровы пишут: “Достоинно внимания, что несмотря на разгром кое-что уцелело

именно в горах, т.е. местах, труднодоступных для конных войск захватчиков” (543, с. 247).

В этих условиях в Дагестане не могло, по-видимому, сложиться положения, сходного с Аланией X-XIII вв., где при пахотном земледелии, являющемся основой хозяйства, “в горной зоне при наличии земледелия, доминирующее место занимало отгонное скотоводство с преобладанием МРС” и “такое вертикально-зональное размещение основных видов экономики создавало устойчивую кооперацию в хозяйстве гор и равнин и обуславливало известную стабильность” (332, с. 75, 240).

В Дагестане же вертикально-зональное размещение было разорвано, что сделало невозможной кооперацию, а стабильность базировалась на невероятно трудном горном земледелии и стационарном скотоводстве в сочетании с внутригорным отгоном (яйлаги, долины).

Помимо того, что скотоводство не имело базы для зимнего содержания на подножном корму и соответственно для расширенного воспроизводства, в решающей роли земледелия могли сыграть роль и этнопсихологические факторы древнего (с VI тыс.) устоявшегося земледелия. Эта черта дагестанского горца-земледельца всегда оставалась его отличительной особенностью, и поэтому только в таких условиях могло сложиться (в XVI-XIX вв.) такое парадоксальное положение, при котором в стране, в которой нехватает собственного хлеба, главным занятием населения было земледелие, а основной продуктивной отраслью — скотоводство. Интересное, казалось бы противоречивое суждение Н.Абельяева хорошо отражает это положение: отметив “незначительность хлебопашества” в горном Дагестане, “чему главной причиной служит недостаток земли”, он в то-же время отмечает, что “хлебопашеством здешние горцы занимаются все без исключения” (48, с. 25). Что касается кооперации, то она осуществлялась в пределах горной зоны: зерно - в высокогорье, обмен яйлагами и долинными угодьями для зимнего выпаса. Главный продукт обмена, цементирующий весь Дагестан, за исключением занятой кочевниками степи, было, конечно, зерно. Судя по всему, этническая пестрота не служила серьезным препятствием для кооперации хозяйственных усилий населения Дагестана. В противном случае путешественники, особенно такие дотошные как арабские, отмечая пестроту, многоплеменность, сказали бы и о этом.

Они же, напротив, больше подчеркивают единство страны при многоязычности (285, т. 38, с. 40, 97; 286, т. 29, с. 13). Зато этого нельзя сказать о политических и этнических взаимоотношениях горцев с кочевниками: они не просто завоеватели, притеснители, но и узурпаторы хозяйственных угодий. Проблема была-бы легче, если бы речь шла о взаимоотношениях с одними и теми же завоевателями. Лишь более длительное соседствование (напр. гунны, половцы, хазары) способствовало налаживанию хозяйственных, культурных, обменных контактов.

Однако такие полосы были редки, поэтому-то на протяжении целой эпохи, от болгаров до монголов (II-XV вв.) политико-экономическая изолированность горной

части, ее отрыв от равнины постоянно имел место, разумеется с периодами ослабления и усиления изолированности.

В этом свете понятно засвидетельствованное арабскими писателями постоянное противоборство горных "царств" с кочевниками равнины, например хазарами. Очень характерно объяснение войны крупнейшего из горных владений — Серира против хазар: "так как этот народ живет на равнине, а сам он в горах" (285, т. 38, с. 53). Если даже с хазарами, не самыми жестокими, к тому же начавшими оседать, война постоянна — с другими кочевниками — и подавно.

Отметим, что многих наблюдателей частично вводила в заблуждение самообеспечиваемость горной части, забывавших, или не знавших, каким напряжением сил, сверхчеловеческим трудом (особенно зерно) это дается. Например, Абу-Хамид ал-Гарнати пишет о "горах выше Дербента": множество народов живут на высоких вершинах гор "много у них всяких благ, таких как мед, мясо и фрукты в их долинах" (474, с. 26). Примерно то же у Ибн-Хаукаля: "там есть пастбища, скот, масса стад... плодов свежих и сушеных" (285, т. 38, с. 98). Позже о Серире: "область большая, очень возделанная, труднодоступная, с большим количеством населения... его товары: бараны, кожи, бобер, рабы, девушки-рабыни" (401, с. 201, 205-206). Обратим внимание — "очень возделанная" — это делают земледельцы, да еще "очень". Ясно отсюда, почему арабские полководцы облагали горные царства такими большими количествами зерна (110, с. 18-19), ведь на равнине они не могли его взять, там страна "пустынная, дикая, в ней много мелкого скота, меду" (285, т. 38, с. 3). В связи с этим обратим внимание на такой факт: горный Серир дает зерна в 3,5 раза больше чем Кайтаг и в 10 раз больше чем Табасаран, имеющие равнинные земли. А в XVIII в. И. Гербер говорит о Кайтаге как житнице горной части ("пшеницей и ячменем удовлетворяют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюда приезжают") (200, с. 83). Объяснить это можно только тем, что Кайтаг и Табасаран оказались под сильным воздействием кочевнического хозяйства; в частности, о Кайтаге известно, что он был "сильно зависим" от хазар (403, с. 218). Археологи также говорят о "большом удельном весе" и "ведущей роли земледелия в Центральной Аварии в конце I тыс. до н.э." (106, с. 218). А автор XIII в. Закарий ал Казвини свидетельствует выращивание зерна в высокогорных Цахуре и Шиназе. Зная суровые условия этих мест и их зерновые возможности в XIX в., можно удивляться словам источника: "нет у них торговли или сношений (с другими), напротив каждый из них имеет достаточное для себя количество зерна и питается им и молоком принадлежащих ему овец" (195, с. 96, 596, с. 33-34). Из этого свидетельства вытекает ряд важных выводов: 1) несмотря на очень тяжелые условия цахуры и рутулы выращивали (производили) в эту эпоху зерно; 2) учитывая трудности столь масштабного, достаточного для удовлетворения собственных нужд производства, надо полагать, что к этому их вынуждали чрезвычайные обстоятельства; 3) они заключались в оторванности от хлеботорговых мест, уменьшении равнинной зерновой базы из-за нашествий кочевников; 4) очень

показательно овечьё молоко, значит КРС был только тягловый, а мясная и молочная роль принадлежали МРС, что предполагает в условиях высокогорья развитие яйлажного отгона, в сочетании с зимним содержанием на южных склонах и недалёким долинным отгоном, что было характерно для высокогорья и в предыдущую эпоху. Именно к подобной форме содержания имеет отношение сообщение Ал-Истахри о горе в Ал-Лакзе "куда гоняют скот этой страны, чтобы пасти его там, причем здесь нет нужды в охране" (596, с. 33-34).

А.Р. Шихсаидов справедливо считает этот факт свидетельством яйлажного скотоводства, однако, неправомерно включает в него и равнинную часть. Уже говорилось о взаимоотношениях степь — горы, а возможность отгона в рамках отдельных государственных границ (596, с. 20) также не могла включать равнину, ибо все горные царства были оттеснены, отрезаны от нее. Даже в хазарский период, наиболее благоприятный для оседлого хозяйства, мы видим по источникам противопоставление степь — горы и постоянные войны между ними. Это общее положение вплоть до XV в., хотя, конечно, бывали периоды передышек и относительных контактов. Но общая тенденция остается, и следует напомнить, что в основе непримиримости земледельцев-скотоводов и кочевников лежали хозяйственно-экономические факторы, этнические и политические факторы играли меньшую роль. Взаимное пользование угодьями было возможно по всему горному Дагестану, особенно высокогорье — долины, т.к. хозяйственные интересы их не были противоположными. Кочевническое же хозяйство не допускает "чересполосицы", оно всеохватно, наиболее активно именно в страдную для оседлых земледельцев пору, подрывая и зерновое хозяйство (посевы) и регулярный выгонный выпас скота. Поэтому кочевое хозяйство не могло быть и партнером в отгонном скотоводстве как исповедыватель принципа — всем — чем могу владеть, всем пользуюсь сам.

Поэтому представляется спорной попытка А.Р. Шихсаидова перенести нашу дату становления зональной хозяйственной специализации (равнина — земледелие, горы — скотоводство) на несколько веков назад, исходя из тезисов: 1) благоприятные физико-географические и политические (мирные контакты с хазарами, половцами) условия для отгонного скотоводства; 2) название Сулака — "река овец" (на которой стоит — "страна Ас-Серир") (596, с. 19, 43). Характерно, что автор ставит условием своего положения мирные контакты, более того, буквально со следующей строки он присоединяется к основному условию специализации, выдвинутому нами: "Важным фактором в этом процессе было то, что с начала XV в. наступила сравнительно мирная полоса" (596, с. 43). Особенно наглядно отсутствие этой "полосы" сказалось в монгольское время. Оба названных нами выше результата нашествий (разорение и ликвидация земледельческого хозяйства) обнаруживаются здесь в своих крайних проявлениях. И главный из результатов — полное уничтожение оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, а затем сокращение населения, уничтожение городов и поселений, уплотнение населения в наиболее неудобных для

экономики местах (499, ч.2, с. 702). Повсеместно происходят два взаимосвязанных процесса: культурное хозяйство уступало место становищам и пастбищам кочевников, а бывшие пастбища отгонного ялажного скотоводства становились базой их летнего выпаса (в предгорье).

Например, для Алании наиболее трагическим последствием нашествия монголов В.А. Кузнецов считает «опустошение и обезлюдение... равнинно-предгорной зоны», приведшее к «пробыванию в горах в условиях безземелья и примитивной техники» (322, с. 242). Т.Б. Тургиев обращает внимание на закрытие выходов на равнину для горцев, для равнинников — гор и т.о. «нарушение отгонного скотоводства» (539, с. 130; 278, с. 83; 344, с. 224; 456, с. 229). При кочевом скотоводстве, по словам К.Маркса, — поскольку «большие необитаемые пространства являются главным условием содержания скота» (2, с. 192), то независимо от направленных губительных действий, кочевое хозяйство выступало в качестве душителя оседло-земледельческого хозяйства (превращая его регионы в «очаги скотоводческого хозяйства», нанося «тягчайший удар по производительным силам» (67а, с. 133-134; 499, ч. 2, с. 739).

Особое положение Дагестана — проход между двумя большими степными районами южнорусских и закавказских степей оказалось еще более губительным, а «нагрузка» кочевнического хозяйства — многократной. Исчерпывающе и однозначно охарактеризовал последствия нашествий кочевников Р.М. Магомедов: зависимость судьбы Приморского Дагестана от кочевников, превращение земель в кочевья, «нарушение исторически сложившихся связей горных районов с равнинными», возможностей выпаса скота на зимних равнинных пастбищах и т.п. (365, с. 31, 52, 98-99).

А затем последовало хотя и кратковременное, но страшное по последствиям нашествие Тимура (520, т. 2, с. 175; 260, с. 110).

Думается, что восстановление равнинного хозяйства могло состояться только по окончании последствий этих нашествий, в рамках новых политических образований: Аварское ханство, Казикумухское Шамхальство, Кайтагское уцмийство и др. В этой связи можно обратиться к перечню доходов Шамхала, который привлекает внимание исследователей с точки зрения возможности определения регионального размещения хозяйственных занятий по этим доходам.

С вопросом об отгонном скотоводстве связана и проблема доминанции одного из видов скота в дагестанском скотоводстве.

Для предыдущих эпох тезис о доминанции МРС не получил достаточного количества аргументов. А.Р. Шихсаидов в этом вопросе исходит также из правильной посылки: нельзя распространять тезис о доминанции КРС на весь Дагестан, что это будет верным лишь по отношению «к районам развитого пашенного земледелия, к плоскостным, предгорным и ряду горных районов» (596, с. 39). Постановка вопроса правильная. Мы уже указывали, что в предыдущую эпоху в высокогорном Дагестане получила развитие внутриотгонная форма содержания скота, с преобладанием

«летненагульной» системы (максимум нагула летом и приведение количества скота в соответствие с запасом зимних кормов — осенью). Плоскостные районы до послетимуровского времени надо исключить из районов развитого земледелия. Кроме того, нельзя считать безоговорочными доказательства (А.Шихсаидова), основанные на учете податей, выплачиваемых союзами обществ Шамхалу в XIII-XVI вв.

Дело в том, что в хозяйстве, в котором занимаются содержанием и КРС и МРС, продуктом товарообмена чаще бывает МРС. Овцы в Дагестане довольно рано стали мерилом стоимости благодаря своим разнообразным товарным качествам. Подать же — прибавочный продукт, ее взимают обычным обменным товаром данного общества, владения. Этнографическая действительность XVIII-XIX вв. показывает, что и там где преобладал МРС, и там, где преобладал КРС основным товарным продуктом, статью обмена был МРС. Это обстоятельство следует учитывать при оценке связи характера взимаемой подати с преобладанием отрасли хозяйства или вида скота. Поэтому не все общества с «бараньей» податью, перечисленные автором, обязательно должны были быть с преобладающим овцеводством. Характерно, что в перечень автора не включен Губден (596, с. 40), хотя у него тоже «баранья» подать. Это не случайно. Губден — нижнепредгорное, а по большинству угодий — равнинное селение, и если, согласно положению автора, равнинные селения имели доминацию пашенного земледелия и КРС, то одним из первых в их списке должен был стать Губден. В XVIII-XIX вв. Губден — одно из самых зерновых селений Дагестана, имевшее столько же пашни, сколько весь Даргинский округ, и больше чем Аварский, Андийский, Гунибский, Казикумухский и Самурский округа каждый в отдельности (19, с. 78-81; 20, с. 132-133, 140-141, 160-161, 210-211 и др). Значит, в период уплаты хараджа население Губдена просто не могло заниматься пашенным земледелием из-за воздействия кочевников, их хозяйства. Что касается высокогорных обществ, то у них просто ничего другого не было, или если даже и было (КРС), то обменно-податной единицей был МРС, и у них, как указывалось, было и отгонное скотоводство и преобладание МРС.

Отметим еще, что в перечне податей указано очень мало обществ или поселений равнины, и в наибольшей степени представлены высокогорные общества. Одна из причин — равнина или была еще под кочевниками, или еще не оправилась от последствий их пребывания, и поэтому горная часть (и высокогорная) выступает как регион активизации хозяйственной жизни, выразившейся в частности, в росте террасного земледелия и скотоводства, в т.ч. отгонного (в высокогорье). Причем эта «запертость» в горах породила естественную тенденцию к самообеспечению зерном (вспомним Цахур), результатом чего явился наивысший за все эпохи расцвет террасного земледелия в горном и горнодолинном Дагестане. Глядя на нынешние Цахур, Тинди, Ирганай, Усиша и многие другие горные селения трудно себе представить, что они были зернопроизводящими, поставляли зерно на обмен и даже платили им подать. Никакой иной базы, кроме террасно-земледельческой невозможно представить для Цахура или Тинди, чтобы они могли содержать такое большое

количество КРС, что им платили подать вместо овец. Пастбищ у них было мало, поэтому мало развито овцеводство, поэтому подать выражена у них зерном и КРС, а в тех, где есть и много пастбищ — зерном и МРС (Хунзах). Большую роль сыграли в этом, по-видимому, и глубокие этнопсихологические сельскохозяйственные традиции. Например, тиндинцы выделялись своим зерновым земледелием и в XIX в., и даже ныне их приусадебные участки засеяны зерновыми (высота поселений — от 1533 до 2095 м над у.м.).

Правда, проявления (общие) этих традиций имели волнообразно-спиральный характер. В исторические периоды, когда горцы получали возможность активного хозяйственного взаимодействия с равниной (земледельческой), эти традиции ослабевали, как бы консервировались, не получая масштабного проявления. Но когда горная часть оказывалась замкнутой на себя, наблюдался всплеск и расцвет земледельческих традиций, находящие выражение в масштабах, удельном весе, культурно-техническом уровне.

Одним из таких периодов и оказалось средневековье. В свете сказанного представляется, что вопрос о развитии (и развитости) отдельных отраслей хозяйства в разные исторические периоды следует рассматривать с учетом всего многообразного комплекса влияющих факторов, и никакие, самые благоприятные климато-географические условия сами по себе не предопределяют развития или преобладания земледельческого или скотоводческого хозяйства, и нельзя, например, равнинным просторам с благоприятными условиями заранее отдавать предпочтение в решении вопроса о развитости земледелия. Пример хозяйства средневекового Дагестана со всей очевидностью демонстрирует это. Пример диалектического подхода в этом вопросе показывает В.К. Гарданов — рассуждения о большей пригодности гор для скотоводства, а равнины, для земледелия, оказываются «слишком прямолинейными. Конкретно — историческая обстановка вносила существенные поправки в казалось бы вполне логичные схемы» (190, с. 60).

Еще одно обстоятельство, объясняющее преобладание МРС в податях: ведь перечень включает не только харадж, но и «то, что поступает с гор за пастьбу на них» (414, с. 22-24; 64, с. 4-5). А поскольку дальние, не свои горы и пастбища могут быть использованы главным образом для овец — ясно, что и платить за гору должны были в овцах.

Теперь остановимся на остеологических материалах. Они несколько расходятся с нашим положением о кочевниках на равнине и «запертости» горной части. К.Н. Золотов считает, что в средневековье на равнине разводят преимущественно КРС, в горах — МРС больше, чем на равнине. Что от энеолита до конца средневековья продолжается тенденция уменьшения удельного веса МРС (энеолит — МРС давал 45% мясной продукции; бронза — 26,5; железо — 15,2; средние века — 18) (253, с. 155).

Это увеличение МРС хотя и небольшое, в средневековье не случайно, и оно отражает еще больший его удельный вес на равнине. К сожалению, учитывая

политическую и хозяйственную ситуацию в Дагестане по отдельным зонам, такие совокупные цифры вряд ли дадут объективную картину. К тому же все учтенные К. Золотовым памятники относятся к предгорью и горам (Аркас, Урпеки, Галла, Бавтугай и др.). С равнины же — только подъемные материалы. Зато в этих памятниках очень рельефно отражен характер сдвинутого в предгорье — горы очагового земледелия, с преобладанием КРС (Сигитма 3: КРС 52,1%, МРС — 13,9, лошади — 31; Бавтугай: 52, 12, 29,4; Верхний Чирюрт: 47,7, 11,1, 35,2; Буйнакск: 34,8, 13,5, 22,5; Урпеки: 46, 13,8, 27,2; Аркас: 39,8, 26,8, 9,1 (250, с. 76-77; 249, с. 38). Характерно увеличение удельного веса МРС в наиболее позднем из них — Аркасе. Если взять данные убоя молодняка (показатель преимущественно мясного назначения скота), то картина будет еще убедительнее. На Бавтугайском поселении наибольший процент убоя молодняка дают свиньи — 67,5% (КРС — 23,3; МРС — 22, 2) (252, с. 102) — бесспорное свидетельство оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства: 1) наличие свиней исключает подвижность скотоводства физически и биологически; 2) при 52% удельного веса мясной продукции КРС, только 23,3% забоя молодняка (почти как у МРС) может быть признаком тяглого назначения КРС. Такая же картина на других поселениях предгорья. В то же время по обе стороны от него, на равнине и в горах равномерная поступь этого развития нарушается, выразившись в сильном падении земледелия и преобладания скотоводства на равнине, и в дальнейшем развитии горного (в т.ч. террасного) земледелия и внутригорного яйлажного скотоводства в горной части.

В целом ХКТ земледельцев претерпел в эту эпоху наибольшие изменения, и не только такие, которые были связаны с общим прогрессом. Земледелие сильно идет на убыль на равнине, сравнительно развивается в высокогорье и с большим размахом — во внутреннем Дагестане. В ХКТ скотоводов наибольшее изменение — повсеместное сокращение традиций малоподвижного стационарного скотоводства (кочевание на равнине, яйлажный отгон — в горах, яйлажный и весенний — в высокогорье). Ввиду особого развития земледелия, в горной части продолжается развитие стойлово-выгонной, симбиозной с земледелием формы содержания скота, а в высокогорье — внутриальпийской.

Наиболее высокоразвитый ХКТ земледельцев-скотоводов мы видим в горном Дагестане (внутреннем), и очагово — в предгорье. На равнине ХКТ земледельцев-скотоводов распадается на ХКТ кочевников-скотоводов и остаточный, очаговый земледельцев, набирающий силу в периоды спада нашествий, особенно вокруг гордов.

В ХКТ высокогорных скотоводов и земледельцев происходят наименьшие изменения, тенденция же их выразилась в росте удельного веса отгонного скотоводства при абсолютном росте и земледелия.

Неустойчивость политического и экономического развития, способствовавшая утрате равниной ведущих хозяйственных позиций, экономическая несамостоятельность высокогорья, способствовали выдвиганию на первый план

внутреннего Дагестана. В него вливались часть производительных сил, и прежде всего населения, из равнины, здесь сосредотачиваются традиции, творческие и технические искания земледелия, здесь же оказалось и средоточие политической жизни Дагестана.

При этом, особенности хозяйственного развития горного Дагестана наложили отпечаток и на специфику развития социальных отношений, что отразилось, в частности, в особенностях развития дагестанской общины, горского феодализма. Например, думается, в условиях особой ценности пахотных угодий произошло укрепление позиций земледельческой (крестьянской) общины свободных владельцев небольших участков пашни, со строго регламентированным использованием общинных угодий (в купе с частновладельческими) в общественных интересах. Эта крепкая община, со своими консервативными, почти без изменений воспроизводимыми общественными отношениями и бытом, послужила одним из препятствий спонтанному развитию феодальных отношений и феодальной экспансии со стороны. Предпосылками роста и укрепления общины служили приток и рост населения, рост земледелия и скотоводства, поскольку в основе ее генезиса и развития лежат "рост производительных сил и увеличение численности населения" (215, с. 14). Свое юридическое оформление общинные отношения получили в хорошо разработанной системе уложений по принципу "так было", "так принято" и "так должно быть" (адат). Возникновение первых из них следует, по-видимому, отнести к периоду потестарной организации общины с экономическим и общественным бытом, построенном на основах редистрибуции. И несмотря на значительную потерю адатом потестарных редистрибуционных свойств, он служил своеобразным заслоном феодализации, феодальному праву, откуда и попытки его феодализованной кодификации. Именно община "обусловила тот уровень социальных отношений, который характеризуется как раннефеодальные или патриархально-феодальные". Еще большую роль приобрели этнотерриториальные союзы общин — "вольные общества", "роль и значение" которых "в жизни Дагестана были огромны" (267, т.1. с. 190-191; 366, с. 119).

Однако была и другая тенденция развития. Рост внутригорного отгонного скотоводства, а в периоды "затиший" и равнинного (кышлажного) отгона приводил к росту пастбищной ренты, росту доходов и могущества феодальной знати. Вспомним с какой скрупулезностью учтены в податных реестрах шамхала поборы за выпас — "что поступает с гор за пастьбу на них" (64, с. 4-5). Во взаимоотношениях сильных союзов общин с феодалами эта рента выступает часто в форме военно-договорных обязательств союзов общин.

Относительно компонентов ХКТ следует отметить прогрессирующую тенденцию раздробления ХКТ по зонам, тенденцию сложения и развития существенных различий в самих однородных по существу и функциям предметах, орудиях, инвентаре. К этому времени относится появление на стыке равнины и

предгорья тяжелого многоупряжного плуга, в отличие от горского одноупряжного ползозного. В то же время на равнине приобретает большое значение инвентарь кочевника, особенно конская сбруя.

Предгорье отличается от равнины больше, чем в предыдущую эпоху, ведущая земледельческая роль переходит от равнины к нему, что сказывается и на материальной культуре; в первую очередь орудиях труда (перевес земледельческих громоздких, тяжелых и крепких орудий).

Горная и высокогорная часть хотя и различались по удельному весу отраслей хозяйства и форм содержания скота, однако в остальных компонентах ХКТ были почти едины. В высокогорье был больше развит верховой транспорт, были отличия в архитектуре (более монументальна). Начинает выделяться и горнодолинный ХКТ с садоводством и виноградарством, но в остальном мало отличающийся от ХКТ земледельцев-скотоводов горной части.

Такое развитие хозяйства и культуры Дагестана продолжается до послетимуровского времени, до XV в.

2. Хозяйство в период углубления феодальной раздробленности, накануне присоединения Дагестана к России (XVI-XVIII вв.)

В послемонгольское время в Дагестане происходит ускоренное развитие производительных сил, раскрепощенных от пагубных воздействий нашествия и давления кочевого хозяйства. Традиции земледельческо-скотоводческого хозяйства, свойственные экономике страны с древнейших времен, получившие хороший толчок в эпоху железа и приостановленные передвижениями и завоеваниями кочевников, получили "оперативный" простор для развития. Те самые очаги местного оседлого хозяйства, о которых говорилось выше, оказали решающее воздействие на кочевничество, которое без поддержки новых подкреплений перестало существовать. Как указывал Ф.Энгельс "при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому "хозяйственному положению" завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания" (8, с. 166). Правда, языковая ассимиляция была обратной, чему способствовал факт политического господства пришельцев (66, с. 44), но это не мешало возобладанию хозяйственно-культурных традиций оседлого земледельческого хозяйства. Отправной точкой для кардинальных изменений в экономике Дагестана в основных направлениях и формах соотношений хозяйственной деятельности населения, явилось прекращение политического и экономического давления кочевничества извне. С этого времени (примерно с XV в.) в Дагестане происходит ряд процессов экономического, политического, социально-этнического характера, вызвавших коренные изменения в структуре хозяйственной и общественной жизни Дагестана.

В основе процессов лежали причины социально-экономического порядка, и в первую очередь развитие производительных сил (особенно земледелия и прирост населения) и обмена, но “умиротворение” края, возможности установления постоянных сношений между всеми зонами явилось силой, которая облегчила, в определенной степени обеспечила беспрепятственное развитие этим процессам. Это один из примеров, когда политический фактор, хотя и входящий “в надстроечные формы, но иногда по силе своего воздействия” способный “отодвигать на второй план экономические факторы” (510, с. 19), становится определяющей силой в историческом процессе.

Умиротворение создавало предпосылки для постепенной ассимиляции оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством кочевничества. Правда, подобное происходило и в предшествующие эпохи, но новые волны мешали завершению процессов поглощения кочевничества.

Растворение кочевого хозяйства приводит к укреплению и интенсификации оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, возрождению многих его отраслей, исчезнувших в период господства кочевников. В хозяйстве края происходит много изменений как в общем его облике и соотношении отраслей, так и внутри отраслей — усиление зональной специализации, привлечение в форме отходничества и переселения части населения с гор на равнину (вспомним о вытеснении в малоудобные горы в предыдущую эпоху), более мощную и перспективную в хозяйственном отношении, более рациональное размещение отраслей хозяйства по зонам и т. д. В земледелии увеличиваются массивы освоенных земель, расширяется запашка, орошение, внедряется многоупряжный колесный плуг, развиваются интенсивные отрасли (садоводство, виноградарство, шелководство и др.).

В скотоводстве расширяется — как форма интенсификации — отгонная форма (особенно на равнинные зимние пастбища), происходит увеличение удельного веса КРС, связанное с расширением земледелия, увеличение покосов, внедрение косы, зональная и региональная специализация по видам скота, расширение утилизации продукции.

Особенностью становится увеличение перекрестных взаимных связей и соотношений — между хозяйством зон, между земледелием и скотоводством, скотоводством и промыслами и т. д.

Рост избыточного продукта, накопление излишков ведут к оживлению обмена и дальнейшему углублению процесса разделения труда, который выражается, в частности, в специализации равнины в производстве зерна, а гор — в скотоводстве, в увеличении числа ремесленных центров. А усиление обменных связей приводило к укреплению политических и культурных связей, а их совокупное взаимодействие создавало предпосылки для усиления зональной хозяйственной специализации, что в свою очередь стабилизировало политическое положение.

В связи с хозяйственной переориентацией в отраслях происходит и изменение

типологии поселений. В предыдущую эпоху, как указывалось, преобладал тип тухумных поселений с земледельческо-скотоводческим хозяйством, с максимальной утилизацией угодий в этом направлении (пашня, террасы, покосы, выгоны при небольшом количестве пастбищ). Максимальная пригнанность этих поселений к стационарному симбиозному хозяйству приводили при изменении хозяйственной ориентации (скотоводство, особенно отгонное), к нехватке угодий и поискам новых резервов земель-пастбищ и нарушению баланса угодий старых поселений, что порождало (наравне с другими факторами) тенденцию образования новых поселений, посредством сгруппирования старых. В них уже получает возобладание территориально-родственный принцип заселения, и новая структура угодий, учитывающая интересы отгонного скотоводства. Новые крупные поселения облегчали отгонное содержание: увеличение возможности маневрирования угодьями в пределах общины, организация отгона, формирование стад, выбор обслуживающего персонала, помощь во время отгона скота, перегона и т. д.

При этом местная специализация, естественно, складывалась на основе исторически сложившихся занятий населения, по принципу наибольшего благоприятствования местной среды той или иной отрасли (виду ее, скота) в новых условиях. Так складываются новые естественно-исторические зоны, с новыми направлениями и ориентациями хозяйства. Наиболее сказывающиеся на этом факторы: интенсивность хозяйственных и культурных контактов с зонами другой ориентации (возможность), состояние путей сообщения и транспорта, политическая ситуация и т. д.

Одна из особенностей — усиление специализации, как исторической (например, скотоводство высокогорья), так и новой, вызванной изменением социальной, политической и экономической ситуации (например, зерновое земледелие равнины).

Новым явлением для этого периода следует считать более четкое выделение наметившихся еще в предыдущую эпоху небольших узкопрофильных хозяйственных районов — микрозон (напр., горнодолинные Койсубулинская, Цудахарская; скотоводческая (КРС) Сюргинская, земледельческо-скотоводческие Гидатлинская и Андалалская, промысловая Кубачинская и др.). Положение о обмене и зональной хозяйственной специализации не противоречит положению о натуральности средневекового хозяйства (так, о Дагестане сказано, что даже “в первой половине XIX в. преобладала натуральная форма хозяйства”) (560, с. 124, см. также: 267, 1, с. 316), ибо оно “отнюдь не исключает наличия товарно-денежных отношений в сфере обмена” (111, с. 197). Мы уже видели, что разделение труда существовало даже в первобытном обществе. Однако, признание одним из важнейших положений о том, что “возникновение ХКТ причинно связано с... появлением разделения труда у обществ, находящихся в различных ландшафтно-климатических условиях” не противоречит признанию натуральности хозяйства, ибо здесь не имело места “возвращение продуктов товарного обращения в производство” и обмен велся

“главным образом предметами непроизводственного потребления” (580, с. 25), т.е. если “продаваемая продукция” “не превратится снова в элементы производства, а пойдет на удовлетворение личных потребностей” мы имеем дело с натуральным хозяйством (467, с. 116-117). Как указывал В.И. Ленин, “законом докапиталистических способов производства является повторение процессов производства в прежних размерах, на прежнем основании” (12, с. 57). Поскольку главным средством производства остается земля, “эксплуатация ресурсов которой ведется в условиях территориально-зонального разделения труда” (580, с. 25), постольку создаются предпосылки для образования хозяйственных районов с преобладанием определенного профиля хозяйства и соответствующим обменом.

В частности, на равнине, местное земледельческо-скотоводческое хозяйство получило возможность неограниченного расширения и развития. А так как здесь были наиболее благоприятные условия для земледелия, то стала складываться общедагестанская хлебная житница.

В этих условиях горное трудоемкое и нерентабельное земледелие начинает свертываться и привозной равнинный хлеб занимает все большее место в зерновом балансе горной части. Соответственно здесь рост производительных сил выражается в увеличении удельного веса более рентабельного и перспективного здесь скотоводства, а также промыслов и ремесла. Горные долины специализируются еще на садоводстве, с обменом плодов на хлеб равнины, на части которой садоводства не было совсем; возможно это отголосок соседства кочевого хозяйства, ставший традицией. В последующие столетия роль равнины как хлебной житницы возрастает, так же как падает удельный вес земледелия в горах, что особенно наглядно демонстрируется процессом забрасывания огромного количества горных террас (310, с. 288), используемых в прошлом для богарного земледелия. Они частично сохраняются под земледелие там, где террасы примыкают к селениям, частью же превращаются в покосы и даже пастбища.

К XVI-XVII вв. процесс хозяйственного размежевания между отдельными центрами производства и складывания нового географического разделения труда (зональной хозяйственной специализации) в целом завершается и хозяйственное развитие уже происходит на этой базе. Интенсивное экономическое развитие и рост населения приводят к освоению новых земель, в т.ч. заброшенных, прилегающих к поселениям предыдущего этапа (типа), но уже на другой хозяйственной основе, с более специализированной утилизацией. Это освоение приводит к возрождению разбросанных малых поселений, но уже хуторского, территориального характера.

Отметим при этом одну сохранившуюся и при этом новом разделении труда особенность дагестанского хозяйства: независимо от того какая отрасль является главной, заметна тенденция развивать все отрасли, различие было только в их соотношении и удельном весе. Особенно это касалось земледелия. Даже горцы-скотоводы стремились иметь клочок собственной пашни, который символизировал

благополучие семьи, был как-бы гарантом даже ее общественного веса (вспомним слова Н.Абельдяева: “о незначительности хлебопашества” и что “хлебопашеством занимаются все без исключения”) (48, с. 25). Поэтому можно сказать что земледельческие традиции были сильны и в горной зоне, но здесь не было базы, возможностей для развития вширь и вглубь.

В скотоводстве наблюдаются несколько иные закономерности зонального и микрозонального размещения и тенденций развития. В связи с этим придется вспомнить о определенных разногласиях по вопросу о размещении двух основных отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства по отдельным природно-географическим зонам. Наше возвращение к этим разногласиям объясняется тем, что в новой ситуации (новом разделении труда) устранился предмет разногласий.

Они заключались в том, что для стран Кавказа была принята стройная концепция Б.Б. Пиотровского, показавшего на примере Закавказья процесс роста скотоводства, увеличения МРС и приобретения скотоводством полукочевого характера с энеолита. Механика этого процесса: рост численности МРС в связи с развитием производительных сил, исчерпание ближних пастбищ и необходимость перегона скота на дальние расстояния, большая пригодность к этому МРС, необходимость освоения высокогорных лугов, невозможность существования постоянных поселений в зоне лугов и поэтому принятие скотоводством “формы полукочевого — отгонного, с выгоном скота в горы на летнее время (461, с. 40; 463, с. 6; 462, с. 19). Концепция эта в известной мере перекликается с положениями А.А. Миллера (402, с. 51), и в отношении Северного Кавказа и Дагестана получила соответствующую разработку у А.П. Круглова и Е.И. Крупнова (323, с. 25, 35-37, 94-96; 325, с. 83, 102-103; 236, с. 304).

Дагестанские археологи, в принципе не отвергая концепции названных крупных исследователей, считают, что специфика условий Дагестана вызвала своеобразие его развития: освоение нагорий связано здесь с оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством, и отгонное скотоводство, связывавшее равнину и нагорную часть здесь не сложилось.* Не все аргументы их убедительны, в частности, относительно достаточной кормовой базы, или неустойчивости политической ситуации — они приложимы и к другим областям. Мы предложили обратить внимание на устойчивые традиции земледельческого хозяйства в горной части, при большей подверженности равнинной части воздействию кочевников из-за ее “проходного” характера (“ранимость”). Т.о. происходило чередование интенсивности хозяйственного развития в двух аспектах: по зонам (земледелия и скотоводства на равнине и в горах), и по внутризональной интенсивности отраслей; оба аспекта, естественно, были взаимосвязаны, и в значительной степени регулировались внешними воздействиями (кочевниками).

* Наиболее развернутое обоснование (и сводка работ и материалов) этой концепции у В.Г. Котовича (314, с. 120-164).

Устранение этого фактора давления имело много последствий для хозяйственного и общественного развития Дагестана. В области хозяйства, это, прежде всего, изменение размещения основных отраслей хозяйства по зонам, и соответственно изменение их межзонального и внутризонального соотношений и второе — изменение зонального (подзонального, микрозонального) размещения видового содержания скота и соответственно форм скотоводства (ФС). Решающую роль в этом сыграло освобождение равнины от кочевничества и возможность отгонного содержания скота как на равнине, так и в горной части.

Освобождение равнины на этот раз было окончательным, и поэтому здесь, в отличие от прошлых “передышек” (напр. хазарского) возрождение оседлого хозяйства на земледельческой основе было более основательным и неизменным. И это не замедлило отразиться в высказываниях наблюдателей, которые фиксируют на равнине уже не степь, степное хозяйство, а земледельческие нивы. Очень показательны в этом плане свидетельства Кирилла, посла кахетинского царя Александра в Москву, который отмечает, что в Шамхальском владении “села и деревни многие, и винограду, и пашни, и лесу много”. “Людам и скоту добре здорово” (114, с. 404-405). Свидетельство Кирилла очень интересно еще тем, что показывает как жители горной части приезжают на равнину за хлебом (“приезжают туто от шевкала временем, как хлеб поспеет..., а устроя хлеб, съезжают опять к шевкалу, в горы” (114, с. 404-405), т.е. свидетельствует, что равнина в этот период стала житницей Дагестана.

Более подробные сведения о хозяйстве равнины мы находим у И.Гербера, очень тонкого наблюдателя. Для всех жителей равнины у него имеются такие формулировки: “питаются от пашен и плода всякой скотины”, “имеют пашни и скотину” и т.д. Он же отметил, что равнина и ее жители “пшеницею и ячменем удовольствуют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюды приезжают” и что по этой причине горцы очень миролюбивы с жителями, снабжающими их хлебом (“нападения и воровства никакого не чинят”) (200, с. 62, 69, 71, 74, 77, 83, 104). В этом же плане дают характеристики равнинного хозяйства другие наблюдатели — Л.И. Тихонов, Ф.Ф. Симонович, А.И. Ахвердов (525, с. 129; 506, с. 132 сл.; 505, с. 199; 108, с. 213-216) и др. Характерно описание последнего, который выделяет равнину как хлебопашескую, предгорья — садоводство и хлебопашество, “в самых же горах” наряду с небольшими посевами кукурузы “главное пропитание имеют от овечьих стад, кои зимой содержат на плоскости, а летом в горах (108, с. 213-216). И.Гильденштедт также пишет о жителях равнины — “они все занимаются хлебопашеством и имеют небольшое скотоводство” (210, с. 105).

Это перечисление обеих отраслей, и всегда земледелия первым может означать не только преобладание земледелия, но и необходимость сопутствия скотоводства. Земледелие технически, функционально, по культурно-бытовой практике требует подчиненной ему отрасли скотоводческого хозяйства. Но поскольку без тягловой силы нет пашенного земледелия, зависимость есть и обратная, поэтому мы говорим

не о ХКТ земледельцев, а о ХКТ земледельцев-скотоводов.

Т.о. поскольку был необходим скот для тягла, и поскольку эта его роль требовала постоянного “присутствия” при земледелии, этими обстоятельствами был определен вид скота — крупный рогатый скот (КРС), его категорий — рабочий скот, формы его содержания — стационарная, сочетающая выгонное содержание со стойловым.

Второе место занимает молочное назначение КРС. Бытовые особенности утилизации молочной продукции, особенно потребляемой в непереработанном виде, также требовали содержания молочного скота поблизости от поселения (отсюда постоянное сельское стадо коров).

Следовательно, для равнины преобладающей формой скотоводства была форма содержания именно КРС — выгонно-стойловый тип (компоненты в порядке убывания).

Скотоводство равнины не ограничивалось КРС. В мере, которую позволяли климато-географические условия и не причинялся ущерб основным отраслям хозяйства, здесь содержали и мелкий рогатый скот, лошадей.

Свиней уже не разводили (завершение исламизации), ослов тоже — была упряжная повозка. Немалый удельный вес имел и буйвол (молочный и тягловый). Относительно МРС на равнине в источниках имеется очень мало свидетельств — из равнины коневодческой она превратилась в земледельческую. Несколькими иначе обстояло положение в нижнем предгорье, находящемся на стыке равнинных и верхнепредгорных земель (пастбищ). Например, сел. Губден, признанная житница Даргинии, в т.ч. тех областей, которые в перечне податей шамхала дают дань быками (Акуша, Усиша, Цудахар), и упоминаемый в качестве поставщика баранов, сохранил традицию содержания МРС и в эту эпоху. Способствовало наличие недалеко от селения комплекса летних и зимних пастбищ.

“Стыковые” селения вроде Губдена получили еще одно преимущество: в предшествующую эпоху они были стеснены со стороны равнины и не могли принимать мигрантов ни с одной стороны, теперь же, имея резервы земель, они становятся центрами для миграции населения с гор, что способствовало интенсификации и росту земледелия. Не случайно, что именно в нижнем предгорье находились в XVIII-XIX вв. крупнейшие селения Дагестана — Губден, Нижнее Казанище, Нижний Дженгутай, Доргели, Эндери, Чиркей и др.

Процесс “сползания” населения с гор является всеобщим явлением и порождается ростом производительных сил и перенаселением гор. В литературе в качестве одного из примеров этого сползания нередко приводится Дагестан (293, с. 167). При этом часть быстро растущих аулов, не имевшие резервов угодий, скупали их у феодалов. Так в 1617 г. община с. Чиркей закупила у Эндириевского князя Тимира несколько пастбищных гор (63, с. 92-93). Обращает на себя внимание оговоренный возраст видов скота в купчей: МРС — только годовалые (на мясо), КРС — только трехлетки (тягло). Из этого факта, что для овцеводства равнины обязательно требовались летние пастбища (горы), следует, что без ущерба основным отраслям

хозяйства массовое разведение МРС было возможно лишь при кочевом или отгонном характере овцеводства, при стационарном же трудно осуществимо и экономически невыгодно.

В общем овцеводство на равнине было слабо развитым, во многих регионах уступая численностью (не говоря об удельном весе) КРС. При этом форма содержания МРС подчинена интересам и ритму стационарного земледельческо-скотоводческого хозяйства и является также выгонной и стойловой, но с гораздо меньшей долей стойлового содержания (лишь когда их мало для отгона), с добавлением хуторской и яйлажной.

Иначе обстояло положение с лошады: земледельческо-скотоводческое хозяйство равнины не в такой степени отказалось от нее, как от овцы. Думается, в этом сыграли роль военный и социальный аспекты. XV-XVIII вв. это период феодальной раздробленности, междоусобиц, а в условиях равнины «всадник имел ряд неоспоримых преимуществ в силу специфики военных действий и особенностей вооружения, социальной окрашенности тактических действий (набеги, карательные экспедиции и т.п.)», что делало «состав военных ополчений и феодальный войск... более «всадническим» (439, с. 161, 162). Социальный момент выразался еще в том, что на равнине были более развитые феодальные отношения, намного больший прибавочный продукт, больше представителей феодального сословия, и лошадь, ставшая предметом престижа, даже мерилом положения стала необходимым атрибутом феодального общества. Очень красноречивая на этот счет традиция имела у кабардинских феодалов: когда у крестьянина вырастал конь, феодал забирал его и давал ему взамен быков, что означало, что лошадь — верховое животное, для развлечения, военных упражнений, набегов, войны, а быки — рабочий скот и с ними имеет дело крестьянину (190, с. 89). Нельзя исключать и этнопсихологический аспект: жители равнины — результат сплава кочевников с местным населением, и в традициях, быту, фольклоре кумыков лошадь занимает несомненно большее и более почетное место чем у любого из народов Дагестана. Об этом свидетельствует и одно сообщение XVI в., в котором дан реестр конных воинов шамхала по обществам (напр, даргинский Акуша — 30 конных, а кумыкский Эндери — 200, Эрпели — 400 и т.д.) (114, с. 292-293).

В общем можно считать, что в XV-XVIII вв. на равнине, определяющей основные тенденции развития отрасли стало земледелие, с симбиозным разведением КРС. Соответственно преобладают выгонное, стойловое (основные) и отгонно-яйлажное (для МРС) и зимне-хуторская формы содержания скота.

Обратимся к горной части. Не сразу и не везде здесь были утеряны земледельческие традиции. Об этом можно судить по некоторым отказным наследственным документам, в которых на первом месте идут пахотные участки, затем покосы и лишь в самом конце овцы; или они вовсе не указаны, а упоминается сено, что указывает на важность стойлового содержания (63, с. 96, 97).

Очень показательным в этом отношении является реестр податей аварского

хана, т.к. в отличие от шамхальского относится к более позднему времени, и отражает положение именно в горной части, т.е. подателем, не имея другого податного населения, должен был выжать из горцев максимум не только количества, но и ассортимента продукции. Всего в перечне 105 селений и в них преобладают селения с податью, выраженной в овцах (62 селения).

Кроме того, овцы указаны еще для 13 селений обложенных зерном, 2-х — КРС, 4-х виноградом и овощами — всего 81 селение. Однако во многих случаях подать МРС обуславливается их наличием (еще одно доказательство в пользу положения, о котором говорилось в связи с шамхальской податью, что овец брали в качестве подати и с хозяйств, где овцеводство совсем не преобладало), или же выпасом на ханских пастбищах (всего 36 случаев). К ним добавим 12 аулов обложенных только зерном, 13 — зерном и МРС, 9 — виноградом, соком и овощами, 7 — КРС, всего 41; следовательно, на 81 селение, обложенных МРС (только МРС — 62), приходится 41 сел. с продукцией, связанной с земледельческо-скотоводческим хозяйством (учтем в числе 81 и 36 селений с обусловленной наличием овец податью, которые тоже можно отнести к земледельческо-скотоводческому хозяйству) (255, с. 21-25). Все это позволяет заключить, что в большей части внутреннего горного Дагестана в XVI-XVIII вв. было оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, с относительно развитым земледелием, садоводством, виноградарством, овощеводством и значительным скотоводством, в т.ч. отгонным, с отгоном и на яйлаги, и на кышлаги (кутаны). Это согласуется с оценкой хозяйства Аварии И.Гербером — «имеют пашни и скотоплодие» (200, с. 113), или Д.Беллом (много... плодородных полей, производящих жито» (113, ч. 3, с. 179). С этого времени начинает наблюдаться в хозяйстве горного Дагестана эффект парадокса соотношения отраслей хозяйства (преобладание земледелия как занятия, и скотоводства — как основной отрасли). Еще одна сторона реестра: обусловленность подати овцами их наличием, или наличием определенного количества, означая с одной стороны, отсутствие (или незначительность) овец в ряде селений, с другой стороны указывает на рост овечьих стад, на то, что они занимают все большее место и на пастбищах, и в хозяйстве.

Примерно так же, как у аварцев, оценивается хозяйство лакцев, хотя в источниках более подчеркивается наличие «скотины и баранов» (113, ч. 3, с. 102), в некоторых они ставятся даже на первое место («изобильное скотоводство, а особливо в овечьих стадах, и хлебопашество богатое» (108, с. 225). Имея в виду, что тут к лакцам (Казикумуху) отнесены и богатые Кюрийские земли, следует сказать, что в хозяйстве самих лакцев на первый план выдвигается скотоводство (овцеводство).

Однако не о всех районах горной зоны говорится как о земледельческих, причем причиной «не хлебородности» наблюдатели нередко указывают гористость. Отражением этой позиции является оценка Гербером, например Табасарана: нижний Табасаран — «хорошие поля и плодородная земля», верхний — «к горам живущие питаются только одною скотиною и не имеют пашен или хлеба» (200, с. 104). «Питаются»

— подразумевается вид хозяйственной деятельности (напр., о кубачинцах — “питаются рукоделием”) (200, с. 75).

Что они “не имеют ни пашен”, “ни сох” пишет Гербер о курахцах, что “питаются скотиною и имеют между горами в долинах малое число пашен, и для того имеется у них нужда в хлебе” — о лезгинах союзов Алгышара, Докузпара, о Рутуле (200, с. 77, 79-80) (вспомним, что ал-Казвини писал о них, что они обеспечивают себя хлебом) (195, с. 96; 596, с. 33-34). О союзе обществ Акуша-Дарго — “пашни много не имеют... питаются больше скотиною, и содержат великое число баранов”. Интересно отметить, что И. Гербер четко различает хозяйство разных зон: 1) “некоторые имеют пашен”; 2) “а другие скотоводством питаются... а иные мало хлеба имеют”; 3) “иные не ведают, что хлеб есть, и питаются одною скотиною”. Чуть дальше о дидойцах — “питаются скотиною” (200, с. 112-113). Здесь перед нами характеристика разных хозяйственных зон аварцев, от жарких долин до высокогорий. Сходную оценку горной части и отличия ее от равнинной мы встречаем у других наблюдателей (525, с. 129; 108, с. 216), напр., у Ф. Шишкевича о “лезгинах”: “пропитание доставляют им скотоводство и набеги” (598, с. 41).

Поэтому слова А. Олеария о Дагестане XVII в., что “кормятся они скотоводством” (430, с. 495, 977) следует признать верно отражающими положение вещей в отношении горной части в целом.

И еще одно: почти все наблюдатели, указывая на содержание больших стад МРС, добавляют, что содержатся они в горах и на равнине, подтверждая преобладание для МРС отгонного содержания.

В наблюдениях авторов немало внимания уделяется вопросу об отгоне скота на равнинные пастбища.

И. Гербер указывает, что “акушинцы и многие таулинцы баранов своих зимним временем сюды на корм пригоняют и за то усмею положено пошлин платить”. Он считает, что баранов пригоняется более 100 тыс. (200, с. 84). Д. Тихонов кроме платы указывает в отношении даргинцев и шамхала “уважение”, которое выражается, в частности, в представлении войска по просьбе шамхала (“просит по доброй воле”). У Тихонова мы встречаем первое упоминание о кутанах (которые он называет и хуторами) (525, с. 131) — отдельных пастбищах — урочищах с определенными естественными границами, группирующихся вокруг водных источников, вдали от поселений. Кутаны и соль считал и С.М. Броневский “политической силой шамхала, содержанием соседей в обоюдном опасении лишиться скота от недостатка в подножном корме, или затрудняться в продовольствии себя солью” (129, с. 306). Также и П.Зубов повторяет буквально то-же (257, с. 247, 252). О подобном положении и уцмия кайтагского, говорит А.Неверовский (420, с. 14), о аварцах Салатавии и шамхале — А.Буцковский (139, с. 244).

Однако отгон осуществлялся и на яйлаги. Тот-же А.Ахвердов отмечает, что аварский хан “за земли, где летом подданных его пасутся овцы, за то платят ему

овцою, сыром и маслом” (108, с. 225). instituteofhistory.ru

Большие массивы летних горных пастбищ которые использовались в хозяйственных и политических целях имели и Казикумухские ханы (напр., на горе Дюльты-даг у них арендовали пастбища общества Акуша и Цудахара).

В процессе взаимного пользования разносезонными угодьями между отдельными обществами складывались отношения взаимных услуг, выражаемых в форме простого обоюдного выпаса без установленных эквивалентов. Так, например, равнинное сел. Губден представляло часть своих обширных угодий в предгорной полосе горным обществам Мекеги, Акуша и Цудахара, после использования своими жителями летом. Однако те “не вправе делать нигде... запашек и заводить какие либо постройки для хуторов или отселков” (259, с. 21). Все таки это соглашение было выгодно горцам и ущемляло интересы Губдена, возможно, соглашение было заключено после неудачного для Губдена столкновения (о таком упоминает Рейнеггс) (621, с. 101), или же — скорее всего — это возмещение за военные услуги этих обществ шамхалу (Губден входил в шамхальство). Это более похоже на истину, тем более, что у даргинцев была еще одна гора общедаргинского пользования, подаренная им шамхалом за военные услуги (Шамхаа дубура — гора шамхала). Т.о. потребности отгонного скотоводства, приводившие к необходимости использования разносезонных пастбищ, объективно приводили (при всех противоречиях и даже столкновениях на этой почве) к укреплению экономических и политических связей разных районов и объединений (541, с. 206).

Это же отгонное скотоводство (преимущественно овцеводство), став в “горных областях Дагестана ведущей отраслью хозяйства” (339, с. 39), привело и к интенсификации феодальной эксплуатации, развития феодальных отношений. Если для комплексного, замкнутого хозяйства предыдущего периода была свойственна определенная застойность, то теперь происходит активизация развития феодализма, одним из наиболее полновесных проявлений которого стало взимание платы и разных услуг за выпас скота. Этот переход от дани к ренте впервые отмечен, кажется, С.В. Юшковым. Он, и вслед за ним Р.М. Магомедов, Х.О. Хашаев, Г.Г. Османов считают пастбищную ренту особенностью дагестанского феодализма, а его основой “феодальную собственность на пастбищные горы и угодья (604, с. 74, 85; 366, с. 95, 159 и др.; 560, с. 161; 433, с. 23-24). Е.Н. Кушева этот переход от дани к ренте относит к XVIII в. (возможно, раньше), и считает также “одной из характерных черт феодальной эксплуатации в Дагестане” (339, с. 52).

Такую же характеристику мы находим у Г.Д. Даниялова: “дагестанские феодалы присваивают в первую очередь местные пастбища и кутаны, эксплуатируют крестьянство путем пастбищной ренты” (225, с. 58).

Хронологически переход дани в ренту связан со становлением отгонного в обе стороны (трансюманс) скотоводства (XVI в.).

Связан с этим и вопрос о “сползании” населения. Скотоводство высвобождает

часть населения, оно находит применение на равнине. Но это явление не стало массовым, приняв форму отходничества с гор. Тем не менее “сползание” было (доказательство: например, огромные стыковые селения предгорья) и сопровождалось связанным с ним еще одним “сползанием”. В условиях зональной хозяйственной специализации, бурно развивающейся земледельческой равнины, отгонного скотоводства, слабого развития феодальных отношений, крупным феодалам стало трудно контролировать и получать ренту с отдаленных разнотемпературных (разнозональных) угодий, а развивающаяся равнина обещала большие доходы. Поэтому шамхалы и уцмий становятся равнинными владельцами (“сползают”), а казикумухский и аварский — горными, с соответствующим преобладанием и вида ренты.

Т.о. зональная хозяйственная специализация и специфика реализации феодальной ренты породила тенденцию к однозональным политическим объединениям. Этими же обстоятельствами объясняется другое явление: союзы обществ, имеющие достаточно своих пастбищ и мало нуждающиеся в аренде феодальных, проявляют большую независимость по отношению к феодалам.

Напротив, необходимость аренды ввергает общества в зависимость от них, иногда и символическую (если не за аренду, то за прогон, покровительство и т.п.). Такие факты имели место, например, между тушинами и аварским нучалом (201, с. 204-205), между кабардинскими феодалами и балкарцами (67, с. 221; 339, с. 171, 173; 343, с. 91) и осетинами (484, с. 170-172).

Говоря о зональной хозяйственной специализации следует иметь в виду, что условием ее сложения и бытования был обмен.

Каждый народ (район) производит продукцию не только необходимую для своего хозяйства, жизни, быта, но и необходимую для соседей, с тем, чтобы получить от них в обмен то, что на месте не производится, или производится с большим трудовыми затратами и трудностями. Институты специализации и обмена взаимообусловлены, рост каждого стимулирует развитие другого. К этому периоду, следует полагать, относится и начало складывания большинства крупных еженедельных базаров ярмарочного типа, которые можно разделять на местные, региональные и межрегиональные. Главным предметом вывоза равнины все более и более становилось зерно, причем вывозили не они, а потребители, “которые для покупки того хлеба сюда приезжают”, и со своими поставщиками зерна — жителями равнины никогда не допускают враждебных отношений, “чтобы через то волю не потерять пшена и пшеницу тамо доставать и менять” (200, с. 83).

Кроме зонального обмена складывается и внутренний, в котором участвуют товары небольших местных товаропроизводящих центров (напр., сюргинский КРС и ослы, цудахарские фрукты, гидатлинское масло и т.п.). Напомним однако, что это больше продуктообмен в рамках натурального и полунатурального хозяйства, а не торговля. Об этом свидетельствует и отсутствие в Дагестане собственной денежной

единицы, что видно по полатным реестрам, по сборникам кодифицированного права, в которых вместо денег фигурирует зерно, скот, котлы, полотно и др. (468; 559; 561; 339, с. 41).

Чем глубже разделение труда между зонами, тем больший размах принимает разведение скота в высокогорье и части селений внутреннего Дагестана, имеющих высокогорные пастбища, ибо растущие возможности обмена избытка поголовья и животноводческих продуктов стимулировали массовое разведение скота (491, с. 10). При этом наблюдается закономерность соответствий между формами скотоводства и видами содержащегося скота. В стационарном скотоводстве ведущая роль принадлежит КРС, без расширенного воспроизводства, с расчетом на кормовую базу стационара и потребности земледельческого хозяйства. Со своей стороны влияет на форму скотоводства и видовой состав стада. Так, например, КРС менее приспособлен к перегонам, чем МРС и требует, в основном безотгонного содержания (491, с. 4). В отгонном же скотоводстве доминирует МРС, т.к. он лучше переносит перегон, предвесеннее бескормье и т.п., здесь нет ограничений для численного роста стад. На равнине же скотоводство являлось дополнением и поддержкой земледелию, и в стаде преобладал рабочий скот. Бесперывная надобность в нем и отсутствие специального (на обмен) производства молочной продукции, с потреблением ее дома, привели к преобладанию выгонной и стойловой форм содержания. Лишь для бычков и нетелей применяли отгон на небольшие расстояния в более прохладные, богатые травой места, с недельными циклом (шалашная форма содержания). Разведение МРС не имело на равнине самостоятельного значения (возможно, из-за трудностей летнего содержания), и имевшиеся овцы подчинялись ритму и форме содержания КРС. Правда, к XVIII в., когда экономические связи равнины и гор обрели устойчивость, окрепли, наблюдается и отгон МРС в горы крупными овцеводами, и соответственно увеличивается содержание МРС.

Наличие такого отгона подтверждается в письме Султан-Ахмедхана Аварского союзу обществ Хедолаал, в котором он упрекает их за нападение на стадо его “близкого Муса, аксайского владельца” (366, с. 98). Это письмо интересно тем, что констатирует яйлажное скотоводство с равнины в XVIII в.; показывает что этот отгон возможен только для крупных владельцев; что имелись общие скотопрогонные трассы для отгона (“общая дорога”); что хан не грозит карами и расправами, а лишь требует законного наказания провинившихся и удовлетворения обиженных. Похожее письмо имеется и от грузинского царя Ираклия обществу Карах, на горы которого грузинские овцеводы приводили летом своих овец: “Я хочу быть в союзе и в мире, чтобы вы не причиняли нашим барановодам на летних пастбищах препятствия и беспокойства. Взаимное ручательство — успех нашему делу” (366, с. 79).

Т.о. можно, по-видимому, считать, что на протяжении этого периода установилась не только зональная хозяйственная специализация, но и завершилось становление основных форм земледелия и скотоводства, завершилось образование

сложившихся на этой почве ХКТ, получивших свое окончательное развитие как в смысле завершенности видового образования, так и масштабности и удельного веса в XIX в. Поэтому мы считаем нецелесообразным их подробное рассмотрение, с тем чтобы воссоздать общую итоговую картину распределения и содержания ХКТ с привлечением материалов XIX в.

Остановимся только коротко на перечне форм земледелия и скотоводства, и основных ХКТ.

Равнина к концу периода становится безусловно районом пашенного зернового земледелия, местами садоводства, виноградарства, овощеводства. Зерновая житница края, одновременно становится основным местом зимнего содержания большинства поголовья МРС. В собственном земледельческо-скотоводческом хозяйстве равнины преобладают пашенное земледелие и КРС, из форм скотоводства — выгонная и стойловая, незначительно-шалашная, яйлажная, хуторская.

Предгорная зона переходна и в формах хозяйствования. До лесной полосы она смыкается во всем с равнинной частью, выше леса — примыкает к горной зоне. Определенное своеобразие представляет лесная часть: менее выраженный земледельческий профиль, низкий уровень овцеводства, преобладание КРС, но преимущественно молочно-мясного (не рабочего). В формах скотоводства это выразилось в меньшей подчиненности земледелию, хотя основным типом скотоводческого хозяйства является выгонно-стойловый. Большой (чем на равнине) удельный вес шалашной и яйлажной форм.

В горной зоне — наибольшее разнообразие форм (многообразие природных условий, пестрота общественных отношений, бедность, отдаленность от экономически развитых областей). Внутренний Дагестан — пашенное террасное земледелие (повсеместное, хотя в целом и не главная отрасль). Также и форма скотоводства — наиболее бытующая — выгонно-стойловая (тип), но преобладающая по удельному весу — отгонная, в вариантах: яйлажная, кышлажная, долинно-отгонная. Хуторская форма, имевшая большой удельный вес в предыдущий период (“запертость”), теперь потеряла свое значение, уступая отгонным формам (она оживилась в XIX в., в период войны за независимость; именно “хуторские районы” явились хозяйственной опорой Шамиля). Наибольшее распространение у северных даргинцев и части аварцев имели два вида — выгонный и пастбищный (из выгонного к концу периода вырастает мульковый — полное хозяйство с постоянным проживанием семьи).

Высокогорный Дагестан — земледелие меньше и как занятие, не говоря о удельном весе. Более развито отгонное скотоводство, и яйлажное и кышлажное, последнее: — с частичным отходом населения (подвижная форма).

Более распространен весенний кышлажный отгон, долинный отгон. Бытование в отдельных местах пастбищного хутора способствовало развитию внутриапальпийского скотоводства (безотгонного).

Соотношение основных отраслей хозяйства в сочетании со связанными с ними

особенностями культуры (особенно орудий труда), образовывало разные ХКТ. Сочетание же и взаимодействие на уровне ХКА (хозяйственно-культурных ареалов) создавало предпосылки для сложения общего хозяйственного и культурно-исторического фона, т.е. единой дагестанской историко-культурной области, в свою очередь служащей средой и основой как для функционирования ХКТ, так и для развития консолидирующих хозяйственных, культурных, этнических, общественно-политических процессов. К концу XVIII в. завершилось и сложение ХКТ (ареалов), ведущих свое начало от последнего географического разделения труда (восстановление экономических связей равнины и горной части). На равнине складывается ХКА оседлых пашенных земледельцев, с преобладающей ролью земледелия при симбиозе со скотоводством. Отличительные другие признаки: тяжелый плуг с отвалом, борона, преобладание повозки, растительной (в ней печеной мучной) пищи; преимущественно одноэтажное жилище (турлук), свободно спланированное поселение и т.д.

Предгорный ХКА земледельцев и скотоводов сочетал даже в одном земледелии черты равнинного и горного (например, здесь встречался и плуг с отвалом, и полозный плуг). Характерная особенность ХКА — большая роль промыслов по обработке дерева, производству разной деревянной утвари. Здесь была даже водяная турбина для обработки больших кусков дерева. Как переходный, он может быть разделен между равнинным и горным ХКТ.

Наиболее противоречивым оказался горный ХКА. Как отрасль экономики земледелие отступает на задний план, но как занятие преобладает, зерном не обеспечивает, но страховой запас дает.

Очень важны в этом традиции, этнопсихологический стереотип горца: земледелие стало неотъемлемой частью не только его хозяйства, но и его бгта, сознания, души, психологии. Все главные виды его пищи, основные обряды, культы и верования, сельскохозяйственный календарь были построены на земледелии. Характерный случай рассказывали нам в с.Кикунни, как один житель села хотел продать пахотный участок за количество баранов, которое можно поместить на нем (традиция); загнал баранов, увидел эту колышашую массу и отказался от сделки, сказав, что эти бараны могут уйти (кончиться, погибнуть), а земля останется всегда и будет кормить, пока ее обрабатываешь. Исходя из всего этого полагаем возможным определить ХКА внутреннего Дагестана как ХКА земледельцев и скотоводов. Другое отличие — полозное рало вместо плуга. Имеются и другие отличия: характер поселения, жилище, горская шуба, соотношение видов пищи (печеный хлеб — хинкал) и т.п. Во внутреннем Дагестане выделяется еще ХКА долинных земледельцев-садоводов.

В высокогорной зоне — характерная черта ХКА — преобладающее широкомасштабное скотоводство, особенно отгонное. В отличие от внутреннего Дагестана здесь и в предшествующий период был высок удельный вес отгонного скотоводства и низок удельный вес земледелия. Поэтому ХКА может быть

охарактеризован как ХКА скотоводов и земледельцев, хотя оно и как занятие занимало небольшое место, и не знало настоящего террасного земледелия, что служит свидетельством отсутствия исторической традиции на всемерное расширение площадей и вообще интенсификацию земледелия. Другие отличия: орошение не пашни, а сенокосов, преобладание вьючного транспорта, большая роль толокна в питании, шерстяная обувь и др.

То, в период феодальной раздробленности в хозяйственной жизни Дагестана, в соотношении отраслей хозяйства, зональной хозяйственной специализации, обмене, в существе и соотношении ХКТ произошли большие изменения. Главное из них — возможность беспрепятственного развития земледелия на равнине, позволившее переключиться населению гор с непродуктивного земледелия на скотоводство и промыслы. Другое — равнина теперь могла не только давать зерно, но и зимние пастбища для горного скотоводства, что коренным образом повлияло на характер скотоводства, на основные формы содержания скота.

Очень существенные изменения произошли в ХКТ. Совершенно растворился и исчез на равнинах Дагестана ХКТ кочевников-скотоводов. Правда, в северный Прикаспий пришли ногайцы, тоже кочевники, но они никакого влияния на хозяйственное развитие Дагестана не оказывали.

На равнине утвердился наиболее прогрессивный, имеющий перспективы развития ХКА земледельцев-скотоводов, активно контактирующий и взаимодействующий с ХКА внутреннего и высокогорного Дагестана. Взаимодействие это проявилось не только в области хозяйства (зерно, обмен зимними и летними пастбищами), но и культуры. В частности это происходило за счет проникновения орудий труда и произведений ремесла из зоны в зону (чаще из горной в равнинную). В этих взаимодействиях внутренний Дагестан выполнял роль посредника или трамплина для взаимодействия равнинного и высокогорного ХКА. Последний имел также тенденцию на взаимодействие с равнинным земледельческим ХКА соседних областей Закавказья.

Дальнейшее углубление сложения разных ХКТ и завершения их законченности, взаимодействия, влияния, развития Дагестанской историко-культурной области происходят уже в XIX в., являющемся логическим и сущностным завершением развития ХКТ в этот период (XV-XVIII вв.).

В общественном развитии интенсификация отгонного скотоводства привела к росту пастбищной ренты, наступлению феодализма и ослаблению позиций общины.

Наш обзор развития ХКТ с древнейших времен превратился фактически в обзор хозяйственного (и лишь отчасти культурного) развития населения Дагестана со времен неолита. При имеющейся степени изученности материалов всех эпох по всем зонам, конкретизированный анализ и синтез по зонам оказался невозможным, приходится, обходясь имеющимися, очертить хотя бы основные линии развития хозяйства и культуры. Это не такая большая ошибка, поскольку, как мы видели, ХКТ определяются в первую очередь и главным образом хозяйством. В имеющихся разработках по древней истории

также при описании развития ХКТ делается упор на характеристику эволюции хозяйства.

Главное в этом — не ошибиться в улавливании основной линии развития хозяйства, преобладания определенной отрасли, преобладающей тенденции культурного развития.

В Дагестане с древнейших времен, со времен зарождения хозяйства становится ведущей земледельческой отраслью, что соответствующим образом отражается и в культуре.

Это отражено уже в материалах Чохского неолитического поселения — зерно и земледельческий инвентарь, домашние животные. Уже неолит Дагестана как бы в зародыше предвосхищает и земледельческую специфику и развитие, и особенности земледелия, с его земельным голодом и террасами. Неолит дает нам бесспорных земледельцев и скотоводов, от которых впоследствии разветвляются отрасли и комплексы отраслей с преимущественным развитием или земледелия или скотоводства.

В эпоху бронзы мы видим новый подъем земледельческо-скотоводческого хозяйства, рост террасного земледелия, внедрение основных злаков, садоводства, виноградарства, завершение domestikации основных животных. Уже в эту эпоху начинается эффект “запертости” населения горной части, что обусловило особенности хозяйственного развития горного Дагестана — комплексное хозяйство земледельцев-скотоводов с небольшой материальной базой. К этой эпохе относится и четкое выделение ХКТ скотоводов и земледельцев засушливой равнины и высокогорья, а также лиманных земледельцев. Именно в эпоху бронзы появляется ХКТ пашенных земледельцев с использованием тяглового скота; появляется транспорт — лошадь и повозка. Т.е. мы наблюдаем дробление единичного в начале производящего хозяйства ХКТ собирателей-охотников на несколько ХКТ — равнинных земледельцев, горных земледельцев, высокогорных скотоводов, степных скотоводов.

В эпоху железа (разложения первобытно-общинного строя) продолжается развитие основных линий хозяйственно-культурного развития, но уже с более существенным вмешательством степной кочевнической культуры. Более активизируется процесс скотоводческого освоения высокогорий, что сопровождается и ростом отгонного скотоводства. Все более кристаллизуется ХКТ земледельцев-скотоводов внутреннего Дагестана.

В средневековье симбиозность земледелия и скотоводства наивысшей степени достигает во внутреннем Дагестане, где выделяется высокоразвитый ХКТ земледельцев-скотоводов. На равнине — единый в прошлом ХКТ кочевников-скотоводов и остаточный, очаговый ХКТ земледельцев-скотоводов. Наименьшие изменения происходят в ХКТ высокогорных скотоводов и земледельцев, в котором продолжается рост отгонного скотоводства.

В период феодальной раздробленности главное изменение — возрождение ХКТ равнинных земледельцев-скотоводов и исчезновение ХКТ кочевников-скотоводов, падение значения и земледельческой направленности ХКТ горных земледельцев и скотоводов и ХКТ высокогорных скотоводов и земледельцев. Эти процессы получили свое дальнейшее завершение в XIX в.

ГЛАВА IV

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Хозяйственно-культурные типы (ХКТ) представляют собой подсистемы культуры многопланового и многоаспектного характера. Их исследование позволяет осветить историю зарождения и развития хозяйства и культуры в глобальном и региональном (областном, районном) плане, и одновременно выявить формы и степень взаимодействия хозяйственно-культурных феноменов в межэтническом и межрегиональном отношении как в статике, так и в динамике.

Изучение ХКТ позволяет т.о. поставить на реальные научные рельсы проблемы соотношения между этнически обусловленным (этноинтегрирующим и этнодифференцирующим) и этническим, сложившимся под воздействием географических и общественно-экономических факторов, в отраслях хозяйства и культуры.

Однако ХКТ как культурный феномен характеризуется, как отмечалось, всеобщностью, моделированностью, оторванной от конкретной среды. Не случайно известный советский культуролог Э.С. Маркарян отнес ХКТ к классу "общих исторических типов", на том основании, что ХКТ "сопрягая культуру с обобщенными ландшафтными характеристиками, абстрагируются от конкретных локальных связей реконструируемых систем со средой", выступая в "качестве элементарной варьируемой теоретической единицы" (370, с. 25). Существует, однако и другая познавательная проекция, концентрирующая внимание на "конкретно-исторических, локально-индивидуальных связях изучаемых систем со средой", направленная на индивидуализацию этих систем. Особенность подобной типологизации состоит в том, что производимое "обобщение объектов ведется в конкретно заданных, так или иначе локально очерченных пространственно-временных рамках" (370, с. 11-12) (См. также 97, с. 28). Этот вид обобщения Э.С. Маркарян называет "генерализирующей индивидуализацией" (370, с. 22-23). Поскольку выявление и описание ХКТ конкретного региона (каким является Дагестан) в их взаимосвязи предполагает логические операции как выявления признаков общих моделей ХКТ и на этой основе конструирования местных моделей, так и фронтального анализа всех местных хозяйственно-культурных компонентов, могущих стать "кирпичиками" местной модели

ХКТ, постольку становится необходимым осуществление процедур как генерализирующей индивидуализации, так и типологизации от частного к общему.

Одним из проявлений подобной двуединой процедуры явилась бы ареализация ХКТ, перевод их в пространственное измерение. Тем самым мы получили бы хозяйственно-культурные области (субрегионы, районы) или ареалы, представляющие собой конкретную пространственную реализацию определенных ХКТ.

Такая процедура полезна еще потому, что позволяет четко определить и наметить основную линию водораздела между ХКТ и этнической общностью — наличие значительных культурных различий между родственными этническими общностями, группами и даже частями одного этноса, при типологической общности и даже идентичности культурных компонентов разных этносов — в зависимости от привязанности к одной и той же или разным экологическим средам.

Иначе говоря, ХКТ — это понятие динамического культурного процесса, а культурный ареал — "это аккумуляция комплексов в рамках определенной территории" (582, с. 75).

Мы указывали выше на разделение ХКТ по "вертикали" — стадийное, и "горизонталь" — пространственно-территориальное, — в зависимости от ландшафтно-климатических особенностей зон проживания населения. Признав независимость ХКТ и соответствующих ареалов от ИЭО, от языковых, этнических и иных общностей, мы одновременно пришли к выводу, что определяющим компонентом ХКТ является хозяйство.

В процессе определения ХКТ на основе отраслей хозяйства следует, однако иметь в виду, что зависимость экология — хозяйство не всегда и не полностью имеет последовательный, прямолинейный характер, что тут могут иметь место влияния социального, демографического, политического и др. порядка. И в этом плане большую роль играет географическое разделение труда и возможности обмена. На это особенное внимание обращает Я.В. Чеснов, который считает, что ХКТ "нельзя рассматривать только лишь как формы адаптации к различным экологическим средам", ибо в их генезисе велика роль общественного разделения труда, благодаря которому "отдельные общества могли специализированно использовать особенности ландшафтно-географической среды", проводить специализацию с учетом "разделения труда с соседними и более отдаленными обществами" (582, с. 74, 78, 80, 87), в условиях территориально-зонального разделения труда (580, с. 25). Выше, при освещении зарождения и развития ХКТ Дагестана в древности и в средневековье мы имели возможность убедиться в огромной роли зонального разделения труда в формировании и функционировании отраслей хозяйства отдельных зон (в частности, изменение соотношения между земледелием и скотоводством в горной части, в зависимости от наличия или отсутствия свободных обменных отношений с земледельческой равнинной зоной).

Оговорив эти отдельные моменты можно, по-видимому, приступить к

непосредственному освещению ХКТ Дагестана в XIX веке.

Первоначально, начиная эту процедуру, мы избрали путь отдельного поочередного описания ХКТ, предварительно выделенных нами в начале нашего исследования. Это: 1) равнинный ХКА пашенных земледельцев-скотоводов аридной зоны, умеренного пояса, подтип степей и лесостепей; 2) горный ХКА пашенных земледельцев и скотоводов аридной зоны умеренного пояса, подтип горный; 3) высокогорный ХКА подвижных скотоводов и земледельцев умеренного пояса, подтип высокогорный.

Однако, опыт показал нецелесообразность подобного метода. Во-первых, предварительно заданная схема ограничивает классифицирующие и типологизирующие возможности, ставит поисковые усилия в жесткие, иногда неоправданные, преждевременные рамки. Во-вторых, при описании получается много повторений, т.е. любой компонент любого ХКТ может иметь классифицирующее значение лишь под углом зрения его рассмотрения в масштабах всего региона.

Оказалось, что более продуктивным является метод исследования основных компонентов хозяйства и культуры, о возможности вхождения которых в структуру ХКТ мы указывали в предварительном описании.

Эти компоненты составили такой примерный перечень: хозяйство, его отрасли, преобладающая из них, земледелие, его тип и система, ирригация, садоводство и виноградарство; скотоводство, формы скотоводства; хозяйственные промыслы (охота, рыболовство, лесной промысел и др.), домашние промыслы, отходничество; орудия, в первую очередь связанные с основными отраслями хозяйства (плуг, борона, серп, средства прополки, мотыжения и обмолота); транспорт, пища, напитки, хлебопекарные устройства, утварь, мельницы; поселение, жилище, одежда, сельскохозяйственные обряды и др. Способ систематического последовательного описания выгоден еще потому, что он способствует выявлению зональных особенностей хозяйства и культуры и последующей их хозяйственно-культурной ареализации.

При осуществлении подобной ареализации, позволяющей говорить о выделяющем, дифференцирующем (и самоинтегрирующем) значении хозяйственно-культурных форм, необходимо провести с исходным фактическим материалом, в том числе предметным и производственно-операциональным, работу по генерализации дифференцирующих и интегрирующих особенностей, свойств (признаков) хозяйственно-культурных компонентов. Остановимся коротко на методах и средствах компонентной классификации.

Естественно, что научная классификация совокупности предметов, имеющая целью выявление дифференцирующих феноменов, предполагает операцию по генерализации дифференцирующих и одновременно интегрирующих свойств (признаков) хозяйственно-культурных компонентов. Начальный этап подобной генерализации, поскольку мы имеем дело с первичным, незнакомым, необработанным

материалом, заключается в обычном сплошном последовательном описании хозяйственно-культурных феноменов, в результате которого образуется перечень (реестр) феноменов, составляющих ХКТ. Но это именно первоначальный этап, и затем необходимо на основе этого сплошного описания создать несколько классификационных рядов, базирующихся на определенных классификационных основаниях. Эта операция необходима для придания просто собранному материалу определенной упорядоченности, системности. На первый план и по очередности, и по смысловой и методической целесообразности из этих рядов выдвигается горизонтальный ряд, получаемый в результате группирования феноменов в однофункциональные группы в проекции на хозяйство и культуру всего изучаемого региона (всех зон, районов) например, пахотные орудия, земледельческие культуры, средства транспортировки грузов. Следующий, уже более сложный и систематизирующий ряд генерализации — вертикальный, заключающийся в выявлении в составленном (первом, горизонтальном) ряду феноменов особенностей, позволяющих провести операцию по дифференциации хозяйственно-культурных феноменов, имея в виду их конкретную ареализацию. Если иметь в виду, что главной задачей генерализации является дифференциация хозяйственно-культурных феноменов по нескольким параметрам, то напрашивается мысль, что вертикальная генерализация должна заключаться прежде всего в дальнейшей конкретизации средств ареализации феноменов. Здесь имеются два наиболее рациональных способа: 1) выявление феноменов (компонентов ХКТ), свойственных (встречающихся) только отдельным районам; и 2) более сложный, выявление в однотипных и однофункциональных компонентах таких свойств (признаков, особенностей), которые были бы характерны для отдельных районов. Оба способа решают задачу зонально (ареально) привязанной классификации феноменов. Второй способ вертикальной генерализации требует множественных подходов дифференцирования, основные из них три: 1) дифференциация по степени бытования, удельному весу в разных районах однофункциональных элементов, имеющих одну форму, облик и конструкцию (например, арба). Это очень эффективный метод, он позволяет выделить феномены (предметы, орудия, элементы), распространение (бытование) которых ввиду (по причине) их конструктивных особенностей возможно только при определенных природно-географических условиях (например, объективная возможность бытования арбы в разных природно-географических зонах), что позволяет выявить зональную (ареальную) распространенность элементов культуры. Метод этот мы назвали предметно-объектным, т.к. различие, позволяющее разграничить бытование феномена относится к одному и тому же, имеющему один облик и форму предмету, а не к его конструкции, или технологии. 2) второй подход вертикального дифференцирования предполагает дифференциацию по степени бытования, распространения, удельному весу в определенном районе каждого из однофункциональных феноменов, имеющих свой особый облик, конструкцию и технологию функционирования. Определив степень

бытования феноменов в районе (ареале) в интеграции на себя, затем соотносительно с другими районами, можно охарактеризовать степень бытования разных предметов (орудий), имеющих разную конструкцию и технологию, но одну функцию (назначение) во всех районах по отдельности. Если при первом подходе, например, речь шла о феномене одной формы, одного назначения в разных районах (арба в разных местах), то в данном подходе речь идет о феноменах разных форм и облика, с одной функцией (например, выявление различий в транспортировке грузов по степени бытования, удельному весу перевозок в ручную, вьюками (осел или лошадь) и арбами). Метод мы назвали функционально-предметным, т.к. различие, позволяющее разграничить бытование феномена относится к предметам с одной функцией, различающимся по реализации функций, а также облику, конструкции и технологии. 3) третий подход подразумевает дифференциацию по предметному и операциональному различию компонентов, имеющих одну функцию и одно типовое название (например, повозка, коса, серп). Правильнее его назвать конструктивно-технологическим подходом (способом), т.к. предполагает различие по конструкции и облику орудия, производящего во всех районах (и зонах) исследуемого региона одну и ту же операцию, и его технологическим особенностям, передающимся технологии (протеканию) самой операции. Метод довольно эффективен и плодотворен, ибо однофункциональные (с одним назначением) орудия, различающиеся конструкцией и операциональной технологией, четко выделяются и районированы в зависимости от природно-географических условий района, что обеспечивает и четкую их ареализацию.

Сплошное описание феноменов с конструированием их горизонтального ряда, и дифференциация по способам (подходам) предметно-объектному, функционально-предметному и конструктивно-технологическому позволяет составить вертикальный ряд феноменов (компонентов), представляющий собой ряд компонентов, классифицированных по отдельным районам, зонам, ареалам, с учетом их дифференцирующих (и самоинтегрирующих) свойств и признаков.

Имея горизонтальный и особенно вертикальный ряды можно приступить к конкретному содержанию ХКА, т.е. определению круга компонентов, входящих в каждый ХКА исследуемого региона в отдельности. Иными словами, на основе полученных результатов рассмотрения горизонтального и вертикального рядов феноменов конструируются комплексы компонентов, которые образуют различающиеся ХКА. При определении конкретного содержания ХКА потребуются использование и методов (подходов) выявления феноменов вертикального ряда (предметно-объектного, функционально-предметного и конструктивно-технологического). В частности потребуются: 1) проверка каждого из феноменов (компонентов) выделившихся ХКА, на специфичность, дифференцированность с целью выявления феноменов, свойственных именно данному ХКА. 2) Затем следует определение степени бытования (удельного веса) однофункциональных феноменов,

являющихся как однопредметными, так и разнопредметными, т.е. выполняющими одну функцию, но различающимися по своей конструкции и общему облику, в рассматриваемом (выделенном) хозяйственно-культурном комплексе, с точки зрения их соотносительного бытования в данном ХКА по сравнению с бытованием в других ХКА.

Но при всех операциях и подходах, долженствующих осуществить дифференцирование феноменов (два способа, во втором три подхода) и определение компонентного содержания отдельных ХКА (два способа), при всем этом первичной, первоначальной задачей остается описание, характеристика горизонтального ряда феноменов культурного компонента ХКА. Подобная операция практически, на деле, сводится к сплошному описанию культурных феноменов хозяйственно-культурного комплекса, в процессе которого и осуществляются одновременно (но последовательно) операции по дифференциации феноменов и определению компонентного содержания, набора феноменов в проекции на районы, зоны или ХКА.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИИ РАН

instituteofhistory.ru

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХОЗЯЙСТВО

I. Земледелие

1). Место отрасли в хозяйстве

А) Равнина

Генерализацию и ареализацию хозяйственно-культурных компонентов целесообразно начать с земледелия, которое, как мы видели, было важнейшей и древнейшей отраслью хозяйства народов Дагестана.

В XIX в. продолжалось развитие отмеченной нами для предыдущих веков (с XV-XVI вв.) тенденции размежевания бытования, места и удельного веса земледелия в экономике хозяйства отдельных естественно-исторических (и экономических) зон и районов.

Дагестанская равнина вместе с нижним предгорьем в XIX в. прогрессировала в своей роли земледельческого субрегиона, в котором находили выражение традиции земледельческого хозяйства, отразившиеся, в частности, и в его масштабности. Последнее обстоятельство сделало равнинное земледелие смоделированным и на обмен с другими, не хлебными районами региона. Как свидетельствует очевидец (1848 г.) "жители равнины в избытке довольствуются пшеницей, ячменем, кукурузою и разными овощами" и "по богатству своих средств к существованию поставлены в большую независимость от смежных владений" (511). Можно в этой связи вспомнить и известную фразу И.Гербера (1718 г.) о населении равнинного Кайтага, что они "пшеницей и ячменем удовлетворяют многих в горах живущих народов" (200, с. 83; см. также 129, с. 200; 257, с. 183; 194, с. 344-345). Об этом свидетельствуют и наши материалы, как архивные, так и полевые. Во всех селениях равнины и нижнего предгорья в которых проводились полевые изыскания, на вопрос о главном занятии, отрасли хозяйства — ответ был неизменным — земледелие (иногда со скотоводством). Отметим при этом, что речь идет не о традициях, не о укоренившихся с древности вевшихся в плоть и кровь институтах, ставших знаками, марками (это имело место

и в горной части и даже более ярко выражено, например, обряд выхода плуга или первой борозды), а о природно-географических возможностях (предпосылках) для земледелия, не отягощенных препятствиями общественно-политического характера. Эти территориальные возможности земледелия, имея в виду прежде всего "количество получаемых продуктов" в соотношении с плотностью населения (516, с. 52), обеспечили не только земледельческую направленность равнины, занятия земледелием, но и продуктивность этой отрасли. Последнее создавало предпосылки для производства добавочной продукции, предназначенной на обмен с населением районов, испытывавших недостаток в земледельческих продуктах, особенно в хлебе, который многие современники называли главным богатством жителей равнины (494, с. 35).

В северном и срединном Дагестане "приуроченными" к благодатной равнине оказались кумыки, в южном — табасаранцы, небольшая часть даргинцев и лезгин, азербайджанцы. В отличие от остальных дагестанских народов кумыкский этнос был расселен только на равнине, отчего понятия "житель равнины" и "кумык" стали для большинства горцев, их соседей синонимами (в частности для аварцев и даргинцев). Поэтому и многие авторы XIX в. говоря о кумыках подразумевали именно равнинных жителей, и в их описаниях часто встречались, например, выражения вроде следующего: кумыки живут исключительно земледелием*, горцы-скотоводством. Такого положения не сложилось в отношении других народов, заселявших равнину (и нижнее предгорье) т.к. они были расселены и в других зонах области — например, лезгины — от равнины до высокогорья.

Однородность хозяйственной деятельности всех кумыков, при компактности их расселения, без дисперсных групп (обшности территории), способствовала в известной степени и этнической консолидированности кумыков. Одновременно это способствовало сближению элементов хозяйственно-культурного и этнического, большей плотности их "наложения" друг на друга, т.е. создавало предпосылки для этнизации ХКТ, возможность которой в достаточной степени обоснована в этнографической науке, в частности исследованиями Я.В. Чеснова и др. (578).

Можно сказать, что в отношении кумыков в обратном смысле подтверждается известное в этнографии положение о том, что резкое разделение народа на группы с особым видом хозяйственной деятельности может свидетельствовать "о незавершенности процессов этнической консолидации" (299, с. 50). Высокая степень консолидированности кумыков, наивысшая в Дагестане (наравне, быть может, с лакцами) хорошо иллюстрирует это положение.

Нелишне заметить, что пример обоих названных народов показывает немалую значимость в завершенности консолидации этносов и уровня развития общественно-

* Не случайно у кумыков сложилась поговорка — есть пашня — есть человек (Полевой материал 1978 г. с. 198). В дальнейшем сноски на полевой материал будут даваться в сокращении (ПМ 78, с. 198).

политических процессов — у обоих народов были в прошлом и наивысшие в Дагестане формы социальной и государственной политической организации (феодалы, княжества, ханства).

Также обстоит положение и во всех других частях равнины — у даргинцев, лезгин, табасаранцев, азербайджанцев — земледелие выступает как основное занятие, главная, преобладающая отрасль хозяйства (268, с. 107; 55, с. 25; ПМ 61-62, с. 77; ПМ 74, с. 15-18; ПМ 78, с. 159; ПМ 79, с. 156, 163, 171, 173). В целом эта сельскохозяйственная полоса охватывала Хасавюртовский, Аксаевский участки Хасавюртовского округа Терской области, Темир-Хан-Шуриновский, Таркинский, Чирюртовский, Карабудахкентский, Дженгутайский участки Темир-Хан-Шуриновского округа, Нижне-Кайтагский и Северо-Табасаранский, Кайтаго-Табасаранского округа, Южно-Табасаранский, Котур-Кюринский, Гюнейский участки и Улусский магал Кюринского округа Дагестанской области. Отдельные куски территории с сельскохозяйственным хозяйством были также в Кара-Кайтагском участке Кайтаго-Табасаранского округа, Ахты-Паринском — Самурского округа и др. Более точной получается картина распространения сельскохозяйственного хозяйства по союзам обществ и феодальным владениям (Таблица 2 “Приложений”).

Таким образом, можно констатировать, что “основным занятием жителей плоскогорного и предгорного Дагестана в XVIII-XIX вв. было земледелие” (560, с. 79).

Однако сельскохозяйственное хозяйство не могло существовать само по себе. Если даже продукты животноводства можно было приобрести в обмен на сельскохозяйственные, оставалась проблема тягловой силы для сельскохозяйственных работ. Пашенное земледелие возникло в результате синтеза ручного земледелия со скотоводством (570, с. 172), а в своей дальнейшей эволюции этот синтез местами достигал степени симбиоза, и существование земледелия, как и всякий его прогресс стали невозможны без соответствующего уровня развития некоторых отраслей скотоводства (положение изменилось в эпоху использования машин и искусственных удобрений в земледелии, когда оно стало почти независимым от разведения скота — но это уже другая эпоха).

Как справедливо отмечает грузинский исследователь В.М. Шамиладзе, выдвигание земледелия на равнине “со своей стороны было определено развитыми формами равнинного скотоводства” (589, с. 215). Ю.И. Мкртумян также подчеркивает, что значительное земледелие предполагает “развитое скотоводство, поскольку обе эти отрасли были тесно связаны между собой” (405, с. 16).

Крупный знаток скотоводства Кавказа А. Калантар свидетельствует, что у кумыков и в нижнем Табасаране* было развитое скотоводство с назначением — тягловый и

молочный крупный рогатый скот (КРС) (274, с. 168-171, 197). В XIX в. равнина и нижнее предгорье Дагестана имели наибольший показатель по удельному весу КРС в стаде содержащегося скота всех видов (4,1 условных, т.е. в переводе на КРС всех видов скота, головы из 6,6; в горной части — 3,2 из 6,3; в высокогорной — 3,6 из 11,2 — Табл. 1, 2.). В то же время и по количеству КРС на одно хозяйство равнина (с нижним предгорьем) опережала другие зоны, и в том числе даже высокогорье с преобладающим скотоводством, с его ширококомасштабным в отдельных местах мясо-молочным крупно-рогатым скотоводством (Дагестан — 3,6 головы КРС на одно хозяйство, горная часть — 3,2 головы, высокогорье — 3,6, а равнина — 4,1 головы) — Табл. 2.

Другой аспект этого соотношения — удельный вес рабочего скота в стаде КРС: в наиболее сельскохозяйственно развитой засушливой Кумыкии буйволы, вид скота предпочитаемый для разведения прежде всего в качестве рабочего скота, составляли треть поголовья КРС. В Эндириевском владении рабочих буйволов было намного больше волов (1890 и 1535 голов), а буйволиц почти в 2,5 раза меньше (1552 и 3656 голов) (25, с. 50-69). По свидетельству А. Калантара в Кайтаге и Табасаране (“нижних”) буйволы составляли в разных селениях от 1/4 до 1/2 всего поголовья КРС (274, с. 168-171).

Наличие буйволов в сельском стаде КРС безошибочный признак развитого сельскохозяйственного хозяйства, причем, как правило, орошаемого. Главное преимущество буйвола — большая тяговая сила; в пойменных, сырых местах, тяжелых грунтах тянуть тяжелый равнинный плуг или борону были в состоянии только они. То же самое и при подъеме целины и особенно плантажировании целинных и залежных земель с зарослями кустарника или остатками их корневых систем. При этом буйвол устойчив к жаре, и — что особенно важно в сырых влажных местах — кровососущим насекомым.

Выше к горам достоинства буйвола оказываются неприменимыми, ненужными — земля сухая, почвенный слой неглубокий, основные орудия плуг и борона — легкие; с другой стороны, здесь меньше корма, не подходит климат, т.к. буйвол не переносит холода, не может ходить по мерзлой земле (ПМ 79, с. 68, 75, 94, 119). Все это делает буйвола различительным, знаковым животным для равнинного сельскохозяйственного ХКТ, свойственным только ему и отсутствующим в других хозяйственно-культурных ареалах. Это отличает буйвола от большинства других видов и категорий домашних животных, например, вола, характерного для всех зон от приморской равнины до высокогорья.

В этом же плане выступает и другой признак равнинного сельскохозяйственного скотоводческого хозяйства, о котором мы упоминали — преобладание в стаде КРС рабочих животных — волов. Во многих селениях равнины и нижнего предгорья респонденты обращают внимание на это обстоятельство, связывая его с особенностями сельскохозяйственного хозяйства — среднему крестьянскому хозяйству подобного профиля было не под силу содержать достаточное количество рабочего, дойного и мясного скота одновременно, и поэтому многие хозяйства вынуждены

* Обратим внимание на формулировку “Нижний Табасаран”: в подтверждение сказанного выше о идентичности у кумыков равнинного хозяйственно-культурного и этнического ареалов; как в этом так и других источниках и литературе о кумыках говорится без пояснения о зональной расположенности, а все другие — Табасаран, Кайтаг, даргинцы, лезгины и др. даются с пояснением — “нижний”, “верхний”, “горный”, “высокогорный” и т.п.

заводить преимущественно первостепенно необходимый для них скот — т.е. рабочий (волов).

Так, например, наш информатор из селения Андрей-аул (Эндери) вспоминал, что у него в хозяйстве при вступлении в колхоз было 2 вола и ни одной коровы или телки. Подобные ситуации зафиксированы и во многих других равнинных селениях — и везде с одной и той же мотивировкой — для хозяйства нужней вола, содержание дополнительно и коров не под силу небольшому хозяйству (ср. Утамыш, Хучни, Аркит, Хуриг, Оруджоба, Касумкент и др.) (ПМ 78, с. 157; ПМ 79, с. 18, 46, 48, 51, 94). К примеру, в селе Агачаул рабочий скот (вола) был у 95% владельцев КРС и он составлял 42% поголовья всего КРС, а дойный скот (коровы и буйволицы) был у 86% владельцев и он составлял только 24% всего КРС. В ауле Тарки вола были у 93% владельцев КРС, составляя 66% стада КРС, а коровы и буйволицы — у 55% владельцев (20% стада), в селе Султанянги-юрт - вола у 88% владельцев КРС (52% стада КРС) и дойный скот у 84% (31% стада) (28, д. 45, лл. 2 — 224; д. 40, лл. 482-552; д. 12, лл. 96-134; д. 14, лл. 115-163, 520-805; д. 38, лл. 1-246). Подобные примеры можно продолжить.

Однако точности ради отметим два обстоятельства: 1) для выращивания рабочего скота требуется дойный скот (коровы), и следовательно, на равнине должен был содержаться достаточный для обеспечения нужд в рабочем скоте контингент молочного скота. Это было тем более необходимо, что скот из остальных зон Дагестана, в которых был излишек КРС, для тяглого использования на равнине был непригоден; 2) для равнинно-предгорной части Дагестана даже в пореформенный период не было характерно крупное плантационное хозяйство: крупные земледельцы (исключая кулацкие капиталистические хозяйства начала XX в., особенно в засулакской Кумыкии) предпочитали излишек земель сдавать в аренду на кабальных для арендаторов условиях. Поэтому нередко складывалось такое положение, что потребность в рабочем скоте ограничивалась и для мощных хозяйств 4-6 головами рабочего скота. Отсюда и ситуация, объяснение которой было так сформулировано одним из наших респондентов — коров было больше, т.к. и богатые держали только двух волов. В таких случаях рост поголовья стада КРС происходил за счет молочного (не мясного) скота, который обеспечивал и потребности в рабочем скоте. Особенно характерно это для селений с большой кормовой базой (напр. Хамагат-юрт, Карадаглы и др.).

Таким образом, в составе стада КРС мы видим прямое подчинение интересам земледельческого хозяйства. Этот несколько неравный симбиоз, начавшийся со времени перехода к плужному земледелию и продолжавшийся до машинного, механизированного земледелия, всегда предполагал подчиненное, подсобное положение КРС, несмотря на то, что нормальное функционирование и прогресс земледелия были невозможны без рабочего скота. Думается, в этом обстоятельстве сыграла роль объективная данность такой особенности земледелия как неподвижность, “несдвигаемость” объекта приложения человеческого труда — обрабатываемого угодья. Пашню невозможно приблизить к скоту, перенести туда, где скота много,

где его удобнее содержать, где больше корма, нет кровососущего гнуса, более подходящие погодные условия и т.д. (Не случайно в части долинных селений горного Дагестана, не имевших кормовой базы для содержания рабочего КРС, сложилась практика приглашения для обработки земли жителей из нагорных селений со своими волами (ПМ 76, с. 89). Если хлеб стал основным продуктом, а земледелие основной отраслью хозяйства, или главным занятием, при всех условиях и особенностях скотоводства в данной местности (районе) разведение КРС оказывается объективно подчиненным интересам функционирования земледельческого хозяйства. Иными словами значение равнинного скотоводства определялось “не удельным весом и масштабами, а характером его сочетания” с ведущей отраслью (589, с. 313), т.е. земледелием. Правда, следует помнить, что подсобное — не обязательно незначительное, слабое, маломасштабное — именно полнокровное развитое скотоводство равнины обеспечивало прогрессирующее функционирование земледелия.

Подобные взаимоотношения земледелия и скотоводства определили и формы содержания скота (формы скотоводства), которые оказались на равнине привязанными к землепашеству, к пахотным угодьям, к поселению, что исключало дальние и длительные отлучки скота и делало формы скотоводства стационарными. Это выразилось в преобладании здесь выгонной и стойловой форм, отражающем тесное переплетение земледельческого и скотоводческого хозяйства. Скот обеспечивал тягло для земледелия и отягощенного множественными функциями транспорта, давал удобрения, молочную продукцию и пр. Земледелие давало большую часть корма, особенно буйволам и это тоже была необходимость, ибо если оно не “отпускало” от себя скот, то оно и должно было обеспечить его кормовые потребности для присельского содержания (особенно рабочего скота). Особенность содержания рабочего скота на равнине еще в том, 1) что места его летнего выпаса не только лучшие пастбища, но и наиболее близко (и удобно) расположенные к местам земледельческих работ; 2) твердая обеспеченность зимнего стойлового присельского содержания ввиду необходимости постоянного рабочего использования, особенно в транспорте — (вывоз навоза, заготовка дров, вывоз части зерна на обмен и т.п.).

Таким образом, земледелие равнины и нижнего предгорья было и основным занятием населения и основной ведущей (определяющей) отраслью хозяйства по отношению к другим отраслям. Оно не только давало основные продукты жизнеобеспечения, но и определяло направление и структуру всего хозяйства, соотношение и формы функционирования всех его отраслей, определяло этнографические параметры образа жизни, особенности почти всех подсистем (сфер) культуры, в особенности производственной и жизнеобеспечивающей. В других подсистемах (соционормативной и познавательной — по Ю.И. Мкртумяну) (404, с. 42-46) это воздействие и соответственно его результаты были не так существенны и специфичны, ввиду того, что земледельческое развитие равнины происходило с

перерывами, после последнего из них земледелие стало набирать силу только с XVI века, и поэтому в горной части, где оно временами было более развитым и интенсивным, также отложились культурные результаты, элементы земледельческого стереотипа (достаточно вспомнить, например, что обряд первого плуга, один из самых характерных, содержательных, четко привязанных земледельческих обрядов более развит, богаче, насыщеннее, культово-престижнее именно в горной части). Это неудивительно, если иметь в виду фактическое значение, престижность и знаковую земледелия для гор и равнины как в периоды преобладания земледелия в горах, так и во времена, когда преобладание переходит к равнине. Существенно то, что за период последнего преобладания земледелия на равнине (XVI-XIX вв.), учитывая замедленность отложения культурных инноваций, механизма их зарождения и развития, с прохождением этапов селекции, воспроизведения (копирования), приспособления (модификации) вплоть до структурной интеграции, когда культурные инновации становятся частью культурной традиции (по С.А. Арутюнову) (96, с. 41), — за это время в соционормативной и познавательной сферах по-видимому не могло накопиться достаточно много элементов земледельческой культуры, имеющих интегрирующее и дифференцирующее значение для равнинного ХКТ.

Однако в производственной и жизнеобеспечивающей сферах, благодаря их особенностям процесс структурной интеграции более скоротечен, результативен, что отразилось и в развитии равнинного ХКТ пашенных земледельцев Дагестана. Достаточно сказать, что объединяя только 24% хозяйств субрегиона равнинно-предгорный хозяйственно-культурный ареал включал 63% пахотных угодий, 66% сенокосов, 29% КРС. На одно хозяйство здесь было 5,7 десятин пашни и 1,7 дес. сенокосов, в то время как в высокогорном ареале — только 0,8 дес. пашни и 0,3 дес. сенокосов. Причем в большинстве участков Хасавюртовского и Темир-Хан-Шурина округов в заимствованных нами данных были отражены только вспаханные и засеянные в год переписи пахотные угодья, без перелогов и тем более пахотоспособной целины, которой было еще много.

Все сказанное позволяет, по-видимому, считать, что экологические и хозяйственно-культурные компоненты (ингредиенты — по выражению А.И. Робакидзе) в совокупности составляли на равнине и нижнем предгорье Дагестана равнинный хозяйственный земледельческо-скотоводческий тип, по классификации Н.Н. Чебоксарова и Б.В. Андрианова — тип пашенных земледельцев-скотоводов умеренного подножья, подтип степей и лесостепей (86, карта).

Б) Среднегорье (горная часть)

Попытаемся теперь обрисовать хозяйственный облик следующей ландшафтной зоны, выделенной нами при предварительной классификации. Положение здесь не выглядит столь бесспорным. ХКТ не случайно называются ландшафтными типами (с подразумеваемым, правда, и “экономическим” ландшафтом).

Ясно, что горный рельеф по иному ставит вопрос о возможностях функционирования разных отраслей хозяйства, их соотношении. Земледелие, связанное с обработкой земли, имеет здесь немало препятствий, и первое из них — недостаток пригодных для распашки угодий. Поэтому исторически горные районы приобретали во многих случаях скотоводческий хозяйственный уклон, поскольку горные угодья более пригодны для выпаса скота. Дагестан не был в этом отношении исключением.

Поэтому достаточно обоснованными выглядят заключения дореволюционных наблюдателей и исследователей, а затем и советских ученых, о скотоводческом профиле хозяйства горного Дагестана. Из недавних исследований отметим капитальные работы В.М. Шамиладзе, в которых проводится идея ярко выраженного “приоритета скотоводства в хозяйственном профиле высокогорий Грузии и Кавказа”. Резонными выглядят его аргументы, что ни высокий хозяйственно-культурный уровень, ни интенсивный характер земледелия в горах, не могут означать его приоритета здесь (589, с. 254, 258-259, 263-266).

И все таки для горного (особенно горного, не высокогорного) Дагестана XIX в. решение этого вопроса не столь однозначно, и неспроста, поэтому, исследователь занятий и хозяйства народов Дагестана Х.О. Хашаев пересмотрел вопрос о господстве в горном Дагестане скотоводческих занятий и хозяйства (560, с. 81-82, 93-95).

Правильную, диалектическую постановку и решение вопроса в подобной ситуации демонстрирует В.К. Гарданов. Он призывает не стремиться к “универсальной характеристике основных хозяйственных занятий адыгов без дифференциации по отдельным племенам и районам” (189, с. 67). В.К. Гарданов указывает, что ввиду “сложности факторов, влиявших на преимущественное развитие у отдельных адыгских племен земледелия и скотоводства”, непозволительно, “как это часто делают, делить их в зависимости от места обитания на группу горных племен, занимающихся, якобы главным образом скотоводством, и группу земледельческих племен, живущих якобы только на равнине”. Отметим принципиальную позицию автора, утверждающего, что в подобных “привязываниях” отраслей нет никакого престижного момента, ибо пример адыгов показывает ошибочность истолкования преобладания скотоводства как свидетельства примитивности и отсталости их экономики (190, с. 58, 99).

Сходным было положение и в Дагестане. Как мы видели выше, горная часть явилась исторически колыбелью земледелия и на протяжении многих эпох роль земледелия в горах Дагестана повышалась при каждом отрыве от равнинной части.

Традиционно оно оказывалось как бы гарантом для жизни горцев, даже при преобладающем скотоводстве. Опыт показывал им также, что при катастрофических бедствиях именно земледелие помогает быстрее восстановить скотоводческое хозяйство (600, с. 43).

Поэтому даже население с преобладающим скотоводством “не обходилось без своего земледельческого хозяйства, ведение которого было необходимым условием

нормального существования населения" (190, с. 62; 164, с. 91).

Немалую роль играли при этом сельскохозяйственные традиции населения, приобретшие за много веков характер и силу психологического стереотипа.

Как справедливо отмечает В.М. Суринов, традиции ведения хозяйства, определяемые его интенсивностью, носят "наследуемый характер" (516, с. 54). О том какое наследство получили горцы к XIX в. мы знаем из исторического очерка хозяйственного развития Дагестана.

Очень точно и метко сказал о этих традициях дагестанских горцев известный антрополог И. Пантюхов: "не будучи знакомы с внутренней жизнью лезгин, но зная их только как смелых грабителей, летописцы и историки, разнообразно путая названия, считали лезгин дикарями и разбойниками. Правильная внутренняя организация лезгинских общин, честность взаимных отношений и оседлая сельскохозяйственная культура не дают, однако, основания считать лезгин дикарями. Главные средства для существования лезгинам всегда давали не разбой, а земледелие и скотоводство" (541). Надо сказать, что в отношении равнинного или высокогорного Дагестана особых сомнений в литературе нет, и лишь центральный (внутренний) Нагорный Дагестан вызывает споры. Например, еще И. Гербер, указавший на Кайтаг как житницу горцев, уже о Верхнем Кайтаге замечает, что он "не так хлебороден" (200, с. 85). А.Г. Васильев говорит о населении Казикумухского округа, что у них земледелие слабое (156, с. 74), а уроженец верхнепредгорного Урахи, рассказывая о террасовых полях своих земляков заключает: "единственный капитал каждого жителя заключается в этих стебельках" (пшеницы и ячменя) (68, с. 6). А окружной врач Н.М. Трипольский указывал в середине века, что большая часть деревень Аварского округа "пользуется хлебом из собственных посевов" (537, с. 95). Ему вторит В. Вильер де Л. Адам, бывший в начале 70-х гг. в Даргинском округе: "хлебопашество есть главное занятие аяхаинцев", "жители преимущественно занимаются хлебопашеством, которое впрочем далеко не прибыльно" (161, с. 3, 19). Говоря о занятиях ахушинцев, Д.Н. Анучин начинает словами "занимаются земледелием, сеют пшеницу и ячмень" и лишь потом упоминает, что они "разводят баранов" (91, с. 390). Е. Марков, указывая на развитость скотоводства в Гидатле, не забывает, однако, отметить, что своего хлеба им хватает на весь год (377, с. 491). К этому можно добавить и мнение современного исследователя Т.К. Енина: "Земледелие является одним из основных занятий народов Дагестана" (235, с. 73). Наиболее приближенная характеристика дана, по-видимому, Н. Абельдяевым, который отметил, что в середине XIX в. "хлебопашеством здешние горцы занимаются все без исключения", но из-за недостатка земли оно находится на невысоком уровне (48, с. 25). Это можно пояснить на примере ботлихцев: наблюдатель отмечает, что две трети жителей заняты земледелием и садоводством, но продукция последнего находит сбыт в Чечне, где в обмен они "получают кукурузу, главный источник пропитания горца" (490, с. 246-247).

Подтверждение этому положению мы находим и в отдельных статистических

материалах. Например, по переписи 1898 г. в Даргинском округе земледелием занимались 15767 "самостоятельных лиц" мужского и 2798 лиц женского пола (всего 18565). И еще 53943 членов семей — в общей сложности 72508 человек из 79443 (23, с. 168-169), т.е. 91% населения. Разумеется, это население занималось и разведением скота, но оно не было названо главным занятием, оно сочеталось с земледелием. Показательно, что среди "самостоятельных лиц", занимающихся животноводством указана только одна женщина, и членов семей, имеющих касательство к животноводству названо совсем мало — при 79 "самостоятельных" — только 71.

Этот факт характеризует особенности учета — в число животноводов явно попали только наемные чабаны (и, по-видимому, не все), население же, особенно члены семей, занимающиеся скотоводством, при наличии обрабатываемого участка попало в земледельцы. В этом сказались не только структура хозяйства горца, в котором как занятие ведущую роль играло земледелие, но и структура разделения труда: в полной семье, в которой глава семьи имеет участок обрабатываемой земли, все остальное хозяйство, в том числе связанное с содержанием скота, особенно КРС, отходит на второй план, т.к. занимаются этим только женщины. В хозяйстве же со значительным поголовьем овец, которым занимаются мужчины, скотоводство выступает на первый план, и хозяйство фиксируется как скотоводческое.

Но овцеводство в центральном Дагестане было развито сравнительно слабо, было много хозяйств, не имевших овец, и поэтому относительное преобладание земледелия как занятия выглядело как преобладающее.

Аналогичная картина наблюдается в другом округе центрального Дагестана — Аварском (23, с. 132-137; 20, с. 132-133). В начале XX века из 7359 хозяйств Аварского округа — 73,3% хозяйств не имели овец. А из 4860 выборочно отобранных хозяйств области 81,7% тоже были безовечными (558, с. 55).* По данным переписи и обзорам области в земледелии и садоводстве не принимало участия только 45 тыс. человек из 250-300 тыс. взрослого населения, что дало основание Х.О. Хашаеву сделать вывод, что "основным занятием следует считать занятие подавляющего большинства населения, а таковым в горах было земледелие и садоводство. Другое дело высокогорная зона, где жители преимущественно занимались овцеводством" (560, с. 93).

Сказанным подтверждается наше предварительное заключение, что внутренний Дагестан нельзя охарактеризовать по занятиям однозначно: он не скотоводческий как высокогорный, но и не безусловно сельскохозяйственный, как равнинный. Хотя здесь "полеводство существовало в крайне ничтожных размерах", но оно было повсеместным и дополнялось развитым садоводством (172, с. 66). Иными словами это традиционно развитое земледелие но "острый недостаток пахотной земли" препятствовал его росту, масштабности, по сравнению со скотоводством (488, с. 5-6).

* О наличии овец только у богатых говорит и Н. Абельдяев (48, с. 25).

В этом плане можно вспомнить и некоторые хозяйственные традиции. Такова, например, тенденция иметь собственный обрабатываемый земельный участок, земледельческая устремленность. Каждый горец независимо от того за счет какой отрасли он жил, непременно хотел быть и земледельцем, владельцем пусть и небольшого, но собственного участка. Современник указывает, что жители села Ботлих, например, все сбережения “как и все горцы употребляют на расширение участков под посевы и сады” (490, с. 247). То же делали обычно отходники, принесшие с чужбины скудные заработки. Своеобразную характеристику хозяйства мы встречаем у уроженца села Чох, одного из скотоводческих центров горного Дагестана: “богатство и гордость горца — пашни и скот” (283, с. 5). Это очень точное отражение психологии горца — в ауле, имевшем от 70 до 100 тыс. овец, при перечислении занятий на первом месте указывается земледельство.

В селе Гигатли каждый овцевод при первой возможности старался кушить участок земли. За участок обычно давали столько овец, сколько его хозяин мог их туда согнать. В селе Кикунь известен случай, когда хозяин участка, уже согнавший туда овец, увидев, по его словам — эту живую, копошашуюся массу, подумал про себя, что эти овцы смертны и могут завтра же исчезнуть, земля же вечна и щедра и расторгнул сделку (ПМ 76, с. 24, 89). Такие же традиции мы видим в селах Ирганай, Дарада и др. В последнем зажиточность определялась наличием у хозяина обрабатываемых угодий, никакой другой вид состояния не давал преимуществ общественного уважения, положения (ПМ 76, с. 79, 93-94).

В связи с рассматриваемыми вопросами хозяйственных традиций необходимо, по-видимому, сделать одно пояснение: мы абсолютно не связываем развитие земледельческого хозяйства во внутреннем Дагестане с престижными оценками хозяйственной или социальной истории.

Мы не выводим вопрос о соотношении земледелия и скотоводства за рамки хозяйственной проблематики и выступаем против допускаемой иногда корреляции “между общественными и хозяйственными формами” (601, с. 244).

Другой аспект этой корреляции выражается в связывании с ведущей отраслью хозяйства “этнографических параметров образа жизни... оседлый, полуседлый, полукочевой, кочевой и бродячий” (86, с. 8). Мы подчеркиваем, что вопрос о связи хозяйственного и общественного развития очень конкретен, привязан во времени и пространстве и не всегда земледелию сопутствуют более развитые формы общественного развития.

К тому же исследователи убедились, что скотоводство народов Кавказа было весьма далеко от примитивизма (якобы результат ленности, стихийно-потребительское пользование готовыми дарами и т.п.) (234, т. 1, кн. 1, с. 92, 266, 286, 359, 360; кн. 2, с. 7, 37). Основываясь на результатах исследования хозяйства адыгов, В.К. Гарданов отметил, что “нет ничего более далекого от истины, чем такое представление” (190, с. 197). И для примера — свидетельство современника-

специалиста: “Горцы Кавказа скот не разводят, они его выращивают, выхаживают, лелеют, отдавая каждой особи внимание, заботу и поистине удивительное многотерпение” (207, с. 20).

Возвращаясь к земледельческим традициям отметим и такой факт: внутренний Нагорный Дагестан (Аварский, Даргинский, части Гунибского, Андийского округов) характеризуется наибольшей в Дагестане плотностью населения и наименьшей миграцией, что иллюстрирует большую степень его приверженности к местам традиционного проживания, обеспечиваемой отчасти и лучшей, по сравнению с высокогорьем, жизнеобеспеченностью благодаря традициям земледельческого хозяйства. Надо полагать, что эти традиции, в том числе идеологического порядка, имели немалое значение в истории хозяйства. Например, у абхазцев скот не просто главное богатство, а “существенный рычаг жизни, кормитель, хранитель и взраститель его”, у кабардинцев скотоводство “основа хозяйственной жизни” и “количество скота определяло положение крестьянина в обществе” (288, с. 15; 369, с. 27). Можно сравнить это положение с описанным случаем в Кикунь или традициями Дарада, Ботлиха и других аулов, в которых обрабатываемый участок был своего рода признаком свободного узденя, чем то вроде своеобразного родового поместья. Дело доходило до того, что у части даргинцев не отдавали дочь замуж даже за самого богатого человека, если у него не было “обеспечения” обрабатываемыми пахотными угодьями (в притче не выдают дочь в богатый дом, в котором оказались упитанные волы — был сделан вывод — значит у них очень мало обрабатываемых угодий).

Надо полагать, что такие различия в престижности отраслей хозяйства могут отражать не только традиции хозяйствования (и не только ближайшего прошлого), но и нацеленность на определенную отрасль, заложенные в обществе социальные и культурные мотивации определенных хозяйственных наклонностей и специализаций. Можно сказать, что традиции хозяйствования обладают не только материальной силой воздействия, но и силой инерции, социальной значимости, знаковости и пр. В горном Дагестане XIX в. экономически более оправданными и реальными с точки зрения зональной хозяйственной специализации, и поэтому более действенными и результативными были традиции скотоводческого направления хозяйства, складывающиеся с послемонгольского времени. Однако немалое значение имели и имманентно присущие (и действующие) более древние традиции горного земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Проявлением всего этого явилось и выделение Б.В. Андриановым и Н.Н. Чебоксаровым в своей классификации ХКТ горной области Кавказа как области пашенных земледельцев со значительным удельным весом скотоводства (86, с. 15; Карта).

Упомянутые в перечислении аварцы-земледельцы названы авторами в одном ряду с такими традиционными земледельцами как таджики, кашмирцы. Однако все таки следует оговорить, что ХКТ оседлых пашенных земледельцев умеренного пояса

(подтип горный), выделенный авторами для горного Дагестана, все таки представлял собой в XIX в. в большей степени традицию, чем экономически весомую реальность — сказывалось вековое развитие зональной хозяйственной специализации, сложившейся после XV в. В отличие от равнинного, горное земледелие в XIX в. не было на подъеме, не развивалось, являясь больше традиционным, знаковым. Достаточно сказать, что в равнинном по преимуществу Кюринском округе производилось на душу населения хлеба в 12 раз больше, чем в Даргинском (221, с. 153). Или, например, в Таркинском участке было 10,4 десятины пахотных угодий на хозяйство, в Аксаевском — 8,1 дес., а в Технучальском — только 0,3 дес., Койсубулинском — 0,2, Акушинском — 0,2, Цудахарском — 0,4 и т.д. — Табл. 1.

В 1884-1886 гг. в среднем на душу в Хасавюртовском округе, считая и Нагорный участок, было произведено хлеба в 25 раз больше чем в Даргинском, а в 1913 г. оттуда было только вывезено более одного миллиона пудов хлеба (273, с. 146-152; 19, с. 80-81; 221, с. 153; 183, с. 174).

Поэтому в совершенно ином виде выглядит здесь и соотношение земледелия и скотоводства. Ввиду небольшого удельного веса земледелия оно не может диктовать состав стада, формы содержания скота. Иными словами сопряженность между обеими отраслями выступает здесь в гораздо меньшей степени, а скотоводство имеет вполне самостоятельное, нередко преобладающее значение. И хотя, по сравнению, например, с высокогорьем, связи обеих отраслей более объемны (скот для обработки земли, удобрения, обратно — корм), говорить о симбиозе затруднительно. Так, А.Калантар, говоря о назначении скота в Аварском округе среди пяти основных назначений скота применение в качестве рабочей силы ставит только на пятое место. В Даргинском округе он называет назначение скота "многообразным", рабочее назначение — второе, после молочного (274, с. 172, 174-176).

В 38 селениях горной зоны где специально ставился вопрос о приоритете отраслей хозяйства, в 17 на первое место было поставлено земледелие со скотоводством, в остальных скотоводство с земледелием. Среди них известные и по литературе хлебопроизводящие селения, такие как Урада, Чох, Киша, Мекеги, Урахи, Хубар.

Сочетание земледелия и скотоводства принимало в горной зоне и классическую форму — большой сопряженности с земледелием, как, например, в обществах Гидатль, Андалал, Салатау, Тинди, Хунзах, Мекеги. В этих союзах обществ был достаточно высок и удельный вес КРС (Салатау — 4,5 головы на двор; Хунзах — 4,5; Гидатль — 5) — Табл. 2. Однако во внутреннем Дагестане в XIX в., приобрело распространение сочетание земледелия и с овцеводством. Тот же Андалал характеризовался большим развитием овцеводства (39 гол. на двор) и в то же время обеспечивал себя хлебом. Развитое овцеводство с земледелием сочеталось в союзах Муьре, Каттаган, Хедолал, Ратлу-Ахвах и др. — Табл. 2.

Таким образом, относительная неоднозначность, размытость хозяйственного

профиля горной части сказались и на его ареальной четкости, привели к сложению нескольких местных вариантов сочетаний хозяйственных отраслей, но без нарушения главного принципа соотношения — пашенные земледельцы и скотоводы.

В) Высокогорье

Более определенным и бесспорным выглядит в хозяйственном отношении высокогорный хозяйственно-культурный район. Выше мы цитировали Х.М. Хашаева, который назвав внутренний Дагестан земледельческим, без всяких оговорок и сомнений отнес высокогорье к району с преобладанием овцеводства. В этой своей определенности, относительной бесспорности и соответственно ареальной четкости, высокогорный район схож с равнинным.

Уже в одном из первых общих обзоров Кавказа середины XIX в. говорилось о горцах Кавказа, что они мало занимаясь земледелием, терпят лишения, а "мясо" и "молоко" "огромных стад", составляют главную пищу жителей (428, 391). Один из путешественников по Дагестану этого времени называет скотоводство главным занятием горцев, а Дагестан — страной "преимущественно созданной для скотоводства" (262, с. 86). Это — общие, крайние точки зрения.

Более квалифицированные наблюдатели отмечают не только скотоводство, но и земледелие, а для отдельных селений даже "земледелие и скотоводство" (село Арахкул, Самурский округ), "занимаются хлебопашеством и скотоводством" (аул Хосрек, Казикумухский округ) (188, с. 70, 76, 78). Однако более многочисленны свидетельства, констатирующие преобладание скотоводства — например, о селе Куруш Самурского округа — "главное занятие курушцев — скотоводство, от него зависит их благосостояние". Правда, даже в этом случае автор не приминул отметить и наличие земледелия. (452, с. 204-205). В начале века офицер А.Ахвердов отмечает в союзах Анди, Курах, Казикумухе "изобильное скотоводство", но и "хлебопашество богатое" (108, с. 225, 226). По договору 1812 г. Союзы Ахтыпара и Докузпара обязались платить дань — 1 баран с сотни овец, а зерном сказали, что не могут — "по скудности наших земель другой дани мы вносить не в состоянии" (65, т. 5, с. 162). Интересно свидетельство Д.Н. Анучина о Уркарахе, который о акушинцах, как мы видели, написал, что "занимаются земледелием" и лишь потом упомянул баранов, а здесь он прямо пишет: "главный доход получают от разведения баранов, а затем от земледелия" (91, с. 428).

Развитость скотоводства, особенно овцеводства в Уркарахе отмечает и Р.Эркерт (610, с. 204). Следует отметить, что в местах более близких к хлебобордным местам скотоводство принимает большие масштабы. По-видимому, следует признать правильным положение В.А. Шнирельмана о том, что развитые земледельческие районы влияют на усиление развития скотоводства по соседству (601, с. 241).

Высокогорные общества Западного и Южного Дагестана в соответствии с этой закономерностью реализовали зональную хозяйственную специализацию с

плодородными областями Грузии и Азербайджана, тем более, что помимо получения хлеба они имели возможность выпасать зимой там свой скот и отправлять туда избыток рабочих рук.

Таким образом, тип хозяйства высокогорья оказывается несомненно скотоводческим, с сопутствующим земледелием. В классификации Андрианова-Чебоксарова такого типа нет, он конструируется из двух подтипов классификации — кочевников и полукочевников высокогорий и полуоседлых и полукочевых скотоводов-земледельцев, подтип горный. Все определения, указывающие на кочевой образ жизни мы убираем, т.к. считаем их в данном случае неоправданными. Об этом мы достаточно говорили в других работах (скотоводство не единственная форма хозяйства, сопровождалось заготовкой кормов, зимним стойловым содержанием, сочеталось с земледелием, преобладанием растительной пищи; существовали многовековые территориальные политические образования, древние аулы с монументальными постройками и т.п.) (См. например, 437, с. 37 сл.).

В связи с характеристикой высокогорных скотоводов Дагестана, которым была свойственна определенная (частичная) подвижность, у нас возникло предложение несколько иначе построить классификацию групп форм скотоводства (ФС). Эти скотоводы не кочевники, что представляется достаточно очевидным. Но это и не стационарные скотоводы.

В нынешней практике они называются отгонными (или подвижными) скотоводами. Термин "отгонный" имеет отношение только к скоту, т.к. отгоняют только скот, население же уходит, отходит, подвигается. Поэтому отдельные исследователи выступают против термина "подвижные скотоводы", т.к. не без резона считают, что термин не совсем точен, т.к. включает в себя и абсолютно неподвижных (кроме чабанов) пашенных земледельцев-скотоводов (Б.В. Андрианов, В.М. Шамиладзе и др.). В предыдущих работах мы тоже использовали термин "подвижные" в широком смысле. Однако теперь нам кажется, что придание разных оттенков обоим терминам "отгонный" и "подвижный" сослужило бы хорошую службу классификации ФС. Тогда у нас были бы очень четко различающиеся 4 группы ФС: стационарные, отгонные, подвижные, кочевые. И высокогорные скотоводы Дагестана, частично (и временно) подвигавшиеся со скотом в Закавказье на прокорм, заработка и содержание скота, четко отделяясь от отгонных скотоводов (у них отходят только чабаны) и кочевников, вошли бы в группу подвижных скотоводов.

И ХКТ их можно было бы охарактеризовать как тип высокогорных подвижных скотоводов и пашенных земледельцев умеренного пояса.

2) Тип земледелия

Разумеется, общий вопрос приоритета отрасли, удельного веса и соотношения в занятиях и экономике отдельных отраслей хозяйства не может дать окончательного решения о характере ХКТ.

Важное значение приобретает в этом отношении сама структура отраслей хозяйства, качественные, а иногда и стадийные характеристики отдельных составных элементов структуры, их взаимное соотношение, сочетание. В этом плане первостепенное значение имеет тип земледелия, характеризуемый обычно по способу и основному орудью обработки земли. Значение этого элемента оказалось настолько значительным и даже определяющим, что входит в основную, главную определяющую константу ХКТ. Один из крупных специалистов в области агрокультурного районирования Д.Григг считает, что привлечение доминирующего пахотного орудия в качестве критерия для хозяйственного районирования дает наиболее эффективный результат (614, с. 127).

Крупнейший советский биолог и специалист истории хозяйства Н.И. Вавилов также подчеркивал, что типы плугов резко отличны в разных странах и по ним можно отличать отдельные земледельческие культуры (142, с. 81). И в последующем советские исследователи придерживались этой точки зрения. Так Ю.Ф. Новиков обращает внимание на то, что "разнообразие видов и форм пахотных орудий свидетельствует исключительно о их приспособленности к различным условиям применения — как почвенно-климатического, так и общественно-экономического порядка" и следовательно, они "наименее пригодны для специальных этногенетических исследований" (426, с. 110). Подобных взглядов придерживается и ряд других авторитетных исследователей (К.В. Чистов, А.А. Шенников и др.). Иными словами обосновывается не только различительная классифицирующая роль пахотного орудия, но и ландшафтный и отчасти социальный характер этой роли.

Нет никакого сомнения, что во всех трех исследуемых нами ареалах земледелие было плужным, пашенным, с упряжным пахотным орудием. Правда, подтипы этого орудия были разными, соответствующими местным природно-географическим и социальным условиям, возможностям их применения, функционирования.

Для хозяйственно-культурного ареала равнины был характерен тяжелый деревянный передковый многоупряжный отвальный плуг с колесом и железным лемехом (кутан, гутан, кютен, сабан) (ПМ 61-62, с. 78; ПМ 74, с. 20; ПМ 78, с. 122, 159; ПМ 79, с. 156, 159, 173; ПМ 78, с. 191, 202). На легких землях в него впрягали две-три пары волов, более тяжелых — три, четыре (511) (буйволов требовалось на одну пару меньше, необученных волов — на пару больше). На поливных топких землях волю не могли тянуть плуг и вообще были непригодны для работы в сырых, болотистых местах (ПМ 79, с. 68).

Конструктивно плуг делится на три главные части: рабочая, колеса, ярмо (183, с. 64, 89-90). Рабочая часть включала: полоз (пятю), лемех, отвальную доску, две стойки — ручки, вставленные в полоз и скрепленные между собой, деревянную планку для регулирования глубины вспашки, вставляемую в дышло, само дышло, резак бороздильник, деревянные крючки, вставленные в дышло, служащие для прикрепления плуга к колесной части, с регулируемой высотой прикрепления.

Колесная часть состояла из двух массивных колес, их оси, дышла, передка, прикрепляемого к оси (наглухо) и дышлу (свободно) и регулирующего ширину борозды и отвал пласта.

Яремная часть включала несколько дышел и ярем. Расчлененность дышла (отдельно для каждой пары) обеспечивала гибкость конструкции и свободу маневрирования, особенно необходимую на поворотах.

С какой бы стороны мы не рассматривали равнинный плуг, он обнаруживает тесную связь с особенностями местных природно-хозяйственных условий. Тяжесть и массивность — от необходимости крепости при глубокой пахоте, тяжелых пластах и глыбах переворачиваемой земли и соответственно большой силы давления и натяжения, испытываемой элементами орудия. Величина, громоздкость — от материала при необходимости такой крепости, а также для обеспечения приложения большой тяговой силы (большого числа животных). Глубоко вспахивающий и отвальный плуг — для мощных, задернованных переложных и целинных земель.

Такая приспособленность местного плуга не исключает его заимствованного происхождения, о чем может свидетельствовать и термин “сабан” в северном Дагестане. Это тем более вероятно в виду активных контактов местного населения, большей частью вынужденных, с представителями обширного степного мира Северного Кавказа, Дона, Поволжья и Заволжья. Однако подобная заимствованность не исключает “вторичной конвергентности”, “привязанности” сабана к равнинной ландшафтной зоне. В числе источников “общности явлений культуры” наряду с “действием идентичных законов функционирования и развития обществ” и “единством происхождения” Э.С. Маркарян указывает и “итог диффузии”, который он считает “очень важным специфическим свойством истории человечества”. (271, с. 85). Поэтому и в случае с равнинным сабаном является важным, по-видимому, не то, за счет какого источника сложилась эта ареальная общность, а то, что такая общность существует, и поддерживает ее, “питает”, сходство природно-хозяйственных условий в пределах этого ареала у самых разных этносов.

Т.е. определенную степень этнической обусловленности, этничности нельзя исключать и в пахотных орудиях, как и любом элементе культуры, однако главные конструктивные и функциональные их особенности (свойства, признаки) привязаны к экологии, уровню развития производительных сил и общественных отношений. И “этническая диффузия” в данном конкретном случае, в конечном счете перерождается в конвергентно-экологическо-хозяйственную, ибо в заимствованиях элементов с большой функциональной нагрузкой велико значение сходства экологических сред — как бы ни был производителен, например, равнинный сабан (или коса) — в скалистом нагорье он был неприменим (непригоден) и не мог поэтому сюда диффузировать.

Иными словами, вполне допуская, что сабан был этнической инновацией по отношению к культуре местных племен мы, тем не менее, не можем отрицать, что будучи инкорпорирован здесь, он стал больше элементом хозяйственно-культурным

ареальным нежели этническим. Иначе трудно объяснить его исключительное преобладание в равнинных селениях даргинцев (напр., селения Нижнего Кайтага, Губден, Мюрего и др.) табасаранцев (нижний Табасаран), лезгин (Гюнейский участок и др.), татов, евреев и др. В то же время с переходом к верхнему предгорью у этих же народов сабан заменяется горским плугом. В стыковых селениях обеих зон можно встретить даже своеобразные ситуации, когда в низменной части угодий аула используется равнинный сабан, а в возвышенной — горское рало (ПМ 61-62, с. 78, 115; ПМ 75, с. 11; ПМ 78, с. 200; ПМ 79, с. 159, 172).

Все достоинства равнинного плуга, все его конструктивные “пригнанности” теряли смысл в горной части.* При его длине до 12 м и более он просто не помещался бы на горных участках, не говоря уже о том, что к большинству из них его и доставить было невозможно.

Кроме того, его лемех цеплялся бы за камни, обнажал подпочвенную часть, разрушал структуру почвы. Поэтому равнинный сабан может считаться особенностью равнинного ХКТ (ареала) пашенных земледельцев, его дифференцирующим признаком — критерием.

В горной же части, как и в верхнем предгорье и высокогорье мы встречаем другую конструкцию, имеющую и существенные функциональные различия. Горское рало прорезывает и взрыхливает сравнительно тонкий слой почвы, предусматривая сохранение структуры маломощных слоев.

Как выразился один наш респондент — это тот же мальцевский метод, выработавшийся в специфических горных условиях.

Если равнинный сабан относится к орудиям плужного типа, то горский плуг — из группы типа рал. Одна из наиболее удачных классификаций упряжных пахотных орудий, в том числе ральных, принадлежит Ю.А. Краснову.

Он делит рала на рукояточные, полозные и грядильные (320, с. 7, 29, 31). Горское рало (пуруц, дурац, туррез, пурус, кьарас) одно из древнейших земледельческих орудий. Приведенная выше классификация отражает, собственно, и деление его на три основные части: полоз, грядиль, рукоятку.

Полоз — основная часть, рабочая, на переднюю зауженную часть насажен сошник (наральник), в задней части за вставленным грядилем и стойкой (иногда между ними) — “ушки” — своеобразный бороздильник, или борона.

Грядиль несет функцию соединения рабочей части с тяговой силой, в первоначальном варианте грядиль с полозом были едиными, происходя от суковатой жерди, в которой толстый сук служил грядилем (другой вариант — ствол-грядиль, сук — рабочая часть — в дагестанском рале трудно восстанавливается). В дальнейшей эволюции, связанной и с массовостью производства и наличием исходного

* Не случайно в литературе указывалось на приспособленность, “привязанность” пахотных орудий к ландшафту местности, почве (417, с. 41).

подходящего материала, грядиль отделился от полоза, прикрепляясь к нему под углом, или образуя колено. Следующий этап — на короткое колено (его верхнюю часть) накладывается самостоятельная отдельная жердь — грядиль. Дальнейшие изменения были почти неизбежны — накладываемая жердь подходила вплотную к рукоятки, их скрепили, и тогда исчезла необходимость в верхней части колена, оно превратилось в стойку, которое отодвинувшись вперед по полозу образовало твердую опору (вместе с рукоятью) для жерди — грядиля, который в этом варианте нередко называют и дышлом.

Средние размеры рала: длина от ушек до конца грядиля — 2,2-2,5 м, длина полоза — 0,4-0,5 м, наральник — 0,12-0,15 см, высота рукоятки — 0,9-1,1 м, высота передвинувшегося “колена”-стойки — 0,3 м.

Для регулирования глубины пахоты служат выгнутость грядиля, перестановка ярма по длине грядиля (что изменяет угол положения — сошника-наральника), скрученная веревка с палочкой, натянутая между грядилем и ручкой (натягиванием), колено-стойка (изменением высоты).

В ярме горского плуга имеется одна существенная особенность — оно одинарное (одностовальное, убирается нижняя жердь), чем достигается большая маневренность, что необходимо на горных неровных небольших участках (184, с. 23-26; 394, с. 30-38; 268, с. 112-115; 60, с. 50-51; 422, с. 95).

Относительно районированности горского рала полевые материалы не дают оснований для особых сомнений — оно распространено на всем протяжении от верхнего предгорья до высокогорья. Разумеется, местные варианты были, но мы не смогли обнаружить в них этнической окраски, правильнее сказать, основные конструктивные и функциональные признаки и свойства надэтничны, связаны с особенностями экологии и хозяйства, уровнем производства, а не с этнической обусловленностью. Правда, в литературе существует положение о “цепкости” этнического в пахотных орудиях”, однако же автор данного положения М.Агларов подходит к этому вопросу осторожно, и обуславливает свое положение требованием сохранения “общего принципа требований к конструкции” (57, с. 221). Нам, например, приходилось наблюдать идентичность пахотных орудий земледельцев очень далеких этнически, например, предгорных кайтагцев и высокогорных лакцев и аварцев. Близость эта объяснялась сходством условий обработки — и там и тут луговые, задернованные почвы, для которых была удобна грядильная цельная конструкция, объединяющая грядиль и полоз (а иногда и рукоять).

В каменистом нагорье был предпочтителен вариант с скрепленным (врезанным) с рукоятью грядилем — дышлом, такое орудие маневреннее, легче “слушается” руки. В долинных же селениях ценилась жесткость конструкции при большой степени расчлененности — легче заменяемость деталей. Но повторяем, местная ареальность их носит ландшафтный, хозяйственный характер.

В последние годы мы, собирая материал по пахотным орудиям и учитывая

почти полное их исчезновение, перешли к методу наглядного опроса. Это не только облегчает работу по обеспечению полноты материала, но и дает возможность выявления районированных (ландшафтно или этнически) конструкций. Выяснились довольно любопытные подробности. Показываем, например, рало (рисунок), распространенное в высокогорном даргинском обществе Буркун-Дарга и орудие оказывается характерным для Среднего и Верхнего Табасарана (напр., села Кандик, Гуми, Хуриг, Аркит), высокогорных лезгин (села Шимихюр, Хпюг, Гельхен, Усуг и др.) и агулов (Рича, Кураг, Гоа), предгорных лезгин (Зильдик, Кабир и др.). В лезгинском долинном селе Джебел (и Касумкент) рало оказалось идентичным пахотному орудью цудахарцев, один из видов рала в Гельхене также оказался сходным с цудахарским. В высокогорном сюргинском союзе обществ, горном Муэринском рало оказалось сходным с предгорным Кайтагским, у усичинцев, каба-даргинцев, мугинцев с мекегинским, у цахурцев — с рутульским, у андалалцев — с харбуцким и т.д. Таких примеров очень много, но для составления полной карты всех хозяйственно-культурных ареалов Дагестана с проставлением всех соответствий, аналогий — еще мало.

Одним из каналов подобных параллелей было проникновение готовых пахотных орудий из лесного предгорья в горные и высокогорные районы посредством обмена. Например, лакцы Кулинского общества получали орудия из Кайтага и Табасарана (ПМ 77, с. 131), сюргинцы — из Кайтага, агулы — из Табасарана и т.д. (ПМ 62-63, с. 35; ПМ 79, с. 200, 205).

Таким образом горское рало служит таким же признаком (свойством) горного и высокогорного ХКТ, как сабан — равнинного. В целом тип земледелия вместе с основным почвообрабатывающим орудием несомненно имеет, как видно, классифицирующее (дифференцирующее) значение и служит достаточно четким критерием для разных ХКТ.

В связи с вопросом о типе земледелия уместно остановиться на ландшафтно-структурном характере пахотных угодий. Для равнины положение не вызывает сомнений и здесь, собственно, специально и характеризовать нечего — просторные равнинные угодья. Однако в горной части “ландшафтная” оценка угодий неизбежна и к тому же столь же необходима, сколь и продуктивна. В литературе не ставился специально вопрос о подобной оценке земельных угодий, и поэтому даже неясно, куда относить эту сторону определения угодий — к типу или системе земледелия. Поскольку фактор объективной “данности” в этом элементе все же преобладает, лучше, по-видимому, отнести его к типу земледелия.

И тогда земледелие внутреннего горного Дагестана можно будет охарактеризовать как террасное пашенное земледелие, в отличие от равнинного ровного, просторного (здесь ландшафтная оценка является как бы “нулевой”) и высокогорного, безтеррасного, “склопового”. Террасы горного Дагестана, подразделяющиеся на откосные, укрепленные и пойменные (приречные) достаточно

Кстати, известный в республике председатель колхоза Ибрагим Карабудагов, когда в 50-60 гг. пар был в «опале», неизменно под всякими предложениями оставлял каждый год часть пашни под паром, невзирая на все «научные рекомендации», разъяснения, запреты и выговоры, и всегда колхоз бывал в выигрыше — как по урожайности, так и по валовому сбору.

Характерное высказывание, отражающее точку зрения многих наших респондентов, мы услышали в селении Гоа. Наш информатор, рассказав о паре, перелог, плодосмене в прошлом, потом добавил: — еще при колхозе у нас придерживались традиции оставлять землю под пар и перелог, хотя бы и немного. Но когда стал совхоз, о них совсем забыли, все земли засевают без исключения каждый год, земли истощаются, а зерна и соломы стало не больше, а меньше.

Учитывая наши материалы, мы за выделение паровой системы в качестве самостоятельной. При этом не следует пренебрегать и тем обстоятельством, что в народной сельскохозяйственной практике ему придавалось большое значение, и сам он довольно четко классифицировался и терминологически выделялся (правда, не всегда: местами он не отделяется от малого перелога и тогда можно встретить названия — «Годовой пар» (о перелог) или «летний перелог», «летняя вспашка» (о паре). Так, например, у даргинцев пар был везде и назывался «гъабгъа», «уръа», а перелог (уркIбакI, зера) больше на равнине (ПМ 73, с. 23; ПМ 74, с. 15; ПМ 75, с. 111; ПМ 61-62, с. 55-56, 70, 78, 101, 96 и др.). Но в принципе и пар и перелог были известны в сельскохозяйственной практике дагестанских народов от равнины до высокогорья. Различие между разными зональными ареалами заключалось лишь в степени их бытования, связанной с объективными возможностями местной экологической и общественной конъюнктуры.

В перечне селений (союзов обществ) практикующих перелог в подавляющей степени преобладают равнинные и нижнепредгорные селения (ср. ПМ 78, с. 122; ПМ 79, с. 156, 160, 173; ПМ 73, с. 23 и др.).

Пар в сочетании с удобрением полей чаще встречается в нагорной части, но и для него всегда делаются оговорки: если позволяли резервы земель, отсутствовал у малоземельных, был занят паром и т.д. В еще большей степени это относилось к перелогу. Так, например, в селах Киша, Усиша и др. под пар оставляли треть пашни (средние землевладельцы), ближе к равнине — уже половину, а на самой равнине, ввиду недостатка удобных для обработки угодий — пар заменяется перелогом (ПМ 61-62, с. 6, 15, 116 и др.).

С другой стороны, даже в высокогорных селениях труднодоступная и отдаленная часть угодий отводилась под пар и перелог. Паровая (и даже переложная) система функционировала (в принципе) в таких высокогорных, явно не хлебных селениях как Чирах, Амух, Гинта, Цахур, Ихрек, Хпюг, Шимихюр, Гельхен, Усуг, Гоа, Рича, Ругельда, Бежта, Кутлаб, Вачи и др. (ПМ 61-62, с. 135; ПМ 79, с. 213; ПМ 75, с. 69, 107; ПМ 79, с. 214, 217; ПМ 79, с. 190, 193, 195, 198, 201, 203; ПМ 77, с. 11, 119, 123, 131, 133 и др.).

качестве главных из них — прогресс сельскохозяйственной техники, совершенствование материально-технической базы (В.М. Слободин); степень интенсивности использования сельско-хозяйственных угодий (С.А. Воробьев); ведущие полевые культуры (Н.П. Макаров) (80, с. 160-162), соотношение «территориальных возможностей земледелия» и численности населения, т.е. демографическое давление и т.д. (516, с. 52). При этом наблюдается очевидная тенденция расширительного толкования системы земледелия, включения многих критериев и формулирование громоздких («всеохватывающих») определений.

Так выглядит, например, не самое широкое определение В.П. Нарциссова: система земледелия «комплекс агротехнических, мелиоративных и организационных мероприятий по наиболее продуктивному и рациональному сельскохозяйственному использованию земли, повышению ее плодородия и улучшению условий развития посевов» (80, с. 160).

В этом, как и во многих других определениях чувствуется стремление ничего не упустить, особенно по части социальной сущности феномена, хотя, признаться, это далеко не самое неудачное определение.

На наш взгляд ближе других исследователей к решению этой проблемы подошел А.А. Шенников, выбравший, по-видимому, наиболее удачный критерий для классификации системы земледелия — «совокупность мероприятий по восстановлению плодородия почвы сельскохозяйственных угодий» (591, с. 4). Хотя сама классификация А.А. Шенникова вызывает определенные возражения, правда, в применении (или трактовке) к нашему материалу. Он насчитывает три группы систем: 1) переложные; 2) с удобрением; 3) их комбинации (591, с. 5). Особенно смущает нас положение А.А. Шенникова о том, что паровая обработка без удобрения и перелога не является системой земледелия, что ее задача лишь «борьба» с сорняками и накопление влаги в почве» (591, с. 5). Однако накопление влаги не изолированный процесс, и в сочетании с теми самыми сорняками, зауглубленными в почву, интенсифицирует образование удобрений, обогащает почву органическими ингредиентами. Особенно эффективно происходил этот процесс после второй вспашки, производившейся после всхода сорняков. В этом смысле пар — тот же перелог и не уступает краткосрочному перелогу. Наш респондент из села Губден, житницы даргинцев, в ответ на наши расспросы с целью выяснить эффективность разных агротехнических мероприятий, категорически утверждал, что пар — наиболее эффективное из них. Правда, в полном соответствии с положениями А.А. Шенникова он добавлял, что особенно результативен пар в сочетании с малым перелогом. Он приводил такой пример: отдельные менее опытные хлеборобы Губдена в прошлом, получив весной арендуемый участок, если он был поливной, засеивали просом или кукурузой, а осенью — после унавоживания — озимыми. Однако в выигрыше оставались те, которые оставляли черный пар (без всякого удобрения) и получали урожай пшеницы — сам 24-26 (ПМ 79, с. 163, 185, 190, 201, 203, 206).

Кстати, известный в республике председатель колхоза Ибрагим Карабулагов, когда в 50-60 гг. пар был в "опале", неизменно под всякими предложениями оставлял каждый год часть пашни под паром, невзирая на все "научные рекомендации", разъяснения, запреты и выговоры, и всегда колхоз бывал в выигрыше — как по урожайности, так и по валовому сбору.

Характерное высказывание, отражающее точку зрения многих наших респондентов, мы услышали в селении Гоа. Наш информатор, рассказав о паре, перелог, плодосмене в прошлом, потом добавил: — еще при колхозе у нас придерживались традиции оставлять землю под пар и перелог, хотя бы и немного. Но когда стал совхоз, о них совсем забыли, все земли засевают без исключения каждый год, земли истощаются, а зерна и соломы стало не больше, а меньше.

Учитывая наши материалы, мы за выделение паровой системы в качестве самостоятельной. При этом не следует пренебрегать и тем обстоятельством, что в народной земледельческой практике ему придавалось большое значение, и сам он довольно четко классифицировался и терминологически выплывал (правда, не всегда: местами он не отделяется от малого перелога и тогда можно встретить названия — "годовой пар" (о перелог) или "летний перелог", "летняя вспашка" (о паре). Так, например, у даргинцев пар был везде и назывался "гъабгъа", "уръа", а перелог (уркIбакI, зера) больше на равнине (ПМ 73, с. 23; ПМ 74, с. 15; ПМ 75, с. 111; ПМ 61-62, с. 55-56, 70, 78, 101, 96 и др.). Но в принципе и пар и перелог были известны в земледельческой практике дагестанских народов от равнины до высокогорья. Различие между разными зональными ареалами заключалось лишь в степени их бытования, связанной с объективными возможностями местной экологической и общественной конъюнктуры.

В перечне селений (союзов обществ) практикующих перелог в подавляющей степени преобладают равнинные и нижнепредгорные селения (ср. ПМ 78, с. 122; ПМ 79, с. 156, 160, 173; ПМ 73, с. 23 и др.).

Пар в сочетании с удобрением полей чаще встречается в нагорной части, но и для него всегда делаются оговорки: если позволяли резервы земель, отсутствовал у малоземельных, был занят паром и т.д. В еще большей степени это относилось к перелогу. Так, например, в селах Киша, Усиша и др. под пар оставляли треть пашни (средние землевладельцы), ближе к равнине — уже половину, а на самой равнине, ввиду недостатка удобных для обработки угодий — пар заменяется перелогом (ПМ 61-62, с. 6, 15, 116 и др.).

С другой стороны, даже в высокогорных селениях труднодоступная и отдаленная часть угодий отводилась под пар и перелог. Паровая (и даже переложная) система функционировала (в принципе) в таких высокогорных, явно не хлебных селениях как Чирах, Амух, Гинга, Сахур, Ихрек, Хпюг, Шимихюр, Гельхен, Усуг, Гоа, Рича, Ругельда, Бежта, Кутлаб, Вачи и др. (ПМ 61-62, с. 135; ПМ 79, с. 213; ПМ 75, с. 69, 107; ПМ 79, с. 214, 217; ПМ 79, с. 190, 193, 195, 198, 201, 203; ПМ 77, с. 11, 119, 123, 131, 133 и др.).

Следовательно выделение самостоятельной паровой системы в достаточной степени оправдывается материалами.

В соответствии с этим принятые в советской литературе определения систем земледелия с учетом классификации А.А. Шенникова, будут выглядеть примерно следующим образом: 1) паровая, 2) переложная, 3) удобрительная, 4) комбинированная. Все остальные системы, описываемые в литературе, вроде подсечно-огневой, плодосменной, залежной, лиманной и других можно, по-видимому, считать подвидами этих основных систем. Справедливости ради отметим, что далеко не все ясно и решено и в классификации, основанной на единственном признаке — критерии восстановления плодородия почвы. В литературе отмечалось, что этот базовый критерий характеризуется определенной узостью, а сама классификация на его основе отражает восточно-европейский материал и "поступательное развитие земледелия в этом районе" (583, с. 69-70). Относительно слабым местом классификации является, на наш взгляд, система, названная комбинированной — она во многом "смазывает" четкость классификации; по-видимому, можно подумать и о включении в структуру классификации и признака, характеризующего особенности ирригации.

Также чрезмерно категоричным представляется нам утверждение о чисто технологическом характере системы земледелия, не связанном ни с развитием механической обработки земли, ни со сменой социально-экономических формаций (591, с. 6).

Думается, положения Я.В. Чеснова о историзме систем земледелия, их культурном традиционализме, знаковости, определенной независимости от местных почвенно-климатических условий не лишены оснований (583, с. 69). И в этой "независимости" большое значение имели социально-экономические факторы, общественные порядки, традиции, политические моменты. К примеру, можно ли отрицать тот факт, что в горном Дагестане в XIX в. бытование паровой, удобрительной и переложной систем регулировалось далеко не технологическими факторами социального развития. И в этой связи встает вопрос о правомерности постановки вопроса о различительной роли критерия - признака системы земледелия ХКТ. Как мы видели, все перечисленные системы земледелия были свойственны всем хозяйственно-культурным ареалам Дагестана, хотя и в разной степени. И эти различия в степени бытования обусловлены тремя факторами — природным, демографическим и социальным. Выше мы останавливались на вопросе о значении демографического давления в хозяйственно-культурной истории.

На равнине Дагестана такого давления не было, пахотных угодий было сравнительно много, и часто они были в открытом "поточном" пользовании, и поэтому здесь сложились экстенсивные системы земледелия — переложная с залежной и подсечно-огневой (незначительно, в предгорье). В нагорной же части, где резерв пахотных угодий был невелик, использовалась, как мы видели, паровая система. Если на равнине было нередким сочетание черного пара с перелогом (залежью), то в

нагорье он сочетался с севооборотом, трехпольем, и даже практиковался занятой пар. В нашей практике всегда, когда мы бывали в селениях, имевших в XIX в. большие резервы пахотоспособных земель, в ответ на вопрос о паре (или удобрении навозом) неизменно отвечали: в этом не было надобности, земли было много.

Мы останавливались уже выше на распространенности систем земледелия в разных ареалах. Поражает тесная, четко обозначенная зависимость бытования систем от зоны, плотности населения, форм землевладения. Взяв за основу природный фактор, мы получили общую картину распространения: перелог на равнине, пар, и севооборот в горной части, севооборот и частично пар в высокогорной. Наложив на общую схему “демографические поправки”, мы убеждаемся в трудности зональной “привязываемости” систем земледелия. Даже на равнине, например, во всей засушливой Кумыкии господствовала переложная система с длительными и крупными перелогами; в Приморской низменности она нередко сочетается с паром и плодосменом; дальше к югу, начиная от Нижнего Кайтага и Терекеме до Присамурья господствующим становится перелог (ПМ 78, с. 122; ПМ 78, с. 156, 173).

В нижнем предгорье и отдельных селениях равнины с меньшими резервами угодий преобладала паровая система, сочетавшаяся, однако с краткосрочными перелогами (ПМ 61-21, с. 78, 96; ПМ 74, с. 15; ПМ 78, с. 200; ПМ 79, с. 160).

В горной части природный фактор (недостаток пахотоспособных угодий) усугублялся демографическим (высокая плотность населения), что делало еще более весомым действие социального фактора. Именно в нагорье от респондентов можно часто слышать, что пар, перелог были, но мало применялись, так как было мало земли (ПМ 61-62, с. 40; ПМ 75, с. 69, 76-77; ПМ 79, с. 190, 195, 198). Даже на равнине были многие бедные хозяйства, которые были не в состоянии построить правильный севооборот, тем более с применением пара и перелога из-за нехватки земли. Здесь в отдельных селениях соответственно социально-экономическому статусу хозяйств бытовали несколько степеней предоставления “отдыха” земле, т.е. перелога: удобрительная система с постоянным ежегодным использованием под посев (часто с зяблевой вспашкой); паровая; паровая с перелогом; переложная. Для горной части преобладающей была первая в сочетании со второй, хотя представлены там и остальные системы.

Поэтому сама система земледелия, любая из зафиксированных в Дагестане, не обнаруживает дифференцирующих ареальных свойств — каждая из них представлена во всех зонах.

Однако определенную дифференциацию можно провести, особенно с учетом социального фактора.

В частности, можно считать отличительным (преобладающим) свойством равнинного хозяйственно-культурного ареала господство переложной системы земледелия, вытекающее из достатка угодий и отсутствия демографического давления. На другом полюсе — в высокогорье, господствующей была удобрительная с

элементами пара. Между обоими полюсами от равнины через предгорье к нагорью проглядывается постепенный переход от перелога, пара с перелогом, севооборота с паром к севообороту (удобрительной системе).

А) Удобрение посевов

Целесообразно, кстати, остановиться отдельно и на самом удобрении, важном элементе системы земледелия.

Проще всего положение было на равнине — здесь практически не было удобрения полей, и поэтому на окраинах селений бывали огромные многолетние скопления навоза. Лишь в отдельных местах, как правило у более зажиточных, практиковалось удобрение так называемых “садовых” участков — они были близко к дому, здесь могли быть и просто посеы, огороды и т.п., были и насаждения (ПМ 78, с. 191). Объяснение тут очевидное — при переложном земледелии, к тому же с достаточно длительными сроками перелога — удобрения не требовалось. Таков лейтмотив ответов всех наших респондентов — не удобряли. т.к. земли было много и практиковалось переложное земледелие. Некоторые из них очень категоричны — говорят, что понятия не имели об удобрении (ПМ 78, с. 156; Ср. также: ПМ 78, с. 122; ПМ 79, с. 156-159, 173). Поэтому отсутствие удобрения земли можно считать вместе с господством переложной системы характерным признаком равнинного ареала.

Более сложная картина в горной части. Поскольку перелог занимал здесь мало места, естественно, что поля должны были удобряться.

И действительно, удобрению поля здесь уделялось очень большое внимание. Характерное замечание на этот счет имеется у А. Калантара. Отметив незначительность удобрения на Кавказе, он затем добавляет: “Но есть одна полоса, довольно обширная, где естественные и культурные условия местности давно вынудили население дорожить удобрительным значением навоза для садов и пашен, это нагорная полоса Дагестанской области и прилегающей в ней с запада Грузии... Удобрение земли в Дагестане настолько важно местами, что им только и обуславливается земледелие” (274, с. 28).

Это очень меткое замечание. Унавоживанию поля в горном Дагестане придавалось первостепенное значение. В каждом хозяйстве были специальные отведенные места и даже хранилища для навоза. Применялись самые разнообразные способы для улучшения качества навоза, в частности, длительное хранение и использование прошлогоднего навоза. Если хозяйство было очень бедным и не имело возможности вывести навоз в обычное время, до посева, то оно делало это после сева, посредством привлечения (найма) чужого транспорта, вьючного скота (ПМ 77, с. 120). Обычно навоз вывозили весной и осенью, для яровых и озимых. Осенью, однако, навоза было немного и поэтому во многих местах и для озимых навоз вывозили весной и разбрасывали поверх всходов. (ПМ 77, с. 125, 127, 129 и др.). В местах с несходящим снежным покровом навоз вывозили до таяния снега — и легче (для

волокуш) и удобрение легче усваивается постепенно просачиваясь в почву с талой водой и пропитывая ее необходимыми органическими ингредиентами (ПМ 77, с. 119).

Как правило, в этом деле не было нормы, вернее, верхнего предела — весь имеющийся в наличии навоз вываливался на имевшиеся у хозяина участки. Но если наличный навоз не достигал нижнего предела, участки хозяйства удобрялись поочередно, каждый год. Одной из максимальных принятых норм можно считать салатавскую (здесь был лес и навоз не расходовался на кизяк): одна волокуша навоза (300-500 кг) вываливалась через каждые четыре метра во все стороны (так, на один га получалось 625 куч, или триста тонн). Такое унавоживание обеспечивало при средних урожаях в сам — 4-6, урожай сам — 10-15 (ПМ 78, с. 196; ПМ 61-61, с. 70, 72). Однако даже здесь, в Салатавии, по словам респондента, такие нормы были под силу далеко не всем, и не для всех участков. Правда, там где озимые были высеяны по пару, удобрение почвы (как и после перелога) не требовалось и весь навоз уходил на участки с яровыми посевами (Ср. напр. ПМ 79, с. 183, 185 и др.).

Характерна истовая последовательность, проявляемая дагестанскими горцами в своих стараниях сохранить навоз, не дать ему пропасть втуне, не допустить порчи. Наш респондент вспоминал эпизод своего детства, когда его отец, везший на волокуше навоз на свой участок, увидел на дороге лепешку замерзшего навоза, пинком ноги отлепил его от дороги и подняв, забросил на груженную навозом волокушу. Это не особый случай, из ряда вон выходящий, напротив, это случай — с наибольшим приближением характеризующий положение дела с хранением и употреблением навоза, и удобрением почвы.

Однако в своем стремлении обеспечить максимально благоприятные условия для посевов путем щедрого унавоживания горцы встречались с рядом существенных препятствий и трудностей.

Сложность положения заключалась не в технологии, а в резервах удобрений. Дело в том, что в некоторых, наиболее нуждающихся в навозе для удобрения местах население одновременно испытывало острый недостаток топлива (Дагестан — самый безлесный субрегион Кавказа — всего четыре процента всех его лесов), из-за чего вынуждено было часть навоза (где большую, где меньшую) употреблять на кизяк. Об этом обстоятельстве упоминают во многих селениях (ПМ 77, с. 131, 133, 135, 137, 138; ПМ 75, с. 65, 107; ПМ 61-21, с. 53, 60; ПМ 74, с. 33; ПМ 68, с. 223; ПМ 79, с. 198, 213).

Одним из способов смягчения этой проблемы было использование золы, компостов из туалетов, помета лошадей, ослов, овец (ПМ 77, с. 125; ПМ 61-62, с. 40, 44, 104, 146; ПМ 78, с. 227; ПМ 79, с. 195, 203). Обычно во дворах (особенно в долинных селениях, где было меньше скота) устраивалась свалка, где накапливался повседневный мусор, компост, зола, навоз не употребленный на кизяк. Весной все это свозилось на участки. Другим средством было искусственное удобрение (цукла — дарг.) порошок красновато-бурого цвета, получаемый сожжением сложенного в кучу дерна, соломы

и навоза (ПМ 61-62, с. 60; См. также 300, с. 22). «Цукла» также был сильным удобрением и пенился не ниже навоза, однако был весьма губительным для и без того скудного растительного покрова дагестанских гор.

В местах с развитым овцеводством пытались использовать помет овец, также считавшийся сильным удобрением. Наиболее распространенный способ при этом — помещение на постой овец на участках, выделенных для унавоживания, причем для этого использовали не только своих овец, но и привлекали чужих, часто за взаимные услуги или плату (ПМ 78, с. 211, 218, 227; ПМ 79, с. 190, 206). Так, например, в высокогорном селе Гоа нам сообщили, что пребывание 300 овец в течение трех ночей на участке 1 га позволяет засеять этот участок подряд три года без дополнительных удобрений (с условием перемещения овец по участку) (ПМ 79, с. 201). В отдельных селениях доение и стрижку овец проводили специально на своем обрабатываемом участке (участках), для того чтобы за это время овцы унавозили его (ПМ 79, с. 203).

Таким образом, удобрение пашни, как один из составных элементов системы земледелия, довольно четко укладывается в схему распространения (бытования) отдельных систем, будучи с ними в прямой причинно-следственной обусловленности.

Поэтому удобрение полей можно использовать в качестве дифференцируемого критерия для разных хозяйственно-культурных ареалов в совокупности (сочетаний) с системой земледелия, выделяя в отдельных необходимых случаях в качестве самостоятельного критерия.

Б) Орошение

В такой же примерно связи с системой земледелия находится и орошение, включаемое большинством (но не всеми) исследователей в структуру системы земледелия.

На первый взгляд положение с орошением выглядит очевидным и большие массивы орошаемых земель в засушливой Кумыкии, шамхальстве, нижнем Кайтаге и Табасаране, Присамурье вроде бы не оставляют места для сомнений в том, что орошение можно выделить в качестве признака — критерия равнинного ХКТ (ареала).

Например, в Темир-Хан-Шурином округе орошалось 43% обрабатываемых земель, в шамхальстве этот процент был еще выше — 45 (20, с. 126-129). И в целом, разумеется, поливных земель на равнине было во много раз больше чем в горной части — и абсолютно, и по удельному весу как по отношению к массиву обрабатываемых земель ареала, так и по отношению ко всей совокупности орошаемых земель области. Сравним такие данные: к концу XIX в. в трех равнинных округах (а в каждом из них были и горные участки) Дагестанской области (Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский) орошалось до 50 тыс. дес. пашни (49330 дес.), а в остальных шести округах — 5245 дес., т.е. поливных земель (22, за 1902, с. 6-7; за 1897, табл. «земледелие»; за 1908, с. 16; за 1909, с. 19; за 1911, с. 13 и др.) в горных

4) Садоводство

Аналогичным можно считать и положение с садоводством. Зоны, где оно не практиковалось бы не было, но в самом его характере, масштабах, удельном весе в хозяйстве, занятиях, были большие зональные различия.

Равнина и нижнее предгорье с их большими массивами земель, возможностями орошения имели, несомненно, наиболее благоприятные возможности для садоводства и виноградарства. В литературе известны свидетельства средневековых авторов (в том числе бывавших в Дагестане) особенно арабских, о огромных площадях садов и виноградников от Дербента до Семендера (267, 1, с. 131-132). Об этом говорят известный географ X в. ал-Балхи, затем Ал-Мукадасси, Иакут и др. Последний упоминает о 4 тысячах "садов винограда" Семендера, простиравшихся в обе стороны по низменной части до Дербента и Серира (596, с. 21) (по-видимому, предгорных долин Сулака — Миатли, Чиркей и др.).

Однако равнинные сады сильно пострадали в период арабо-хазарских войн, и совершенно исчезли во время господства монголо-татар в низменном Дагестане. Развитое кочевое хозяйство, практикуемое к тому же завоевателями, исключает стационарное земледелие, и особенно садоводство и виноградарство. По-видимому, под воздействием традиций и хозяйственных (и психологических) стереотипов жители равнины утратили вкус к разведению садов. Рядом (и под) кочевником трудно вырастить сад и тем более сохранить его, однократное уничтожение сада губит труд (и ожидания) многих лет, в то время как полевое земледелие лишается результатов труда только одного года. Там уничтожение аккумулированного труда многих прошедших лет и хозяйственно-экономических перспектив будущих лет, здесь же остаются возможности и перспективы на исправление порой даже в этом году, или же на другой год.

Во всяком случае, имея вполне подходящие, благоприятные условия, многие равнинные селения, особенно срединного и северного Дагестана мало занимались садоводством. Южнее, ближе к Дербенту эта отрасль занимала большее место в занятиях и экономике. Возможно в таком размежевании сыграло роль и то, что на севере, у кумыков, в большей степени сохранились стереотипы прикочевнического рискованного земледелия.

Во всяком случае очевидно, что ни в одном из владений равнины и нижнего предгорья садоводство (и виноградарство) не играло ведущей роли. Для них характерны второстепенное место в занятиях, экономике, меньшая интенсивность и культура садоводства. Не случайно, что даже к концу XIX в. в Темир-Хан-Шурином округе было всего 583 дес. садов (0,008% всей обрабатываемой площади), Кюринском 605 (0,01% всей площади), Кайтаго-Табасаранском — 633 (тоже 0,01%). Для сравнения можно привести данные по горному Аварскому округу — 585 дес. (0,1%

округах было почти в 10 раз меньше. На равнине орошалась примерно половина пахотных угодий, в горной части — одна восьмая часть, удельный вес орошаемых земель равнины в общем балансе поливных угодий составлял 90% (и соответственно 10% в горной части). Еще более впечатляющая картина в Хасавюртовском округе, где орошалось более 50 тыс. дес. земли (560, с. 87). С присовокуплением показателей по Хасавюртовскому округу в дагестанской равнинной части поливных земель было в 20 раз больше чем в горной и они составляли более 95% орошаемых земель Дагестана.

Это подтверждает и полевой материал. Из 60 горных селений, в которых затрагивался вопрос об орошении, лишь в 6 ответили положительно о его бытовании. Например, в Казикумухском округе вовсе не было орошения, а в Даргинском — только в трех аулах, на 127 га (300, с. 53).

И все же показателем равнинного хозяйственно-культурного ареала его вряд ли можно считать, т.к. орошение, хотя и не такое масштабное, занимало немалое место в хозяйстве нагорья. Так, например, в союзе обществ Андалал (Гунибский округ) поливные земли составляли 68% обрабатываемых угодий, а в высокогорном союзе Рутул (Самурский округ) — 48% (20, с. 148-149, 210-211). Принципиальных различий не было и в формах орошения — система отводного канала выше по течению реки с разветвленной сетью поливных арыков. Правда, во второй половине XIX в. на равнине были введены в строй крупные протяженные каналы и оросительные системы, в корне отличающиеся от горских. Например, канал Юзбаш — Сулак — Татавул, протяженностью 35 км, Юзбаш — Теречный — 43 км, орошавший около 4 тыс. дес. пашни; Шабуровский на 120 км, с орошением 21 тыс. дес. земли, Войсковой канал на 160 км (8 тыс. дес.) и др. В Южном Дагестане были: Ханский канал в Дербенте, функционирующий с XVII века (на 27 км); Мугерганский от Самура — на 21 км (183, с. 164-165; 560, с. 86-87; 416, с. 63). Таких масштабов горная зона, конечно, не знала. Но в отношении разработанности форм орошения, искусства проведения каналов, распределения воды, техники орошения и т.п. горцы не уступали жителям равнины. Как писал П. Надеждин, горцы ведут "воду с одной высоты на другую даже через целое ущелье, в деревянных желобах, почти висящих на воздухе, на тонких и высоких подставках, иногда же ведут воду под землю в трубах (416, с. 63; 91, с. 430; 62, с. 2).

Правда, на равнине практиковалось еще лиманное орошение, преимущественно для сенокосов, но и в высокогорье было так называемое ручьево-арычное орошение для сенокосов, при существующем арычном (слабо развитом) для земледелия.

Таким образом, критерий — признак ирригации по-видимому, также можно ввести в понятие ХКТ, но в качестве дополнительного к земледелию. Хотя признак наличия (отсутствия) орошения здесь не срабатывает, сами зональные особенности его довольно существенны. В равнинном земледелии это большой удельный вес, масштабность, применение преимущественно в зерновом земледелии; в горном — преимущественно в террасном земледелии, садоводстве, выращивании кукурузы и бобовых; в высокогорном, главным образом, в выращивании сена, незначительность.

обрабатываемой земли).

В равнинных селениях в XVIII-XIX вв. в самую пору созревания фруктов бывали целые слои населения (середняки и особенно бедняки) которые неделями не видели плодов, особенно до снятия нового урожая зерна (для обмена).

В предгорье эта проблема была не столь остра, т.к. ближе были леса с лесными ягодами и фруктами.

Между тем в горной части положение было совсем другим. Правда, не собственно в нагорье, а в горных долинах, особенно долинах четырех Койсу и Самура. Например, в Даргинском округе было только 29 дес. садов, но они были сосредоточены в нескольких цудахарских селениях — Куппа, Хаджалмахи и др. в нижнем течении Казикумухского Койсу. В Гунибском округе (по Кара-Койсу) было 54 дес. садов, в Аварском (по Аварскому Койсу) — 585, Андийском (по Андийскому Койсу) — 4407 деревьев (в 1903 г. — 356 дес.), в Самурском (по Самуру и притокам) — 136,5 дес. (20, с. 128-129, 154-155, 186-189, 206-207 и др.; 19, с. 80-81; 22, за 1903 г. с. 32). Только в Казикумухском округе садов не было, т.к. здесь не было подходящих для них долин. Характерно, что еще средневековые арабские авторы говоря о садоводстве горной части Дагестана, связывали его именно с долинами. Например, ал-Гарнати (XII в.) писал о горах Дагестана: "Много у них всяких благ, таких как мед, и мясо, и фрукты в их долинах" (474, с. 26).

В известной мере можно сказать, что долины горной и даже высокогорной зон Дагестана имели в занятиях садоводческий уклон. Для многих горнодолинных селений Дагестана фрукты служили важной статьей обмена на зерно равнины. Например, жители Цудахарского союза обществ обменивали на зерно большую часть своих фруктов и сухофруктов в аулах Губден, Мурего, Карабудахкент, Кака-Шура, Н.Дженгутай и др. Причем никогда обладатель зерна (хлеба) сам не шел за фруктами — их доставляли на ослах садоводы.

Долинные сады Дагестана отмечены многими наблюдателями, при этом отзываются они о садах в самых восторженных тонах. Так генерал Граббе писал (в 1839 г.) "Нельзя не изумляться этими вековыми работами многих поколений, которые трудами своими превратили огромные голые скалы в пашни и сады" (560, с. 85). Буквально то же самое говорит о долинных садах А.Зиссерман "нельзя не удивляться разбросанным по террасам фруктовым садам" (247, с. 28). Полобные оценки можно встретить у многих авторов того времени — В.Вильера де Лиль Адама, А.Нисченкова, М.Владыкина, Д.Н. Анучина, П.Надеждина, Е.И.Козубского, А.Аедоницкого и др. (101, с. 20; 425, с. 22; 163, с. 213; 91, с. 430; 416, с. 246; 300, с. 70; 62, с. 3). Почти исключительным занятием тавлинцев (речь явно идет о жителях долинных селений) называет садоводство А.Васильев, заключая затем, что "виноград, превосходные яблоки, груши, орехи — вот главное их богатство" (157, №1919). Точно также "большие фруктовые сады, виноградники" отмечены А.Пастуховым в высокогорном (долинном) Ахты (452, с. 377). Один из самых вдумчивых, серьезных наблюдателей И.Пантюхов

подчеркивает, что сады "составляют важное подспорье в хозяйстве и дают серьезный доход", что горцы "избыток фруктов обменивают на хлеб" (451, №228) (правильнее было бы сказать, что главной статьей был обмен на хлеб, и только остаток от этого потреблялся самими садоводами). Довольно точно сказано о этой роли садоводства у немецкого автора Боденштедта: "сады составляют главное богатство у лезгин, тем что дают хлеб, дрова для сжигания, вкусные фрукты — короче дают все, в чем нуждаются эти нетребовательные горцы для своего существования" (607, с. 303). Здесь характерен порядок статей в перечне — на первом — хлеб, на последнем — сами фрукты.

Сама структура горнодолинного сада также существенно отличалась от таковой в равнинном садоводстве. На равнине сад подсобная отрасль, экономического значения не имела, сады были, как правило, у зажиточных крестьян, у владельцев мельниц, богатых хуторян. Никаких посевов в них не предусматривалось. Горнодолинный же сад это целая система. Для него готовится терраса, подводится вода, предусматривается два-три яруса одних только деревьев, например, саженцы (по необходимости), малые деревья скороспелых видов и сортов фруктов (черешня, персик), крупные деревья летних (абрикос, слива) и особенно осенних (яблоня, груша) сортов.

В междурядьях высевалась кукуруза, рядом фасоль (помогает кукурузе в обеспечении азотом и опирается, вьется на нее), и местами еще тыква.

Нагрузка на почву — огромная, но соответственно был велик и уход, в то время как на равнине были нередки залуженные лесосады.

Разумеется, разная структура сада и столь различающееся отношение к ним объяснялось экономическим весом этой отрасли в хозяйстве обеих природно-географических зон, промышленным ("хлебодобывающим") значением сада для горца, испытывающем постоянный недостаток хлеба. Возникает ощущение, что в горнодолинных садах даже деревья приспособлены к рациональному экономному использованию почвенных и водных ресурсов: они имеют ровно столько листьев, сколько необходимо для поддержания своей жизнедеятельности и вызревания плодов, поэтому сады здесь менее тенистые чем на равнине или в предгорье.

Само сортовое разнообразие фруктов также свидетельствует о интенсивности, детальной разработанности приемов садоводства. Местные селекционеры, разнообразя сорта, предусматривали разные сроки созревания, вкусовое разнообразие, пригодность для употребления в свежем виде, для приготовления сухофруктов, мочения; учитывали товарный вид, легкость, транспортабельность и пр. При этом видовой и сортовой состав деревьев каждого хозяйства должен был быть таким, чтобы обеспечить семью фруктами в течение всего летне-осеннего периода и запасы на зиму, учитывая не только (и не столько) потребление, сколько возможности обмена (особенно на хлеб). Важным условием этого фруктового "конвейера" была постепенная равномерность созревания фруктов разных видов с

учетом рабочих возможностей семьи, во избежание завала плодов и их порчи. Все это во многом обеспечивалось сортовым разнообразием. Так, например, в одном только селе Хаджалмахи в один присест с тремя респондентами мы насчитали свыше 20 видов абрикосов — от лучшего, самого вкусного “шиндахълан” до самого крупного, величиной с хорошее яблоко “салих”, незаменимого при сушке. Примерно столько же мы насчитали видов яблок, а груш — до 50.

Правда, мы должны напомнить, что речь идет о долинах, в большинстве же союзов обществ нагорья и высокогорья фруктовых насаждений вообще не было. В списках посемейной переписи 1886 г. в 9 из 19 участков горной зоны и в 10 из 14 — высокогорной — не отмечено садов и виноградников. По селениям картина еще более выразительна. В горной зоне хотя бы ничтожный участок сада отмечен лишь в 87 аулах из 416, а в высокогорной — в 23 из 406 (20, с. 126-211; 19, с. 18-81). Отсюда можно сделать вывод, что садоводство можно считать свойственным лишь горным (высокогорным) долинам, и исключить его из признаков — показателей горного и высокогорного ХКТ. Следует заметить, что горные долины, выделяясь существенным развитием садоводства, в определенной мере претендуют на выделение из горного и высокогорного ХКТ. Дело в том, что развитое садоводство наложило ощутимый отпечаток и на весь хозяйственный облик долинных селений, особенности хозяйственно-бытовой культуры. Например, здесь обязательно орошение; большое место занимает кукуруза; специфика летних скоропортящихся фруктов привела к сильному развитию вьючного транспорта, с которым фрукты можно доставить во все самые отдаленные местечки, к которым и дорог то не было. Эта же специфика вызвала к жизни обилие плетенных корзин-сапеток, в них фрукты не деформируются, благодаря постоянной вентиляции воздуха меньше портятся. Сапетка в сочетании с вьюком самый идеальный способ транспортировки фруктов, ведь висячий груз не трясет на колдобинах, ухабах и камнях дорог — нужно только умело закрепить сапетки, да не давать ослу в дороге идти трусцой. Занятия садоводством сказываются на составе возделываемых культур, системе земледелия (удобрительная, интенсивная), состоянии орошения, содержании цикла сельскохозяйственных работ; составе стада и формах содержания скота, средствах транспортировки грузов, пище, жилище (приспособление под хранение и сушку фруктов) и др.

Поэтому представляется целесообразным, исходя из этих особенностей выделять из горного (и высокогорного) ХКТ горнодолинный подтип, не забывая, однако, что по основным, формообразующим своим параметрам он является ответвлением, разновидностью, вариантом названных ХКТ.

Тем самым решается и вопрос о месте садоводства в хозяйственно-культурных ареалах равнины, гор и высокогорья — от небольшого подсобного в занятиях и экономике равнины до полного отсутствия в нагорье и высокогорье. Отличной иллюстрацией этому является, например, Даргинский (или Андийский) округ, с довольно развитым садоводством в долинах и полным отсутствием его в нагорных участках.

подчеркивает, что сады “составляют важное подспорье в хозяйстве и дают серьезный доход”, что горцы “избыток фруктов обменивают на хлеб” (451, №228) (правильнее было бы сказать, что главной статьей был обмен на хлеб, и только остаток от этого потреблялся самими садоводами). Довольно точно сказано о этой роли садоводства у немецкого автора Боненштедта: “сады составляют главное богатство у лезгин, тем что дают хлеб, дрова для сжигания, вкусные фрукты — корочке дают все, в чем нуждаются эти нетребовательные горцы для своего существования” (607, с. 303). Здесь характерен порядок статей в перечне — на первом — хлеб, на последнем — сами фрукты.

Сама структура горнодолинного сада также существенно отличалась от таковой в равнинном садоводстве. На равнине сад подсобная отрасль, экономического значения не имела, сады были, как правило, у зажиточных крестьян, у владельцев мельниц, богатых хуторян. Никаких посевов в них не предусматривалось. Горнодолинный же сад это целая система. Для него готовится терраса, подводится вода, предусматривается два-три яруса одних только деревьев, например, саженцы (по необходимости), малые деревья скороспелых видов и сортов фруктов (черешня, персик), крупные деревья летних (абрикос, слива) и особенно осенних (яблоня, груша) сортов.

В междурядьях высевалась кукуруза, рядом фасоль (помогает кукурузе в обеспечении азотом и опирается, вьется на нее), и местами еще тыква.

Нагрузка на почву — огромная, но соответственно был велик и уход, в то время как на равнине были нередки залуженные лесосады.

Разумеется, разная структура сада и столь различающееся отношение к ним объяснялось экономическим весом этой отрасли в хозяйстве обеих природно-географических зон, промышленным (“хлебобывающим”) значением сада для горца, испытывающем постоянный недостаток хлеба. Возникает ощущение, что в горнодолинных садах даже деревья приспособлены к рациональному экономному использованию почвенных и водных ресурсов: они имеют ровно столько листьев, сколько необходимо для поддержания своей жизнедеятельности и вызревания плодов, поэтому сады здесь менее тенистые чем на равнине или в предгорье.

Само сортовое разнообразие фруктов также свидетельствует о интенсивности, детальной разработанности приемов садоводства. Местные селекционеры, разнообразя сорта, предусматривали разные сроки созревания, вкусовое разнообразие, пригодность для употребления в свежем виде, для приготовления сухофруктов, мочения; учитывали товарный вид, легкость, транспортабельность и пр. При этом видовой и сортовой состав деревьев каждого хозяйства должен был быть таким, чтобы обеспечить семью фруктами в течение всего летне-осеннего периода и запасы на зиму, учитывая не только (и не столько) потребление, сколько возможности обмена (особенно на хлеб). Важным условием этого фруктового “конвейера” была постепенная равномерность созревания фруктов разных видов с

меняющих направление хода в соответствии с наматыванием или разматыванием прикрепленного к столбу удлиненного недоуздка. В связи с рисосеянием на равнине быговали неизвестные в горах рисорушки, главные из которых: а) "келе", ручная, со ступой высотой в 1 м и диаметром 0,4-0,5 м и билом, диаметром 10-15 см, длиной 0,7-1 м; б) "кавза" — ножная, с ямой, обложенной досками (в прошлом — с выдолбленным бревном — корытом), с приводом и рычагом, с билом покрупнее (диаметр — 20-25 см); в) "динк", наиболее известная — яма обложенная деревом, с каменным дном и каменным же билом, с рычагом, приводимым в движение водяной турбиной (ям и рычагов на одну турбину имелось несколько штук, как правило — 4-5) (ПМ 78, с. 159, 192).

Другой такой признакообразующей дифференцирующей культурой равнины можно считать марену, массовое культивирование которой отмечено еще в средневековье, и новый подъем и крупномасштабное производство — в XVIII-XIX вв. (596, с. 22, 38; 525, с. 130; 116, с. 65). Этот подъем был связан с ростом внешнего рынка и резко упал с падением спроса (с открытием анилиновых красок).

Несомненным признаком равнинного ХКТ было бахчеводство, которое было невозможно в нагорье. Особенно развито оно было у кумыков и в округе, прилегающей к Дербенту. Анекдоты о горах — даргинцах, которые приняли тыкву за большое яйцо (жителей долин это не касалось), или требовали при покупке огурцов дать плоды покрупнее и самые спелые — имели под собой реальную подоснову — они не знали этих плодов, а в регулярном обмене такая продукция обычно отсутствовала.

6) Земледельческий цикл

Прежде чем завершить описание земледелия как компонента ХКТ, нам представляется необходимым остановиться коротко на основных этапах земледельческого цикла, с одновременным рассмотрением и соответствующих этим циклам сельскохозяйственных орудий. Думается, что рассмотрение последних именно в контексте их функционирования позволит наиболее полно выявить их основные конструктивные и функциональные дифференцирующие свойства, признаки и особенности. Хотя, по-видимому, не следует при этом забывать, что сельскохозяйственные орудия не только хозяйственный, но и культурный (вещный) элемент и поэтому будет полезным их рассмотрение и в этом аспекте (как культурного компонента ХКА).

Вспомним в связи с этим, что в подобной же ситуации мы вынуждены были в связи с типом земледелия рассмотреть вопрос и о пахотных орудиях.

В соответствии с особенностями пахоты отвальный плуг на равнине требовалось боронование, в зависимости (и в связи) от этого различалась и форма высева — в заделывании семян главную роль играли бороны или ее заменитель (тяжелая колода). В этом элементе земледелия наблюдаются взаимосвязи трехступенчатого

характера — от особенностей пахотного орудия и пахоты к бороны и боронованию и от них к севу и заделыванию семян. Отвальный плуг, в отличие от рала, образует при вспашке крупные пласты и комья, которые делают обязательной операцию боронования перед севом. Наши респонденты, особенно из предгорных селений, в которых на отдельных неудобьях использовали вместо плуга рало, всегда подчеркивают при ответе на вопрос о бороны и бороновании, что они необходимы только при вспашке плугом, а если используется рало, то никакой надобности в них нет (ПМ 61-62, с. 80).

Особенностью равнинной бороны являлась простота конструкции при больших габаритах, громоздкости и тяжести. Так в Приморской низменности бороны состояла из двух тяжелых колод длиной до двух метров, сколоченных в раму с промежутком между ними в 10-20 см, и развернутых поперек борозды. Колоды имели деревянные зубья, к верхним концам которых вплетались еще колочки (ПМ 73, с. 27). В засушливой равнине конструкция была иная: тяжелая колода в 15-20 см в диаметре, с пилообразной нижней частью с отверстиями для втулок, к которым крепятся колочки, ветви, вплетенные в прикрепленную к колоде деревянную раму из двух планок и трех поперечин. Длина этой рамы 0,5 м, концы ветвей (от рамы) остаются свободными, не сплетенными, выполняя заметающие функции. Ширина (или длина, если иметь в виду более протяженную часть, а не протяженность по рабочему ходу орудия) бороны (колоды и плетня) около двух метров, называлась она "сибиртке" (отдельно колода "тырнак", "тарак") (ПМ 78, с. 112, 156). Позднее здесь появилась более близкая к современной конструкция, представляющая собой раму в 5-6 рядов, с 7-8 зубьями длиной в 15 см в каждом ряду (ПМ 78, с. 112, 156). Однако наиболее распространенной была бороны типа "сибиртке" с неизменной основой — колодой; с вариациями в конструкции и компоновке отдельных частей. Например, при черном паре поле не бороновали, т.к. за лето комья рассыпались от воздействия дождя, солнца и ветра (а также вышаса скота), но при севе, для заделывания семян использовали ту-же колоду, только одну (у лезгин она называлась "гъар") (ПМ 79, с. 173, 176). Впрягали в бороны пару волов, на поливных землях — буйволов.

Мы уже указывали, что горское рало только взрывает пласт, а полоз и "ушки" дробят и выравнивают вспаханный слой почвы. Семена разбрасывались перед вспашкой, поскольку было принято многократное вспахивание, семена падали на уже обработанную почву. Если сеялись яровые после зяби или перелога, то почва предварительно обрабатывалась, если для этого не было времени и возможностей, семена разбрасывали на неводеланной почве и заделывались в результате распахивания. В высокогорье была аналогичная картина.

Таким образом, оказывается, что само боронование и заделывание семян фактически не имеют самостоятельного, тем более дифференцирующего значения — и особенности послепахотной обработки почвы и специфика сева и заделывания семян связаны с главным — с функциональными свойствами пахотного орудия и

соответственно структурой самой вспаханной земли.

Поэтому их следует связывать с основным признаком земледелия — типом пахотного орудия и земледелия (как комплексный признак-критерий).

Относительно следующего этапа цикла — прополки, трудно сказать что-либо определенное о степени ее специфичности для разных зон или ХКТ. Техника прополки — одна и основные исполнители везде были женщины.

Однако в прополке с культивацией почвы, производимой с помощью мотыги — тяпки (на посевах кукурузы, огородных культур, корнеплодов) различия уже появляются. В тяпке равнины больше рабочая поверхность, ручка длиннее, поэтому пропальвающий работает не сгибаясь, а почву рыхлит только по небольшому верхнему слою. Горная, и особенно горнодолинная тяпка больше напоминает первоначальную мотыгу древности, массивнее, заужена, имеет короткую ручку, предназначена для глубокого рыхления почвы. Соответственно конструкции, горной тяпкой могли работать только женщины (как отголосок бывшего военного быта — горцы очень не любят согнутых, безобзорных положений), на равнине же прополкой мужчины занимались не меньше женщин, если не больше.

Поэтому, хотя прополка и не может быть отнесена к дифференцирующим признакам ХКТ, тем не менее указанные особенности ее небесполезно учитывать при характеристике разных ХКА.

Не было принципиальных различий по природно-географическим зонам и в организации жатвы. Хотя на равнине иногда для этого и употреблялась коса, но главным орудием был повсюду серп. В качестве особенности можно указать, что это было слабое место равнинного земледелия. Ведь в пахоте, бороновании, обмолоте и др. хлебороб использовал тягловую силу, приспособления, орудия увеличивающие производительность, умножающие усилия человеческих рук, облегчающие труд.

В жатве главными орудиями остались руки человека и серп, и поэтому операция эта была малопродуктивная и тяжелая. Для того чтобы сжать участок, вспаханный за один день требовалось 4-5 дней, а перезрелый хлеб начинает осыпаться. Не случайно на равнинных землях на пару и перелог бывали довольно густые всходы хлеба и даже существовал специальный термин для такого поля, в то время как в горной части ничего подобного не было (разумеется, в этом играла роль и особая ценность для горца хлеба, каждого колоска, каждого зернышка). Между тем, женщины на равнине жатвой не занимались, что усугубляло трудность положения.

Поэтому население равнины широко практиковало привлечение горцев к своей жатве, тем более, что в нагорье был постоянный избыток рабочих рук. Для горцев этот вид отходничества был привлекателен тем, что давал возможность частичного покрытия своих потребностей в хлебе, поскольку на жатве почти повсеместно была принята доленая оплата из убранных урожая. Например, в Нижнем Кайтаге наемному жнецу полагалась каждая десятая копна сжатого им хлеба. Хороший жнец привозил домой в горы с жатвы 30-20 мер зерна (ПМ 66, с. 147) — (500-700 кг) — потребность

средней семьи на зимне-весенний период. Но эта особенность равнинной жатвы, по-видимому, не может выступать в качестве признака, показателя равнинного ХКА. В известной мере в качестве такого признака можно рассматривать неучастие женщины в уборке хлеба.

Последняя операция земледельческого цикла — обмолот зерна, также не дает особых дифференцирующих возможностей для разных ХКТ. И основное орудие обмолота, и тягловая сила и способы обмолачивания имеют общерегиональный характер. Молотильная доска — одно из наиболее характерных и специфических орудий и одновременно элементов культуры дагестанского региона, всех природнохозяйственных зон, всех этносов. Были, разумеется и некоторые другие способы молочения, но и они различались только в зависимости от предмета обмолота и были одинаковыми по всему Дагестану.

Несколько особняком среди них стоят молотильные каменные катки, ребристые, треугольно-закругленной формы (ПМ 78, 139, 156), для придания перекатыванию тяжелого резкого обрушивания, что давало большой эффект молочения.

Впрочем, такие катки были только у засулакских кумыков и, судя по всему, были заимствованы ими у своих северных соседей.

Но и эти катки больше применялись для обмолота ячменя, но не пшеницы. Объясняя это обстоятельство, респонденты указывают, что ячмень легче осыпается, а стебли при обмолоте катком дают не саман, а солому. Ячменная солома бывает мягкой и вкусной, в отличие от пшеничной, которая становится вкуснее, будучи перетерта до состояния самана. В виде соломы стебли ячменя охотно поедают лошади, саман же они не любят. Кроме этого, солому можно хранить под открытым небом, саман же нельзя, сгниет. И еще, что очень важно, в самане ячменя остья смешиваются со стеблями, а они, не попавшие прямо под зубы, опасны для животных, застревая в самых неожиданных местах и вызывая воспаления и нагноения. Интересно, что столь охочие до ячменя животные не едят его на корню после появления у него остей (ПМ 73, с. 85; ПМ 74, с. 36-37; ПМ 78, с. 156-157, 191, 202, 205).

Что касается гладких катков, тех которые бывали на крышах для уграмбовывания ее, то они применялись и южнее, но только для легкоосыпающихся культур, в том числе и особенно для ячменя, конопли, льна. Были и другие способы обмолота, но ни один из них не поддается хотя бы приблизительному районированию ни по хозяйственно-культурным ареалам, ни по этническому расселению.

Так, например, указанное выше предпочтение, оказываемое катку при обмолоте ячменя зафиксировано в засулакской Кумыкии, у предгорных даргинцев, высокогорных лезгин и др.

Также почти повсюду применяли для извлечения зерна биты, колотушки, дубины, просто палки.

Для обмолота льна, например, у горных аварцев, даргинцев, лакцев применяли

колотушки или биты, но если льна было много, применяли и каток, и даже молотильные доски (ПМ 61-62, с. 19; ПМ 74, с. 36-37; ПМ 75, с. 65; ПМ 77, с. 116, 119, 131, 135, 120; ПМ 78, с. 196). Палки-биты употреблялись и для обмолота чечевицы, конопли, проса (ПМ 77, с. 111, 113, 127, 130). В предгорье для проса применялось и вытаптывание скотом. Просо — одна из древних культур Дагестана, об этом свидетельствует и одно из названий печеного хлеба (мучари — дарг.) и возможно в этом вытаптывании мы имеем реликт более древнего элемента земледельческого цикла.

Характерно, что обмолот — вытаптывание сопровождался определенной обрядностью с закланием и поеданием барана, чему сами жители удивляются: гораздо более лучшая и важная для хозяйства пшеница не удостоивается такой чести, в просо — пожалуйста (ПМ 74, с. 3-4; ПМ 75, с. 36; ПМ 73, с. 84-85, ПМ 79, с. 159). Вообще для обмолота проса применялись наиболее разнообразные способы. Например, сначала вытаптывали ногами или хлестали гроздьями о ребро доски (осыпалось лучшее зерно), затем пускали по нему молотильные доски (ПМ 79, с. 161, 163, 169).

В отдельных местах высокогорья колосья, особенно ржи, хлестали об камень и затем пускали под доски, причем даже в том случае если зерна в колосках уже не осталось (для измельчения, дробления стеблей) (ПМ 79, с. 204, 206, 214). И еще один универсальный как по охвату культур, так и распространенности способ — если хлеба было очень мало, то его просто отбивали палками, колотушками (ПМ 78, с. 218). Этот способ можно назвать беднячком.

Сказанное об обмолоте обязывает нас быть сдержанными в оценке его дифференцирующих свойств и соответственно зональной хозяйственно-культурной специфики.

Наше описание элементов земледельческого хозяйства с целью выявления их дифференцирующих (критерийных) возможностей с точки зрения хозяйственно-культурного районирования подошло к концу.

Описание показало, что ряд элементов земледелия несет довольно большую дифференцирующую нагрузку, позволяющую выделить зональные (равнина, среднегорье, высокогорье) хозяйственные типы, другие же в подобном аспекте совершенно нейтральны.

Многие из элементов земледелия будучи типологически одинаковыми по всему региону обнаруживают существенные различия в степени бытования, удельном весе, соотношении с другими элементами.

Важнейший из вопросов, который встает при оценке земледелия, его места в хозяйстве и культуре региона, района — это вопрос о соотношении земледелия со скотоводством, формах их сочетания в хозяйстве.

Дагестан дает в этом отношении очень четкое разделение: на равнине преобладание земледелия, соподчиненный земледелию симбиоз скотоводства с ним; в среднегорье — относительная развитость и самостоятельность обеих отраслей при преобладании земледелия как занятия (земледельцы и скотоводы); в высокогорье — самостоятельные скотоводство и земледелие, при преобладании первого (скотоводы и земледельцы).

Другой первостепенный вопрос — о типе земледелия. Дагестанский регион (или область) обнаруживает в этом отношении несомненную типологическую общность — это пашенное земледелие. Но уже в характере пахотного орудия (плуг и рало) обнаруживаются различия, которые отделяют равнинный и горный типы. В горном же выделяется высокогорный, в котором земледелие не было ведущим занятием.

Поэтому в характеристике населения с точки зрения их ведущего занятия оказались оправданными существенные градации: равнинные пашенные земледельцы-скотоводы; горные пашенные земледельцы и скотоводы; высокогорные подвижные скотоводы и пашенные земледельцы.

Существенным дополняющим компонентом типа земледелия является вопрос об искусственно создаваемых и естественных полях. В этом отношении между всеми тремя ХКТ (или хозяйственно-культурными ареалами) просматривается четкое различие — естественные обширные ровные пахотные угодья равнины и нижнего предгорья, террасные поля горной части (и долин нагорья и высокогорья) и нетеррасированные, “склоновые” участки высокогорья.

В системах земледелия и связанных с ними удобрением обрабатываемых земель и их орошением, хотя особых типологических различий не обнаружено, но степень бытования отдельных систем, удобрения и орошения позволяет уточнить дифференциацию трех названных выше типов и дополнить их хозяйственную характеристику.

В частности, выявляется преобладание малоинтенсивного переложного земледелия на равнине, тогда как в горной части преобладает интенсивная удобрительная система в сочетании с паровой, с соответствующими различиями и в удобрении и орошении.

В садоводстве и виноградарстве также при отсутствии существенных дифференцирующих различий по отдельным, выделенным ХКТ (или природно-географическим зонам) удается проследить масштабные, количественные особенности, приобретающие критерийную, маркирующую силу. При бытовании и распространении на равнине, — отсутствие в горной и особенно в высокогорной зоне, при одновременной развитости на равнине и в горных (и высокогорных) долинах, они различаются своей спецификой (равнина — подсобная, дополнительная отрасль, долины — ведущая).

В земледельческих культурах при совпадении основных из них, можно найти и специфичные для разных ХКТ (марена, рис — на равнине, лен, конские бобы — в нагорье и др.).

В земледельческом цикле водораздел пролегает в бороновании (наличие — отсутствие) и способе заделки семян, особенностях культивирующей прополки; в гораздо меньшей степени в жатве и обмолоте.

2. Скотоводство

Несомненно, земледелие играет большую характеризующую и дифференцирующую роль в ХКТ и их территориальных реализациях — хозяйственно-

культурных ареалах. Эта ее роль во многом была даже определяющей, конституирующей облик ХКТ, его основные параметры. Однако, как мы видели в начале нашего изложения, скотоводство также являлось формообразующим элементом ХКТ. Мы уже останавливались на вопросе о соотношении земледелия и скотоводства (как элемента) в аспекте его влияния, конструирующего воздействия на сложение облика ХКТ.

Теперь же попытаемся, рассмотрев отдельные особенности (свойства, признаки) собственно скотоводства, выяснить их значение в сложении ХКТ, формировании его особенностей, его индивидуальной структуры, "лица", облика.

В первую очередь необходимо, по-видимому, определить для себя, каким было скотоводство (содержание животных) в Дагестане, было-ли это культурное животноводство, экстенсивное полустихийное содержание скота, интенсивное скотоводство и т.п. В литературе формулировались признаки, по которым содержание домашних животных можно считать организованным пастушеским содержанием.

В обобщенной форме эти признаки-условия сформулированы К.Фордом. Вот его перечень: 1) потребление держателями скота мяса, особенно крови, употребление шкур в такой степени, что это стало для них привычкой; 2) употребление волос и шерсти как текстиля или войлока; 3) доение самок — источник пищи, который делает ненужным убой; 4) переработка молока в молочные продукты, которые могут храниться значительный период; 5) использование животных для ноши или тяги; 6) езда на животных. Далее К.Форд заключает, что несмотря на кажущуюся самоочевидность перечисленных признаков-условий культурного животноводства, существует множество скотоводов-держателей скота, которые "совершенно не подозревают о части или всех из них, исключая только первое". (611, с. 401).

Дагестанское скотоводство характеризовалось всеми этими признаками, следовательно, это было именно организованное культурное животноводство, имевшее длительные богатые традиции содержания домашних животных. В то же время в реализации этих условий-признаков в скотоводстве народов Дагестана были такие особенности, которые исключали его носителей из числа "чистых" или преимущественных скотоводов. В их числе можно назвать — отсутствие потребления крови животных в сыром (да и обработанном) виде, отсутствие безубойного, так называемого "любительского" или престижного скотоводства, получившего название "скотоводства малокультурных народов" (367, с. 4, 6-10, 24), обязательное сочетание скотоводства с земледелием, переходящее местами в органический симбиоз с ним, большая роль скота вообще в хозяйстве, в транспорте и т.п. Для равнинного хозяйственно-культурного ареала можно еще добавить соподчиненность скотоводства с земледелием, большую транспортную роль животных, меньшую степень использования неосновного сырья — шкур и др. Все это позволяет считать дагестанское скотоводство культурным, относящимся к гибридной (с земледелием) экономике, имеющим многовековую скотоводческо-земледельческую культурную традицию.

1) *Формы скотоводства*

Что касается формообразующих, дифференцирующих компонентов скотоводства, думается, что главным компонентом в этом отношении являются формы скотоводства (ФС). Представляя собой совокупность действий владельцев скота по обеспечению наиболее благоприятных условий содержания и воспроизводства стада в разные времена (сезоны) года, с учетом сезонных изменений и возможностей выпаса и заготовки кормов в зональных угодьях округа и края, ФС в наибольшей степени из всех компонентов скотоводства отражают в себе особенности экологии, условия хозяйствования, взаимоотношения скотоводства с земледелием, этнографические параметры образа жизни. В специальной работе мы выделили три группы ФС: стационарные, подвижные, кочевые (440, с. 83-84). Как уже упоминалось такое разделение вызывало возражения отдельных исследователей (Б.В. Андрианов, В.М. Шамиладзе и др.), по-видимому, не без оснований.

Поскольку основное несогласие оппонентов (и соответственно, слабое место классификации) заключалось во включении отгонных скотоводов (у которых уходят со скотом на отдаленные пастбища только пастухи) в группу подвижных скотоводов, мы в последующем сделали предварительную компромиссную попытку устранить эту непоследовательность и предложили разделить отгонных и подвижных скотоводов. В результате получается четыре группы ФС: стационарные, отгонные, подвижные, кочевые (437, с. 46). Последних (кочевников) как указывалось выше, мы в работе не рассматриваем. Что касается остальных групп и отдельных форм, входящих в них, то, как и в отношении систем земледелия, следует отметить почти повсеместное наличие каждой из них. Это выгонная, стойловая и хуторская (выгонный хутор, пастбищный, яйлажный) формы — стационарные; яйлажная (подвиды — отгон овец, отгон КРС (дойных коров), отгон других категорий КРС — быки, телки, бычки и до.), кышлажная (подвиды осенне-зимний отгон, весенний отгон), долинная, шалашная — отгонные; кышлажная, с частичным отходом населения (подвиды — отгон овец, отгон КРС) — подвижные.

Коренной вопрос бытования ФС — характер и достаток кормовых угодий (на выпас и заготовку) и соотношение скотоводства с земледелием.

В этом плане, хотя почти все ФС распространены повсюду, имеются определенные возможности дифференциации, правда, в основном по принципу преобладания, удельного веса, а не наличия или отсутствия. Вообще следует сказать, что в пределах такой небольшой историко-культурной (соответственно географической, политической) области как Дагестан, была маловероятна возможность какой-либо хозяйственной или культурной исключительности.

Положение было таким, что как хозяйственные формы, так и культурные компоненты, в том числе новшества, инновации сравнительно быстро становились

общерегionalным, общедагестанским достоянием. Дело было обычно не в том, что в каком-то районе не знали к примеру о преимуществах косы при сенокосении или буйвола при пахоте, а в том, что в каждой местности, каждом хозяйственно-культурном организме, начиная с его низших подразделений на уровне социальных суборганизмов (поселение, сельская община), постоянно работал (реагировал, срабатывал) механизм адаптивной избирательности, селективности, и то, что в данных природно-географических и хозяйственно-культурных условиях оказывалось реально неосуществимым, малоэффективным, труднодоступным, требующим чрезмерных расходов и т.п. не получало распространения, не вживалось в данную хозяйственно-культурную среду. Эти особенности селективного процесса естественно, ограничивали объективные возможности вживания диффузирующих элементов, порождая своеобразные ситуации известных, встречающихся, но мало бытующих, не характерных для данной местности хозяйственно-культурных феноменов. Варианты этих ситуаций были довольно множественны, укажем на некоторые из них. Бывало положение, когда элемент хозяйства (культуры) известен, более того существует порой даже в избытке, но из-за практической ненадобности не стал хозяйственно-культурным компонентом, так сказать "присутствуя отсутствует". Так было, например, с навозом на равнине — в избытке имевшемся, пропадавшем, но при господстве переложной системы не ставшем компонентом земледелия в качестве удобрения. Другой вариант: феномен известен, иногда встречается, но практически отсутствует и не задействован, ввиду абсолютной ненадобности и непрактичности). Таким был осел на равнине Дагестана. Другая, противоположная ситуация: феномен известен, обладает превосходными функциональными свойствами, но в местных природно-хозяйственных условиях его функциональные качества неприменимы, нецелесообразны, а иногда и само его бытование в данной местности практически неосуществимо (как, например, буйвол для горной части). Бывали и такие ситуации, когда хозяйственно-культурный феномен очень активно бытующий (и необходимый) в одной зоне, в соседней с ним абсолютно неизвестен и как-бы даже игнорируется местным населением (к примеру арба в высокогорье или косовидный серп на равнине).

Немалую роль в существовании определенных барьеров для хозяйственно-культурных диффузий играли и этнопсихологические и конфессиональные стереотипы. Так, например, осел на дагестанской равнине не только был практически мало полезен, даже в тех случаях, когда он мог бы быть полезен, он не допускался в местную хозяйственно-культурную среду из-за психологического неприятия, полного нигилизма по отношению к нему (возможно — наследие кочевничества — мог ли вечный наездник, сросшийся с лошастью, кентавр — плестись за ослом?). Другой пример: горцы высокогорья активно общались с населением Закавказья, уходили со скотом, на заработки, видели выгоды разведения свиней — но религиозные запреты воспрепятствовали заимствованию этого опыта соседей.

Возвращаясь к ФС, напомним о нашей преамбуле: бытование почти всех ФС

почти повсюду, но с разницей в удельном весе, бытовании. Например, в равнинном хозяйственно-культурном ареале безраздельно господствующими были выгонная и стойловая, образующие выгонно-стойловый тип скотоводческого хозяйства. Предпосылкой для этого послужил высокий уровень развития земледелия, интересы которого требовали соответственного развития скотоводства. Как уже упоминалось, землю нельзя пододвинуть для обработки, подвигаться к ней должен человек со своими орудиями и тягловой силой. Такую силу мог дать только КРС. В то же время этот вид скота отличается наименьшей подвижностью, неспособностью к дальним перегонам.

Другие ФС, бытовавшие на равнине, в частности хуторская, отчасти яйлажная (для овец) этой общей картины не меняли, а лишь дополняли ее (например, хуторская). Поэтому можно с достаточной уверенностью говорить о том, что для равнинного (вместе с нижним предгорьем) хозяйственно-культурного ареала господствующим типом скотоводства был выгонно-стойловый, являвшийся отражением симбиоза скотоводства с пашенным земледелием равнины. Как господствующий, преобладающий этот тип скотоводства может считаться дифференцирующим признаком равнинного ХКТ, и именно благодаря и этому данный ХКТ можно именовать ХКТ оседлых пашенных земледельцев-скотоводов.

Более сложной оказывается характеристика с этой точки зрения горного ареала. С одной стороны и здесь было развитое земледелие и соответственное стационарное скотоводство, но с другой — это и субрегион довольно развитого отгонного скотоводства. Правда, как отмечалось в литературе, овцеводство могло "великолепно ужиться с земледелием" (Г.Кларк и др.), но с условием, что степень подвижности не идет дальше отгонного характера. Поэтому определение "оседлые" в характеристике ХКТ здесь остается. Однако скотоводство в целом уже не является симбиозным с земледелием, поскольку существенная его часть (овцы составляли 42% условного (в переводе на КРС) поголовья всего скота — Табл. 1) была в той или иной мере связана с отгонным скотоводством. Учитывая равное развитие стационарного и отгонного скотоводства (формы выгонная, стойловая, яйлажная, кышлажная, хуторская), можно, по-видимому, к общей характеристике горного ХКТ — "оседлых пашенных земледельцев и скотоводов" добавить в скобках — стационарных и отгонных. Принципиальную характеристику горного ХКА это не меняет, но дифференцирует его, подчеркивает существенное отличие от равнинного ХКТ. Союз "и" также несет в этом определенную смысловую нагрузку, он отвергает симбиозность скотоводства с земледелием, подчеркивает большую его самостоятельность.

Более определенным являлся в этом отношении высокогорный ХКТ. Большой процент овцеводства (58% условного поголовья всего скота — Табл. 2), при меньших, чем в горной части, возможностях стационарного содержания, незначительность земледелия обусловили меньшую сопряженность скотоводства со стационарным хозяйством поселения, и соответственно большую его подвижность. Здесь большое место занимала кышлажная форма с частичным отходом населения, которая в

сочетании с яйлажной формой образовала трансюманс с отходом населения. Такой тип преобладал в 20 союзах обществ высокогорья из 43 (440, с. 86), что дает основания, учитывая масштабы скотоводства в этих союзах, считать подвижные формы скотоводства преобладающими. Соответственно, в характеристике ХКТ высокогорного субрегиона на первый план выдвигается скотоводство, а в нем его подвижные формы, что служит соответствующим четким дифференцирующим критерием для ХКТ.

Однако земледелие здесь, особенно как занятие, играло немалую роль, что должно было найти отражение в определении ХКТ: подвижных скотоводов и оседлых пашенных земледельцев.

Выше мы уже указывали, что в советской этнографической литературе этнографические параметры образа жизни в большой мере связываются со скотоводством, и именно с его формами. Поэтому будет полезным если мы остановимся на этом вопросе здесь, при рассмотрении форм скотоводства.

Образ жизни — один из важнейших вопросов при конструировании любого ХКТ, он характеризует степень стационарности или подвижности хозяйства (его отраслей) и населения, обусловленную, в свою очередь, наиболее существенными элементами хозяйства и культуры, а именно хозяйственной деятельностью, соотношением занятий и отраслей хозяйства, их трудоемкостью и степенью жизнеобеспечиваемости. Определенную роль в этом отношении играют тип земледелия, формы скотоводства, удельный вес земледелия, степень симбиозности обеих главных отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства, их относительные жизнеобеспечивающие возможности.

Наиболее бесспорным выглядит образ жизни населения равнинного хозяйственно-культурного ареала. Хозяйство здесь было земледельческим, с симбиотически связанным с ним, и в определенной степени подчиненным ему и в то же время обеспечивающим его нормальное функционирование скотоводством. Исходя из этих обстоятельств, равнинное хозяйство названо нами земледельческо-скотоводческим, а ХКТ — типом оседлых пашенных земледельцев-скотоводов аридной зоны умеренного пояса, подтип степей и лесостепей. Пашенное земледелие здесь было стационарным, никаких признаков подвижности, которая могла быть связана с особенностями земледелия, его системами (подсечно-огневой, переложно-целинной и т.п.) или скотоводства, его форм (от передвижения вслед (с) за отгоняемым на сезонные пастбище скотом) здесь не обнаруживается. Это настоящий "чистый" оседлый образ жизни. Ни отдельные, уходящие со скотом на сезонные пастбища контингенты населения, ни отдельные группы отходников не меняют характера этого хозяйства, быта населения и образа жизни, ибо определяющим, масштабно-преобладающим, жизнеобеспечивающим остается стационарное земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Земледельческое "кочевание" здесь проявляется лишь в смене перелогов в пределах присельских земель при абсолютной неподвижности самих хлеборобов;

скотоводческое же "кочевание" состояло лишь в уходе со скотом на яйлаги пастухов, в тех немногочисленных случаях, когда имел место яйлажный отгон.

Таким образом, и параметры образа жизни подтверждают определение ХКТ равнины и нижнего предгорья Дагестана как ХКТ оседлых земледельцев-скотоводов.

Насельники внутреннего горного Дагестана также были пашенными земледельцами, занимавшимися и скотоводством. Однако в отличие от равнины здесь не было подавляющего превосходства земледелия и соподчиненности с ним скотоводства. Скотоводство играет здесь местами решающую хозяйственную роль, и это сказывается и на образе жизни населения. Правда, земледельческая оседлость остается неизблемой, и это сказывалось на быте населения, его поселениях, жилище, всем хозяйственным и жизненном укладе. Но в отношении отраслей хозяйства отсутствует симбиотическая соподчиненность, большую роль играют формы скотоводства, не предусматривающие непосредственной связи с земледелием — отгонные формы. По-видимому, не будет большой ошибкой, если мы назовем этот ХКТ типом горных оседлых пашенных земледельцев и отгонных скотоводов умеренного пояса. Определение "отгонных" хотя и не изменяет принципиальной оценки образа жизни оседлых земледельцев, тем не менее характеризует самостоятельность скотоводства, отсутствие хозяйственной соподчиненности с земледелием, наличие определенного, хотя и небольшого контингента населения ведущего нестационарный "отгонный" образ жизни.

Имея в виду эти особенности соотношения земледелия и скотоводства, характеристика образа жизни (его этнографических параметров) населения высокогорья (как это было и с равнинным) представит меньшие трудности.

При рассмотрении отраслей хозяйства мы уже говорили о преобладании в высокогорье скотоводства, при наличии и пашенного земледелия.

Последнее исключало кочевое или полукочевое скотоводство и соответствующий образ жизни. Поскольку высокогорье характеризуется капитальными стационарными жилищами, башнями и поселениями, без малейшего намека на непостоянный их характер, оседлым организованным хозяйством и хозяйственным бытом, общественным, семейным бытом стационарного оседлого населения и т.п., постольку мы не можем говорить в отношении этого населения о кочевничестве или полукочевничестве. Но с другой стороны, мы видим преобладание скотоводства, отсутствие его производственно-хозяйственной связи с земледелием, большой удельный вес отгонного скотоводства, и, что особенно важно, существование частичного отхода населения, сопровождающего отгон скота. Это приводит к необходимости отразить в характеристике ХКТ подобный характер скотоводства.

Мы предлагаем называть такие отгонные формы и самих скотоводов подвижными, в отличие от стационарных и отгонных. И характеристика ХКТ будет выглядеть примерно так: оседлые подвижные скотоводы и земледельцы умеренного пояса, подтип высокогорный. Хотя определение "подвижные" звучит несколько

диссонансно при основной характеристике “оседлый”, мы все таки полагаем, что она наиболее близко отражает действительное положение вещей, оттеняя основную черту высокогорного скотоводства (и скотоводов), отличающую его от стационарного и отгонного, т.е. подвижность части населения, сопутствующую именно отгонному скотоводству.

2) Виды и категории скота

Другой феномен скотоводства, содержащий в себе потенциальные возможности дифференцирующих критериев — виды и категории скота, их распространение, соотношение и удельный вес.

Вопрос этот сродни рассмотренному выше о сельскохозяйственных культурах и ответ на него, принципиальное решение — тоже сходное: основные виды и категории — одни и те-же, но их соотношение варьируется, вплоть до зонально дифференцирующего хозяйственно-культурного значения. Основные виды скота (домашних животных) были одни для всех зон — КРС, овцы, лошади, ослы, но степень их бытования довольно сильно различалась. Например, мы уже говорили выше в связи с вопросом о отраслях хозяйства, что особенностью равнины было не просто преобладание КРС, но и то обстоятельство, что внутри вида здесь очень большое место занимал рабочий скот. Имея всего 21% от всего условного поголовья скота региона, равнина располагала 29% КРС (при 63% пахотных угодий и 65% сенокосов). При подсчете по округам: при 38% всего условного поголовья — 49% КРС (81 — пахотных угодий и 71 — сенокосных) Табл. 1, 2. Эти данные позволяют считать, что в полном соответствии с развитым сельскохозяйственным хозяйством (господствующим в экономике) равнинное скотоводство в видовом отношении характеризовалось преобладающим содержанием КРС и внутри вида — рабочего скота.

В связи с особой ролью рабочего скота находится и вопрос о специфическом виде КРС — буйволах. Этот вопрос мы также достаточно подробно рассматривали при описании соотношения основных отраслей хозяйства. Уже тогда мы убедились в особых, как бы избирательно сельскохозяйственных качествах буйвола, особенно в поливном земледелии. И физико-биологически и функционально-механически они наиболее подходили и были нужны именно в равнинном хозяйстве. Их сила, намного превышающая силу вола, была как раз впору для тяжелого плуга, топких орошаемых земель, вновь осваиваемых целинных земель лесостепей, задернованных залежей. Очевидно, что не всегда возможно собрать 8 волов для таких работ, так же как ясно, что соединить воедино их 8 сил при больших тяговых напряжениях бывает очень трудно, т.к. сбой, слабинка даже одного из них сбивает такт, синхронность усилий (например, при крепком корне, или особо топком месте) и приходится заново налаживать упряжку, восстанавливать нарушенный ритм совместных тяговых усилий. Между тем те же трудовые операции при 6 и даже 4-х буйволах могут быть проведены

с большим успехом и меньших хлопотах и усилиях. К тому же буйволы лучше переносят равнинный зной, влажность, устойчивы к кровососущим (кожа буйвола толще, пористее).

Казалось бы, идеальный образец рабочего животного. Однако достоинства буйвола объективно существуют и могут реализоваться только в условиях равнины. Буйвол не переносит холода, не может ходить по мерзлой земле, нуждается в большом количестве корма, причем сельскохозяйственного по происхождению (т.е. самане, соломе), т.к. не переносит сена (только в смеси с саманом или соломой). Помимо этого, в горной части он и функционально был бы не очень выгоден, т.к. для рала его могучая тяговая сила ни к чему, дорог для больших арб с тяжелым грузом (больше тонны) там не было, так же как не могло быть больших запасов сельскохозяйственного фуража.

Разрешающие и исключаящие условия и особенности для природно-географического и хозяйственно-культурного районирования буйвола очень четки и определены, поэтому относительно его отнесения к тому или иному ХКТ особых сомнений не возникает. Буйвол — исключительно низменное животное, он и существовать может только здесь и работать приспособлен только здесь, и необходимость в нем более насущна только здесь. Следовательно, можно считать, что буйвол является дифференцирующим признаком — критерием равнинного ХКА. Ни в горной, ни тем более в высокогорной зонах его не было. Правда, в отдельных долинных селениях пытались их завести, и то только молочных, в рабочих же целях они здесь были абсолютно непригодны, да и не нужны.

Горная зона и ХКА в полном соответствии с соотношением основных отраслей (земледелия и скотоводства) и ФС обнаруживает определенное равновесие видов и внутри них — категорий скота. Здесь достаточно велик процент КРС — 43% от региона (при 40 по всем видам скота от региона), но значителен и процент овец — 36% — но при 48% хозяйств региона и 30% пахотных угодий — Табл. 1.

Поэтому о горной зоне нельзя сказать что-либо определенное относительно преобладания основных видов скота, или их категорий. Однако об одном виде скота здесь уместно сказать — это осел.

Как уже упоминалось, на равнине этот вид скота был совершенно не распространен из-за практической нецелесообразности и психологического его неприятия. И анекдот о жителе равнинного Кайтага, попросившем для себя в гостях у горца посуду, к которой не прикасался осел, для чего горцу потребовалось снять со стены парадную фарфоровую миску — тоже отражение вполне реального, бытовавшего явления.

Предпосылкой широкого распространения осла в горной части, его большой хозяйственной роли было несколько и они были разнородны. Одна из первых — это рельеф и отсутствие дорог, что делало необходимым применение вьючных перевозок. Однако для вьючных перевозок была хороша и горская лошадь, и особенно мул, однако именно в горной зоне их меньше всего. Следовательно, большое значение

имел и достаток качественного корма, особенно сена, которого было очень мало в горной зоне (0,3 дес. на одно хозяйство, при 1,8 дес. на равнине и 0,6 дес. в регионе — Табл. 1, 2).

Выгоден был осел при террасном земледелии, в экономно распланированных горно-долинных садах, где было мало места для широких троп и дорог.

Все эти предпосылки и обстоятельства обусловили преобладание осла в транспортных перевозках горной части. Для иллюстрации этого положения выберем поселения, которые имели в XIX в. наибольшее количество ослов.

Это села Мехельта (740 ослов при 607 хозяйствах), Гергебиль (575 ослов и 314 хозяйств), Ругуджа (500 и 491 соответственно), Хаджалмахи (500 при 574 хозяйствах), Чох (489 при 313), Чирката (460 при 164), Корода (430 при 372), Ботлих (414 при 277), Кудали (410 при 216) и Мурада (361 при 318 хозяйствах) (20, с. 134-137, 148-149; 19, с. 34-37) и т.д. Почти все эти, да и другие селения с большим количеством ослов относятся к горной зоне, или к долинам гор и высокогорий. Два союза обществ, имевших наивысший по Дагестану показатель по количеству ослов на одно хозяйство — Хунзах (1,5 головы на хозяйство) и Гумбет (1,4 головы на хозяйство) — Табл. 2, сочетали горно земледелие с долинным садоводством и развитым овцеводством.

И все таки предпосылки и причины развитости содержания ослов в том или ином районе не всегда однозначны, а порой и не вполне ясны. Например, в союзах обществ Цудахар и Сирха был один показатель содержания ослов (0,6 на хозяйство), но в Цудахаре было долинное садоводство с развитым овцеводством, слабая кормовая база — очень мало сена (0,03 дес. на хозяйство), а в Сирха слабое земледелие, неразвитое овцеводство, большой удельный вес мясного (и мясо-молочного) КРС, совершенно нет садов, мало террас, сравнительно неплохая кормообеспеченность — много пастбищных гор, а сена в 10 раз больше (на одно хозяйство) чем у цудахарцев — Табл. 2. Единственным объединяющим признаком для них служит только бездорожье. В целом в горной зоне было 58% ослов области, в высокогорной — 40. — Табл. 1.

Соответственно осел может считаться бесспорным признаком горного и высокогорного хозяйственно-культурных ареалов, причем горного с большей степенью четкости, характерности (“признаковости”).

3. Заготовка сена

Прежде чем заканчивать описание элементов скотоводства, формирующих облик ХКТ, дифференцирующих хозяйственно-культурные особенности выделенных ХКТ, следует, по-видимому, остановиться еще на одном виде сельскохозяйственного цикла, близком как к скотоводству, так и к земледелию — сенокосении, или заготовке сена. Многие исследователи относят его к сельскохозяйственному циклу, и этому имеются

основания. Одно из них заключается в том, что заготовка корма означает качественный скачок в скотоводстве, переход к более интенсивным формам, его стационаризацию. Сенокосение становится фактически частью сельскохозяйственного цикла, а сено составной частью всей совокупности кормов, значительную часть которых дает сельскохозяйственное хозяйство. Помимо этого сенокос — не пастбище, это угодье, подвергающееся обработке в той или иной степени, а орудия, применяемые в сенокосении, по меньшей мере часть из них, несомненно сельскохозяйственно-производственного происхождения (например, серп).

Однако имеются отдельные моменты, побуждающие отнести заготовку сена к скотоводству, и главный из них заключается в том, что целевое назначение этой операции чисто скотоводческое, и имеет в виду интересы прежде всего скотоводческого хозяйства, независимо от того сочетается оно с сельскохозяйственным или нет. Другое дело, что в любом стационарном хозяйстве, даже в таком, стационаризация которого связана не с земледелием, есть земледелие и заготовка сена неизбежно переплетается с сельскохозяйственным циклом. И это возможно и в тех случаях, когда сельскохозяйственное хозяйство ничтожно, а заготовка сена производится в больших масштабах.

В дагестанской историко-культурной области заготовке сена придавалось первостепенное значение. Независимо от зоны, состояния земледелия и скотоводства, достатка сенокосных угодий и т.п. сенокос всегда важна, необходима и проводится с большим тщанием, с большими трудовыми затратами.

Особенностью сенокоса в Дагестане было то, что почти везде, за исключением некоторых равнинных районов, заготовка не была нормирована — заготавливали столько, сколько были в состоянии. Это объяснялось свойственным для Дагестана недостатком сенокосных угодий, вызванным засушливым климатом и сильно изрезанным скалистым рельефом.

Дагестан занимал последнее место на Северном Кавказе по обеспеченности сенокосными угодьями. Не случайно в экономическом обзоре области 1891 г. было подчеркнуто, что “Дагестан беден в особенности сенокосными местами” (221, с. 151). Если в Дагестане было 0,56 дес. сенокосов на один двор (в горной части и того меньше — 0,3 дес.), то в горной Ингушетии этот показатель равнялся 1,2 дес., в горных обществах Кабарды и Северной Осетии — 1,4 дес., в Нагорной Чечне — 1,7 дес. (Табл. 1; 383, с. 85).

Равнинный хозяйственно-культурный ареал в значительной степени выпадал из этой общей картины. Сенокосных угодий здесь было в несколько раз больше чем в горной части (1,8 дес. на хозяйство, в горной — 0,3). Далее, главным орудием сенокосения здесь была коса, а основным и единственным функционером — косарем — мужчина. Механика (технология) работы косой такова, что женщине физиологически трудно ею работать, поэтому у всех народов в любых экологических условиях коса была мужским орудием труда (исключая, разумеется, примеры

вынужденного прибегания женщин к работе с косой по разным обстоятельствам).

Привозили сено с полей домой также мужчины. Лишь в ворошении и сборе сена могла принять участие и женщина, да и то не всегда (когда мало мужчин в семье, если участок близок к дому, если сложились неблагоприятные обстоятельства и надо ускорить высушивание сена и т.п.).

Таким образом, равнинная сенозаготовка имела довольно четкие дифференцирующие критерии (господство косы и неучастие женщины), которые можно считать признаками равнинного хозяйственно-культурного ареала.

Как и в ряде других случаев, положение с этим элементом в горной части было более сложным и противоречивым. Коса в горной зоне была так же известна, как в равнинной. Ни в коем случае нельзя допустить, что коса распространилась в нагорье позднее, что она была заимствована из равнинной части. О том, что это не так свидетельствуют и самобытные наименования косы у горцев (чаг, чоги — авар., къялкъи — дарг. и др.), и особенно сама коса, несомненно местная, горская, двухпозиционная, позволявшая работать с замахом и справа-налево и слева-направо, почти очевидно, что это — особенность именно горской косы, дающая преимущество в условиях неровного, крутого рельефа сенокосных угодий.

Что особенно важно, именно такая коса была и на равнине, и при такой специфической приспособленности, незаменимой на неровных горных сенокосах и ненадобной на равнинных, напрашивается вывод, что эта коса зародилась не на равнине. Другой факт — русская фабричная коса легко вытеснила местную косу на равнине, но не в горах, где она бытует и сейчас.

Следовательно, нельзя предполагать что слабая распространенность косы в горах — результат незнакомства с нею, позднего появления, заимствования.

Механизм районированности косы носил во многом экологический и хозяйственный характер, иногда в этом играли роль и культурно-бытовые традиции. Так, например, в союзе обществ Гидатль, характеризовавшемся развитым земледельческо-скотоводческим хозяйством косы все таки не было, как и в соседнем высокогорном скотоводческом союзе Келеб. В данном случае, думается, сыграли роль устоявшиеся традиции уборки сена женскими косовидными серпами. Это подтверждается и тем, что буквально в соседних союзах тех же горных аварцев и даргинцев коса была, причем местами даже на первых ролях (ПМ 76, с. 37, 45, 66; ПМ 75, с. 15; ПМ 61-62, с. 17, 30; ПМ 73, с. 84 и др.). Часто коса уживалась рядом с косовидным серпом, например, в горнодолинных селениях, центральной Аварии, у даргинцев, лакцев (ПМ 76, с. 84; ПМ 77, с. 66, 69, 71, 97).

В большей степени удастся проследить связь слабой распространенности косы с рельефными особенностями сенокосных угодий, чем со слабой развитостью земледельческого хозяйства. Очень наглядно иллюстрирует это пример вышеназванного Гидатля и высокогорных агулов, у которых в уборке сена преобладала коса (ПМ 78, с. 148, 149, 152; ПМ 77, с. 29).

Большое распространение в уборке сена во внутреннем горном Дагестане имел косовидный серп. Это женское орудие, напоминающее небольшую косу (его называют и одноручной косой, женской косой), сочетающее технологию работы серпа и косы. Работая им как серпом, согнувшись, женщины на более ровных участках при густой траве делают неполные замахи, как при работе с косой, что намного повышает производительность.

Косовидный серп был главным орудием в части даргинских обществ, в частности у сюргинцев и цудахарцев, высокогорном союзе союзов Антль-Ратле, у части лезгин, рутульцев, северных агулов и др. (ПМ 78, с. 224, 226).

В сенокосении применялся и круглый серп, например, у цахуров, южных агулов, самурских лезгин (ПМ 79, с. 136, 138, 142, 146, 154).

В районировании косы, косовидного серпа и отчасти круглого серпа в сенокосении нам не удалось провести каких-либо этнических разграничений. Например, часть агулов знает косовидный серп, часть — нет; в данном случае, правда, мог быть и случай заимствования его северными агулами у лакцев и даргинцев. Но внутри этносов аварцев, лакцев, даргинцев в их распространении не просматривается субэтнических (внутриэтнических) дифференцирующих закономерностей. И эколого-хозяйственные соотношения просматриваются не всегда. Если для густых сенокосов сюргинцев косовидный серп вполне подходящ, производителен, то для цудахарских редкотравий он не самое, по-видимому, подходящее орудие.

В целом, относительно орудий сенокосения в горном и высокогорном ареалах придется отметить преобладание женского труда и косовидного серпа над косой и мужским трудом. Если же присовокупить к этому и подвоз сена к месту его потребления, то преобладание здесь женского труда в заготовке кормов станет подавляющим. Это, собственно, и не было "подвозом". Женщина несла сено на себе, иногда на довольно большие расстояния — до 5 км. За день работы она убирала 3-5 выюков для ослов и не уступающую им вязанку для себя, которую несла наравне с ними. Так выглядит это в описании современника, местного жителя: "Женщина во время кошения не иначе возвращается домой, как с порядочною ношею на спине... можно видеть целый караван навьюченных сеном женщин, идущих с поля медленно, согнувшись под тяжестью выюков, так что головы свои они держат наравне с коленками" (432, 4, с. 9, 22). Имея в виду этот и другие подобные факты хозяйственной жизни горцев, наблюдатели допускали порой известные "литературные" преувеличения в описании полового разделения труда, на чем целесообразно остановиться специально.

4. Половое разделение труда

Следует признать, что господствовавшая в литературе оценка, что на Кавказе, и особенно в Дагестане "все тяжкие домашние работы лежат на женщине" (428, с. 391)

являлась в общем-то справедливой. Однако дальше уже начинаются "несправедливости". Вместо того, чтобы выяснить природу (основу) такого неравного разделения труда, дело сводили к тому, что "женщины исполняют все работы" потому, что мужчины праздны и ленивы (479, с. 66; 504, с. 291).

Эти авторы не захотели (или не смогли) разобраться в социальных корнях этого явления, решая его на уровне сентенциозного морализаторства. Между тем вопрос решается на основе теоретических положений о общине.

В XIX в. общественный строй Дагестана оценивается исследователями как патриархально-феодалный (560, с. 126-134); в нем были сильны еще элементы патриархального и в частности военного быта, представляющего собой реликтовый осколок более раннего времени, когда, по известному определению К. Маркса община была "организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация" (5, с. 465). Поэтому, по образному выражению поэта, мужчина вынужден был постоянно держать в руках оружие (а следовательно, уметь обращаться с ним и соответственно упражняться), что естественно, ограничивало возможности трудовой деятельности. Можно вспомнить в связи с этим казаков, у которых военная служба была постоянным непрерывным занятием ("казаку приходилось быть в постоянной боевой готовности, и он не расставался с оружием даже во время работы" (342, с. 57), что также привело к ошутимому "перекосу" в половом разделении труда. Правда, после присоединения к России этот фактор утратил силу, но мужчина по инерции (по адату) избегал "женского" труда и превратился в завсегдагая годекана, так часто отмечаемого современниками.

Имеется в литературе и иное объяснение этого феномена. В. М. Шамиладзе и Ю. И. Мкртумян полагают, что в его основе лежит перегонное скотоводство (трансюманс), в котором женщина, как известно, не принимала участия, по причине чего она становится "ведущей силой в горном хозяйстве и наряду со скотоводством была занята и полеводством" (589, с. 244-245; 405, с. 27-28). Нам представляется, что фактор перегонного скотоводства в этом деле преувеличен. Ведь согласно классификации ФС, в том числе и у названных авторов, в отгонном скотоводстве участвуют только пастухи, а основная часть населения, в том числе мужского, включая владельцев скота, остается в селении. Следовательно, занятость с отгоняемым скотом может быть одним из факторов специфики разделения труда, но не решающим, менее значащим, чем фактор отражения в нем былых традиций военного быта.

В подобном дополнительном значении можно было бы рассматривать и отходничество горцев на равнину, которое, являясь фактически определенным исправлением неравномерного зонального распределения рабочей силы одновременно способствовало известному перекосу в половом разделении сельскохозяйственного труда в самой горной части.

Во всяком случае, независимо от корней происхождения, этот перекос в горном и высокогорном ареалах имел место, в отличие от равнинной части, и поэтому

может считаться признаком обоих ХКТ.

Надо здесь подчеркнуть, что дело было, конечно, не в том, что горцы были ленивы и деспотичны, а равнинные жители трудолюбивы и справедливы по отношению к женщине. Дело не в жителях, не в их этнических различиях или стереотипах, а в самих экологических и хозяйственных обстоятельствах.

Во-первых, следует, по-видимому, учитывать, что равнинное земледельческо-скотоводческое хозяйство, ставшее со времени становления плужного земледелия мужским делом, было более масштабным и трудоемким, чем горное. Ведь в среднем количество обрабатываемых угодий на равнине было выше в пересчете на одно хозяйство, чем в горной части в 5-6 раз, чем в высокогорной — в 7-8 раз. Далее — работа косой физиологически мужская работа, а сенокосов тоже на равнине было в 4-5 раз больше чем в нагорье.

Очень существенный момент — перевозка грузов. Грузы на себе мужчины не носили и на равнине, но здесь был (объективно возможен) развитой колесный транспорт — тоже традиционно мужское дело — и он решал проблемы доставки и сена, и снопов, и дров, и урожая плодов, и удобрений, и других грузов.

Во-вторых, на равнине, где в общем уровень социально-экономического развития был выше чем в нагорье, меньше сохранились традиции военного быта, поголовная вооруженность мужчин, что высвобождало руки для хозяйствования. Здесь сами феодалы не были заинтересованы в том, чтобы все крестьяне были вооружены и способны защитить себя.

В-третьих, феодальный быт и связанное с ним положение женщины, и в частности ее затворничество, пустили на равнине глубокие корни, и это проявилось не только в феодальной и околофеодальной среде, но и среди крестьянства. Русский священник Н. В. Котляревский, проведший в Дагестане более 30 лет, указав на затворничество женщин в ханских семьях, затем добавляет: "Простой же люд в горах живет без арабских этикетов: жены его и девицы ходят без чадры и на базары и открыто работают в поле, даже езжали в гости к моему семейству" (306, с. 185). Впрочем здесь закономерность обоюдная: меньшая хозяйственная загруженность вне дома способствовала затворничеству, а оно, в свою очередь, оказало воздействие на постепенный отрыв женщины от внесудебных хозяйственных функций (например, в заготовке сена, прополке, в том числе мотыжении пропашных культур, которое еще со времен мотыжного земледелия осталось женским делом, особенно в горной части).

Нужно учитывать и такой бытовой психологический стереотип. Если в хозяйстве мужской труд, мужчина, муж, те отрасли хозяйства, которыми он занимается, обеспечивают удовлетворение потребностей семьи в материальных благах, а также ее воспроизводство, то женский труд, его хозяйственное, жизнеобеспечивающее значение отходили на задний план, теряли свою весомость, свое место и роль.

Равнинное земледельческое “мужское” хозяйство было именно таким, чего нельзя было сказать о горном.

Следовательно, феномен разделения труда довольно четко отделял равнинный ХКТ — с одной стороны, и горный и высокогорный — с другой.

Если мы несколько конкретнее остановимся на половом разделении труда, мы сможем убедиться в правильности такого утверждения. Мужскими работами считались и в горах и на равнине — вспашка, сев, полив, косьба, снятие урожая с деревьев, уход за деревьями, работа со скотом и упряжью, уход за скотом вне дома, выпас всех видов скота, изготовление орудий труда, оружия и вообще всякой металлической и деревянной утвари, уход на чужбину для обмена, для заработков (отходничество) и др.

Женскими были: прополка и мотыжение (культивация), уход за скотом (и птицей) дома, сбор фруктов под деревьями, заготовка впрок продуктов, приготовление пищи, поддержание порядка в доме, тканье, изготовление одежды, приготовление кизяка, обеспечение семьи водой, чистка, стирка, уборка и пр.

Общими были: уборка хлеба, сена (мужчина косой, женщины косовидным серпом); доставка сена (мужчина на транспорте — осел, арба, дровни, волокуша, женщина — на себе), молотьба, заготовка дров (сходить в лес, срубить дерево в саду — мужчина, наломать веток, собрать валежник — женщина) (184, с. 26-27).

Нетрудно заметить, что для постороннего наблюдателя, незнакомого с хозяйственной жизнью горцев, такое разделение включает в себе возможность определенной абстракции — видя постоянно хлопочущую целыми днями занятую женщину, он делал вывод о праздности мужчин, тем более, что видел немалое число их без дела сидящими на годекане. Но сидящий на годекане мог только что прийти с поля, с пастбища, а муж той самой хлопотуньи, возможно, проливал семь потов на нивах равнины, чтобы привезти домой несколько мер хлеба.

С другой стороны, этот перечень наглядно показывает корни сложившегося перекоса в половом разделении труда. Такие работы земледельческого цикла как вспашка, боронование, сев, полив, транспортировка, уход за рабочим скотом и др. были на равнине намного более масштабны чем в горах, поэтому равнинный земледелец-скотовод был полностью загружен сельскохозяйственными работами. Иными словами, его “мужская” часть полевых работ намного перевешивала женскую объективно, независимо от традиций семейного быта и отношений. Женщин — пахарей не было, не могло быть, а пахарь объективно был главной фигурой и в хозяйстве, и в экономике, и в быту. Не случайно обращалось внимание на известную самостоятельность, наличие больших прав во всех сферах хозяйства и быта у горянки, по сравнению с женщиной равнины.

Поэтому водораздел смещения (перекоса) полового разделения труда пролегает не между “горцем” и “равнинником”, аварцем (даргинцем, лакцем) и кумыком (вспомним: были лезгины, табасаранцы и горцы и жители равнины), а между

хозяйством равнины и нагорья, между уровнем социального развития (большей сохранностью в горах отголосков былого военного быта). Различия в соотношении занятий и удельного веса разных отраслей, их масштабности и трудоемкости, вызывают при имеющихся определенных сложившихся традициях полового разделения труда разную степень занятости, загруженности мужчин и женщин хозяйственными работами.

Это послужило основанием того положения, что феномен полового разделения труда послужил четким дифференцирующим признаком-критерием, разделявшим равнинный ХКА — с одной стороны, горный и высокогорный — с другой.

Таким образом скотоводческая отрасль хозяйства также включает немало компонентов, которые обнаруживают дифференцирующие возможности. Мы видели, что одним из самых важных из них являлись ФС.

Последние, хотя и не разделены четко по зонам, однако разделяются по степени их распространенности и удельному весу в разных зонах (хозяйственно-культурных ареалах), тем самым способствуя завершенности (последовательности) хозяйственно-культурного районирования. Равнинному ХКА оказались свойственными (“признаковыми”) стационарные ФС, образующие выгонно-стойловый скотоводческий тип; горному — отгонные (преимущественно тип трансюманс); высокогорному — подвижные, с главным типом — трансюмансом с частичным отходом населения.

В видах и категориях скота также выявлены дифференцирующие реалии. Равнинный ХКА характеризуют высокий удельный вес КРС и особенно рабочего скота, специфический вид скота — буйволы.

В горной части в качестве признакообразующего вида животных выступает осел, в высокогорной — преобладание овец. В сенозаготовке равнинный ХКТ выделяется употреблением для уборки только косы и слабым участием женщин. В горном и высокогорном, напротив, преобладает уборка косовидным серпом, женщинами. В связи с последним возникает и проблема полового разделения труда — в наименьшей степени заняты хозяйственными работами женщины на равнине, в наибольшей — в высокогорье, поменьше — в горной зоне.

3. Домашние промыслы и отходничество

Важным элементом хозяйства, его отраслью, особенно в горной части Дагестана, являлись промыслы и отходничество. Особенность дагестанских промыслов заключалась в их большом удельном весе и соответственно типологизирующих и дифференцирующих свойствах по отдельным зонам.

Естественно, что состояние промыслов и отходничества, их масштабы, удельный вес в хозяйстве во многом определялись главными отраслями — земледелием и скотоводством, их состоянием и жизнеобеспечивающими возможностями. Дагестан

известен исстари развитыми промыслами, в том числе художественными, высокоразвитыми, характеризующимися большой трудоемкостью — ясно, что в данном случае крестьянин затрачивал излишки трудовых ресурсов, не поглощенных маломасштабными основными отраслями, — с целью восполнить недостаток жизненных средств, недополученных от земледелия и скотоводства. Однако сложение промыслов, предпосылки их бытования и функционирования обусловлены также еще одной предпосылкой — наличием, как указывал К.Маркс, “расхождения между периодом производства и рабочим периодом”, которое “образует естественную основу для соединения земледелия с сельскими подсобными промыслами”, что более характерно для областей (районов) с суровыми экологическими условиями (3, с. 242). Побудительными же обстоятельствами при этом могут быть как собственные потребности в продукции промыслов, так и необходимость в восполнении недостатка в продуктах за счет продукции промыслов. Отметим, при этом, что первое обстоятельство срабатывает далеко не всегда, если собственное продукто-производящее хозяйство масштабно, полностью поглощает трудовые ресурсы, в состоянии дать дополнительный продукт для обмена, при условии наличия сложившейся зональной хозяйственной специализации (или районированности ее). Именно таким, можно считать, было положение на равнине Дагестана в XIX в. Земледельческо-скотоводческое хозяйство равнины, во-первых, практически полностью занимало имеющиеся ресурсы рабочей силы; во-вторых, обеспечивало население основными продуктами питания — хлебом, и в количестве достаточном не только для собственного потребления, но и для обмена на животноводческие продукты и другие необходимые предметы — орудия труда, шерсть, ткани, оружие, украшения, фрукты и т.п.

Здесь, на равнине, нерабочий период был короток, занятость земледельческо-скотоводческим хозяйством была не только масштабна, но почти непрерывна. Все это послужило причиной того, что промыслы здесь не получили развития, были незначительны, так же как и отходничество, которое здесь почти отсутствовало.

Разумеется, беднота была и на равнине, социальное расслоение, неравенство здесь были даже более отчетливо выраженными, рельефными, но возникавший вследствие этого рынок (излишек) рабочей силы поглощался на месте, для него не было выхода в более богатые работой и доходом места. Лишь в пореформенный период, особенно в ходе и после завершения строительства Петровской линии Владикавказской железной дороги (1893-1897), а также широкого развития рыбных промыслов в Прикаспии, на равнине появились настоящие отходники, но корни этого отходничества были уже другие, связанные с развитием товарно-денежных и капиталистических отношений. Докапиталистическое же отходничество имело эколого-хозяйственное происхождение, сложившееся в результате особенностей (и возможностей) продукто-производящего хозяйства в разных зонах, с учетом демографического “давления”.

Домашние промыслы же были несколько иного происхождения, и поэтому имели, конечно, определенное распространение и на равнине. Можно даже сказать, что здесь были представлены почти все виды промыслов дагестанцев, но все они, хотя и отличались высоким качеством продукции, носили в основном потребительский характер. Достаточно сказать, что не было ни одного промыслового изделия равнины, которое имело бы общedaгестанское обменное значение и хождение, как горная керамическая посуда, оружие, орудия, бурки и пр. Причем, в отличие от горной зоны, промысел здесь исключительно женский, именно они, преимущественно оторванные от главного производства (земледелия), занимались домашним хозяйством и разными промысловыми (для собственных нужд) работами.

Наиболее известными промыслами здесь были: производство прославившихся каякентских ковров “дум”; вышивки серебром и золотом, особенно у засулакских кумыков; производство узорных войлочных ковров, меховых и обувных изделий, особенно женских; шелковых тканей; изготовление сельскохозяйственных орудий (плуг, молотильная доска) и транспортных средств (арба, волокуша, сани-дровни) и предметов и утвари домашнего быта (подносы, корыта и пр.). Но, повторяем, равнинные промыслы работали главным образом “на себя”, для своих потребностей, и продукция промыслов не служила для них такой важной статьей обмена и дохода как в горной части. Приведем некоторые цифры: из 11696 человек — самостоятельных кустарей-ремесленников на хлебный Кайтаго-Табасаранский округ приходилось 743 человека, Темир-Хан-Шуринский — 238 и Кюринский — 67 (22, за 1897, с. 37); т.е. всего 1048 человек — 8% от общего числа. В отходничестве же, на эти три округа приходилось 11883 чел. из 54996 (22, за 1897, с. 35), т.е. 21% от общего числа. В 1909 г. кустари в этих округах составили уже 5422 чел. из 23957 (22, за 1909, с. 42, табл. 7), т.е. 22%, иллюстрируя рост побочных занятий на равнине в начале XX века. В гораздо меньшей степени выросло здесь отходничество — до 14840 человек (вместо 11883), причем процент их даже понизился — ввиду более быстрого роста отходничества в горной части. Конечно, рост этот происходил за счет капиталистического по характеру отхода — на железную дорогу, нефтяные и рыбные промыслы и т.п., но нельзя не отметить и того, что рост отходничества не очень значителен, а по удельному весу по отношению ко всему Дагестану даже уменьшился, что свидетельствует о росте на месте кулацкого капиталистического хозяйства, поглощавшего большую часть местного рынка рабочей силы и производившего продукцию на товарный рынок.

Сказанное о народных промыслах равнинного хозяйственно-культурного ареала позволяет сделать вывод что промыслы здесь вплоть до конца XIX в. были именно “домашними”, потребительскими, и не составляли одну из статей жизненного дохода, как это было в нагорной части. В еще большей степени это можно сказать и об отходничестве. Особенностью промыслов и отходничества равнины был также их более ярко выраженный социальный характер.

Если в горной части промысел и отход на заработки свойственны почти всем слоям населения, исключая только самую верхнюю зажиточную верхушку, то на равнине промыслы и отходничество характерны больше для бедноты, для безземельных и малоземельных, бескотных крестьян (исключая разве, что "аристократические" промыслы, например, вышивание золотом), у остальных главное место, силы и время занимает основное земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Следовательно, и промыслы, и отходничество, в принципе распространенные на равнине, обнаруживают дифференцирующую возможность, могут служить признаком-критерием равнинного хозяйственно-культурного ареала, только в обратном смысле: слаборазвитости, нехарактерности.

Между тем фактор (или признак) промыслов в условиях Дагестана XIX в. весьма весом. Об этом говорит и его удельный вес в отношении занятости населения и его доходов. В начале XX в. промыслами занимались 132,5 тыс. человек (вместе с женщинами обрабатывающими шерсть) — 40% трудоспособного производительного населения, и их доход составлял 6392,5 тыс. руб. (для сравнения: все поголовье скота Дагестанской области стоило лишь вдвое больше — 13 млн.руб.) (419, с. 84; 560, с. 105).

Из этих 132,5 тыс. человек наибольшее количество, как и следовало ожидать, было занято сукноделием — 68 тыс., затем — ковроткачеством — 40 тыс., бурочным промыслом — 5 тыс., ювелирным — 3,3 тыс. и т.д. (222, с. 182).

И почти весь этот потенциал был сосредоточен в горной зоне (с включением высокогорья). Здесь были развиты обработка шерсти, особенно сукноделие и производство бурок, обработка металла, камня, кожи, дерева, глины и др.

Производство сукон объединяло все его сорта — от самого грубого массового до тончайших шалей, известных на всем Кавказе ("лезгинские" шали). В уже упоминавшемся нами экономическом обзоре Дагестана за 1891 г. о них говорится, что они "необыкновенно тонки и нежны и идут на дамские платья. Продажная цена их доходит до 200 рублей за кусок длиной 10-12 аршин" (221, с. 157). Такие же оценки мы встречаем и у многих других авторов (457, с. 61; 425, с. 22, 35; 62, с. 3).

Характерно, что подобной точки зрения придерживались и специалисты. Так, например, А.С. Пиралов отметив, что "по своим высоким качествам более всего прославились дагестанские (лезгинские) сукна", приводит данные лабораторных анализов и испытаний сукон Кавказа: из 64 образцов самыми плотными оказались дагестанские, имевшие в основе от 116 до 288 ниток, а в утке от 30 до 84 (464, с. 209, 211). Вспомним, что для демонстрации качества сукна мастерицы пропускали кусок ткани со станка (как указано в источнике в 12-16 аршин длиной и в 2 аршина шириной, обычно рассчитанный на пошив одной черкески), через колечко со своего мизинца — это было обязательное условие для сукон высшего качества. Отметим, однако и то, что подобный отрез сукна вырабатывался лучшими мастерицами иногда только за целый год, и эти женщины уже к среднему своему возрасту не могли разогнуть спину

и ходили согнувшись пополам.

Для горной зоны было также характерно выделение промыслов в качестве самостоятельной и даже главной отрасли хозяйства в отдельных селениях (Кубачи, Харбук, Ансалта, Балхар, Сулевкент, Гопатль, Унцукуль, Кумух и др.). Так, например, в селе Харбук около 80% жителей села не имело или обрабатываемого участка, или скота. Процент хозяйств аула, которые могли существовать за счет земледелия и скотоводства был на уровне пяти об общего числа хозяйств (ПМ 62-63, с. 15-16).

Обработка металла занимала в нагорье второе место по удельному весу и значению, однако была первой по степени перерастания промысла в ремесленное производство. Упомянутое селение Харбук специализировалось именно на металлических орудиях труда (серп, коса, сошник, вилы и т.д.) и оружии (кинжики, пистолеты, ружья).

Основными направлениями металлообработки были именно эти — изготовление орудий труда, оружия и художественная обработка. Особенностью промыслов в горной части была их повсеместность, широкая распространенность независимо от социального положения крестьянина, т.е. большая зональная (хозяйственно-экономическая) чем социальная детерминированность.

Очень широкое развитие имело в горной части отходничество, являвшееся фактически своеобразным промыслом. В основе его также лежали слабость основных отраслей хозяйства, бедность и хронический избыток рабочих рук. Наиболее развитой его формой был "земледельческий" отход, т.е. отход горцев в хлебопроизводящие богатые районы равнины, в том числе и в Закавказье, для всевозможных отработок в обмен на зерно, а иногда и просто за питание. Практиковался и отход вместе с рабочим скотом для договорной обработки земли, с выполнением всего цикла земледельческих работ у равнинных земледельцев исполу урожая. Было и ремесленное отходничество — горная зона поставляла для равнины и предгорья каменщиков, подсобников, лудильщиков, шапошников, кузнецов, плотников, сапожников и др.

В пореформенный период в отходничестве горной части также возобладали социальные корни в связи с усилением расслоения крестьянства, развитием товарно-денежных отношений, увеличением промышленного спроса на рабочую силу. К концу XIX в. число отходников в области приближается к 100 тысячам, причем, как мы уже убедились, преобладающая их часть была из горных округов. Так, например, в начале XX в. абсолютное первенство в области по числу отходников держал высокогорный Самурский округ (23189 человек из 93113), он же был первым и по проценту отходников к общему итогу области (24,9% — четверть отходников области). На втором месте был также высокогорный Гунибский округ и по численности — 15963 человека, и по проценту — 17,1%.

Также были высоки показатели отходничества в других горных округах — Казикумухском — 13%, Даргинском — 12,6, Андийском — 10. Характерно, что в эти же годы в Темир-Хан-Шуринском округе было всего 5240 отходников (5,6% к итогу

области), а в Кайтаго-Табасаранском — 3828 (4,1%) (419, с. 10). Причем заметим, что прямой связи между высокой плотностью населения и степенью развитости отходничества не было. Первый по отходничеству Самурский округ имел почти одинаковую плотность населения с Темир-Хан-Шуринским, а самый последний по отходничеству — Кайтаго-Табасаранский — имел один из высоких показателей плотности населения (второй в Дагестане после Даргинского) (22, за 1899, с. 36; за 1903, с. 15; 300, с. 35).

Таким образом, горная и высокогорная зоны резко выделяются как распространенностью промыслов и отходничества, так и их большим удельным весом по занятости ими населения и вкладу в экономику хозяйства (отраслевому соотношению).

Это позволяет включить промыслы и отходничество в признак горного и высокогорного ХКА; по которому они резко отличаются от равнинного.

Однако, начиная с пореформенного периода, с развитием капиталистических отношений, усилением обмена, с соответствующим ростом классового расслоения и пауперизации крестьян области, зональные особенности промыслов и отходничества несколько сглаживаются и определенными их предпосылками становятся социальные отношения — к промыслам и отходничеству обращаются разоряющиеся крестьяне. Но все таки, поскольку в горных округах эти новые причины наслаивались на традиционные зональные, особенность (дифференцирующая) горных промыслов и отходничества в целом сохранилась.

4. Транспорт

Заключая обзор компонентов хозяйства, остановимся еще на транспорте. Разумеется, это не чисто отрасль хозяйства, особенно в неиндустриальной экономике, однако в том виде, каком он существовал в Дагестане XIX в., его невозможно отделить от хозяйства. Дело в том, что транспорт этого времени скорее можно назвать "грузовыми перевозками", а они в подавляющей степени были связаны с хозяйством. его функционированием, доставкой продукции к месту потребления. Пользуясь членением культуры, предложенной Ю.И. Мкртумяном (404, с. 42-46) это — подсистема больше производственная, чем жизнеобеспечивающая, хотя элементы последней в ней несомненно имеются, и транспорт, по-видимому, является стыковым на границах обеих подсистем. Иными словами транспорт является таким компонентом ХКТ, который относится и к хозяйству, и к культурным компонентам, но больше к первому.

Уже беглое знакомство с транспортом убеждает в том, что он являлся одним из дифференцирующих компонентов ХКТ Дагестанской историко-культурной области.

Начнем с равнинного ареала. Транспорт здесь отличался прежде всего тем что он был исключительно тягловым, по преимуществу колесным, и в небольшой

степени полозным, без малейшего намека на вьючные перевозки. Основным видом колесного транспорта была двухколесная повозка — арба, в бычьей упряжи. Она состояла из оси, колес, кузова, ярма. Дышла сведены впереди углом, между их концами с помощью занозы-втулки закреплялось ярмо. Колеса со ступицами и спицами (до 12).

В запряженном положении передняя часть находилась на весу (ведь арба двухколесная), что облегчало, правда, маневрирование, регулировку центра тяжести груза на спусках и подъемах. На всей территории равнины и нижнего предгорья арба была совершенно одинаковой и имела лишь одну модификацию — приспособленную к топким и болотистым местам — массивный крепкий кузов и большие широкие колеса, с буйволами в упряжи (436, с. 111-112).

Вторым видом транспорта была волокуша (дровни) с зимним вариантом — санями. В ее первоначальном варианте оба полоза — основы являлись одновременно дышлами, вставленные в них стойки служили опорами для поперечин, которые образовывали настил. Поставив стойки на продольных жердях настила дровней можно было образовать невысокую ограду, что превращало дровни в вид транспорта с кузовом. Волокуша использовалась в местах, недоступных колесному транспорту, поэтому она была распространена поближе к лесному предгорью, в частности в Нижнем Кайтаге и Табасаране (ПМ 61-62, с. 85, 98; ПМ 79, с. 162, 164). В совершенно ровной засушливой Кумыкии волокуш не было совсем (ПМ 78, с. 139, 157, 192), и на вопрос о них респонденты обычно отвечают — а зачем, ведь была арба. В селениях Приморской низменности и срединного нижнего предгорья были только сани (ПМ 74, с. 23; ПМ 78, с. 197, 199, 202; ПМ 79, с. 178, 171), а южнее, на просторах нижнего присамурья не было и саней (из-за очень малой продолжительности снежного покрова) (ПМ 79, с. 174).

Таким образом, волокуша (и сани) не может считаться одним из основных транспортных средств равнинного хозяйственного ареала, ее роль повышается лишь в верхнем лесном предгорье. Как нам объяснили, само использование волокуши (не саней) имело интересную особенность: ею пользовались в таких рельефных ситуациях, когда маршрут пролегал по спускам в направлении грузопотока, например, при вывозе навоза на поля, подвозе дров, сена (ПМ 79, с. 189). Понятно, что на подъем грузенную волокушу быкам было-бы трудно тащить.

А на равнине безусловно повсюду распространенным, преобладающим, осуществляющим большую часть перевозок грузов, была, конечно, арба. В любом селении равнины или нижнего предгорья при вопросе о главном виде транспорта без колебаний называют арбу. Однако в той или иной степени бытования эта повозка была и в других хозяйственных ареалах. Поэтому дифференцирующим признаком равнинного ХКТ следует считать не саму арбу, а именно этот факт господствующего ее преобладания и по распространенности, и по удельному весу перевозок.

Другая особенность равнинного транспорта, также обладающая

дифференцирующей возможностью — отсутствие вьючных перевозок и ярко выраженное, намеренное, хотя и не мотивированное, неприятие осла не только в качестве вьючного, но и даже в любой хозяйственной роли. В практике ведения хозяйства даже беднейшие хозяева, которым было не под силу иметь хотя-бы одного вола для супряжного использования на троих (вол-вол-арба; вол-вол-плуг), предпочитали таскать грузы на весьма неблизкие расстояния на собственной спине (или отработывать за вола своим трудом на весьма невыгодных условиях), но не заводили, не использовали ослов (ПМ 78, с. 202). Анекдотический случай, отражающий эту психологию арубщика, седока арбы произошел на наших глазах в 1943 году: женщина из равнинного селения Губден, в котором осел был почти табу, несшая на себе из села Манас-кент до своего аула (27 км) мешок с 30 кг пшеницы, в зимний снежный день, на одном из привалов, с превеликим трудом вставая с земли с грузом на спине, увидела нескольких горцев мужчин и женщин, идущих со своими нагруженными ослами налегке, и искренне посочувствовала им — бедные горцы, тапата за ослами — даже в такой, явно для нее невыгодной ситуации, ее реакция отражала психологию седока, проезжающего на повозке мимо пешехода, плетущегося за ослом.

Правда, случаи переноски грузов на спине на равнине были все таки исключением, и к тому же, в этих случаях нести груз могли и мужчины.

В этом неприятии ослов, думается, все таки главным побудительным мотивом была хозяйственная целесообразность. Не случайно в отгонном овцеводческом хозяйстве равнинных селений, в котором арба не могла быть использована (при отгоне в горы), применялись вьючные перевозки на ослах. В том-же селении Губден, ни в одном из 1701 хозяйств которого не было даже единственного осла, в отгонном овцеводстве у чабанов было 107 ослов (20, с. 128-129). Правда, ослы здесь использовались своеобразно: на них не клали много груза, часто сопровождающий их сам бывал верхом на лошади, и если даже он был без лошади, ослов заставляли идти быстро, чуть-ли не рысью, как бы с лошадей. Этим как-бы подчеркивалось отличие от монотонного, тяжелого хода нагруженного осла горца-пешехода.

По нашим совокунным полевым материалам за все годы мы составили что-то вроде реестра основных видов транспорта (грузовых перевозок) по всем союзам обществ Дагестана, зонам. Разумеется, его репрезентативность не равномерна, точность небезупречна, т.к. респонденты иной раз ошибаются, а порой бывают и субъективны. Однако общее, и на наш взгляд довольно объективное представление о зональных (ареальных) особенностях транспорта этот "реестр" дает. По этим данным, во всех 19 союзах обществ и владениях равнинного хозяйственно-культурного ареала первое место по распространению и удельному весу перевозок занимала арба. Волокуша на втором месте в 13 союзах. Лошадь — почти исключительно верховое животное, и как вьючное показана на третьем месте по бытованию в 5 союзах и владениях. Осла, разумеется, вообще нет. Если для наглядности применить систему

исчисления соотношения коэффициентов, принятую, например, в спорте (скажем, первое место — три очка, второе — два, третье — одно), то арба "набирает" 76 очков (максимум возможного), волокуша — 39, вьючная лошадь — 10 и ручные перевозки — 8. Таким образом становится очевидным, что на равнине были наиболее распространены и преобладали арба грузовая с волокушей (в нижнем предгорье) и лошадь верховая.

Теперь обратимся к горной и высокогорной зонам. Главная особенность горного ХКТ — преобладающая транспортная роль осла. В связи с районированием видов и категорий животных мы указывали уже, что горная зона была местом наибольшего распространения этого животного. Как известно, осел не верховое животное, утерял он и скоростные качества своего дикого предка. Однако в качестве вьючного животного осел может быть поставлен в первый ряд своих "собратей" по ремеслу. Одно из его больших достоинств — крепость и гибкость позвоночника — он может прогнуться под тяжестью неожиданно и быстро брошенного на него груза буквально до земли и тут-же выпрямиться. Не случайно в Дагестане ему приписывается изречение: "Если бы ноги не гнулись, я вынес бы на себе весь мир".

Не было таких грузов, которые не перевозились бы на ослах в горной части Дагестана, начиная от навоза и кончая камнем для строительства. Он служил здесь и для дальних межсельских перевозок — весь продукто- и товарообмен в горной части, в том числе и вне базаров — ярмарок (например, оперативный обмен свежих фруктов на зерно, производимый горцем посредством быстрых переходов в хлебные села равнины) осуществлялся с помощью осла. Не случайно в заметке местного жителя О. Каранаилова при перечислении видов животных об осле сказано, что он предназначен для перевозки тяжестей в горах (283, с. 5). Вместе с тем осел отличается чрезвычайной выносливостью, неприхотливостью, нетребовательностью к корму и способностью долго без него обходиться (как и без воды). Ослу можно было скормить корм, непригодный для всех остальных видов скота (507, с. 481), и в то же время он обладает завидной способностью быстро поглотить большое количество корма. И еще одно немаловажное качество: осел обладает умением выбирать путь в условиях бездорожья, навсегда запоминает раз пройденную им дорогу и может найти ее и идти по ней в абсолютной темноте. Не зря в даргинском анекдоте женщина, у которой случилось несколько бед подряд, и в том числе умирает муж — кормилец семьи, разгневанная обращается к аллаху с требованием, чтобы он "слез с неба", так как не умеет править миром, именно после того, как аллах, по ее словам, "опору дома — осла погубил".

В районированности осла имели значение несколько разнородных факторов.

Главный из них — невозможность использования тяглого транспорта и наибольшая приспособленность осла к экологической среде (рельеф, климат, кормовая база). Имел значение хозяйственный фактор — практическая возможность и выгода использования, и социальный — дешевизна и большая доступность

содержания. Отсюда ясно и преобладание этого животного во внутреннем скалистом, жарком, ксерофитном по растительности и бедном кормами горном Дагестане (58% поголовья области), и поменьше в высокогорье (40%), где были определенные условия (луга, сено) для содержания лошадей. — Табл. 1.

Однако нельзя сказать, что осел был единственным средством транспортных перевозок в нагорье.

Немалое распространение имела здесь и арба, хотя она была не во всех союзах обществ, а там где бытовала — имелась только в небольшом количестве, на село — иногда две-три. Из 21 селения горной зоны, в которых прямо был поставлен вопрос о средствах перевозки грузов, в 15 была названа и арба, из них в 6 как главный, преобладающий вид транспорта (ПМ 61-62, с. 12, 33; ПМ 75, с. 62; ПМ 61-62, с. 49, 141, 150; ПМ 75, с. 79; ПМ 78, с. 195).

Таким образом, вопрос об арбе имел, можно сказать, чисто функциональное значение — она известна везде, но встречается только там, где ее можно и выгодно использовать. Поэтому арбу нельзя считать отсутствующей в горной зоне, но и признаком-критерием этого хозяйственно-культурного ареала она не может быть, ввиду своей нехарактерности и немасштабности в общем балансе грузовых перевозок.

Была в горной зоне и волокуша, но ближе к предгорью, там где его лесистые отроги переходили в горную лесостепь. Да и само лесное предгорье, как указывалось выше, по многим своим параметрам хозяйства и культуры было ближе к горной зоне.

Из тех же 21 селения в десяти волокуша была названа бытующим, наравне с арбой, транспортным средством, причем в пяти, близких к лесным местам, даже на первом месте по удельному весу в перевозках (ПМ 73, с. 76, 87; ПМ 79, с. 182, 183, 186, 189 и др.). Однако каменистый, с очень небольшим зимним минимумом осадков внутренний известняковый Дагестан совершенно не знал волокуши и саней по причине абсолютной их неприменимости в подобных условиях.

И, наконец, немалое место в перевозке грузов занимали женщины. Это уже такой признак горного хозяйственного ареала, который четко отделяет его от равнинного. Больше всего женщины переносили на себе сено, снопы, навоз для удобрения, дрова, фрукты и т.п.

В распространенности этой традиции, ее удельном весе среди перевозок другими способами (средствами), наблюдается определенная закономерность: хотя, казалось бы, следовало ожидать меньшего удельного веса женских перевозок, там где имелось много ослов, которые могли ходить в труднодоступные места и тем самым решали проблему вьючных перевозок, однако и в этих местах немалое место занимали перевозки грузов женщинами. И, напротив, наличие арбы резко снижает долю женского труда в перевозках (ПМ 77, с. 108, 130, 139; ПМ 74, с. 42; ПМ 75, с. 59-60; ПМ 78, с. 195).

Полевые материалы свидетельствуют, что горный хозяйственно-культурный ареал, в отличие от равнинного, не имеет такого подавляюще преобладающего вида

транспорта как равнинный. Здесь несколько видов транспорта, которые можно назвать распространенными. Отметим, что и здесь арба представлена как первый вид транспорта в 9 союзах обществ из 35. Правда, большинство из этих союзов собственно верхнепредгорные и даже предгорно-лесные, для которых характерна предгорная арба и волокуша и абсолютное отсутствие осла.

Зато в большинстве остальных союзов осел как транспортное животное является первым — в 12 союзах, вторым и третьим — в 10, четвертым — в 5. Волокуша идет на первом месте в 12 союзах, на втором — в 6, третьем — в 1, четвертом — в двух — это те же верхнепредгорные союзы, во внутреннем же Дагестане ее совсем нет.

Как и следовало ожидать, лошадь (вьючная) не занимает здесь первых ролей — только в двух она на первом месте, в 11 — на втором, в 13 — на третьем. Отметим, что в горном ХКА лошадь, как и на равнине, используется больше как верховая, чем вьючная.

И, наконец, перевозка грузов женщинами. Их совсем мало в местах, где арба занимает первое и главное место в перевозках, и много в союзах где главным транспортным средством является осел, и особенно когда на первом месте стоит лошадь.

На втором месте женские перевозки стоят в 11 союзах, на третьем — в 7, четвертом — в 12, не показаны они в отдельных предгорных союзах. Сравнительно равная представленность видов транспорта в среднегорье иллюстрируется и с помощью нашей системы подсчета "очков". В соответствии с ней осел "набирает" 76 "очков", лошадь вьючная — 68, волокуша — 70 "очков", ручная перевозка — 59, арба — 67.

Хотя высокогорье по многим параметрам примыкало к горной части, однако своя специфика в транспорте была и здесь.

Колесный транспорт, естественно, был еще менее развит чем в среднегорье, и к тому же у него были свои особенности. Дело в том, что хотя арба высокогорья принципиальных конструктивных различий не имела, однако характеризовалась отдельными специфическими признаками, роднящими ее, между прочим, с арбой лесного предгорья. Арба здесь была меньше по размерам (почти не уступая в длине за счет протяженных дышел, намного уступала по высоте и ширине) и горной, и тем более равнинной. В ней было больше цельных элементов, что объяснялось стремлением иметь меньше креплений (для крепости конструкции); она выглядела массивнее, с маленькими, но внушительной толщины (до 10 см) колесами, с очень толстыми спицами.

Напрашивается, естественно мысль, что такие особенности арбы были вызваны особенными условиями рельефа, характером растительности (лес, подлесок, кустарник) — невысокая арба устойчива на неровностях, крепкость предохраняет от "цепляющихся" корнями и ветками дорог в лесных и лесо-кустарниковых местах. В экологических особенностях лесных предгорий и высокогорий было много общего

(достаток осадков, длительность снежного покрова, менее выраженная скалиность, обилие лесного материала для поделок, часто приводящая к массивности орудий труда и их меньшей расчлененности и т.д.), что могло облегчить диффузирование арбы как элемента хозяйства и культуры из предгорья в высокогорье. К этому нас склоняет то положение, что во многих селениях, а порою и целых микрорайонах высокогорья, особенно безлесных (и причем вне всякой связи с этническим делением — у даргинцев, лакцев, лезгин, цахуров, аварцев, рутульцев, агулов) повозки не было совсем (394, с. 88; 268, с. 133; 137, с. 77).

В этом свете можно вспомнить и то, что в языке некоторых народов, особенно не имевших своих, хотя бы дисперсных групп населения на равнине, нет обозначения для повозки, арбы и они пользуются заимствованным тюркским ("равнинным") словом (арба — лезг., арава — лакс.). Лишь в 10 селах высокогорья из 30, где ставился вопрос о транспортных средствах, констатируется бытование арбы, причем в некоторых из них, со сносными дорогами, арба даже называется главным видом транспорта (ПМ 75, с. 31, 53; ПМ 78, с. 226; ПМ 79, с. 196, 204, 207, 214). Полагаем, однако, что в данном случае имеют место известные преувеличения. По совокупности данных (по нашему "реестру") арба не занимала преобладающего (первого) места ни в одном из 48 союзов высокогорья и представлена только в 10 союзах: второй (4), третьей (3) и четвертой (3) по занимаемому месту.

В отдельных местах, где условия, как указывалось, напоминали предгорные, здесь, в отличие от внутреннего Дагестана, была и волокуша — на втором месте в 10 союзах и третьем — в 7. Следовательно, ни арба, ни волокуша не могут считаться характерными для высокогорного хозяйственно-культурного ареала.

Как район наиболее отдаленный от равнины и резко отличающийся от нее, высокогорье должно было, казалось бы, характеризоваться еще меньшим распространением лошади. Между тем именно здесь лошадь оказалась важнейшим транспортным животным. В высокогорье не просто было больше лошадей в пересчете на одно хозяйство (равнина — 0,4 головы, среднегорье — 0,3, высокогорье — 0,5 — Табл. 2), но они выступают и в роли важнейшего транспортного средства. Именно здесь и верховая лошадь (не говоря о вьючной) по-настоящему имела отношение к хозяйству, ибо главная отрасль экономики населения — скотоводство (особенно овцеводство) не могла при своих масштабах на обширных альпийских пространствах обойтись без верховой лошади. Особенно велика была здесь роль лошади как вьючного животного, нередко же обе эти функции объединялись. Характерно, что в таких союзах высокогорья как Гумбет, Анди, Ухнада, Гунзал, Капуча, Буркун-Дарга лошадей было в 2 раза больше чем в среднем по Дагестану, а в ряде союзов (Алты-пара, Цахур) и того больше — 2,5 раза. — Табл. 2 (20, с. 134-135, 150-151, 154-155: 158-159, 208-211).

Особенно незаменима была лошадь для дальних перевозок из Чечни и Закавказья. Ослы для таких далеких походов в условиях высокогорья были несподручны — мало берут, долго идут, неустойчивы на льду и осыпях, нельзя использовать в

качестве верхового для сопровождающих и т.д. Последнее обстоятельство оказалось очень важным в условиях высокогорья, т.к. "передвижение человека по пересеченному рельефу на большой высоте при сильно разреженном воздухе почти невозможно без лошади" (507, с. 479). Во многих местах, где имелись и лошади, и ослы сложилось даже такое разделение — ослы используются в пределах сельскохозяйственной округи селения, а для дальних переходов и перевозок — лошади. В свете сказанного становится понятным, что лошадь оказалась главным (первым) видом транспорта в большей половине союзов обществ высокогорья (в 25 из 48).

Еще в 9 союзах она занимает второе место, в 10 — третье, в четырех — четвертое. Учитывая, что для равнины, где также имелось сравнительно много лошадей, главной и единственной для них была роль верхового животного, высокогорную вьючную и вьючно-верховую лошадь можно считать одним из дифференцирующих признаков-критериев этого хозяйственно-культурного ареала.

Существенное место в транспорте высокогорья занимал осел. Правда, иной раз трудно бывает разобраться в причинах положения, при котором в ряду расположенных союзов и даже селениях в одном преобладает лошадь и совсем нет ослов, в другом — главное транспортное средство — осел. Иногда это поддается объяснению — суть в разной экологии (луга, сено, их достаток — тогда лошади, мало сена — ослы), порою же приходится думать, что секрет в неких психологических стереотипах принятия — непринятия. Например, в селе Цахур главный транспорт лошадь и совсем не было ослов, а рядом в селе Ихрек основной транспорт — оказывается осел, и лишь второй идет лошадь (ПМ 78, с. 214, 217).

Но наиболее частым, закономерным было указанное выше разделение — ослы для перевозок в пределах сельскохозяйственной округи аула, лошади для дальних — межсельских и даже межзональных (ПМ 77, с. 125, 119; ПМ 78, с. 222, 226).

По распространенности и удельному весу осел был первым в 3 союзах, вторым — в 9, третьим — в 5, четвертым — в 4-х, намного уступая лошади (лошадь "набирает" 151 "очко", а осел только 83).

Теперь перейдем к так называемым ручным перевозкам, т.е. переноскам грузов женщинами.

Обстоятельства сложились таким образом, что высокогорье оказалось тем районом, где особенности распространения транспорта по отдельным местам привели к большому развитию ручных перевозок.

Во-первых, во многих союзах обществ где не было ослов и главным транспортом была лошадь, львиная доля ближних (внутри округи) перевозок падала на плечи женщин (например, из-за того, что иметь лошадь не каждое хозяйство было в состоянии). Например, в союзах обществ Капуча, Гунзал, Тох, Бохнада, Анпросо, насчитывавших в совокупности 1317 хозяйств не было ни одного осла, в союзе Кос — 2 осла (на 62 хозяйства), Анцух — 16 (на 177 хозяйств), Глебель — 7 (на 182), Ухнада — 1 (на 177), Рича — 13 (на 491), Курах — 10 (на 377) (20, с. 148-155, 194-196).

Иногда прослеживаются прямые соответствия: в Цахуре не было ослов и соответственно был очень велик удельный вес ручных перевозок, а в Ихреке, Шиназе, где главным транспортом был осел, бытование ручных (женских) перевозок категорически отрицается респондентами (ПМ 78, с. 214, 217, 219).

Другие факторы: было мало сельскохозяйственных работ для женщин и поэтому они больше занимались кормами, в котором доля женского труда была выше. Далее, корма больше предназначались для КРС, особенно молочного, а с ним тоже связаны женщины, Сказались и особенности подвижного скотоводства, при котором мужчины вносили с собой и большую часть тяглого и вьючного скота, и особенно лошадей.

Таким образом получается, что если по использованию осла среднегорье превосходило высокогорье, и осел как транспорт был там, можно сказать, признаковым, дифференцирующим элементом, то ручные перевозки в высокогорье также могут считаться специфическими, исходя из их распространенности, масштаба и удельного веса в перевозках. Например, они показаны первыми в 10 союзах обществ, вторыми — в 16, третьими в 19, четвертыми в 3. По принятой нами системе очков, ручные перевозки набирают таким образом, вторую после лошади сумму — 129 очков (вспомним: лошадь была 151 очко, осел — 83).

Если говорить в целом о транспорте, то думается, наше рассмотрение показало наличие в этом элементе хозяйства и культуры дифференцирующих (критерийных) признаков, свойств.

Равнинный хозяйственно-культурный ареал характеризуется господствующим преобладанием колесного транспорта (арбы) и верховой лошади, полным отсутствием осла и ручных (женских) перевозок.

Для сравнения приведем «очковые» показатели отдельных видов транспорта равнины: арба — 76, волокуша — 39, осел — 0, ручные перевозки — 8, лошадь вьючная — 10.

Гораздо менее определенным является положение с бытованием и функционированием транспортных средств в среднегорье. Здесь почти в равной мере представлены все виды транспортных перевозок, даже арба занимает здесь немалое место (правда, в основном за счет верхнего предгорья). Большое развитие получили здесь ручные перевозки. Однако особенности экологии и хозяйства, кормовой базы, обмена скоропортящихся продуктов вывели здесь на роль главного, первенствующего вида транспорта — перевозки на ослах, которые с достаточной долей уверенности можно считать дифференцирующей особенностью (признаком) среднегорного транспорта. Те же предпосылки и слабое развитие аробного и полосного транспорта способствовали развитию ручных (женских) перевозок. Показатели по отдельным видам выглядят следующим образом: осел — 76 «очков», лошадь — 68, волокуша — 70, ручные перевозки — 59, арба — 67.

Как и на равнине более определенная картина в высокогорном ареале. Безусловное первенство здесь держит вьючно-верховая лошадь, очень существен

удельный вес ручных перевозок, занимающих второе место. Немалое место занимают и перевозки на ослах, однако, в отличие от среднегорья, они отстают на задний план по сравнению с лошадей и женскими перевозками, которые могут считаться наиболее характерными признаками этого хозяйственно-культурного ареала (напомним наши «очковые» показатели: лошадь — 151 очко, ручные перевозки — 129, осел — 83, волокуша — 44, арба — 21).

На этом заканчивается обзор элементов хозяйства, предварительно намеченных нами в качестве возможных дифференцирующих компонентов ХКТ.

Думается, в целом этот перечень в определенной степени оправдал наши ожидания, и мы можем, по-видимому, считать в общем подтвержденной нашу предварительную классификацию ХКА Дагестана: равнинный (с нижним предгорьем) оседлых пашенных земледельцев — стационарных скотоводов аридной зоны умеренного пояса; горный (с верхним предгорьем) оседлых пашенных земледельцев и отгонных скотоводов умеренного пояса; высокогорный — оседлых подвижных скотоводов и пашенных земледельцев умеренного пояса.

Хотя мы еще не рассматривали культурных компонентов ХКТ, однако, исходя из общепризнанного положения о определяющей роли хозяйства в формировании облика ХКТ, можем полагать, что основная разграничивающая и классифицирующая задачи в отношении ХКТ Дагестана выполнена.

Равнинный ХКА пашенных земледельцев — стационарных скотоводов характеризуется по итогам нашего описания такими признаками: преобладающее как отрасль хозяйства пашенное земледелие на обширных естественных ровных полях, с оборотным плугом (тип земледелия); господство переложной системы земледелия, отсутствие удобрений посевов, развитое орошение; значительные садоводство и виноградарство, но неспециализированные, подсобного значения; преобладание пшеницы в составе зерновых, наличие специфических сельскохозяйственных культур — риса и марены; в земледельческом цикле — бытование боронования и соответствующих орудий и приспособлений, конструктивные особенности тяпки и соответственно прополки — мотыжения, использование косы (изредка) и неучастие женщины в уборке хлеба, частичное использование катков в обмолоте хлеба. В скотоводстве — преобладание выгонно-стойлового типа и рабочего скота, обусловленное симбиозной связью с земледелием; наличие специфически приспособленного к условиям равнины буйвола и отсутствие (за ненадобностью в хозяйстве) осла; осуществление заготовки сена только косой мужчинами, и вообще преобладание в сельскохозяйственных работах мужского труда. В домашних промыслах и отходничестве (особенно в последнем) главная особенность — неразвитость, обусловленная трудоемкостью и продуктивностью основной отрасли хозяйства — земледелия. Отличительный признак транспорта равнины — преобладание колесного — арбы, отсутствие осла как транспортного животного и ничтожность ручных перевозок.

Горный ХКА оседлых пашенных земледельцев и отгонных скотоводов

характеризуется также пашенным земледелием, но не столь развитым, маломасштабным, с ралом вместо оборотного плуга, террасным, с преобладанием паровой системы с сильно развитым удобрением и незначительным орошением. Садоводство и отчасти виноградарство имели в долинах значительные масштабы и приобрели специализированный характер; в сельскохозяйственном цикле отмечено отсутствие борона и боронования, особые свойства тяпки (удлиненность и зауженность рабочей части, короткая ручка, обусловленные необходимостью более глубокой культивации (мотыжения) на неглубоко вспаханных почвах, участие в мотыжении только женщин; отсутствие косы в уборке хлеба, участие в жатве и мужчин и женщин, применение для молотбы только молотильных досок (отсутствие катков).

Скотоводство здесь развитое, симбиозно не соподчиненное с земледелием, с преобладанием отгонных форм; не разводится буйвол (не приспособлен, мало надобен); заготовка сена производится преимущественно серпом (больше косовидным) женщинами, в сельскохозяйственных работах преобладает женский труд. Домашние промыслы и отходничество сильно развиты, составляют важную отрасль экономики горца и существенную статью доходов. Специфика транспорта — преобладание перевозок на ослax, большой удельный вес ручных перевозок.

Высокогорный ХКА оседлых подвижных скотоводов и пашенных земледельцев в отличие от двух остальных отличается преобладающим как отрасль хозяйства скотоводством, органически мало связанным с земледелием, преимущественно с подвижными формами, с преобладанием в видовом составе стада овец и молочного КРС, также без разведения буйвола; заготовка (серпом) и особенно подвоз сена производится преимущественно женщинами, в общем балансе работ также преобладает труд женщин. Земледелие пашенное, с ралом, но не террасное (а «склоновое»), с удобрительной, с элементами пара системой, отсутствием орошения, садоводства и виноградарства. В сельскохозяйственном цикле также отсутствуют борона и боронование; в мотыжении принимают участие только женщины. Домашние промыслы и отходничество, особенно последнее, сильно развиты, составляя важную отрасль хозяйства. Особенность транспорта — преобладание вьючно-верховой лошади и ручных перевозок.

Наметив основные особенности ХКТ Дагестана по их хозяйственным компонентам, мы можем теперь, по-видимому, перейти к культурным компонентам, с тем, чтобы дополнить дифференцированность выделенных ХКА, выяснить степень их приближенности к объективному положению вещей, а также рассмотреть попутно роль хозяйственных и культурных компонентов в композиции, структуре самих ХКТ.

instituteofhistory.ru

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

После завершения описания хозяйственных типов, позволивших выделить определенные, зональные ХКА, оказавшиеся по существу хозяйственно-экологическими (или экологическо-хозяйственными), можно, по-видимому, обратиться ко второму ряду компонентов ХКТ — культурному, поскольку, как уже указывалось, мы ведем речь о «хозяйственно-культурных, а не просто о хозяйственных типах» (86, с.8). Правда, граница между двумя этими рядами является в определенной степени условной, ибо и хозяйство тоже область культуры в ее широком понимании, подразумевающим групповой опыт, отраженный в социально-организованных стереотипах, «который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» (371, с.80).

Особенно близко соприкасаются оба ряда — хозяйственный и культурный, настолько, что сливаются в одно, когда речь идет о сельскохозяйственных орудиях труда, которые в такой же мере относятся к хозяйственным компонентам, в какой и к культурным.

Выше нам уже приходилось указывать, что основа, единство типа «структурно определяется ведущей отраслью хозяйства» (86, с.8), а особенности самой культуры в основном определяются направлением хозяйства в данных географических условиях (471, с.12), иными словами органичной совокупностью экологии и хозяйства.

Таким образом мы видим здесь как-бы многоступенчатые, множественные связи и взаимосвязи: в ХКТ — главный основополагающий компонент — хозяйство, последнее во многом определяется экологией, культурный компонент соподчинен с хозяйством и экологией, хозяйство в динамике своего развития подвергается воздействию и культурной подсистемы, т.е. на этом этапе вступает в силу и культурная традиция, которая по аналогии с естественным отбором в биологической эволюции осуществляет как бы функции «культурного отбора».

Естественно, что в процессе этого отбора осуществляется и селекция культурных феноменов, и приспособление (модификация), и структурная интеграция, т.е. превращение инновационного феномена в органическую часть культурной традиции. Это сопровождается стабилизацией культурных феноменов, приобретающих вместе с этим (и благодаря этому) направляющие, регулирующие, поисковые функции.

Однако процесс выполнения функций культуры "состоящих в том, чтобы особыми надбиологически выработанными средствами стимулировать, программировать, контролировать, координировать, физически обеспечивать и социально воспроизводить человеческую деятельность", протекает, реализуется в постоянном воспроизводстве культуры "в действиях различных индивидов, в пределах тех или иных групп, в которые они объединены" (371, с. 83; 379, с. 21; 96, с. 41). Это очень важное положение советских культурологов оттеняет, подчеркивает мысль о том, что феноменализация культуры происходит в группах человеческих индивидов самого различного характера — производственных, географических, профессиональных, родственных, половых, кастовых и т.п., и, конечно, этнических (но только в ряду с другими).

Как отмечает и А.А. Шенников, любая культурная традиция, в том числе именуемая часто народной ("народная традиция") вовсе не обязательно является народной в смысле этническом, она может быть традицией любой группы населения, "выделенной не по языку и этносу, а другому признаку" (594, с. 104-105), например, производственному, географическому, политико-административному, корпоративному, профессиональному и т.д.

Выполняя свои функции, культура проявляется в соответствующих стереотипах действия, и этот процесс стереотипизации "находит свое выражение в нормах поведения, орудиях труда, в оружии, произведениях искусства, средствах транспорта, жилищах, пище и многих других формах" (430, с. 21).

Правда, эта стереотипизация происходит в рамках этнических общностей, однако, если мы признаем, что "исходный пункт отличия человека от животных заключен в характере его деятельности", в том, что "человек производит" (501, с. 205), то должны признать и то, что стереотипизация культурных инноваций (как спонтанных, так и диффузировавших) происходит прежде всего в сфере производства, производительных сил, в свою очередь тесно связанных и во многом обусловленных особенностями природной среды, экологией. Можно, по-видимому, говорить о том, что в этом отношении экономическая общность, "основанная на экономических (или хозяйственных) связях" приоритетна по сравнению с общностью этнической, и поэтому культура, прежде всего и особенно материальная, "имеет сравнительно слабо выраженные этнические черты", в то время как можно наблюдать сильную дифференциацию культурных феноменов внутри одного этноса, части которого "обитают в различных условиях, и, напротив, сильное сходство их у различных народов" (299, с. 51; 296, с. 44-45; См. также 516: с. 53), проживающих в условиях сходной экологической и хозяйственной среды. Географическая среда "определяла разнообразие материального производства в разных экологических средах, что, в свою очередь, отражалось на формировании и закономерной смене различных ХКТ в их историческом развитии" (81, с. 21). Иными словами "взаимосвязи человека и среды в конечном счете оказываются сильнее этнокультурной традиции" (605, с. 242).

Даже в художественной культуре, которая правомерно считается наиболее далекой из всех культурных подсистем от экологической среды, даже в ней вариации художественных типов оказываются, во многом связаны с "несходством основной базы хозяйства в разных местах" (564, с. 148).

К.В. Чистов также отмечает детерминированность материальной культуры социально-экономическими и географическими условиями, уровнем и характером производительных сил, и в частности зависимость сельскохозяйственных орудий "от уровня развития техники и системы земледелия, характера почв и климата, набора основных возделываемых культур и т.д., а жилища — "от типов хозяйства, наличия строительного материала, климата и т.д., т.е. от факторов социально-экономических и естественно-географических" (585, с. 73).

Разумеется, большую роль в процессах феноменализации и стереотипизации культурной традиции играло общение человеческих групп, будь то этнических, или любых иных (производственных, профессиональных, географических и т.п.), которое протекало в форме взаимодействия, влияния и даже ассимиляции (462, с. 19). В.М. Массон отмечает, что обособление очагов земледелия в горных долинах способствовало "развитию локальных культурных вариантов", хотя сами группы населения "возможно, в целом принадлежали одному этническому пласту" (391, с. 277). Обратный пример проявления этой закономерности общения отметил Ю.В. Бромлей, подчеркнувший, что "особенно важную роль в формировании культурной общности" в Карпатах "сыграло отгонно-пастушеское скотоводство" (127, с. 234), которым занимались представители разных этносов.

Культурное взаимодействие, обогащавшее отдельные культурные комплексы, приводившее к образованию соединений различных диффузирующих культурных традиций, Э.С. Маркарян называет "важным специфическим свойством истории человечества" (371, с. 85). Оно выступало мощным рычагом культурного прогресса, делало достоянием многих групп достижения, "рывки" в культурных инновациях отдельных групп. Иными словами оно смягчало, сводило на нет отмеченное К.Марксом и Ф.Энгельсом положение, сложившееся "на первых ступенях исторического развития", когда "приходилось изобретать ежедневно заново и в каждой местности независимо от другой" (11, с. 54).

Разумеется, культурная традиция складывалась не в безымянных группах, и они группировались в конечном счете и по этническому признаку. Поэтому культурный феномен, сложившийся даже внутри любой неэтнической группы, становился достоянием и в целом этноса. Однако при этом он мог стать частицей культурной традиции другого этноса (части его) при сходстве эколого-хозяйственной среды. Общепринято положение: всякая этническая традиция есть культурная, но далеко не каждая культурная традиция является этнической.

А.И. Робакидзе говоря о хозяйственно-культурных ареалах Грузии категорически утверждает, что его схема типов "не укладывается в рамки племенного

деления, она покоится на общностях принципиально иного типа” (485, с. 29). Впрочем и сама генеральная идея ХКТ строится именно на фундаменте хозяйственно-экологического характера, исключая этническую природу и даже окрашенность. Об этом достаточно говорилось во вступительной части работы. Однако, там же мы признали и возможность “этнизации” ХКТ. Наиболее приверженным сторонником этого положения является превосходный знаток истории хозяйственного и культурного развития, вообще исторической этнографии Я.В. Чеснов.

Поскольку любое проявление культурной традиции может пройти весь свой путь от зарождения инновации через селекцию, воспроизведение (копирование), приспособление (модификацию) до структурной интеграции (96, с. 41) в пределах одной этнической общности, постольку не исключена возможность закрепления этой инновации в качестве культурного феномена данного этноса, который может закрепившись, стать этнической особенностью, признаком данного этноса. В исторической же практике культурные феномены или стереотипы реализуются, как правило, через этническую призму — ведь никто не называет передковый оборотный плуг плугом носителей ХКТ равнинных земледельцев, а называют его украинским, кумыкским, татарским и т.д. Хотя, надо признать, в литературе встречаются и обратные примеры: например, горский плуг, кочевническая юрта и др.

При всех возможных процессах этнизации, однако, основополагающим остается положение о примате, приоритете природно-хозяйственных предпосылок инноваций, особенно в материальной области культуры. Первобытный человек укрывался в пещере или строил укрытия-жилища не потому, что считал их обиталищами предков-духов, или придавал им охранительную магическую силу, а потому, что они служили ему укрытием от непогоды и зверей. “Именно назначением предмета определялись и сообщенные ему магические свойства, и его художественные особенности” и эту “утилитарность”, обнимающую множественность и многоступенчатость назначений от утилитарного, предметно-функционального до магического, религиозного и др. “можно проследить (во всяком случае теоретически) во всех типах художественной культуры, вплоть до наших дней” (564, с. 142-143). И лишь в процессе исторического развития культурных традиций, идеологических представлений отдельные элементы культуры обрастают этническими, престижно — знаковыми и прочими признаками и функциями. Чем длительнее история зарождения и развития культурного феномена (инновации), тем больше предпосылок для его этнизации и идеологизации. В последнее время в теорию ХКТ вносятся даже определенные поправки, допускающие в генезисе и особенно развитии ХКТ наличие этнических факторов или предпосылок. Ю.В. Бромлей, отмечая случаи, когда народы в сходных условиях, при одинаковом уровне социально-экономического развития, “не создавали одних и тех же ХКТ, используя аналогичные ресурсы весьма различно”, объясняет такую варибельность “в первую очередь специфическими культурными традициями отдельных этнических общностей”. Отметив неизученность этой стороны (обстоятельства) автор заключает,

что она “заслуживает более пристального внимания” (127, с. 248). Думается, подобное положение объяснимо с гносеологической точки зрения: экологическая, общественная обусловленность хозяйственных типов, и затем эколого-хозяйственная окрашенность собственно культурных феноменов (типов) более очевидны, лежат так сказать, на поверхности, этническая же их сторона затенена, запятана в гуще других эколого-хозяйственных факторов (обстоятельств). Выше нам приходилось отмечать, что кумыкский этнос в Дагестане обычно идентифицируется с ХКТ пашенных земледельцев-скотоводов, который как бы этнизировался.

В этом плане можно, по-видимому, согласиться с мнением Я.В. Чеснова о том, что “проявление этнического субстрата способствует обособлению хозяйственно-культурного типа”. Правда, конкретные материалы, например, по дагестанским аварцам, лезгинам показывают обусловленность варьирования ХКТ в зависимости от различий в формах хозяйства внутри одного этноса.

В связи с этим возникает вопрос: какие элементы культуры, в том числе относящиеся к хозяйству, материальной культуре (производственной и жизнеобеспечивающей подсистемам) заключают в себе потенциальные “склонности” к этнической знаковости, дифференцированности, и какие — этнической нейтральности, надэтничности. Первый уровень разделения в данном случае, как говорилось, отделяет в качестве нейтральных элементов хозяйство и связанные с ним компоненты культуры; на втором уровне эти выделенные компоненты разделяются по признаку функциональности — чем последовательней функциональный характер культурного элемента, чем четче функция связана с конкретным хозяйствованием, определенными операциями сельскохозяйственного цикла, с особенностями экологии в проекции на хозяйство, тем меньшую этническую окрашенность этот элемент имеет. Как указывает А.А. Шенников, “форма средств труда определяется их функциональным назначением” и зависит от “физико-географической среды и от уровня развития производства. Для любых других влияний, в том числе этнических, остается очень мало места” (592, с. 41). Пожалуй, это положение не требует особых доказательств — функции связаны с выполнением производственных операций, их структура зависит от особенностей экологии и содержания (назначения) самой операции, а в этом деле на первый план выступают задачи приспособления, удобства, облегчения труда, производительности, максимального выхода и сохранности продукции и т.п., т.е. налично определенная доля “механичности”, а такие действия, как известно, имеют тенденцию к однотипности, схожести, одинаковости. Чтобы косить траву нужно было орудие имеющее достаточно широкую режущую часть, насаженную на ручку, позволяющую использовать это рабочее лезвие в полную силу (с замахом) — эта заданность функции породила определенную однородность (и однотипность) косящего орудия почти во всем мире. Нечто подобное можно сказать о жнушем орудии (серпе), землеобрабатывающем и др.

Это, правда, только в условиях спонтанно складывавшихся генотипов, в условиях

же общения, взаимодействия человеческих групп, сложившиеся в определенной местности и обстановке стереотипы могли воздействовать на генезис орудий для сходных операций, стимулировать “себеподобность” или даже прямое заимствование в других местах. И тогда функциональный механизм от обстоятельств (местность, ландшафт, занятия, специфическая операция) мог распространяться на больших, имеющих сходный “набор” эколого-хозяйственных условий и обстоятельств территориях.

Не требует, по-видимому, особых доказательств то обстоятельство, что культурные феномены с функциями производства или жизнеобеспечения, заключающие в себе и элемент приспособленности к определенным условиям, не только предрасположены к надэтническим взаимодействиям, распространению, но и проявляют отчетливо выраженную консервативность в отношении процессов этнизации стереотипов, сложившихся внутри отдельных человеческих групп, в том числе народов, этносов. Выше мы мимоходом касались этого аспекта культурной традиции на примере одежды, обуви и головных уборов. Например, если сравнить головной убор и обувь, то явно выступает большее функциональное значение обуви. При использовании (изготовлении) которой надо учитывать климат, соотношение зимних и летних осадков, длительность снежного покрова, частотность распутицы и т.д. Головной же убор со многими из этих факторов не коррелируется, его функции от них не зависят, в непосредственное соприкосновение со многими из перечисленных элементов он не входит. Вот почему, по-видимому, мы видим буквально однотипную зимнюю войлочную обувь по всему горному Дагестану, у представителей всех этносов (сходные условия и совпадение функций), в то время как головной убор дает пример большого этнического разнообразия даже в пределах одного этноса.

Равнинная кожаная “калоша” типа “сабо”, очень удобная в распутицу, никак не могла быть функционально пригодной (полезной) в горной части с ее крутыми каменистыми тропами, так же как оказалась бы совершенно непригодной в условиях равнинной распутицы шерстяная обувь высокогорья.

Таким образом, независимо от того, являются ли культурные феномены спонтанно сложившимися, или заимствованными (независимо от степени заимствованности), они обнаруживают преимущественно надэтнические свойства и традиции взаимодействия (и взаимопроникновения) в сфере функциональных (технически, производственно) элементов (как производственной, так и жизнеобеспечивающей подсистемы), в то время как нефункциональные элементы при известной протяженности культурной традиции проявляют тенденцию к этнизации, обретению этнически окрашенных свойств и признаков.

Естественно, что надэтнической, дифференцирующей в хозяйственно-культурном отношении частью культуры должна была оказаться наиболее связанная с экологией и хозяйством материальная культура (преимущественно подсистема жизнеобеспечения). Формы этой подсистемы, как признано, определялись не

границами этносов, а “границами хозяйственно-культурных типов, охватывающих группы людей, которые вели сходное хозяйство в аналогичных природных условиях” (297, с. 74).

Однако формы жизнеобеспечивающей подсистемы весьма множественны, многообразны, намного в большей степени чем хозяйственные типы. В хозяйстве лишь несколько главных определяющих отраслей, в культуре же (вне хозяйства) отобрать главные, регулирующие дифференцирующие (или, напротив, интегрирующие) компоненты практически невозможно. Поэтому ХКТ формируются на основе хозяйственных типов, а культурные компоненты лишь дополняют их. Но и при “дополнении” выбор дифференцирующих форм — критериев вызывает большие затруднения, исключая разве что сельскохозяйственные орудия, которые, будучи и элементом хозяйства, соотносимы (привязываемы) к компонентам хозяйственных типов.

При этом нужно иметь в виду, что “набор” культурных компонентов должен исключить случайность подбора, между собой у них должна быть предметная, функциональная, сущностная связь.

При рассмотрении культурных компонентов необходимо иметь в виду и вопрос о степени институционализированности культурных феноменов.

Если эта степень маленькая, если элемент культуры еще нельзя считать полностью интегрированным в структуру культурного комплекса, значит его нельзя считать компонентом культуры (96, с. 31). Так, например, осел как транспортное животное не был, как мы видели, интегрированным культурным компонентом равнинного ХКА земледельцев-скотоводов Дагестана. Правда, неинтегрированность не мешает отдельному культурному стереотипу быть дифференцирующим критерием ХКТ от обратного, в противопоставлении, как это проявилось в транспортной роли ослы равнинного и горного ХКА Дагестана.

И, наконец, в связи с институционализированностью возникает вопрос о утилитарной и престижно-знаковой функции (или характере) культурного феномена (96, с. 43). Этот вопрос важен, еще потому, что рассмотрение элемента культуры с точки зрения этих обоих аспектов помогает уточнить вопросы диахронии и синхронии культурных компонентов, о эколого-хозяйственном, политическом, культовом или этническом характере феномена, о степени этнизации (политизации и т.п.) тех или иных проявлений (стереотипов) культуры.

Однако все эти аспекты исследования не обеспечивают нам начальной избирательности (выбора) культурных стереотипов для рассмотрения их в плане вхождения в тот или иной ХКТ, наличия в них дифференцирующих (критерийных, признаковых) свойств. Мы уже указывали выше, что в концепции ХКТ этот вопрос о перечне культурных компонентов ХКТ, о количестве входящих в “обойму” элементов, является одним из нерешенных. Поэтому, как мы уже отмечали, наиболее правильным выходом из этого затруднительного положения является решение, подсказанное Г.Е.

Марковым. Отметив, что хозяйственно-культурная классификация, основанная на культурных компонентах практически невозможна, и поэтому должна быть создана (и создается) на основе хозяйственных признаков, он относительно культурного компонента ХКТ предлагает учитывать его "как описательный признак" (372, с. 23-24).

Поэтому представляется целесообразным начать рассмотрение культурных феноменов с тех элементов, которые в наибольшей степени связаны с хозяйством, определяются направлением хозяйственной деятельности. При этом мы вынуждены будем, по-видимому, используя избранный нами описательный метод, перебрать (описать) кое-что и такое, что не может служить показателем-признаком тех или иных ХКТ; т.е. отбор дифференцирующих разные ХКТ и интегрирующих определенных ХКТ признаков придется произвести методом почти фронтального описания. Делая это описание мы произведем генерализацию дифференцирующих свойств феноменов, с созданием первоначального горизонтального ряда (однофункциональные группы феноменов, компонентов), а затем и вертикального, с использованием сформулированных нами выше правил операций по дифференциации хозяйственно-культурных феноменов, включающих два способа: 1) выявление компонентов свойственных только отдельным районам; 2) выявление в однотипных и однофункциональных компонентах свойств, признаков, особенностей, характерных для отдельных районов, с использованием трех подходов (предметно-объектного, функционально-предметного и конструктивно-технологического) и по определению компонентного содержания (набора феноменов) в отдельных зонах, районах, ХКА (два способа). Не будет, вероятно, большой ошибкой, если мы начнем наше описание с пищи (системы питания), одной из отраслей жизнеобеспечивающей подсистемы культуры, наиболее тесно соприкасающейся (соотносящейся) с производственной подсистемой. Очень справедливое замечание на этот счет принадлежит С.А. Арутюнову и Ю.И. Мкртумяну, отметивших что "при типологической классификации культурных явлений, тем более связанных в основном с производственными и жизнеобеспечивающими подсистемами культуры (какова и есть система питания), следует рассматривать их как составные элементы более сложного комплекса, а именно хозяйственно-культурного типа" (97, с. 13). Правда, система питания характеризуется с другой стороны и достаточно высокой степенью этнизации, что обязывает при ее исследовании учитывать параметры как системно-компонентные, так и генетически-диахронные.

1. Пища и напитки (система питания)

1) Пища

В последние годы в советской этнографии системе питания, как одной из основных жизнеобеспечивающих систем (или подсистемы жизнеобеспечения)

уделяется значительное внимание (97, с. 13; см. также 605; 599, с. 147-149; 93, с. 191-192; 336; 98, с. 19-33 и др.).

Как и следовало ожидать, пища как в целом, так и в отдельных ее компонентах оказалась довольно четким индикатором и дифференциалом для выявления как стадийных, так и пространственно-региональных и этнических особенностей хозяйства и культуры.

Как указывает С.А. Арутюнов, "формы питания, виды пищи каждого народа находятся в тесной связи с его ХКТ, даже можно сказать, что весь ХКТ народа в значительной степени определяется тем набором пищевых продуктов, которые этот народ производит, и тем способом, которым он их производит" (605, с. 6). На тесную связь системы питания с ХКТ указывает и Б.В. Андрианов, который считает, что ХКТ "отличаются друг от друга набором пищевых продуктов, характером их использования и многими другими особенностями народной кухни", хотя и "сохраняющей этническую специфику" (81, с. 39), а Я.В. Чеснов связывает "пищевое единство" с близостью экологических сред, и прежде всего сходством флоры и фауны, а также распространением аналогичных хозяйственно-культурных типов" (605, с. 180).

Не случайно, по-видимому, что и один из предшественников концепции ХКТ — американский этнограф К.Уисслер построил свою предварительную начальную систему хозяйственно-культурного районирования на основе пищевых комплексов (628, с. 1-19; 582, с. 70-71).

После выяснения вопроса о соотношении главных видов пищи — растительной и животной, необходимо рассмотреть и классифицировать состав продуктов и блюд (структурно и стадийно). Из классификации трапез наибольшее значение в хозяйственно-культурном аспекте имеет разделение на повседневную, ритуальную и праздничную, открывающее возможности для генетико-стадийных построений.

Однако, в классификационных построениях хозяйственно-культурного характера, основывающихся на видах пищи и продуктах, имеющих большое распространение в районе, следует проявлять известную осторожность. Например, ни у цудахарцев — жителей горных долин, ни тем более у высокогорных сюргинцев зерновое земледелие не было в XIX в. главной, преобладающей отраслью хозяйства, однако в системе питания у них основное место занимали мучные изделия, растительная пища в целом.

Выше, в связи с рассмотрением отраслей хозяйства мы уже убедились в отсутствии больших типологических различий между типами хозяйства разных зон Дагестана. В известном смысле хозяйственные типы равнины и среднегорья могут быть названы "земледельческими культурами", в отличие от высокогорного, являвшегося скотоводческо-земледельческим.

Хорошее определение земледельческой культуры имеется у Я.В. Чеснова, который характеризует ее как "географически локализованную форму земледелия, находящуюся во взаимосвязи с этнографическими сторонами быта населения (пищей,

одеждой, жилищем), с некоторыми духовными чертами (обычаями, обрядами, мифами), а также с демографическими факторами" (577, с. 105). Нельзя, по-видимому, считать случайным, что в перечне связанных формой земледелия компонентов быта первой указана пища, — один из точных индикаторов хозяйственных занятий населения, правда, тут требуется поправка на историческую и культурную традицию. Если равнина и среднегорье Дагестана адекватно отражают единство хозяйственной культуры и системы питания: земледелие — земледельческая, и в настоящем, и исторически, то высокогорье в своем народном питании больше традиционно, чем связано с настоящим положением в хозяйстве. В данном случае проявляется закономерность, отмеченная С.А. Арутюновым — говоря о моделях питания, связанных "при своем возникновении с определенным ХКТ" и претерпевающих вместе с ним "различные модификации по мере его эволюции", он затем добавляет, что зависимость модели питания от ХКТ неоднозначна и не абсолютна, она может сохраниться при исчезновении породившего ее ХКТ (605, с. 249).

Поэтому рассмотрение соотношений между отраслью хозяйства, ХКТ и видом пищи должно производиться многопланово, с учетом стадильности эволюции пищи, анализируя диахронные и синхронные аспекты бытования, исторические, культурно-традиционные и этнокультурные факторы. Равнинные земледельцы-скотоводы Дагестана XIX в. несомненно потребляли преимущественно пищу растительного происхождения. Но эта черта системы питания была свойственна и остальной части Дагестана, даже высокогорной, хотя последней и не в такой степени. По-видимому, можно было бы сказать, что на равнине потреблялось меньше животноводческих продуктов, но и это было верным лишь отчасти, т.к. по потреблению, например, молочных продуктов равнина не уступала многим горным обществам, особенно горно-долинным.

Можно было бы взять другой аспект — обратный: стадильность развития молочного хозяйства, уровень традиционности и развитости, выражающийся, в частности, в наличии (или отсутствии) производства некоторых вторичных животноводческих, в том числе молочных, продуктов. Как справедливо указывает Ю.А. Краснов, традиционное производство определенных вторичных молочных продуктов, таких как творог, сыр, масло и др. "является признаком уже относительно развитого молочного хозяйства, свидетельствует либо о весьма длительной истории животноводческого хозяйства на месте, либо о культурном влиянии соседей (322, с. 113). Однако в этом аспекте нам не удалось обнаружить какую либо дифференцирующую особенность, позволяющую наметить районирование по отдельным территориям или выделенным выше ХКТ.

Все основные животноводческие продукты, и среди них и молочные, были свойственны всем ХКТ Дагестана. Творог, сыр, брынза, масло сливочное и топленое были известны и производились везде, способы их приготовления не имели принципиальных различий и разница была лишь в масштабности производства того

или иного продукта (183, с. 243-244; 184, с. 277; 394, с. 270-271; 55, с. 260-262; 60, с. 172-173).

Примерно то же можно сказать о овощах, хотя на равнине их было больше, о корнеплодных, фруктах. Иными словами область питания неадекватна области производства, в последнем может быть преобладающий продукт, который не обязательно является преобладающим и в питании, вернее, элемент питания не является районированным в той же степени, в какой это наблюдается в отношении отрасли хозяйства, производящей этот компонент питания. Например, в горных долинах ведущей отраслью хозяйства было садоводство, но если исключить стихийное естественное потребление непосредственно в садах, особенно детьми, то в остальном большая часть созревшей готовой продукции, не только зимней, складированной, но и летней скоропортящейся (последняя и в виде заготовленных сухофруктов) шла на обмен — на зерно и животноводческие продукты.

Таким образом, в элементах питания нет такой резкой границы по зонам, районам, как в отраслях хозяйства, в питании речь может идти не обязательно о преобладании господствующей отраслевой продукции, имеющей признаково-критерийные свойства; элемент питания может быть более массовым, масштабным, но не критерийным, разграничивающим. В целом, на равнине, конечно, потребляли больше мучных изделий, а в горных долинах — фруктов, но ни для одной из этих зон, или ХКА ни мучная пища, ни фрукты не стали критерийными. Например, даже в высокогорье, совершенно не имевшем своих фруктов, они были частью, пусть небольшой, системы питания, получаемой за счет обмена с горно-долиными селениями.

По-видимому, к Дагестану вполне применима формулировка С.А. Арутюнова о двуединой зерно-молочной модели питания, сложившейся при складывании производящего хозяйства. Причем отметим, что и в Дагестане мы наблюдаем "наиболее сложные, — по выражению автора, — вариации обоих компонентов этой двуединой модели питания — высокоразвитое дрожжевое хлебопечение и столь же развитое многосортное сыроварение". Особенно показательно, то, что в Дагестане мы видим характерные по мнению С.А. Арутюнова для этой модели "употребление пахтанья или разведенного кислого молока как напитка", и особенно "обычай приготовления запасов из сухих творожных сырков" (605, с. 233).

Пожалуй, единственный элемент системы питания, который мог бы сослужить роль дифференцирующего признака-критерия — это соотношение в пище печенных и варенных мучных изделий.

Нет сомнений, в том, что варенные куски теста (клецки, галушки), называемые "хинкалом", распространенные и в некоторых других областях Кавказа (груз. — хинкали, азерб. — хингал), имеют горско-дагестанское происхождение. В литературе существует положение, достаточно резонное, что хинкал возник "в горных областях Дагестана, в частности в Аварии" (394, с. 278). Автор этого положения М.А. Агларов

в качестве одного из аргументов этой гипотезы приводит тот факт, что “хинкал” — это множественное число от аварского “хинкI” (394, с. 278). Это действительно так, но нельзя исключить и такого положения, что блюдо и название являются более древними, имеют общедагестанские корни. Думается, что хинкал возник во внутреннем горном Дагестане в эпоху сложения здесь производящего хозяйства, когда хозяйственно-культурное единство внутреннего Дагестана сопровождалось и этнической целостностью. Например, и в даргинском языке кусок вареного теста из совокупного множества которых состоит хинкал называется “хинкI” — как и в рутульском, табасаранском, крызском, цахурском и др. — а название самого блюда также образуется из множественного числа этого слова — “хинкле” (также у южных кумыков — хинкле), а не обозначается аварским словом “хинкал”. В этом же плане можно вспомнить, что в лакском языке название одной галушки обозначается словом “хункI” (ПМ 77, с. 139; 556, с. 67), а в даргинском это слово означает “кулак”,* и в то же время одна из самых простых, и по-видимому, древних форм хинкала изготавливается (особенно вне дома, пастухами, путниками и др.) зажатием куска теста в кулаке. Правда, заимствование этого блюда другими народами, расположенными вне внутреннего Дагестана, произошло, скорее всего, через аварцев, возможно в результате контактов, в чем немаловажную роль сыграли, по-видимому, кумыки (напр., кумыкское — “хинкал”, азербайджанское и чеченское “хинкал”, грузинское — “хинкали” и др.).

Приведем некоторые примеры. На равнине и в нижнем предгорье на вопрос о преобладающем мучном изделии в 25 селениях из 27 ответили, что таковым являлся хлеб, причем в подавляющей степени. Селения эти расположены по всей равнине, от засулакских кумыков до присамурских лезгин (ПМ 73, с. 16; ПМ 78, с. 130, 156, 192; ПМ 79, с. 156, 158, 162, 163, 174). При этом признавая, что хинкал тоже являлся элементом питания, респонденты повсеместно указывают на незначительность его удельного веса в системе питания, малую частотность. Важным отличительным свойством равнинного хинкала была определенная его исключительность, праздничность. Многие информаторы подчеркивают, что готовился он, как правило, для гостей, по торжественным случаям, изредка и для собственного потребления — но обязательно лишь при наличии мяса. Характерно, что это обстоятельство отмечено в столь отдаленных друг от друга засулакском кумыкском селе Султаниянгиюрт, южном лезгинском Оруджоба и срединнодагестанском даргинском Губден (ПМ 78, с. 192; ПМ 79, с. 174; ПМ 73, с. 16). А те два села из 27, не показавшие преобладания хлеба, являются примером отражения положения, складывающегося в ряде равнинных и нижнепредгорных селений к концу XIX века — расширение посевов кукурузы привело к внедрению в быт горских кукурузных галушек, называемых здесь “халлама” (ПМ 78,

* Отметим, что у арчинцев кулак называется еще более близким по звучанию с “хинкI” словом “ххикI” (556, с. 36, 67).

с. 199, 201). Но общей картины преобладания на равнине хлеба, причем с большим удельным весом кислого — эти исключения не изменяют.

Был в Дагестане еще один зерновой продукт, довольно распространенный, но также почти отсутствовавший на равнине. Речь идет о толокне.*

Бытование его на равнине, потребление констатируется во многих селениях. Однако везде подчеркивается незначительность его роли как компонента питания, нерегулярность употребления в пищу. Более того, указывается на то, что толокно служило пищей больше в периоды неурожая, голода, когда зерна было мало и мололи его небольшими партиями, подручными средствами, т.е. ручной мельницей (ПМ 79, с. 162). Естественно, что толокно особенно ценилось в пути, в полевых или походных условиях. Преимущество толокна в этом отношении заключалось еще в том, что его можно было замешивать на любом жидком компоненте и использовать любую приправу — от замоченной кураги, меда или браги до масла и курдюка.

Таким образом, равнинный ареал характеризуется безусловным преобладанием хлеба, причем наиболее совершенных видов, включая кислый хлеб, небольшим местом, занимаемым в пище хинкалом и особенно толокном. Можно вспомнить в этом плане и обстоятельство, что у кумыков, не имевших расселенных в горной части групп населения, название хинкала было заимствованным у своих соседей — аварцев, расселенных от нижнего предгорья до высокогорья. Следуя справедливому замечанию о том, что при классификации компонентов ХКТ, и в частности компонентов, олицетворяющих систему питания, “должно учитывать и структурные и генетические параметры” (97, с. 13), мы обнаруживаем, что у равнинных земледельцев (и в частности у кумыков) хинкал не был ни основным или преобладающим в структуре питания, ни генетически исходным, отражая лишь структурные изменения, связанные с культурными заимствованиями.

Следовательно, равнинный ХКА может быть противопоставлен горным по позиции печеное — вареное мучное изделие (хлеб — хинкал) и толокно, но критерийные возможности дифференциации по этой позиции заключаются в степени распространенности, бытования и удельного веса каждого из компонентов в разных ХКГ (хозяйственно-культурных ареалах). Однако будем при этом иметь в виду, что кислый хлеб (дрожжевое хлебопечение) считается наиболее сложным, высшим выражением зерно-молочной модели питания (605, с. 233).

Обратимся теперь к горной части. Из 42 селений, в которых затрагивался вопрос о компонентах питания, в 28 основным мучным блюдом назван хинкал, в

* Дагестанское толокно отличалось от русского. Наиболее подходящим видом зерна для него считался голозерный ячмень, но готовили его практически из всех видов зерна — ячменя, кукурузы, пшеницы, зерновых смесей в разных сочетаниях. Зерно предварительно поджаривалось, до такой кондиции, чтобы изделие из его муки не падало было варить, печь, жарить.

остальных 14, относящихся к верхнему предгорью, первым назван хлеб, но хинкал и в них признается почти равнозначным компонентом.

С другой стороны, сам хинкал равнины и горной части представляют собой совершенно разные вещи. Равнинный хинкал, исключая кукурузные галушки, о которых упоминалось выше и которые являлись поздним заимствованием, представлял собой лишь несколько пластин или цилиндриков теста, после съедения которых ели хлеб с мясом и бульоном. Характерно, что у равнинных даргинцев эволюция хинкала как бы остановилась, и они готовили (также в небольшом количестве, к хлебу) наиболее архаичный вид хинкала, представлявший собой кусок зажатого в кулаке теста.

В горной же части хинкал готовился повседневно, как основная еда (а не только когда есть мясо), с любой приправой или добавкой, “попутчиком”, “спутником”, “совместником” (баллихъала, гябки — дарг.) как здесь говорили. Даже при абсолютном отсутствии “спутника”, даже сыворотки, здесь больше варили хинкал в подсоленной воде и с соевым раствором для макания, чем пекли лепешку, ибо хинкал был и сытнее, и здоровее для организма (сочетание с бульоном) и хорошо согревал в зимнюю пору.

Другая особенность хинкала в горной части (в среднегорье и высокогорье) — исключительное многообразие его видов. Здесь мы встречаем уже известные нам пластины — кусочки теста, и здесь же мы видим наиболее самобытные формы хинкала — очень крупные галушки (от 0,3 до 1 кг) и галушки-пироги с разнообразными начинками, как, например у высокогорных аварцев и части даргинцев, у которых такой хинкал почти полностью выполнял функции печенных хлеба и пирогов (ПМ 77, с. 121, 113, 123, 128). Много видов хинкала было у лакцев, лезгин, рутульцев др. Так, например, у рутульцев было несколько видов хинкала: сурхлуи — из пшеничной муки с мясом, пластины-закрутки величиной с полпальца; тилибыл — небольшие пластины-квадратики с маслом, творогом или мясом; курз — со всевозможными начинками; сыхма — галушки, чаще из кукурузной муки и др. (ПМ 78, с. 212).

Один и тот же вид хинкала, например, квадратики мог быть в разных сочетаниях — с варенной бараниной, с жарким из баранины, замешанным в хинкал с бульоном; со шкварками из курдюка или внутреннего сала, или без бульона с творогом, сыром, смеси масла с творогом, с маслом, яйцом, смесью льняного и животного масла и т.д. Была еще группа видов хинкала, приготовляемого из скатанного в длинную “колбаску” теста разных диаметров, от тонкой в палец — до толстой — в руку толщиной (ПМ 78, с. 226, 228; ПМ 79, с. 199)*.

* В нашу задачу не входит описание всех видов хинкала; так же как и в других компонентах ХКТ нас интересуют лишь признаки, дифференцирующие свойства хинкала как культурного элемента. Подробнее о хинкале см.: 183, с. 244; 184, с. 273-274; 394, с. 278-280; 268, с. 163-164; 60, с. 178-179; 55, с. 259; 502, с. 123 и др.

Таким образом, хинкал не только преобладал как вид пищи, но и отличается большим видовым разнообразием.

В отношении хлеба картина в горной части совершенно иная. Если на равнине хлеб был и преобладающим в еде, и повседневным изделием, а пекарни по его приготовлению работали с полной нагрузкой ежедневно, то в горной части хлеб, особенно кислый, пекли в общественных пекарнях лишь по случаю больших ритуальных застолий (свадьба, поминки и т.п.) (ПМ 78, с. 157; ПМ 66, с. 73; ПМ 77, с. 113, 121). Хлеб же для повседневных нужд пекли редко, и использовали для этого более примитивные хлебопекарные устройства и способы (в золе, на каменной плите с треножником, небольшом домашнем тандыре и т.п.).

Даже в Гидатле, отличающемся достатком зерна, в еде преобладал хинкал, а хлеб пекли больше по торжественным случаям (ПМ 77, с. 108).

Однако хинкал сам по себе тоже, как и хлеб, является отражением земледельческих традиций. Нам уже приходилось отмечать, что у дагестанских народов существует понятие “основной еды” (беркани — еда, кушаемое — даргинское) и не основной, сопутствующей, служащей стимулятором аппетита, облагораживающим основную еду компонентом и т.д. — баллихъала (сопутствующее, попутчик, спутник и т.п.), гябки (поддерживающее, помогающее, подсобное) — даргинское. Так вот, в основную еду входит все, что произведено от зерна, крупы, муки (чтобы сказать “кушать”, говорят — “кушать хлеб”, о любом званом обеде, если даже он состоит из одного плова или долма — “звать, вести на хинкал”). А спутником, подсобным является все то, что готовят из мяса, молока, любых животноводческих продуктов, овощей, фруктов, разные приправы, соусы и т.п. Хинкал — еда, мясо к нему — спутник, хлеб — еда, сыр — спутник, каша — еда, приправа к ней из масла или сладости — спутник и т.д. Симптоматично, что подобные разграничения свойственны искони земледельческим народам. М.В. Крюков указывает, что пищевой рацион китайцев характеризуется “существенной особенностью, свойственной пище земледельцев — основным его компонентом является крахмал в виде различных сортов зерна”, и это отразилось в их представлениях о структуре пищи — основная еда (из зерна и его производных), второстепенная еда (все остальное — овощное, мясное, рыбное). Та же оппозиция у японцев (605, с. 140-141). Сходное положение в сиамской пищевой модели отмечено Я.В. Чесновым (605, с. 193). Очень характерно, что “количественное и функциональное преобладание” еды из крупы (фань) над остальными компонентами пищи нашло отражение и в том, “что это слово означает также пищу вообще” (605, с. 142-143). Вспомним дагестанское “кушать хлеб” равное “кушать” вообще. И еще более удивительно, что у части дагестанских народов, например, у даргинцев, имеется аналогичное китайскому приветствие, заключающее в себе вопрос о том, покушал ли их собеседник. Сходная с положением в горной части Дагестана, только еще более четко очерченная картина наблюдалась в высокогорье. Правда, на первый взгляд мы встречаем здесь не совсем понятные явления. Из 52 селений в которых ставился

вопрос о приоритетности мучных изделий на первое место хинкал поставили лишь в 18. Еще в 12 приоритетным названо толокно, а в остальных 22 — хлеб (ПМ 77, с. 119, 126, 127, 133, 136, 139; ПМ 78, с. 219, 228). Отметим еще, что сочетания толокно-хинкал (в последовательности приоритетности) и хинкал-толокно, с оттеснением хлеба на третье место, зафиксированы лишь в 11 случаях, что свидетельствует о значительности и хлебопечения.

Применив использованную нами при описании транспорта систему подсчета по “очкам”, мы получили такие цифры удельного веса и приоритетности трех главных мучных изделий в высокогорье: хлеб — 115, хинкал — 111, толокно — 86. Цифры эти требуют некоторых пояснений. Во-первых, в высокогорье значительная часть толокна была предназначена для приготовления безалкогольных (малоалкогольных) напитков в качестве одного из ингредиентов. Во-вторых, сам хлеб высокогорья коренным образом отличался от равнинного и даже среднегорного, в большинстве случаев он представлял собой небольшие пресные лепешки, выпеченные в золе, или каменной плите с треножником. На равнине даже в экстренных случаях, когда внезапно возникала надобность в свежем хлебе, тут же относили в пекарню или кусок имевшейся опары, или наспех замешенное тесто. Т.е. пекарня действует, работает постоянно и выдает продукцию. Ничего не надо затопливать, ждать когда накалится под и т.п. Не говоря уже о том, что любая из находящихся в пекарне женщин, или сама хозяйка, отдает срочно нуждающемуся хлеб из имеющегося выпеченного. Такой готовой пекарни в высокогорье не могло быть. В подобных экстренных ситуациях здесь выход был совсем другой — приготовление толокна. Так, например, А.К. Сержпутовский отмечал, что “особенно любимым кушаньем считается у лидоев толокно, мешанное с медом в виде густой массы” (504, с. 283). Последнее было, конечно, рабочим блюдом, походным, экстренным, но не парадным, гостевым. Ни в одном из перечней кушаний, которые были выставлены для почетных гостей в дагестанских аулах в XIX в. мы не встретим упоминания о толокне, но зато хинкал и хлеб там присутствуют обязательно. Например, в даргинском ауле Дебгаши среди “самых лакомых, по понятию лезгин кушаний”, предложенных для русского путешественника, на первом месте стоят “галушки с чесноком”, и потом — крутые яйца, яичница, соленая баранина, курдючье сало, молоко, сметана, сыр, два сорта хлеба, и “знак цивилизации — чай” (161, с. 11). В другом ауле также наряду с мясом, сметаной, сыром и прочим были предложены гостю “около дюжины пшеничных хлебцов, горячих, испускающих пар” (493, с. 11).

И в высокогорном Рутуле при приеме гостя были выставлены чуреки. Однако главным блюдом здесь идет не хинкал, а плов из баранины, с изюмом и сливами (244, с. 44) — результат культурного взаимодействия и влияния азербайджанского этноса. Плов отмечен и в других местах Дагестана, но только в качестве парадного блюда, главным образом у зажиточных обывателей* (583, с. 337).

* Характерно, что автор, связав плов с зажиточными, среди обычной еды на первом месте ставит хинкал (538, с. 337).

Разумеется, было бы ошибкой, видеть в отдельных продуктах, изделиях или блюдах системы питания только эколого-хозяйственные привязанности.

Пища вполне резонно считается в этнографии одним из этнически показательных и устойчивых культурных элементов. Например, И.Н. Чебоксаров и Я.В. Чеснов отмечают, что “сельскохозяйственные культуры не являются исходно чем-то этнически специфическим”, указывают затем, что “в силу конкретных исторических и природных условий, а также формирования пищевой традиции на определенной стадии социально-экономического развития, особенно в небольших изолированных группах, они могут стать этнически характерными” (571, с. 61). Т.е. пищевая традиция, подкрепив традиционный состав сельскохозяйственных культур, усиливает тенденцию к их этнизации. К. Уисслер даже считал, что “специализация на одном виде пищи, который становится главным продуктом, или одним из главных, если условия позволяют иметь второе” является “универсальной тенденцией разных групп человечества” (628, с. 1).

В этом плане в Дагестане привлекает внимание такое, например, обстоятельство: хинкал более характерен для безлесных районов, т.е. в определенной мере экологически обусловлен, одновременно в местах, сравнительно обеспеченных топливными ресурсами, получает преобладание хлеб (или лепешки).

В то же время тенденцию к хлебопечению обнаруживают селения, имеющие сравнительно неплохую зерновую базу, даже если это безлесные места, как например, часть агульских и лезгинских селений Курахского участка (ПМ 79, с. 193, 196, 199, 202, 204).

С другой стороны, по нашим материалам этнически наиболее специфичным и закрепленным хинкал являлся у аварцев и даргинцев внутреннего известкового Дагестана. Здесь порой и факторы достатка зерновых и топливных ресурсов не обеспечивают преобладания хлеба над хинкалом (например, Гидатль). От этого центра радиально во все стороны, независимо от этнической принадлежности населения, происходит ослабление традиций варения хинкала, и нарастание традиций хлебопечения. Причем в сторону равнины происходит увеличение приготовления именно хлеба, преимущественно подового и кислого, в то время как к высокогорью место хинкала занимает частично пресный хлеб, лепешки, выпекаемые на открытой плите с треножником, подогреваемой пламенем. Именно подобной особенностью печеных мучных изделий можно объяснить заявление русского наблюдателя: “хлеба нет во всем Андийском округе. У лидоев чуреки — нечто вроде опресноков — хранятся у зажиточных домохозяев только для приема почетных гостей или самых торжественных случаев” (504, с. 289). Другой же наблюдатель в том же Андийском округе на первом месте в пише ставит “чурек из кукурузной или пшеничной муки”, и лишь потом хинкал. Правда, какой это чурек становится ясным, когда автор добавляет что он “каждый раз печется перед завтраком или ужином” (489, с. 302), т.е. и тут речь идет о пресных, быстро выпекаемых на плите (листе железа — садже, санджаке) лепешках.

Пресный хлеб, который печется в кизячной золе отмечен и в Казикумухском округе (после хинкала) (539, с. 337-338).

Вряд ли здесь есть необходимость особо спорить о том — этнические эти закономерности и особенности или экологические и хозяйственные. В самом происхождении, генезисе хинкала, как и любого культурного феномена, имеющего жизненно важное значение для существования человека, удовлетворения насущных потребностей, обеспечения жизни и жизнедеятельности, основную роль сыграли экологические и хозяйственные предпосылки. В процессе первичной селекции и копирования хинкал мог обнаружить те свои свойства, которые в наибольшей степени удовлетворяли потребности насыщения организма при максимуме комфортности, в условиях недостатка зерна и топлива. В дальнейшем большое значение имел элемент модификации, притирания, пригнания к эколого-хозяйственной среде всей группы (или этноса) и вглубь и вширь.

Там, где эколого-хозяйственные условия не удовлетворяют функционированию нового элемента (инновации), или, напротив, он не может функционировать в этих условиях, а также, если его бытование в данной среде нецелесообразно, непрактично, неудобно для населения — там механизм зарождения и развития инновации приостанавливается, где уже на стадии селекции и воспроизведения, где — попозже, но безусловно не проходит стадии структурной интеграции.

Естественно, что на любом отрезке этого процесса, и особенно когда инновация практически перестает быть таковой и становится органической частью структуры культуры, возможны включения механизмов этнизации. Если сама генеральная идея хинкала как культурная мутация могла иметь прежде всего хозяйственно-экологические предпосылки и корни, то ничто не могло помешать ей быть одновременно и этнически окрашенной, знаковой. Но в своем распространении, имеющем утилитарный характер, воплощение этой идеи (элемент, феномен) является прежде всего культурным, и лишь его модификации, разновидности, разные способы реализации и функционирования приобретают этническую окраску.

Эти закономерности проявляются как раз и в бытовании и распространении мучных изделий в разных зонах (хозяйственно-культурных ареалах).

Ряд мучных изделий от равнины к горам выглядит таким образом: равнинный ХКА — преобладание хлеба, в том числе высшей его формы — кислого; среднегорный — хинкал, хлеб, толокно; высокогорный — хлеб (пресный, лепешки), хинкал, толокно.

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с обстоятельствами, когда дифференцирующим признаком-критерием для отдельных ХКТ служат, в основном, не культурные компоненты как таковые, а их соотношения, в частности соотношение хлеб-хинкал, т.е. печеное-варенное: хлеб, очень мало хинкала (равнинный ХКА); или хинкал и совсем мало хлеба (среднегорный) и хлеб (лепешки), хинкал, толокно (высокогорный). В других компонентах питания нам пока не удалось проследить разделительных, дифференцирующих свойств, ибо даже при большом различии в степени их бытования, оно не настолько ощутимо, чтобы можно было говорить о том, что какой-то из компонентов питания настолько мало свойственен какому-то

определенному ХКТ, что не может считаться его интегрированным элементом (как, например осел для равнинного ХКА — бытовал, но не был для него свойственен, не был интегрированным компонентом).

Правда, в системе питания есть еще компонент, который временами служит довольно четким дифференцирующим признаком — речь идет о напитках.

2) Напитки

Но и в них, хотя в XIX-начале XX вв. и происходит довольно активный процесс расширения районов и уровня их потребления, идет даже определенная ареализация (районизация), в целом четкое выделение и соотнесение отдельных напитков с определенными ХКТ трудно удается.

Правда, виноградное вино было только на равнине, особенно в северной части и Кайтаге, но оно не было столь распространенным напитком среди местного населения. Отчасти этому способствовали исламские предписания и запреты. Поэтому становится понятной наблюдаемая особенность распространения разных видов вина: там где практиковалось кипячение сусла, вино имело большее распространение (например, вино “джаба” в засулакской Кумыкии или “мусти” в Кайтаге) (ПМ 66, с. 82; ПМ 61-62, с. 74; ПМ 78, с. 139, 192; ПМ 79, с. 157), ибо местные любители вина усматривали в своем толковании корана запрет только на “неваренное” вино.

В горной же части традиции виноделия были утрачены. Даже в горно-долинной зоне, где выращивались отличные, отличающиеся особой сладостью сорта винограда (См. 394, с. 52-55), вино не производилось. В “Обзоре виноделия Кавказа” о Даргинском округе говорится, что виноградники имеются “только в одном селе Хаджалмахи”, “но виноделием никто не занимается и виноград частью потребляется на месте, а частью идет в продажу” (429, с. 330). Характерно, что здесь же сброженные из зерна напитки назывались одним словом “мин” — напиток, а для браги из изюма, которую здесь готовили, было составлено словосочетание “тлутила мин” — виноградный “мин”. Основной же напиток почти по всему Дагестану был один — ячменная (или из другого зерна) буза. Она была у центральных аварцев, лидойцев, части высокогорных агулов, аварцев и лезгин, у лакцев, даргинцев, равнинных и нижнепредгорных кумыков и др. (ПМ 77, с. 108, 112, 114, 117, 119, 121, 130, 132, 134, 137, 139; ПМ 61-62, с. 23, 37, 49, 64, 151; ПМ 78, с. 122, 157, 192, 197, 199, 202; ПМ 79, с. 159, 207, 214).

В отдельных обществах буза бытовала наравне (или преобладая) с другими напитками, в том числе безалкогольными или слабоалкогольными. Соков не готовили ни в одной из зон, даже в горных долинах, где летом бывало много скоропортящихся фруктов (особенно косточковых).

Отличительная особенность напитков народов Дагестана в целом — подавляющее преобладание хлебных, зерновых напитков — факт немаловажный и иллюстрирующий древность и крепость земледельческих традиций.

Кроме них, помимо уже упомянутого вина употреблялись широко известный айран (у дагестанских азербайджанцев, их соседей табасаранцев, отчасти кумыков),

сыворотка, медовуха (макатта — дарг., мачча — лакск.) (ПМ 77, с. 134, 139; ПМ 78, с. 226; ПМ 79, с. 162, 170, 183) (очень редко). Преобладающие же, господствующие — хлебные (Описание нашитков см. 183, с. 248-249; 184, с. 281-283; 394, с. 286-287; 502, с. 125), которые составляли как бы три ступени (или стени) в отношении содержания алкоголя: алкогольные, слабоалкогольные, безалкогольные. При этом в XIX в. наблюдается отчетливый процесс “алкоголизации” хлебных нашитков, увеличения их хмельности, крепости. Интересно проследить как один и тот же в своей основе напиток, состоящий из совершенно одинаковых ингредиентов, именуемый одним и тем же названием, в одних местностях сохранил безалкогольный характер, в других — стал алкогольным напитком (например, напиток “ххян” в рутульских соседних селениях Лучек и Шиназ) (ПМ 78, с. 212, 219).

В этом ряду напитков можно нащупать определенные закономерности, некоторые из которых ждут еще своего объяснения. Например, алкогольный напиток типа браги, но густой консистенции, именуемый нами кумыкским словом буза, который производился из печенного хлеба на дрожжах, с добавлением солода (у аварцев — *çığla*, даргинцев — *гьаруш*), имеет мало наименований, только по одному у каждой народности, и довольно схожую технологию производства во всех местностях и у всех народностей.

Другая его черта — он более свойственен, можно даже сказать присущ именно земледельцам, или тем местностям, которые характеризуются или четко выраженными земледельческими традициями, или достатком хлеба, зерновой продукции. Связанная с последней чертой другая его особенность — его готовят в больших количествах за один раз.

Эти особенности бузы довольно определенно привязывают ее к равнинному хозяйственно-культурному ареалу земледельцев-скотоводов и среднегорному — земледельцев и скотоводов. При этом для горной ее разновидности характерно примешивание к сбраживаемому хлебу — основе также и толокна.

Безалкогольные напитки также преимущественно хлебные. Хотя технология их производства в общем-то довольно однотипна повсюду, они отличаются большим разнообразием наименований (мед, льдир, андак — аварские; ххян, кьарабуза, хьинче — рутульские; ухьяна — цахурское; т'ач, худура, саменач, алдарка — лезгинские; алуга — табасаранское; хураг, алдаркан — агульские; макьсуман — даргинское и др.).

Другая их особенность — тяготение к высокогорному району, ХКТ скотоводов и земледельцев (ПМ 77, с. 124, 126, 128, 204; ПМ 78, с. 212, 214, 217, 219, 222, 224, 226, 228; ПМ 79, с. 172, 174, 178, 182, 183, 186, 189, 191, 194, 196, 199, 202, 204; ПМ 61-62, с. 64). Однако просматривается и другая закономерность, она видна даже и по нашим неполным полевым материалам — это преобладание у лезгинской группы народностей безалкогольных напитков. Так что заключение С.А. Агашириновой о том, “что хмельные нашитки у лезгин не имели сколько-нибудь значительного распространения” (55, с. 266) представляется нам не лишенным оснований.

Отметим еще одну особенность безалкогольных зерновых напитков — их

основа — печеный хлеб с солодом, а толокно с солодом — например, для одной меры (12 кг) напитка — три фунта толокна и полфунта солода (ПМ 77, с. 124).

Безалкогольные напитки, которые можно уподобить русскому квасу, отличались тем, что их заготавливали небольшими количествами и они употреблялись в повседневной жизни. Например, при отсутствии более лучшего “попучика” — приправы его часто принимали вместе с толокном. С квасом его сближает и то, что он являлся отличным жаждоутоляющим напитком.

Судя по нашим материалам, во многих местностях, особенно высокогорных, местный “квас” был единственным производимым, а в не малом числе мест и единственным потребляемым напитком. 100-летний чабан А. Гусейнов из высокогорного Кутлаба (союз обществ Анпросо) сказал, что бузу пробовал один раз в жизни в Кахибе (союз Гидатль) (ПМ 77, с. 124), ибо на месте ее не приготавливали вовсе. В союзе обществ Когур-Кюра бузу для ритуальных нужд (например, свадьбы) приобретали в соседних селениях татов (например, в Ашага-Араге) (ПМ 79, с. 178). Другой пример — в селениях Табасарана преобладали слабоалкогольный или безалкогольный т'ач, алуга хлебные, и молочный айран. Кстати, такая градуированность степени алкогольности, спиртовости, или крепости “кваса”, отмеченная нами выше на примере “ххяна” у рутульцев, вообще свойственна этому виду напитков. Неизменным остается одно — состав продукта, из которого изготавливается напиток, и небольшая степень алкогольности — от безалкогольного до слабоалкогольного (например, “алдаркан” в селе Усуг — союза Рича безалкогольный, а в селе Шимихюр — союза Курах — слабоалкогольный) (ПМ 79, с. 194, 199). Впрочем, преимущественно напиток из толокна и солода был безалкогольным и поэтому условно может быть назван квасом.

Хотя, как отмечалось, закономерности районирования напитков трудно прослеживаемы, однако кое-какие наметки все же можно сделать. Одно из затрудняющих обстоятельств в районировании — смешение эколого-хозяйственно-культурных и этнических обусловленностей и взаимодействий. Например, айран в Табасаране можно считать по всей вероятности результатом этно-культурного влияния соседних азербайджанцев, а вино равнины прямо увязывается с разводимым здесь виноградом. В целом равнинный хозяйственно-культурный ареал характеризует преобладание бузы, при бытовании вина (джаба, муст), в качестве безалкогольного прохладительного напитка распространен айран.

Особенность напитков — отсутствие толокна в качестве ингредиента исходных продуктов.

Среднегорный ХКА в отношении напитков занимает промежуточное положение. Главный напиток и здесь — буза, но здесь не было вина, даже в местностях, имевших немало винограда. Нет здесь и айрана. Но в качестве летнего прохладительного напитка нередок “квас” из толокна и солода.

Высокогорный ареал, пожалуй, наиболее своеобразный. Буза здесь была мало

распространена, вина не было, айрана тоже. Господствующий напиток — “квас” из толокна и солода, причем напиток служит в качестве приправы, ингредиента пищи, особенно при вкушении толокна. Местами отдельные его виды приобретают слабоалкогольные свойства. Потребности в алкогольных напитках для ритуальных застолий покрывались однократным, по данному случаю, ввозом бузы из среднегорья и “чачи” из Грузии. К концу века стала входить в обиход казенная водка.

Таким образом, можно считать, что напитки в немалой степени служат дифференцирующим признаком, и каждый из обозначенных ХКА имеет свои определенные особенности в составе напитков, и закономерности в их распространении и бытовании.

2. Хлебопечные устройства

Теперь, по-видимому, будет логичным если мы от напитков (и особенно питания и соотношения варенных и печеных изделий) перейдем к хлебопечным устройствам. Как и у многих других компонентов здесь возможны два аспекта вопроса: 1) о разных формах подобных устройств и их районировании; 2) о степени бытования распространенности выявленных форм.

В литературе придается большое значение дифференцирующим возможностям отопительных и хлебопечных средств. В частности, В.М. Массон, констатируя единство, схожесть многих вещей и орудий памятников юго-запада Средней Азии и Северного Ирана (Джармо и Джейтуна), тем не менее счел, что “в целом памятники” “относятся к двум различным культурам” на основании отличий, обнаруживаемых в очагах и очагах-каминах этих памятников (391, с. 87). Следует сказать, что хлебопечная печь в разных вариациях известна по всему Дагестану, на равнине и в горах, еще с неолита (323, с. 20-32; 280, с. 158-159; 308, с. 337; 317, с. 38-39, 76-77 и др.). Однако формы ее были довольно разнообразны в разных местностях, и бытование (частотность) их также существенно различались по отдельным районам (или этносам?). В XIX в. в Дагестане основными хлебопечными средствами, различающимися по своей конструкции (структуре), способу (технологии) использования тепла сжигаемого топлива (или нагревания выпекающей поверхности — основания) и месту размещения выпекаемого хлеба, были 6 устройств:

1) печение хлеба (пресного) в жаре (с золой), с каменной плитой в качестве пода; со временем тесто стали прикрывать листом железа, а затем сковородой; следующий этап — замена камня сковородой или котлом, или двумя сковородами. Последнее особенно практиковалось в тех случаях, когда в качестве топлива использовали не дрова, а кизяк (ПМ 73, с. 44; ПМ 74, с. 43-44).

2) устройство, также основанное на принципе устилающего пода, но представляющее собой хлебопечную двухсекционную печь, приподнятую как и положено печам, над землей.

Огонь разжигается непосредственно на полке — поде, по его нагреванию огонь с жаром и золой отодвигается в боковую топочную часть, в которой огонь горит постоянно. Дым и тепло проходят в дымоход таким образом, что идут в него из конца в конец (из задней части, куда пламя ударяется, в переднюю, где устроен перед обеими секциями небольшой балдахин), что дает максимальный эффект использования тепла. Поскольку наиболее совершенные его образцы встречаются на равнине, у кумыков, его можно именовать их термином — “корюк”.

3) Сходное устройство печного же типа, но двухэтажной и даже трехэтажной конструкции, односекционное, с использованием для выпечки хлеба эффекта пламени и тепла, исходящих от разжигаемого внизу (на первом “этаже”) огня и подогревающих плиту снизу. Для припекания хлеба сверху вторая полка — “этаж” имеет шель (сбоку или сзади), через которую снизу проходит часть избыточного пламени и тепла.

“Крыша” устройства используется для приготовления блюд, требующих медленной варки при несильном огне, томления пищи (например, зерновой каши). По ареалу наибольшего бытования это устройство правильнее всего будет считать горским среднегорным видом пекарни и условно именовать для удобства изложения лезгинским названием “хъар”.

Очень схожая с этой “хлебная печь”, состоящая “из двух тонких больших шиферных плит, расположенных на высоте 3-4 ф. одна над другою и упирающихся краями на подставленные с боков камни”, описана у хевсуров Г.Радде (479, с. 237).

4) Основанное на том же, что и хъар принципе открытое устройство, состоящее из каменной или глиняной плиты, позднее железного листа (противня) — саджа (лезгинское), установленных на треножке. Пеклись на нем пресные тонкие лепешки лаваша, невысокого качества.

5) Хлебопечное устройство “ямного” типа, топочная камера служит одновременно и выпечным подом (стенки). Наравне с корюком являлось одним из совершенных выпечных устройств, в нем готовились наиболее высококачественные сорта кислого пшеничного хлеба. По мнению С.А. Арутюнова “техника хлебопечения на вертикальных стенках печи” распространилась из единого переднеазиатского центра.

Он отмечает также “земледельческий” характер этого устройства и указывает в связи с этим на то, что у кочевников и полукочевников оно не входит в быт даже после полной седентаризации (605, с. 234). Наиболее распространенное его название — “тондыр”.

6) устройство в форме усеченного конуса, или полукруглое, закрытое со всех сторон, с двумя отверстиями — топочным и верхним, для котла или сковороды (при ненадобности приготовления еды оно прикрывалось каменной (впоследствии — чугунной) плитой или котлом с водой). Для удобства изложения мы будем называть его даргинским (у которых он имел большое распространение) наименованием “тарум”. Первоначально он вписывался в периметр очага, позднее приобрел как бы

самостоятельное существование, но всегда был рядом с ним. Хлеб пекли на его раскаленных от разожженного огня внутренних стенках. В отличие от неэкономичных устройств типа корюка, в которых огонь горит постоянно, здесь выпекание происходило в почти герметично закрытой камере, разжигание огня в которой прекращается (183, с. 246; 184, с. 121, 269-270; 394, с. 169-170, 287; 55, с. 175-177, 256).

Таким образом, мы насчитали 6 хлебопекарных приспособлений и устройств — жар с золой, с каменной плитой или сковородой, садж, тарум, хьар, корюк и тондыр.

Теперь попытаемся определить закономерности ареализации (или районирования) этих устройств. Естественно, что во многом она коррелируется с районированием варенных и печеных мучных изделий, о котором говорилось выше. В привязанности хлебопекарных устройств к определенным местам главную роль играли степень развитости земледельческого зернового производства и состояние и особенности топливных ресурсов. Немаловажную роль играли и этнические взаимодействия.

Выше, когда мы описывали распространенность печеных изделий, мы указывали, что равнинно-предгорный ХКА характеризовался преобладанием печеного подового хлеба, преимущественно кислого. В 25 селениях равнины и нижнего предгорья, где ставился вопрос о хлебопекарных устройствах, во всех первым назывался корюк, и в большинстве селений как постоянно функционирующая пекарня, как личного пользования, так и общественного. Однако, по словам информаторов, немалое место занимало в удовлетворении повседневных нужд и печение хлеба в очаге, на каменной плите в золе с жаром (в 8 селениях). И еще в 9 селениях отмечен тондыр, причем все эти селения в Южном Дагестане — лезгинские и табасаранские (ПМ 66, с. 73, 82, 87, 162; ПМ 78, с. 157, 192, 197, 199, 201; ПМ 77, с. 78; ПМ 74, с. 23-24; ПМ 79, с. 159, 161, 163, 165, 169, 172, 174, 177). Бытование названных хлебопекарных устройств в равнинно-предгорном хозяйственно-культурном ареале обнаруживает определенные закономерности. Например, мы видим, что все устройства основаны на принципе нагревания пода посредством кострища, разжигаемого на самом поде. Это требует определенного сорта топлива (дров) и относительного его достатка.

Далее, здесь явно преобладают устройства, предназначенные для кислого хлеба, или же хлеба больших размеров (например в золе выпекали булки весом от 1,5 до 10 кг), и даже только пшеничного хлеба — ячменный и особенно кукурузный (тем более просяной) хлеб невозможно выпекать на стенках тондыра. И все таки сама районированность тондыра, локализация только в пограничных с Азербайджаном местностях, алогичное бытование в некоторых высокогорных селениях лезгин и цахуров (Куруш, Смугул, Цахур), тесно связанных с Азербайджаном, наталкивает на мысль о этнических предпосылках бытования тондыра. Тем не менее хлебопекарные устройства равнинного ареала достаточно четко обнаруживают признаки и свойства, которые присущи именно земледельческой культуре, ХКТ земледельцев-скотоводов.

Как и следовало ожидать, более сложную картину мы видим в среднегорной части. Правда, земледельческие традиции сказываются на особенностях выпечных устройств и здесь. В частности, в 33 селениях из 53 мы находим горскую пекарню «хьар», правда, первенство по бытованию принадлежит таруму (первое место в 22 селениях), далее идут выпечка в золе (9 селений), тондыр и корюк (по 7 селений), хьар — 6 и садж — 2 селения (ПМ 77, с. 108, 113, 121, 130, 133, 135, 137; ПМ 62-63, с. 45-46, 119; ПМ 73, с. 44, 48, 50-52, 81, 105, 113, 115, 119-120; ПМ 61-62, с. 49, 64; ПМ 78, с. 185, 188).

Как и в равнинно-предгорном хозяйственно-культурном ареале, здесь подавляющая часть примеров бытования печения хлеба в очаге приходится на предгорную часть. Это отражено и в свидетельствах современников, которые на первое место в предгорье (лесном) ставят выпечку хлеба «в горячей золе очага» и лишь потом говорят о «пурнях» общественного характера, которые содержались бедными вдовами (68, с. 18). Бурьян и кизяк не могли служить топливом при такой технологии — первый постольку, поскольку практически не образовывал жара («в горячей золе»), а второй из-за не совсем ясных для нас эстетических (?) соображений местных жителей, которые считают, что в кизячном жаре и золе нельзя выпекать неприкрытый хлеб (по-видимому, дело в том, что кизячная зола по консистенции почти как пепел, и попав на поверхность еще сырого теста, потом, по испечении хлеба трудно устраняется. Добавим к этому эстетико-психологический момент — все таки бывший навоз — и складывается традиционный психологический стереотип).

Пример предгорных частей обоих ХКТ (равнинного и среднегорного) показывает, что выпечка хлеба в золе коррелируется с достатком дров, и привязана, следовательно к лесным местам. Или, иначе говоря, можно сказать, что выпечка в золе возможна в лесистых районах и практически отсутствует по причине технологической невозможности и невыгодности — в безлесных.

Хьар как бы отражает меньший масштаб и меньшую выраженность земледельческой культуры в среднегорье; он меньше корюка по габаритам, производительности, регулярности и продолжительности функционирования, по качеству продукции. Главная его технологическая особенность заключается в том, что в отличие от корюка он не является подовым устройством, эффект нагревания достигается здесь за счет пламени, что, естественно снижает его технологические характеристики. Интересно отметить, что и другое, наиболее распространенное хлебопекарное устройство, занимающее в повседневности первое место — тарум, также базируется на эффекте пламени. Однако разница между ними есть: в хьаре плита подогревается пламенем снизу, идущее в шель тепло предназначено для выпекающего эффекта другой (верхней) стороны хлеба; в таруме же пламя накаляет ребристую поверхность своеобразного сводного (стенного) пода, на который лепятся хлеба.

Обращает на себя внимание, что горский тарум имеет большое технологическое

сходство с распространенным в разных вариантах во многих регионах мира (418, т. 2, с. 129, 520; 282, с. 106-110) тондыром. Можно даже сказать, что тарум является горной модификацией тондыра. Препосылками для мутаций тондыра могли послужить твердость (скалистость) грунта для выкапывания ям, затем расположенность очага и тарума на втором этаже, где ям не выраешь. Ведь есть же подобный прецедент в даргинском жилище, в котором небольшое помещение вроде конуры в очажной комнате верхнего этажа для хранения молочных продуктов называется "яма" (пукья) — ясно, что это перекочевавшая из одноэтажного жилища яма, которая в нем действительно имеется и оправдывает свое наименование (184, с. 122). И еще одно — небольшой тарум с тонкими стенками легче нагревается теми видами топлива, которые преобладали в горах — ветви, листья, бурьян. Именно в особенностях горного топлива кроется и факт преобладания здесь хлебопекарных устройств, базирующихся на сильном пламени быстро сгорающего топлива, не дающего хорошего жара и золы и поэтому мало пригодного для нагревания пода. Достаточно беглого взгляда на географию тарума и других подобных устройств, чтобы убедиться в том, что их технологические особенности обусловлены недостатком топливных ресурсов, спецификой используемых в качестве топлива материалов.

Таким образом и для среднегорного ХКТ удастся обнаружить в выпечных устройствах определенные признаки, которые можно считать характерными для этого типа дифференцирующими критериями: это преобладание неподовых устройств, основанных на экономном использовании эффекта сильного но скоротечного пламени (тарум, хьар). Отметим, что и хинкал, преобладавший в мучных изделиях среднегорья являл собой в том числе и стремление при малой затрате топлива и быстро получить горячую и более сытную комфортную пищу, чем сухая лепешка. Поэтому о дагестанских отопительных средствах наблюдатели говорили, что "они служат для варки пищи и для отогревания оковевших членов в зимнее время, но никак не для нагревания помещения" (109, с. 142).

Высокогорный район с одной стороны как бы продолжает ориентацию среднегорья на экономные выпечные устройства — хьар представлен в 49 селах из 55. тарум в 27, однако степень этой ориентированности заметно падает.

В среднегорье тарум представлен в 68% селений (в 43% — на первом месте), а в высокогорье — в 49 (на первом — 16). Заметно больше в этом районе использование саджа — в 43 селах (78%); можно даже говорить о его преобладании вместе с хьаром (114 и 89 "очков").

Последнее объясняется двумя обстоятельствами: о первом мы уже говорили в связи с мучными изделиями и видами хлеба — недостаток зерна, традиций и культуры хлебопечения ("разовые" пресные лепешки в небольшом количестве); второе, думается, объяснимо экологическими особенностями, т.е. большим достатком дров по сравнению со среднегорьем.

Нельзя сказать, что садж экономное средство хлебопечения — в отличие от

тарума здесь много тепла от огня пропадает, не говоря уже о том, что при его использовании нельзя часть тепла использовать для приготовления в котле, помещенном над очагом сверху тарума, какой либо жидкой горячей пищи. Районизация хьара и саджа в местностях более обеспеченных топливом, т.е. обделенных (ПМ 77, с. 106, 119, 125; ПМ 78, с. 226), и тарума — в безлесных, бедных топливом местах (ПМ 77, с. 131, 133, 135; ПМ 62-63, с. 60-63; ПМ 74, с. 43-44; ПМ 78, с. 183, 195-196; ПМ 79, с. 199 и др.), подтверждается и материалами высокогорья. Одновременно подтверждается и другая закономерность — преобладание капитального тарума у преимущественно земледельческого населения и саджа — у групп населения с преобладанием скотоводства, особенно отгонного. В целом определенную дифференцированность можно отметить и в высокогорном ХКА скотоводов и земледельцев. В основе ее лежат хозяйственно-экологические предпосылки — слабость земледелия, более подвижный образ жизни, относительный недостаток леса. Поэтому пара наиболее распространенных хлебопекарных устройств и здесь выглядит по иному, чем в других ХКТ. Если в среднегорье преобладающие хлебопекарные средства составляли пару тарум — хьар, то здесь — садж-хьар, причем последний в ряде мест использовался только (или преимущественно) для поджаривания зерна (ПМ 77, с. 127).

Таким образом, можно считать, что хлебопекарные устройства являются в определенной степени дифференцирующими признаками — критериями для ХКТ Дагестана.

Правда, их дифференцирующая роль проявляется далеко не в одинаковой степени во всех ХКТ. Равнинный ХКА, например, четко характеризуется преобладающим здесь устройством (корюк), которое несомненно является по природе земледельческим и тем самым подкрепляет собой в качестве компонента культуры равнинного ареала, его отличительного признака — земледельческий характер равнинно-предгорного ХКА.

В среднегорной части совокупность тарум-хьар иллюстрирует слабость зернового хозяйства и топливных ресурсов при развитых земледельческих традициях, т.е. он точно вписывается в среднегорный ХКА и одновременно его характеризует, и подтверждает правомерность его характеристики.

Меньшую земледельческую окрашенность, слабость традиций хлебопечения, преобладание устройств, предназначенных для низших сортов хлеба показывают садж и хьар высокогорья, что вполне согласуется с преобладанием скотоводства в общем облик ХКА высокогорных скотоводов и земледельцев. Для четкости представления мы попытались отразить типологию и районирование хлебопекарных устройств в небольшой схеме. (См. Приложения).

3. Мельницы

В связи с такими компонентами культуры как мучные изделия или

хлебопекарные устройства целесообразно рассмотреть вопрос и о мельницах, как элементе ХКТ.

Наверное, нет особой нужды доказывать, что мельница и как технологическое устройство с определенным функциональным назначением, и как компонент хозяйственного быта, и как элемент традиционной культуры несомненно являлась составной частью земледельческой культуры. П.И. Вавилов не случайно отмечал, что мельница является одним из признаков древнего и высокоразвитого земледелия (141, с. 103). В Дагестане водяная мельница известна с древнейших времен. Об этом свидетельствуют, в частности, и языковые материалы. Так, например, в даргинском языке ее название (шилкъани, шункъа от шин — вода, лукъан — мелющий — водою мелющий, стало синонимом вообще мельницы и поэтому название более древней ручной мельницы звучит парадоксально — “ручная водяная мельница” (някъла шункъа), хотя вода здесь, разумеется, абсолютно не причем. В этом плане нужно учесть и такое обстоятельство: в Дагестане было широко развито использование водяного колеса (турбины) в самых различных целях: для рушения риса, обработки и шлифовки крупных заготовок, деталей для утвари из дерева, шлифовочных работ в производстве котлов и других металлических изделий и т.д.

Надо сказать, что в хозяйственном и общественном быту народов Дагестана мельнице придавалось очень большое значение, она находилась под неослабным контролем сельской общины. Хотя мельницы принадлежали отдельным владельцам, взаимоотношения хозяина мельницы и членов общины строились на основе принципа: “мельница — твоя, но вода — общественная”, и поэтому плата за помол, например, устанавливалась общиной и могла регулироваться только ею. Величина установленной ею платы за помол была известна каждому члену общины: например, это была установленная часть зерна хозяина, принесенного на помол — 25я, 30я, и т.д. (ИМ 77, с. 113). В других случаях правильность взимания платы могла быть произведена любым пришедшим на помол жителем селения — например, по узаконенному общиной размеру дощечки, которой зачерпывалась из емкости плата за помол меры зерна (что удерживалось на дощечке — то идет хозяину мельницы) (ИМ 73, с. 58; ИМ 75, с. 16-17). В суровые зимы, когда маленькие речки замерзали и работающих мельниц оставалось мало, община бралась даже регулировать очередь, чтобы обеспечить интересы тех, у кого нет запасов муки и продуктов (одинокие женщины, сироты, старики и др.), или жителей из дальних селений. Особое положение мельницы отражено и в установлениях общинного права — адата. Так, в одном из них, за порчу имущества на мельнице, или кражу убыток взыскивался вдесятеро и сверх обычного штрафа в пользу сельских исполнителей (в переводе на русские деньги во второй половине XIX в. — около 5 руб.) с провинившегося бралось своеобразное пени — штраф — 14 котлов (61, с. 258).

Отметим еще одну особенность в положении с мельницами — их множественность, повсеместная традиция строить их везде, где позволяли условия.

Иной раз поражает количество мельниц, функционировавших в одном ауле. Например, в равнинном селении Губден в последней четверти XIX в. было 57 мельниц, но и в горном Акуша их было 50 (20, с. 128-129; 19, с. 34-37).

Традиции хлеборобства отражены, например, очень ярко в картине распространения мельниц в аулах горного Даргинского округа (627 мельниц на 18807 хозяйств), хотя нельзя сказать, что в XIX в. они (традиции) подкреплялись такой же бесспорной натуральной зерновой базой (далеко нет: в 1886 г. в самом хлебном участке округа — Мекегинском, было всего 0,8 дес. на одно хозяйство, а в Акушинском — всего 0,2 дес. (Табл. 1). Но мельниц было много, и не только в Даргинском округе. В частности, большим количеством мельниц отличались и высокогорные селения в Андийском, Гунибском и Самурском округах (аулы: Мехельта — 20 мельниц, Аргвани — и Тинди — по 17, Анди — 15, Ахты и Каракюра — по 20, Микрах — 14 и т.д.). В равнинном по преимуществу Темир-Хан-Шуринском округе одна мельница приходилась на 50 хозяйств в среднем по округу, в горном Даргинском на 30 хозяйств, в высокогорных — Самурском — 41 хозяйство, Андийском — 36 (20, с. 128-129; 140, с. 41, 210-211; 19, с. 78-81). Как видно, в горном Дагестане были не просто древние земледельческие традиции, они жили, воспроизводились, в частности, и в традициях питания — даже у традиционных признанных скотоводов высокогорья основная еда была земледельческая. А поскольку хлеб принято (и должно) ввозить в виде зерна, надо иметь свою мукомольную базу.

И в создании этой базы горцы были удивительно кооперативны: мельницы строили не только для своих, сельских потребностей, но и с расчетом на потребности других, особенно ближайших селений, входящих в один союз.

Вот почему, например, село Хаджалмахи, стоявшее на реке и имевшее несколько многотурбинных (многоставных) мельниц обеспечивало потребности в размоле зерна многих селений округа, вплоть до Мекеги (особенно в суровые зимы).

Таким образом, можно сказать, что мукомольная культура в Дагестане была развита одинаково (почти) везде, независимо от степени развитости земледельческого (зернового) хозяйства. Правда, различие между равнинным и высокогорным ХКА было, но не на принципиальном, признаковом уровне. В частности, одно из различий заключалось в том, что в пореформенный период на равнине произошел в мельничном деле определенный качественный сдвиг. Быстрый рост зернопроизводства при растущих потребностях в муке несельского населения (в конце XIX в. из села Губден, например, ходили в Петровск целые обозы с мукой), привел к внедрению в ряде крупных зернопроизводящих аулов более производительных мельниц с вертикальным колесом, пазванных местным населением “русскими”. Такие мельницы появились в селениях Аксай, Карабудахкент, Губден, Мурего, Башлыкент и др. Однако в большинстве мест равнины преобладали местные мельницы с горизонтальной турбиной (“азиатские”), поэтому однозначное заключение по этому поводу вряд ли будет объективным, а следовательно и возможным, и необходимым. По-видимому,

будет правильнее учитывать появление “русских” мельниц в равнинном хозяйственно-культурном ареале, не придавая однако им значения самостоятельного признака-критерия.

Можно еще иметь в виду, что мукомольная база высокогорья была все таки слабее, чем на равнине и в среднегорье, и в этом смысле допустимо говорить о определенной степени соответствия между профилем высокогорного ХКТ (скотоводов и земледельцев) и мукомольной базой (распространенностью мельниц) района.

В целом же получается, что мельницы не имели каких-либо зональных хозяйственно-культурных особенностей, ни в отношении собственных признаков, ни по степени распространенности (бытования) в разных районах, что делает их фактически нейтральными элементами культуры обозначенных нами ХКТ дагестанской историко-культурной области.

Теперь нам осталось из предварительно очерченного круга культурных компонентов рассмотреть в качестве признаков-критериев ХКТ — жилище и одежду.

4. Жилище

Как указывалось выше, отдельные исследователи придают жилищу, как компоненту ХКТ, первостепенное значение. А.И. Робакидзе считает его “важнейшим ингредиентом” выделенных им хозяйственно-культурных районов, или ХКА Грузии, каждому из которых “соответствовали определенные формы жилища и поселения” (486, с. 60; 485, с. 29).

Д.С. Вардумян также отмечает, что в прослеживании четких “границ распространения хозяйственно-культурных типов” и тем самым “определения историко-этнографических районов” “особого внимания заслуживают богатые материалы, относящиеся к народному жилищу и одежде” (154, с. 3). При этом исследователи справедливо считают обязательным, “единственно правильным” рассмотрение жилища (усадьбы) как “единого производственного и жилого комплекса” (593, с. 4). Изучение в комплексе представляется обязательным еще потому, что старые, генетически исходные формы жилища, как правило сохраняются в роли сезонного жилища или “в качестве хозяйственной постройки” (557, с. 4, 41).

Отметим, что в литературе жилище считается элементом культуры, которое является одним из наименее этнодифференцирующих и из наиболее обусловленных природно-географическими условиями. М.Г. Рабинович в таком порядке ставит обуславливающие особенности жилища факторы: природные условия, экономика, социальное положение владельцев, их этническая принадлежность (477, с. 15). В другой работе он уже со всей определенностью отмечает, что “строительный материал и конструкция жилища рядового населения зависели прежде всего от географических условий” (478, с. 63; 535, с. 20). Подобных (или очень близких к ним) взглядов придерживается большинство исследователей жилища разных народов в разных

регионах мира (522, с. 6-8; 574, с. 34-40; 291, с. 83-84, 190-191). Особенно четко и последовательно положение о “зависимости от экологических или естественно-географических условий отдельных признаков традиционного сельского жилища”, о наличии соотношения между экологическими или территориальными единицами и типами традиционного сельского жилища в целом, проводится в работе Н.Н. Чебоксарова и И.А. Чебоксаровой (574, с. 40, 34-63). Во всяком случае коррелированность жилища с природными климатическими условиями, с имеющимися в местности материалами, пригодными для строительства жилища, с ландшафтом местности, с хозяйственными заплатами, и связанными с ними образом жизни и т.п. — можно считать, по-видимому, достаточно очевидными.

Истина в крайнем выражении иногда хорошо показывает свою истинность: например, иглу эскимосов не мог сложиться в пустыне Сахаре, так же как шатер фелидж туарегов не мог бы похвастаться своей приспособленностью и комфортабельностью в условиях Арктики. Дагестан, например, тоже обычно считается краем каменного строительства, его “каменные жилища”, имевшие по выражению И.Пантюхова “жизненное значение” (450, с. 104), считаются характерной особенностью Дагестана, но вот Н.Я. Динник привлек внимание к тому, что здесь есть места, “где растут большие леса, где сакли построены не из камня, как почти во всем Дагестане, а из деревянных брусев” (230, с. 30, 42, 44). И обратный факт: здесь же, выражаясь словами Н.Харузина, “там, где чувствуется недостаток в лесном строительном материале, основой образующей стены жилого помещения является плетень” (557, с. 70-72), разумеется, при условии, что одновременно не хватает и строительного камня.

При этом нельзя упускать из виду, что жилище, как и любой элемент культуры, подвержено и этническим мутациям, и инновациям, и, следовательно, может иметь и этнические свойства и окрашенность.

Исходя из этих предпосылок рассмотрим теперь жилище соотносительно с ХКТ.

Еще арабские писатели X века Ал-Истахрий, Ал-Мукадассий и др. отметили, что постройки жителей равнины того времени были “деревянные плетенные, кровли на домах выпуклые” или остроконечные. Он же указали на переходный характер этого жилища, имевшего своей исходной формой “войлочные палатки” (286, т.29, с. 47; 285, т. 38, с. 5). Экологическая, хозяйственная, социальная обусловленность последних общеизвестна — она идет от кочевого скотоводческого хозяйства степей и полупустынь и соответствующего образа жизни.

Надо сказать, что затем, в процессе исторического развития в этих формах жилища смешались эколого-хозяйственные и этнические обусловленности и особенности. Экологические и хозяйственные черты постепенно становились этническими, став таковыми они могли воздействовать на соседние этносы или районы уже не только в эколого-хозяйственном конвергентном плане (мутация в данном месте передается в качестве инновации в другое, где имеют место сходные

экологические, хозяйственные и культурные условия и потребности), но и этническом, когда конвергентность не обязательна и воздействия могут быть и чисто этническими, контактными, импульсивными.

Конечно, "войлочная палатка" не обеспечивала наилучшего комфорта для его обитателей, но она была наиболее удобной при тех условиях хозяйствования, в тех экологических обстоятельствах, когда человеку, чтобы обеспечить свое существование приходилось регулярно менять место кормообеспечения скота и вместе с тем свое "местопребывание". И когда эта "передвигаемость" уменьшилась, "палатка" стала обрещать атрибутами постоянного жилища (например, вроде каменной или глиняной невысокой опояски шатра) и постепенно эволюционировала в турлучную постройку, сохранив облик бывшей "войлочной палатки". За много веков развития в условиях постоянно прогрессирующего оседлого земледельческого хозяйства следы "непостоянности", временности жилища сошли на нет и в XIX веке равнинное жилище предстает перед нами хотя и со следами "былой красоты", но вполне стационарным жилищем оседлого земледельческого населения. "Следы" же проявляются в турлучном характере, одноэтажности, покато́й кровле. Оседлое хозяйство земледельцев-скотоводов нуждалось в соответствующих хозяйственных службах, поэтому к некогда одинокому жилью теперь примыкали хозяйственные постройки — в линию, или по периметру, образуя хозяйственный двор. Если сравнить эти данные с особенностями жилища нагорной части, то сразу же становится ясным, что основные особенности равнинного жилища, по которым (вместе с некоторыми другими) жилище собственно и классифицируется (292, с. 3-6; 435, с. 117-123; 522, с. 7-11; 574, с. 37-40; 331, с. 10-14), являются своеобразными, дифференцирующими, обладающими свойствами признаков-критериев. Это относится и к материалу строительства — турлуку, впоследствии частично вытесненному сырцовым кирпичом, и к покато́й кровле, и к одноэтажному характеру (т.е. к отсутствию вертикальной планировки). Можно отметить свободную расположенность домов-усадеб в пространстве, и связанную с земледельческим хозяйством доступность каждого хозяйственно-жилого комплекса для подъезда арбы.

Для сравнения можно вспомнить, что в горных селениях регулируемые общиной параметры улиц предусматривали возможность прохождения осла с поклажей.

Отмеченная выше смешанность эколого-хозяйственного и этнического отразилась в пространственном распространении равнинного жилищного типа за ее пределы. В частности, в нижнем предгорье у аварцев, лезгин, даргинцев в жилище отчетливо проявляются признаки равнинного "кочевнического" жилища (турлук-форма кровли), которые трудно объяснить обусловленностью местными природно-географическими условиями и характером хозяйства населения. В данном случае скорее всего сказались этнические контакты и даже инфильтрация населения в средневековье из равнины в предгорье. Это подтверждается тем обстоятельством, что признаки равнинного типа здесь остаточны, что иллюстрируется их бытованием прежде всего в хозяйственных постройках — сенниках (напр. — алачук), загонях

(даргинский "турен") хлевах, курятниках. С другой стороны, чем выше к предгорью, заметное возобладание в строительстве основной постройки — жилища получают традиции, связанные с местной (предгорно-горной) эколого-хозяйственной ситуацией — камень, как основной строительный материал, многоэтажность, плоская кровля, теснота застройки. Чем ближе к концу XIX века, тем большее преобладание в жилище нижнего предгорья получают признаки горного жилища, все более уподобляя его (нижнее предгорье) в этом компоненте культуры на ХКТ горных земледельцев и скотоводов.

В целом можно считать, что жилище равнинных земледельцев-скотоводов обладало рядом дифференцирующих признаков-критериев, имевших в своем генезисе как экологически-хозяйственные так и этнические корни (турлук, одноэтажность, покато́я кровля). Однако в данном компоненте арсал равнинно-предгорного ХКТ сужается, превращаясь в именно и только равнинный. Добавим, что в последующем, особенно в советское время, сужение ареала бытования равнинного типа продолжалось в корреляции с дальнейшим развитием земледельческого хозяйства и улучшением образа жизни и материального благосостояния населения (горный тип в современном исполнении более практичен, комфортабелен, объемней, удобен для личного хозяйства, гигиеничнее и т.п.).

Относительно жилища нагорной части картина представляется более ясной — его особенности, признаки неоднократно описывались в литературе (184, с. 117-126; 384, с. 145-179; 502, с. 82-89; 137, с. 95-108; 60, с. 98-112; 277, с. 88-91; 171, с. 147-154; 55, с. 160-174). Еще в начале XIX в. и позднее многие русские (и местные) наблюдатели отметили (выделили) основные особенности дагестанского горного жилища, и особенно его вертикальную планировку, камень, как главный строительный материал, плоскую земляную (или глиняную) крышу (295, с. 309; 194, с. 346; 129, с. 448; 109, с. 142; 161, с. 9; 156, с. 69; 172, с. 103).

При этом допускались большие преувеличения в оценках, в градации — от характеристики жилища как груды "голых черных плит, сваленных в кучу, заваленных землей" Е.Маркова (376, с.35), до восторженных отзывов о домостроительстве как "великом для Дагестана деле" Е.Воронова (168, с. 24).

Однако уже Н. Глиноецкий отметил важную черту горного дагестанского жилища — "прочность и долговечность" (204, с. 86, 123), а И.Пантюхов заключил, что "устройство и обстановка жилищ лезгин далеко не так дурны, как описывают их разные путешественники. Типы лезгинской сакли и аула вырабатывались рядом многих сотен поколений и вполне приспособлены к данным условиям" (451, №233).

Исходя из этих признаков можно, по-видимому, говорить о общем типе дагестанского горного жилища (не забывая, конечно, о существовании многих экологических и этнических местных подтипов и форм). Поэтому неудивительны высказывания отдельных наблюдателей о "крайнем однообразии" построек в Дагестане (257, с. 245; 223, с. 139).

С точки зрения экологических условий это однообразие объяснимо вполне

удовлетворительно: неровный ландшафт, теснота, обеслесенность, обилие камня, экономия сельскохозяйственных угодий, оборонительные функции поселений и жилища и т.п.

При сравнении с жилищем равнины можно буквально провести дихотомизацию: турлук равнинного жилища — и камень горного, горизонтальная и вертикальная планировка, с соответственным расположением хозяйственных служб; покатая и плоская кровля; открытость, свободная планировка, просторность, отсутствие оборонительных функций и закрытость, теснота, оборонительные функции.

Остается несколько неясным вопрос о роли преобладающей формы хозяйства, занятий в особенностях жилища, и в связи с этим о различии жилища среднегорья и высокогорья.

В обычных условиях считается, что “в земледельческой зоне вообще наблюдается тенденция к сосредоточению жилых и хозяйственных построек под одной крышей, тогда как в луговой зоне их рассредотачивают и строят отдельно помещения разного назначения” (170, с. 93). Дагестанская равнина с выросшим из кочевнической “далатки” жилищем опровергает это положение, зато нижнее предгорье полностью подтверждает. В нагорной части земледельческим было среднегорье, но жилище здесь менее компактно и далеко не всегда весь жилищно-хозяйственный комплекс собран под одной крышей; высокогорье же, характеризующееся преобладающим скотоводством, отличается и ярко выраженной вертикальной зональностью, многоэтажностью, и тенденцией заключить все жилье и хозяйственные службы в рамки единой каменной коробки и крыши. Такое комплексное жилище в горной Грузии, “объединяющее под крышей все основные жилые и хозяйственные помещения” в экономическом отношении отвечает, — по мнению А.И. Робакидзе — “интересам многопрофильного хозяйства с преимущественным значением скотоводства (485, с. 29, 33; 487, с. 29-30; 488, с. 6-7).

Наши материалы в общем-то подтверждают этот тезис. Отметим только, что положение это больше применимо к местностям, отличающимся преимущественным разведением КРС. Дело в том, что в пределах аулов держать МРС дагестанская община не разрешала (только минимальное количество и только на небольшой срок) и поэтому на планировку хозяйственного комплекса содержание овец большого, решающего влияния не оказывало. Можно, особо не рискуя ошибиться, взять любой из нагорных союзов обществ с большим удельным весом КРС в сельском стаде и окажется, что селения союза отличаются монументальной архитектурой, многоэтажными ансамблями, в которых большое место занимали помещения для КРС и кормовых припасов (например, союзы высокогорья — Тлейсерух, Джурмут, Гланада, Капуча, Сирха, Ихрек и др.).

Разумеется, и в высокогорье были местности в которых не было многоэтажных комплексов, так же как в среднегорье и даже верхнем предгорье встречались селения

с многоэтажными сооружениями (например, в союзах Хедодал, Батлух, Ирчамул, Сувак и др.), отражающими факт развитого крупнорогатого скотоводства.

Таким образом, наиболее четкие водораздельные линии вырисовываются в жилище равнинного и нагорного хозяйственно-культурных ареалов. Они выражаются в почти дихотомическом членении — турлук и камень, покатая и плоская кровля, горизонтальная и вертикальная планировка, доступность усадьбы для арбы и для осла с поклажей. В пределах же нагорного ареала намечаются различия в степени многоэтажности, связанной по преимуществу с развитостью крупнорогатого скотоводства и традиций сенозаготовок.

5. Одежда

Последний в нашем предварительном перечне культурный компонент — одежда. При установлении перечня нам приходилось отмечать, что одежда один из тех компонентов культуры, который обнаруживает достаточно отчетливо проявляющуюся этническую обусловленность, дифференцированность, окрашенность.

Выше мы приводили пример с головными уборами, которые по мнению С.Ш. Гаджиевой отличались “оригинальностью и исключительным разнообразием, отражавшим этническую принадлежность, возрастные, социальные различия” (186, с. 92). С.С. Агоширинова также относит одежду к “элементам культуры, в которых наиболее ярко находит выражение национальная самобытность народов” (55, с. 202). Однако более предпочтительной нам представляется позиция по этому вопросу Л.Н. Терентьевой и Н.В. Шлыгиной, которые указав вначале, что “общепринято считать народную одежду, особенно женскую, устойчивым этническим элементом народной культуры”, тем не менее считают нужным отметить, что “наряду с этим старинные элементы одежды, особенно простейших форм, обнаруживают сходство у народов различного происхождения и на очень обширных территориях, особенно если это совпадает с общностью хозяйственно-культурного типа” (518, с. 34). О существенной дифференцирующей роли одежды при определении границ ХКТ, историко-этнографических районов говорят Я.В. Чеснов, Д.С. Вардумян и др (154, с. 3; 577, с. 105). В этой связи мы хотим обратить внимание на замечание Л.Н. Терентьевой и Н.В. Шлыгиной о связи с ХКТ именно “простейших форм” одежды. По-видимому, именно простейших, и первичных, но не обязательно старинных, а также тех, у которых яснее проглядываются функциональные стороны назначения, связанные со спецификой природно-географических условий и хозяйствования. На некоторых из этих сторон мы останавливались выше. В частности, мы отмечали зональные особенности дагестанских шуб. Так длиннополая довольно тяжелая и громоздкая какидная горская шуба сложилась по-видимому, под совокупным воздействием сурового климата и сезонных особенностей хозяйствования в горах. Зимой здесь почти не было работы для мужчин, женщины были заняты домашним хозяйством и

промыслами, а мужчины имели много “годеканного” времени, когда длинная, закрывающая все тело шуба была незаменима. Она же служила для многих также и постелью, и даже “помещением” — укрытием для самых бедных, у которых при малочисленности помещений старики спали на крыше дома, в мечети и даже на годекане. В то же время легкая приталенная шуба равнинных жителей выполняла роль только одежды, причем рассчитанной на ношение и во время исполнения любых работ.

Другой пример — обувь. Выше, в связи с вопросом об этническом и надэтническом в элементах культуры мы останавливались на этом. Обращает на себя внимание технологическая близость разных сезонных видов обуви, вычлененных по зональному принципу, дагестанских народов. Одновременно выявляется, что головные уборы женщин настолько многообразны, что даже в пределах одной народности, как говорилось, они могли быть дифференцирующими признаками для разных союзов обществ и даже отдельных селений (394, с. 242). В то же время отмечается, что обувь “в целом не имела таких резких локальных различий, какие характерны для головных уборов” (184, с. 236). Выше мы пытались объяснить это экологически и функционально. Обувь более тесно соприкасается с положениями, создаваемыми природными условиями, такими их сторонами как неровности, каменистость, холодная земля, снег, лед, распутица и грязь, отава, стернина, колючки и т.п. С большинством из них ни одежда, ни особенно головные уборы не соприкасаются.

Эта своеобразная относительная независимость от неприятных сторон экологии с течением времени способствовала выработке в головных уборах надэкологических особенностей, тем более, что они были наиболее бросающимися в глаза, замечаемыми в первую очередь элементами одежды. Поэтому в них аккумулировались, наслаивались, эстетические, престижные, профессиональные, этнодифференцирующие и другие представления, способствуя сложению в них своеобразных черт, ведущих в конечном счете к дифференциации отдельных разновидностей культурного элемента, в данном случае — головного убора. В обуви же такой феномен аккумуляции в гораздо большей степени экологичен, что приводило к меньшему их разнообразию и сложению сходных типов в сходных природно-географических условиях. Так было, например, с зимней войлочной обувью в нагорном Дагестане, которая в основных чертах была одинаковой у всех горянок (аварок, даргинок, лачек и др.) (184, с. 235, 236; 394, с. 241, 137, с. 126) и следовательно, может считаться признаковой для нагорной части.

Точно также свойственной только для нагорья и особенно высокогорья может считаться шерстяная обувь. На топкой и жирной земле равнины и нижнего предгорья с их сыростью, распутицей весной и осенью они были бы функционально непригодны, неприменимы. С другой стороны, не случайно равнинный хозяйственно-культурный ареал стал местом наибольшего распространения проникшей из Азербайджана обуви — “башмаков” типа “сабо”. Если в условиях равнинной слякоти они очень подходящи,

служа и для кратковременного, на короткие расстояния (например, на хозяйственный двор, к соседям и т.п.) самостоятельного использования, и для применения в качестве своеобразной “верхней обуви” (“калош”), то на каменистых тропах они не очень пригодны. Кстати, именно на равнине получили распространение и настоящие кожаные калоши для мягких сапог, (успешно замененные впоследствии резиновыми фабричными калошами), позволяющие носить их не загрязнив и тем самым не снимать при заходе в убранный комнату, при сидении на тахте и т.д.

Однако в большинстве видов одежды и обуви не обнаруживается особенностей, которые можно было бы связать с конвергентными эколого-хозяйственными условиями, преобладают этнодифференцирующие признаки.

Таким образом в одежде и обуви для равнинно-предгорного хозяйственно-культурного ареала можно считать дифференцирующими признаками-критериями приталенные шубы и обувь типа “сабо” и “калош”; для нагорья же, главным образом высокогорного ХКТ — длинные шубы с универсальными функциями и шерстяную обувь.

На этом заканчивается перечень культурных компонентов ХКТ, которые были предварительно выделены нами и которые, по нашему мнению, могли быть рассмотрены в качестве компонентов, имеющих дифференцирующее значение, т.е. в качестве признаков-критериев дифференцирующего (и интегрирующего, в пределах самого ХКТ) характера. Как говорилось, мы исходили из достаточно обоснованной в литературе точки зрения, что содержание ХКТ, его лицо определяется направлением хозяйства, его отраслью, сочетанием отраслей. Культурные же компоненты, ввиду их большого многообразия и разнородности, трудно поддаются критериальному рассмотрению, определению набора признаков-критериев, поэтому их приходится вычленять и определять описательным методом, выискивая из комплекса культурных черт (компонентов) те из них, которые свойственны именно данному ХКТ — или в целом, или какой-то своей спецификой соотношения с другими однородными компонентами.

Такому описанию мы подвергли культурные компоненты: пищу, в том числе напитки, хлебопекарные устройства, мельницы, жилище, одежду.

В системе питания дифференцирующая линия обозначилась в соотношении варенных и печеных мучных изделий, отдельных видов хлеба (пресный — кислый).

Хлебопекарные устройства обнаруживают тенденцию разделения по принципу масштабности хлебопечения, экономии топлива и соответственно подовой или основанной на эффекте пламени быстростороающих вилов топлива, выпечкой.

Мельницы, хотя и оказались повсеместно распространенными, характерными, как признак традиционно развивающегося земледелия, для всех районов и ХКТ, однако степень распространенности и появление мельниц с вертикальным колесом дает определенные дифференцирующие возможности и по этому компоненту.

В жилище также удастся проследить дифференцирующие особенности. Они

касаются прежде всего материала постройки, формы кровли и этажности, а также принципа расположения в пространстве — все особенности обусловлены экологией и хозяйством.

Одежда, судя по материалам, наиболее этнически обусловленный элемент культуры, поэтому в хозяйственно-экологическом отношении дифференциация в ней выражена слабо. Можно отметить определенную маркированность видов шуб (легкие приталенные и накидные тяжелые, свободно свисающие универсальные) и особенно обуви (обувь типа “сабо” и “калош”, шерстяная обувь).

В целом культурные компоненты дополняют хозяйственно-экологическую дифференциацию, можно даже сказать, что они проходят по руслу, проложенному дифференциацией на основе хозяйственного типа, сложившегося в определенных экологических условиях.

Таким образом подтверждается методологическая правильность принципа приоритетности хозяйственного типа, обусловленного экологией и социально-экономическими параметрами, в сложении ХКТ, его основного структурообразующего ядра, его содержательной сущности.

Рассмотрим теперь коротко как будут выглядеть ХКТ Дагестана, выделенные выше на основе хозяйственно-экологических типов, если дополнить их культурными компонентами, “наложить” вторые на первые.

Равнинно-нижнепредгорный ХКА оседлых пашенных земледельцев-скотоводов умеренного пояса (подтип степей и лесостепей) очень четко характеризуется преобладанием земледелия, культивируемого на обширных естественных ровных полях, как главного занятия и наиболее продуктивной отрасли хозяйства. Это нашло отражение не только в самом хозяйстве, но и в особенностях питания, в частности в преобладании (и регулярности) печеных мучных изделий, особенно кислого хлеба. В напитках это отразилось в существенном преобладании хлебного напитка — бузы и отсутствии в нем (как и в питании вообще) примесей толокна — продукта в общем-то хотя и хлебного, но характерного для менее земледельческих районов.

Также характеризуют земледельческий характер равнинного хозяйственно-культурного ареала мельницы — своей повсеместной массовостью и появлением вертикального колеса в крупнейших зерновых центрах (аулах).

Другим характерным общим признаком равнинного ХКА выступает признак наличия тесной связи земледелия с развитым скотоводством, особенно крупнорогатым, в котором особое (симбиотическое в соотношении с земледелием) значение имело разведение рабочего скота. В этом плане существенное значение имел факт преобладания в стаде КРС волов, и особенно большой удельный вес (от одной трети до половины стада в разных местах) буйволов, что является признаком развитого орошаемого земледелия.

Характер земледелия равнинного ХКА, его развитость, производительность характеризуют тяжелый передковый плуг и борона, при одновременной

экстенсивности, связанной с отсутствием демографического давления. Отсюда и слабая развитость (и даже отсутствие) в зерновом земледелии удобрения, связанная с господством переложной системы земледелия. В целом система возделывания почвы с учетом всего цикла — передковый плуг и пахота, борона и боронование, сев и заделывание семян — являлась дифференцирующей для равнинного ХКТ и отличалась от систем в других ХКТ.

В жатве равнинный хозяйственно-культурный ареал характеризовался несоответствием технических и трудовых возможностей масштабам работ, по сравнению с другими работами земледельческого цикла, неучастием в ней женщин, следствием чего являлось постоянное привлечение рабочих рук из горного Дагестана в период жатвы.

В отношении орошения можно отметить, что оно по своей развитости и масштабности несомненно являлось дифференцирующим признаком равнинного ХКТ. Хотя следует отметить, что оно не может считаться специфически свойственным равнине, напротив, тип горных пашенных земледельцев и скотоводов среднегорья также характеризовался наличием орошения, но только в садах и главным образом в долинах. Да и масштабы орошения в горах, как мы убедились выше, были далеко не те.

Несколько иным выглядит положение с садоводством и виноградарством — они здесь более масштабны, чем в горной части, но носят неспециализированный подсобный характер.

По набору культивируемых растений равнинный ХКТ хотя принципиальных отличий не имеет, однако дифференцирующие особенности наблюдаются. В частности, на равнине, в отличие от горного Дагестана, господствующей зерновой культурой была озимая пшеница. Кроме того, отдельные культуры были свойственны только для равнины, и, следовательно, являлись знаковыми, дифференцирующими компонентами — например, рис, марена.

Для скотоводства равнины характерно преобладание выгонно-стойлового типа и рабочего скота — обусловленных симбиозной связью с земледелием; наличие специфически приспособленного к условиям равнины (и в высшей степени пригодного здесь) буйвола и отсутствием (за ненадобностью в хозяйстве) осла. Здесь мы видим проведение сенозаготовки только косой, мужчинами, и вообще преобладание мужского труда в работах по сельскому хозяйству.

Домашние промыслы и особенно отходничество были слабо развиты, что было обусловлено трудоемкостью и продуктивностью основных отраслей хозяйства, в особенности земледелия.

Все это, и в особенности специфика занятий, хозяйства, его стационарный характер обусловили характер этнографических параметров образа жизни — оседлость. И, разумеется, главная “привязывающая” жителей к месту их проживания сила — это земледельчество.

Транспорт равнинного ХКА — один из важнейших его компонентов, тесными узами взаимосвязанный с хозяйством и составляющий его часть, характеризовался преобладанием наиболее эффективного вида транспорта — колесного (повозка — арба). При этом наблюдается совсем незначительная роль (можно сказать отсутствие таковой) осла как транспортного животного и ничтожность, отсутствие хозяйственного значения ручных перевозок, что говорит о достаточной знаковости этого элемента.

Жилище равнинного ареала также было в определенной степени дифференцирующим. Основные его особенности — турлучные (затем и саманные) стены, покатая кровля, горизонтальная планировка жилого и хозяйственного комплекса, размещение усадеб с расчетом обеспечения подъезда повозки (арбы).

В одежде наиболее дифференцирующими выступают некоторые виды шуб и обуви (“сабо” и “калоши”); вообще-то одежда проявляет наибольшую тенденцию к этнизации, этнической обусловленности.

Таков общий облик равнинно-нижнепредгорного ХКА с учетом культурных компонентов. В нем ошутимо наблюдается земледельческое содержание, сущность и даже культурные компоненты как бы продолжают земледельческую направленность, дополняют, подтверждают характеристику ХКА как земледельческого. В этом своем качестве равнинный ХКА четко выделяется от остальных, не оставляя сомнений в правильности и целесообразности его выделения.

Горный ХКА оседлых пашенных земледельцев и отгонных скотоводов, как видно из его определения, также был в сущности земледельческим. Но его земледелие являлось больше традицией, чем реальностью, оно не было развитым, характеризовалось небольшими масштабами. Вместо передкового плуга здесь горское рало, вместо больших ровных полей — узкие горные террасы. В отличие от равнины здесь преобладает паровая система и большое место занимает уплотненная плодосменная система (из-за земельной тесноты и демографического давления); сильно развито удобрение, но орошение, особенно в зерновом земледелии (исключая позднюю культуру — кукурузу в долинах) — незначительное.

Садоводство и отчасти виноградарство имели в долинах немалое развитие и масштабы и приобрели специализированный характер. В земледельческом цикле нет бороны и боронования; мотыжение производится только женщинами, в жатве принимают участие и мужчины и женщины, в молочении хлеба применяются только молотильные доски (нет катков).

В пище среднегорный ХКА имеет принципиальную особенность — здесь преобладает хинкал, элемент, однако, земледельческого характера. В подтверждение этого на втором месте стоит хлеб, как пресный, так и кислый.

В напитках специфичности меньше, здесь как и в равнинном ХКТ, преобладал “хлебный” напиток буза. Однако вина в нагорной части не было, в том числе и в долинных селениях, занимающихся виноградарством.

Хлебопекарные устройства среднегорного ХКА отражают и особенности экологии, и реальную слабость зернового хозяйства при глубоких земледельческих традициях. Их конструкция зиждется на использовании эффекта пламени слабого топлива и неподовом печении хлеба, в небольших масштабах.

В отношении мельниц среднегорный ХКА не имеет такого показателя как мельницы с вертикальным колесом в равнинном ХКА, однако от высокогорного он отличается чрезвычайным обилием мельниц, нередко превышающим местные потребности, что отражает древние земледельческие традиции при уменьшившейся зерновой базе.

Скотоводство среднегорья также развитое, но не симбиозное, не соподчиненное с земледелием, в формах скотоводства преобладают отгонные. Буйвол не разводится за пенадобностью и неприспособленностью к местным условиям, зато несомненным дифференцирующим признаком среднегорья был осел. В заготовке сена главным орудием был серп, особенно косовишный, которым убирала женщины, и вообще в сельскохозяйственных работах преобладает женский труд.

Домашние промыслы и отходничество имели повсеместное распространение и получили сильное развитие, став важной отраслью экономики горцев и существенной статьей жизнеобеспечения.

Важное дифференцирующее отличие характеризовал транспорт среднегорного ХКА — преобладающими были перевозки на ослах, при значительном удельном весе и ручных перевозок (женщинами). В транспорте среднегорья особенно отчетливо и рельефно выступает специфическое свойство транспорта Дагестана — его можно назвать “грузовыми перевозками” (на равнине арба использовалась все таки, частично и для пассажирских перевозок).

Жилище среднегорья естественно, отражает резкое различие в его природно-географических условиях и хозяйстве по сравнению с равниной. Это выразилось в том, что место турлука (и самана) здесь занимает камень; кровля — плоская, а не покатая; планировка — вертикальная; в принципе размещения усадеб и планировки улиц определяющим является не возможность подъезда арбы, в проход осла с поклажей.

Одежда — один из культурных компонентов среднегорья, отличающийся слабо выраженными признаками хозяйственно-экологического происхождения. Тяжелые длинные накидные универсальные шубы, войлочная и особенно шерстяная обувь распространены здесь лишь частично, дисперсно и поэтому полновесным признаком-критерием местного ХКА считаться не могут.

Таким образом и в среднегорном ХКА земледельцев и скотоводов совокупность компонентов подтверждает его двойственную сущность — глубокие земледельческие традиции при слабом земледельческом хозяйстве. И не основные компоненты (культурные) очень наглядно подтверждают общую характеристику ХКТ и его двойственность.

Высокогорный ХКА подвижных скотоводов и пашенных земледельцев имеет

принципиальное отличие от двух остальных ХКА Дагестана, отраженное и в его определении (наименовании) — он характеризуется преобладанием скотоводства (как отрасли хозяйства), органически мало связанного с земледелием (не симбиозного).

В формах скотоводства преобладают подвижные, а в видовом составе стада — овцы и молочный КРС, буйвода также не было по тем же причинам что и в среднегорье (его неприспособленность к местным условиям, нецелесообразность и экономическая невыгодность содержания).

Заготовка (серпом) и особенно подвоз сена производится преимущественно женщинами, в совокупности всех работ по хозяйству, поскольку земледелие здесь незначительно, также преобладает женский труд.

Земледелие и здесь пашенное, рало несколько отличается от среднегорного, имея конструктивные особенности, привязанные к условиям ландшафта обрабатываемых угодий (склоны) и специфике почв (запернованность). Большим своеобразием местного земледелия является отсутствие (или незначительность) террасированных участков, поэтому высокогорное земледелие скорее можно назвать "склоновым", но никак террасным. Другие отличительные признаки земледелия: плодосменная, при возможности (наличии резерва угодий) с элементами паровой, система, отсутствие орошения (зато, учитывая интересы молочного скотоводства, развито орошение сенокосных угодий), саловодства, виноградарства.

В цикле земледельческих работ отсутствуют борона и боронование, в мотыжении принимают участие только женщины.

Пища высокогорья, несмотря на незначительность производства собственного зерна, также отражает земледельческие традиции населения. Преобладающей и здесь является растительная пища, хотя животноводческие продукты занимают в системе питания, конечно, гораздо большее место чем на равнине и в среднегорье. Отличие здесь отражено в соотношении мучных изделий, расположившихся по удельному весу в совсем ином порядке чем на равнине и в среднегорье: хлеб (пресные лепешки), хинкал, толокно.

Различается высокогорный хозяйственно-культурный ареал и по напиткам. Наиболее хлебный напиток буза — здесь мало распространен, вина не было, молочных напитков тоже. Наиболее бытующий, даже господствующий напиток — "квас" из толокна и солода, используемый также в качестве приправы, "сопроводителя" к пище особенно сухой. Для ритуальных целей ввозилась буза из среднегорья и чача из Грузии.

Хлебопекарные устройства высокогорья, предназначенные для выпечки низших сортов хлеба (пресные лепешки), и мельницы, которых здесь меньше чем на равнине и в среднегорье, характеризуют меньший земледельческий характер местного хозяйства, преобладание скотоводства в хозяйственном типе населения высокогорья (скотоводы и земледельцы).

Домашние промыслы и отходничество высокогорья также в соответствии с существом хозяйственного типа (незначительность земледелия) получили большое развитие, причем если у населения среднегорья, более привязанного к родным местам из-за земледельческого хозяйства, преобладали промыслы, то в высокогорном ХКТ главное место занимает отходничество. Оба они, и промыслы, и отходничество составляли важную отрасль хозяйства высокогорья.

Особенность транспорта высокогорья, связанная со спецификой экологии и хозяйства (большие пространства и переходы высокогорья, подвижное скотоводство, необходимость подвоза зерна и т.п.) — преобладание лошади, используемой в качестве и вьючного и верхового животного, а также большой удельный вес ручных перевозок, особенно в сенозаготовке.

Жилище высокогорного ХКА хотя и не имело принципиальных отличий в своих основных элементах (материал, кровля, планировка) от среднегорного, но в одном отношении оно имело существенное отличие — в большинстве своем оно было многоэтажным, и эта особенность во многом обуславливалась развитостью здесь крупнорогатого скотоводства и традицией заготовки и хранения кормовых припасов, особенно сена.

Более характерной можно считать одежду (и обувь) высокогорья. Большие универсальные шубы и шерстяная обувь происходят именно отсюда.

Таков структурный облик ХКА Дагестана XIX века. Рассмотрение их хозяйственных и культурных компонентов показало, как и считается в литературе, что структуроопределяющим, образующим скелет ХКТ является хозяйственный тип, включающий как отрасли хозяйства сами по себе, так и их соотношение.

Однако, с другой стороны выявилось, что увязывание культурных компонентов с уже определенным, номинированным ХКТ, их наложение на ХКТ, тоже имеет свои закономерности, и они, эти закономерности, в основном соотносятся, согласуются, коррелируются с хозяйственной основой, скелетом ХКТ, а во многих случаях даже определяются, обуславливаются хозяйственным типом (в сочетании с экологией).

Разумеется, в разных культурных компонентах степень этой корреляции или обусловленности существенно различается; например, не сравнить степень корреляции между хозяйственным типом с одной стороны и пищей или одеждой — с другой. В этой же связи возникает и вопрос о этничности хозяйственно-культурных компонентов и в целом ХКТ — вопрос этот сложный и требует специального исследования. Пока можно ограничиться констатацией, вытекающей из наших материалов, что этнизация ХКТ в принципе возможна, но не следует особо обольщаться относительно степени, глубины и масштабов этой этнизации.

На этом завершается рассмотрение ХКТ в XIX веке. Нам остается теперь подвести некоторые краткие итоги исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приступая к исследованию ХКТ Дагестана мы ставили задачи изучения общих закономерностей развития хозяйства и культуры области, обусловленных экологией, социально-экономическим развитием, политической историей. Хотя этнография — наука прежде всего об этносах, об этническом в культуре, этнических функциях ее, или иначе говоря, о традиционно-бытовой культуре, но в интересах создания не дробной, цельной картины развития культуры оказалось необходимым ее изучение с точки зрения общих экологических и социально-экономических закономерностей.

При изучении этносов, этнической культуры на первый план выдвигаются особые, специфические черты, выделяющие этнос, в то время, как исследование ХКТ дает возможность познания общего, надэтнического, общекультурного. Это очень важная сторона изучения ХКТ, ибо она противостоит гипертрофированию этнических особенностей, связанного в свою очередь с ненаучным представлением об этносе как внеисторической вечной категории. Научная плодотворность исследования ХКТ объясняется также их историческим характером, что позволяет представить не только широкую картину общих особенностей культуры, но и исторических закономерностей ее развития, этапность, последовательность, т.е. в синхронике и диахронике.

В ходе исследования мы предложили формулировку ХКТ “местного” значения, для отдельных регионов (областей), являющуюся практически отражением территориальной реализации ХКТ как динамического стереотипа: ХКТ — исторически сложившийся комплекс взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, отражающий их состояние в регионе (области, районе) во взаимоотношении с экологией и уровнем экономического и общественно-политического развития, и в частности с общественным разделением труда. Поскольку она отражает территориальную привязку общей формулы ХКТ, целесообразно различать общее и частное понятия и называть последнее хозяйственно-культурным ареалом.

В свете поставленных задач мы рассматривали историю хозяйства и культуры Дагестана в аспекте их зарождения, контактирования и взаимодействия как внутри Дагестанской историко-этнографической (историко-культурной) области, так и с хозяйством и культурой соседних областей и регионов.

В процессе изучения выявилось большое значение в развитии ХКТ и политической истории, ее внезапных поворотов и катаклизмов, так же как

обнаружилось значение закономерностей хозяйственно-культурного развития в политической и социальной жизни Дагестана.

При изучении ХКТ выявилось также большое значение хозяйственно-культурной районизации (ареализации) в этническом общении и консолидации народностей Дагестана. Этнотыпы и этнические группы оказались в большинстве своем расселенными по разным хозяйственно-культурным ареалам, между тем, чем больше хозяйственно-культурных различий между населением разных районов, тем больше предпосылок для взаимных хозяйственных, торговых, культурных, а затем и политических контактов. Особенно большую роль эта поляризация ХКТ и их взаимное “притяжение” сыграли в национальной консолидации аварцев.

Естественно, что прежде чем приступить к конкретной истории ХКТ мы попытались определить основные составные компоненты ХКТ, их структуру, основное ядро (скелет) и остальной набор (обойму) элементов. Наше изучение показало, что основными из них являются: хозяйство (отрасль вместе с главным орудием, место отрасли, соотношение отраслей) тип и система земледелия, ирригация, садоводство с виноградарством, форма и тип скотоводства, промыслы и отходничество, транспорт. Это набор обнимаемый понятием “хозяйство”. Однако, поскольку рассматриваются типы хозяйственно-культурные, а не просто хозяйственные, мы сделали попытку выявить примерный перечень культурных компонентов. При этом выяснилось, что твердо установленный, неизменный даже только в своей основе критерийный набор культурных компонентов практически невозможен. Главные причины этого заключаются в том, что 1) ХКТ — историческая категория и на разных этапах их развития бывает разная значимость (критерийность, признаковость) отдельных культурных компонентов (или их набора); 2) в разных комплексах, составляющих одноименные ХКТ разных частей ойкумены, нередко представлены разные составы хозяйственных компонентов, что определяет и разные перечни культурных элементов, могущих стать дифференцирующими компонентами и поэтому составить для них единый дифференцирующий критерий будет затруднительно; 3) и при наличии одних и тех же компонентов культуры (одинаковых перечней) в одноименных ХКТ, отдельные из них обладают разной степенью дифференцирующей роли в разных ХКТ, ввиду разной степени культурной значимости, весомости и соответственно презентативности и фиксируемости (“уловимости”) в этих ХКТ.

При всех препятствиях и затруднениях определенный круг компонентов, наиболее перспективных в качестве дифференцирующих признаков ХКТ, пришлось выделить.

Несомненно, сюда входят прежде всего наиболее тесно связанные с хозяйством сельскохозяйственные орудия — пахотное орудие, борона, орудия уборки (коса, серп), а также пища, напитки, хлебопекарные устройства, мельницы, жилище, одежда и др. Отметим, что в культурных компонентах, во всяком случае рассмотренных нами, обнаружились довольно тесные корреляционные и даже каузальные связи с

хозяйственными элементами, вплоть до образования прямых соответствий или коррелирующихся пар или рядов (например, преобладающее земледелие и рассредоточенность усадеб, или крупнорогатое скотоводство и многоэтажные хозяйственно-жилые комплексы — ансамбли).

В ходе исследования ХКТ рассматривались не сами по себе, а на фоне Дагестанской историко-культурной области, в рамках которой реализовывалось единство рассматриваемых ХКТ. Дагестан представлял в этом плане географическую область, ограниченную природными рубежами, политической и культурной историей, составившую в процессе и результате совокупного исторического и социального развития его народов и районов одну историко-культурную область, в рамках которой сложились в процессе общественного разделения труда несколько взаимодействующих и сочлененных ХКА.

Только в рамках историко-культурной области оказалось возможным проследить во взаимосвязи историю зарождения и развития ХКТ с древнейших времен, изучить механизмы их взаимодействия, образовавшего единую совокупную систему ХКТ Дагестана.

Однако для того, чтобы изучить ХКТ, их совокупность, оказалось необходимым в процессе исследования перевести ХКТ на пространственное размещение, осуществить их ареализацию, райопирование. Изучение механизма зарождения ХКТ, их генетических предпосылок (экология, социально-экономическое развитие, воздействия других ХКТ и т. п.), эволюции в пространстве и времени, исследование основных параметров облика, состава компонентов, дифференциация по основным признакам-критериям, оказались возможными лишь в рамках и на фоне ареализованных ХКТ, хозяйственно-культурных районов. Более того, само выделение, вычленение отдельных ХКТ, их идентификация возможны только на базе экологических районов, рассматриваемых с учетом и на фоне социально-экономического развития.

При рассмотрении ареалов хозяйства и культуры неизбежно возникал вопрос о знаковости, степени маркированности тех или иных компонентов ХКТ. Поскольку ХКТ — логическая категория, в исторической практике маркированность (знаковость) приобрела этническую направленность и таким образом, сложилось явление этнознаковости. Нам не удалось достаточно исследовать этот вопрос — он требует, по нашему мнению, специального рассмотрения — однако мы смогли убедиться, что этнознаковость элементов хозяйства и культуры больше обнаруживается в тех ситуациях, когда элементы разных ХКТ одновременно оказываются на стыках взаимодействия разных этносов. Это очевидно подтверждается на примере кумыков-носителей земледельческого ХКТ, граничивших с одной стороны с кочевниками-ногайцами, с другой — с горными земледельцами и скотоводами.

В истории ХКТ с древнейших времен наблюдается ведущая роль земледельческой отрасли и соответственно культуры. Уже неолит Дагестана как бы в зародыше предвосхищает и земледельческую специфику, и развитие, и особенности земледелия

с его земельной теснотой и террасами. От земледельцев и скотоводов неолита разветвляются впоследствии комплексы отраслей с преимущественным развитием или земледелия или скотоводства.

В эпоху бронзы происходит новый подъем земледельческо-скотоводческого хозяйства, рост террасного земледелия, внедрение основных злаков, садоводства, виноградарства, завершается domestикация основных видов животных. Уже в эту эпоху наблюдается эффект “запертости” горной части, обусловивший особенности хозяйственного развития горного Дагестана — комплексное хозяйство земледельцев и скотоводов с небольшой материальной базой. Выделяются ХКТ скотоводов и земледельцев засушливой равнины и высокогорья, а также ХКТ лиманных земледельцев, пашенное земледелие с использованием тяглого скота, появляется транспорт — лошадь и повозка. Таким образом в эту эпоху происходит дробление единичного (и единого) первоначального производящего хозяйства — ХКТ собирателей-охотников — на несколько ХКТ — равнинных пашенных земледельцев, горных пашенных земледельцев и скотоводов, высокогорных скотоводов, степных скотоводов.

В эпоху железа (разложения первобытно-общинного строя) усиливается воздействие степной кочевнической культуры, активизируется процесс скотоводческого освоения высокогорий, сопровождающийся ростом отгонного скотоводства. Получает дальнейшее развитие, кристаллизуется ХКТ земледельцев-скотоводов внутреннего Дагестана. В средневековье симбиозность земледелия и скотоводства этого ХКТ возрастает, а на равнине единый в прошлом ХКТ раздваивается на ХКТ кочевников-скотоводов и очаговый ХКТ земледельцев-скотоводов. Мало изменяется высокогорный ХКТ скотоводов и земледельцев, в котором продолжается рост отгонного скотоводства.

В позднее средневековье, в период феодальной раздробленности возрождается ХКТ равнинных земледельцев-скотоводов, исчезает ХКТ кочевников-скотоводов, происходит падение земледельческой направленности ХКТ горных земледельцев и скотоводов и ХКТ высокогорных скотоводов и земледельцев, завершившиеся в XIX в.

В XIX в. в Дагестане было три ХКТ (ареала): равнинных пашенных земледельцев-стационарных скотоводов; среднегорных пашенных земледельцев и отгонных скотоводов; высокогорных подвижных скотоводов и пашенных земледельцев.

Равнинный (с охватом и нижнего предгорья) ХКА характеризовался признаками: господствующее пашенное земледелие на обширных естественных полях, передковый плуг, борона, переложная система земледелия, отсутствие удобрения, развитое орошение, значительные, но не специализированные садоводство и виноградарство, преобладание пшеницы в составе зерновых, специфические земледельческие культуры (рис, марена и др.), частичное использование катков в обмолоте хлеба, преобладание и регулярность печеных мучных изделий, особенно кислого хлеба, преобладание хлебного напитка — бузы, массовость и появление мельниц с вертикальным колесом.

Характерна тесная связь земледелия с развитым скотоводством, с особым симбиотическим значением разведения рабочего скота и большим удельным весом буйволов — признаком развитого орошаемого земледелия. Для скотоводства характерно преобладание выгонно-стойлового типа, обусловленное стационарным земледельческо-скотоводческим хозяйством, сенозаготовка посредством косы мужчинами, преобладание мужского труда в сельском хозяйстве.

Домашние промыслы и особенно отходничество слабо развиты, сказывалась трудоемкость и продуктивность основной отрасли хозяйства — земледелия, незначительность нерабочих периодов. Транспорт характеризовался преобладанием колесного (арба), незначительностью вьючного, ничтожностью перевозок на ослax и вручную.

Особенность пищи — регулярность и преобладание печеных мучных изделий (хлеб) и хлебных малоалкогольных напитков (буза). Для выпечки хлеба используются в основном подовые печи.

Основные признаки-критерии жилища — турлук, покатая кровля, горизонтальная планировка жилого и хозяйственного комплекса, рассредоточение усадеб для обеспечения подъезда повозки (арбы).

Весь перечень хозяйственных и культурных комплексов иллюстрирует земледельческую сущность равнинного ХКА. Этот ареал можно назвать ХКА равнинных пашенных земледельцев-скотоводов, он приближается к ХКТ 23а и 24а в классификации Н.Н. Чебоксарова и Б.В. Андрианова.

Горный (среднегорный) ХКА пашенных земледельцев и отгонных скотоводов был также земледельческим. Но его земледелие было больше традицией, чем реальностью, оно не было в XIX в. ни развитым, ни масштабным. Однако высокая культура террасного земледелия, развитые традиции земледельческого хозяйства его древность, глубокие корни, восходящие к неолиту и принадлежность к ареалу зарождения производящего хозяйства дают основания говорить о пашенных земледельцах и отгонных скотоводах горного Дагестана (аридной зоны умеренного пояса, приближающийся к типу 23в у Б.В. Андрианова). Вместо передкового плуга равнины — здесь горское рало, узкие горные террасы, паровая система (и плодосменная) — из-за земельной тесноты и демографического давления. Развито удобрение, но орошения зерновых (исключая позднюю кукурузу в долинах) не было. Садоводство и виноградарство в долинах довольно развитые, специализированные. В земледельческом цикле нет бороны, мотыжение производится только женщинами, в жатве участвуют мужчины и женщины, в обмолоте применяют только молотильные доски. В пище — принципиальная особенность — преобладание хинкала, в напитках — бузы. Хлебопекарные устройства, основанные на использовании эффекта пламени (неподовое печение), отражают особенности экологии (безлесность) и фактическую слабость зернового хозяйства. Особенность мельниц — яркий традиционализм. Строительство их повсюду, где возможно, независимо от собственных потребностей.

что лишний раз иллюстрирует двойственность среднегорного ХКА — глубокие земледельческие традиции при слабом зерновом потенциале.

Скотоводство также развитое, но не соподчиненное с земледелием, не симбиозное с ним, с преобладанием отгонных форм, буйвола нет (менее надобен, не приспособлен). Заготовка сена производится преимущественно серпом (больше косовидным), женщинами, и вообще в работах по сельскому хозяйству преобладает женский труд.

Домашние промыслы и отходничество сильно развиты, особенно промыслы, и составляли важную отрасль экономики горца, его обеспечения средствами жизни. Также особо специфичен транспорт среднегорья, в котором главное место занимают перевозки на ослax, и велик удельный вес ручных перевозок (женщинами). Жилище среднегорья являлось специфичным и дифференцирующим по всем показателям: строительный материал не турлук (и саман), а камень, кровля — плоская, планировка вертикальная, принцип размещения усадеб — обеспечение прохода ослa с поклажей.

Таким образом, существенной особенностью среднегорного ХКА оказывается определенная двойственность, отражающая глубокие исторические корни и длительные традиции земледелия с одной стороны, и фактическую его слабость, небольшую продуктивность — с другой. Отражением этого противоречия является, кстати, и тот факт, что наиболее земледельческим районом Дагестана была равнина, а наиболее богато представленным земледельческими праздниками, и в особенности самым колоритным — праздником “выхода плуга” — было среднегорье.

Высокогорный ХКА подвижных скотоводов и пашенных земледельцев (умеренного пояса, приближающийся к типам 26в и 27б в классификации Н.Н. Чебоксарова и Б.В. Андрианова), принципиально отличается от двух перечисленных ХКА преобладанием скотоводства (органически мало связанного с земледелием), с преимущественно подвижными формами и преобладанием в стаде овец и молочного КРС, также без буйвола. Заготовка (серпом) и подвоз сена женщинами, большая часть и других сельскохозяйственных работ тоже выполнялась женщинами (прополка, мотыжение, жатва и др.).

Земледелие также пашенное, с ралом, но в отличие от среднегорного не террасное, а “склоновое”. Система земледелия еще более экономная на землю, удобрительная, плодосменная, с элементами паровой. Не было орошения, садоводства, виноградарства, а также боронования.

Домашние промыслы и отходничество также были сильно развиты, как в среднегорье, но в отличие от него, более земледельческого, и следовательно, с более привязанным к месту жительства населением, в высокогорье преобладало отходничество (в этом сыграло роль и подвижное скотоводство).

Пища высокогорья также отражала исторический парадокс: при преобладании скотоводства она по преимуществу была растительной — отражая традицию хозяйственного развития, а не само хозяйство. Меньшая земледельческая

окрашенность отражена в соотношении мучных изделий, среди которых преобладали пресные лепешки, хинкал, толокно, а также в большом распространении напитков не из хлеба, а толокна (и солода).

Хлебопекарные устройства, в которых преобладали открытые (лист — саджак), неподовые, также показывают, как и менее распространенные мельницы, слабо выраженную силу сельскохозяйственных традиций и хозяйства.

Особенность транспорта высокогорья заключалась в преобладании вьючно-верховой лошади для дальних перегонов (подвижное скотоводство, подвоз зерна) и ручных перевозок в пределах сельской округи.

В жилище, в принципе не отличающемся от среднегорного, была одна специфическая особенность — оно было преимущественно многоэтажным, что было связано во многом с развитостью разведения КРС и традициями заготовки и хранения кормов, особенно сена. В одежде высокогорье более специфично чем среднегорье: большие накидные универсальные шубы и шерстяная обувь в достаточной мере обладают дифференцирующими свойствами.

Как видно из описания ХКА Дагестана, они структурно определяются хозяйственными типами. Но, с другой стороны, мы видим удивительную согласованность дифференцирующих культурных компонентов со структурообразующим хозяйственным. Можно сказать, что они образуют единую систему компонентов, объединенную единой идеей, содержанием, определенным главным из них — хозяйственным компонентом.

Описание ХКА продемонстрировало также их достаточно четкую дифференцированность, ограниченность. Каждый из них различается по основному признаку-критерию — хозяйственному, и имеет в своем составе целый ряд других компонентов, которые являются разными, или без сомнений различаются, дифференцируются от таковых же в других ХКА.

Дифференциация проводилась путем выделения феноменов, свойственных только отдельным районам, зонам; по бытованию однопредметных феноменов в разных зонах (предметно-объектный метод); по бытованию в зонах разнопредметных, со своим обликом, конструкцией и технологией феноменов (функционально-предметный); по бытованию однотипных и однофункциональных феноменов с одним названием, различающихся по предметным, функциональным и операциональным особенностям (конструктивно-технологический или конструктивно-операциональный).

Затем при группировании ареальных комплексов проводилась проверка каждого феномена на специфичность, свойственность именно данному ХКА; а также выявление распространенности и удельного веса однопредметных и разнопредметных феноменов с одной функцией, с точки зрения их соотносительного бытования в данном ХКА (учитывая их облик, конструкцию, технологию, операциональность и др. характеристики) и их различительных и интегрирующих свойств (возможностей).

Описание показало также принципиальную надэтническую природу

дагестанских ХКА. В рамках равнинного ХКА объединены кумыки, азербайджанцы, табасаранцы, лезгины, даргинцы; в среднегорном — аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы; в высокогорном — аварцы, лезгины, лакцы, даргинцы, агулы, рутульцы, цахуры. Лишь в том случае, если разные ХКА представлены разными этносами в стыковых зонах (например, кумыки в отношении ногайцев и аварцев), становится возможной этническая маркированность ХКА. Ясно, что это преимущественно относительная этнизация и оппозиция “мы — они” (этническая) здесь оказалась просто наложенной на хозяйственно-культурную. Правда, это не мешает историческому перерождению одной оппозиции в другую, постепенной этнизации устоявшихся в недрах одного этноса культурных компонентов. Думается, это один из интереснейших вопросов проблематики ХКТ и он заслуживает специального рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Введение. Из экономических рукописей 1857-1858 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12.
2. Маркс К. Капитал, Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
3. Маркс К. Капитал, Т. 2, кн. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24.
5. Маркс К. Формы предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, Ч. 1.
8. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 20.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
10. Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3.
12. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.
15. Стебницкий И.И. Статистическая таблица Дагестанской области на 1860 г. // Зап. КОИРГО. IV. Тифлис, 1864.
16. Комаров А.В. Список населенных мест Дагестанской области // СССК. I. Тифлис, 1869.
17. Пространство, население и заселенность Кавказского края в 1870 г. // СССК. II. Тифлис, 1872.
18. Статистические сведения о населенных местах Западного Дагестана, о числе жителей и дворов, и экономическом быте населения // ССКГ, IX. Тифлис, 1876.
19. Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887.
20. Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890.
21. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Т. II. Вып. VI. Хасавюртовский округ. — Владикавказ, 1890.
22. Обзоры Дагестанской области за 1892-1915 гг. (за 1892-98 гг. — Обзоры о состоянии Дагестанской области). Таблицы (и ведомости) угодий и численности скота. Приложения к всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1893-1916 гг.
23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — LXII,

Дагестанская область. — СПб., 1905.

24. Заикин М. Населенные места Дагестана. Список населенных пунктов Дагестанской области. — Темир-Хан-Шура, 1917.

25. Всероссийская с.-х. перепись 1916 г. Терская область. Поселенные итоги, — Владикавказ, 1919.

26. Всероссийская с.-х. перепись 1917 г. Дагестанская область // Труды Дагестанского статистического управления. Махачкала, 1924, №1-6.

27. Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. Махачкала, 1980.

28. ЦГА РД Посемейные списки населения Кавказа. 1886 год. Дагестанская область. — Ф. 21. Оп. 5, Дд. 1-126.

30. ЦГА РД Отчет Кюринского податного инспектора за 1907 год — Ф. 79. Оп. 1. Д. 3. Лл. 72-73.

31. РФ ИИЯЛ. Полевой этнографический материал Османова М.О., собранный во всех районах Дагестана // Хозяйство даргинцев (1961-62 гг., 1974 г., 1975.); Хозяйство и хозяйственно-культурные типы Дагестана (1962-63 гг., 1964-65 гг., 1966 г., 1973 г., 1981 г., 1983 г., 1986-88 гг.); Скотоводство, хозяйственно-культурные типы Дагестана (1976-79 гг.).

32. Полевой материал 1961-62 гг. Ф. 3. Оп. 3. Д. 138.

33. Полевой материал 1962-63 гг. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214, в.

34. Полевой материал 1964-65 гг. Ф. 5. Оп. 1. Д. 97.

35. Полевой материал 1966 гг. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214, б.

36. Полевой материал 1973 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 155.

37. Полевой материал 1974 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 157.

38. Полевой материал 1975 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214, а.

39. Полевой материал 1976 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 165.

40. Полевой материал 1977 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 182.

41. Полевой материал 1978 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 191.

42. Полевой материал 1979 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 203.

43. Полевой материал 1981 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 243.

44. Полевой материал 1983 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 299.

45. Полевой материал 1986 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 349.

46. Полевой материал 1987 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 392.

47. Полевой материал 1988 г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 420.

48. Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. Журнал Министерства государственных имуществ. 1857. Ч. 64, №8.

49. Абибулаев О. Энеолитическая культура Азербайджана (по материалам Кюльтепе) // МАД. II. Махачкала, 1961.

50. Аболин Р.И. Краткая характеристика основных типов естественных угодий горного Дагестана. Махачкала, 1932.

51. Аверкиева Ю.П. Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества // От Аляски до Огненной земли. История и этнография стран Америки. М., 1967.
52. Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество в XVIII-XIX вв. М., 1970.
53. Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.
54. Аверкиева Ю.П. Новая попытка классификации результатов исследований по этнографии коренного населения Северной Америки // СЭ. 1958. №5.
55. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX-нач. XX вв. М., 1978.
56. Агларов М.А. О происхождении календарного праздника "выход плуга" // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг. (Тезисы докладов). Махачкала, 1980.
57. Агларов М.А. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // ДЭС, Махачкала, 1974.
58. Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX века) // УЗ ИИЯЛ. Т. 13. Серия историческая. Махачкала, 1964.
59. Агроклиматический справочник по Дагестанской АССР. Л., 1963.
60. Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре). Махачкала, 1975.
61. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа (Ред. Сандрыгаило И.Я.). Тифлис, 1899.
62. Аедоницкий В.А. Из поездки в Дагестан летом 1914 года // Естествознание и география. 1916, №5-7, 8-9-10.
63. Айтберов Г.М. Материалы по истории Дагестана XV-XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.
64. Айтберов Т. Сведения по экономической истории Дагестана XV в. в "Перечне повинностей, которые получает шамхал и крым-шамхал" // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная сессия ЛОИВ АН СССР (доклады и сообщения) М., 1979.
65. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тт. I-XII. Тифлис. 1866-1904.
66. Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. №2.
- 66а. Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1986.
67. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.
- 67а. Али-Заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. Баку, 1956.
68. Амиров Г.М. Среди горцев Северного Дагестана // ССКГ. В. VII. 1873.

69. Амирханов Х.А. Начало земледелия в Дагестане // Природа. 1983. №2.
70. Амирханов Х.А. Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе) // КПЭБРЖ.
71. Амирханов Х.А. Чохское поселение — памятник становления производящего хозяйства в Дагестане // Природа. 1982. №5
72. Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М. ГРВЛ. 1987.
73. Аммиан Марцеллин. История. XXXI.
74. Андреев А.П. По делям Дагестана // Исторический вестник, 1899. №10.
75. Андреев И.Л. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу // СЭ, 1971. №2.
76. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. Л., 1976.
77. Андрианов Б.В. Географическая среда и проблема зарождения земледелия / ПЧМКПСНГ.
78. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (Проблема историко-этнографического районирования). // СЭ, 1975. №3.
79. Андрианов Б.В. К изучению агроэтнографии. // СЭ, 1976. №3.
80. Андрианов Б.В. Конференция по изучению систем земледелия (история и современная практика) // СЭ, 1973. №4.
81. Андрианов Б.В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М., 1985.
82. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Опыт историко-этнографического районирования некоторых районов Африки и Зарубежной Азии. // СЭ, 1975. №4.
83. Андрианов Б.В., Мурзаев Е.М. Проблемы этнографии аридной зоны // СЭ, 1964. №4.
84. Андрианов Б.В. Становление производящего хозяйства и географическая среда // ФПХПОРЭС.
85. Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // СЭ, 1968. №2.
86. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ, 1972. №2.
87. Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана. // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. Народы мира. Этнографические очерки. М., 1962.
88. Андрианов Б.В. Этнос и историко-этнографические области // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983.
89. Андронников И.З. Скотоводство в Закавказском крае // СМИБГЗК. У. I. Тифлис, 1888.
90. Антонова Е.В. Комментарий к книге Дж. Мелларга Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Перевод с англ. и комментарий Е.В. Антоновой. М., Наука. 1982.

91. Апучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // Изв. ИРГО, Т. XX. Вып. 4, 1884.
92. Анчабадзе З.В. История и культура Древней Абхазии. М., 1964.
93. Артюх Л.Ф. Вопросы этнографического картографирования украинской народной пищи // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980-1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР. Тезисы докладов. Нальчик, 1982.
94. Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
95. Арутюнов С.А. Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969.
96. Арутюнов С.А. Иновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
97. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. К проблеме типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов (на материалах армянской системы питания) // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1976-1977 гг. Тезисы докладов. Ереван, 1978.
98. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
99. Арутюнов С.А. Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Восточноазиатский этнографический сборник. М., 1961.
100. Арутюнов С.А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
101. Арутюнян Н.В. Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван, 1964.
102. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
103. Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX — 1 пол. XX вв.). Махачкала, 1967.
104. Атаев Д.М., Магомедов М.Г. Андрейаульское городище // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
105. Атаев Д.М., Кушнарева К.Х. Два поселения в урочище Чинна (горный Дагестан) // КСИА. 108, 1966.
106. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963.
107. Атаев Д.М., Погребова М.Н. Поселение эпохи бронзы у с.Ирганай Ушцукульского района // МАД. III. Махачкала, 1973.
108. Ахвердов А.И. Описание Дагестана // ИГЭД. М., 1958.
109. Бабаев Д. Селение Ахты // СМОМПК, XVII. 1893.
110. Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927.

111. Барг М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.
112. Бахтеев Ф.Х., Янушевич З.В. Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярымтене I и Ярымтене II в Северном Ираке // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
113. Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно в Испахан, в Пекин, в Дербепт и Константинополь. СПб, 1776. Ч. 1-3.
114. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом // Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. 1578-1613 гг. М., 1889.
115. Берг Л.С. Географические зоны Советского Союза. Т. 1. М., 1947. Т. 2. М., 1952.
116. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью с картами, планами, видами замечательных мест. Казань, 1849.
117. Беш Г. География мирового хозяйства. М., 1966.
118. Бибииков С.Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики) // СА, 1965. №1.
119. Бибииков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования в палеолите // СА. 1969. №4.
120. Бибиикова В.И. Животноводство в Северной Месопотамии в V тыс. до н.э. (по материалам халафского поселения Ярымтене II. // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения..)
121. Близначенко В., Поганина А. Дагестанская горная порода овец. Махачкала, 1967.
122. Богатырев Н.Г. Проблема изучения материальной и духовной культуры населения Карпат // СЭ, 1968. №4.
123. Боголюбовский С.Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.
124. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
125. Борисенко Е.Я. Разведение сельскохозяйственных животных. М., 1967.
126. Бородай Ю.М., Келле Ж.М., Плимак Е.Г. Наследие К.Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса капитализма // Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972.
127. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории). М., 1981.
- 127а. Бромлей Ю.В., Крюков М.В. Этнография: Место в системе наук, школы, методы // СЭ, 1987. №3.
128. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

129. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные С.Броневским. М., 1823. Ч. 1, Ч. 2.
130. Брук С.И., Рабинович М.Г. Историко-этнографические атласы // СЭ, 1964. №4.
131. Брук С.И. Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы // СЭ, 1973. №3.
132. Брук С.И., Токарев С.А. Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран // СЭ, 1968. №5.
133. Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этнографии // СЭ, 1963. №1.
134. Брук С.И. Основные проблемы этнической географии (Методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования). М., 1964.
135. Брук С.И., Козлов В.И. Основные проблемы этнической картографии // СЭ, 1961. №5.
136. Брук С.И., Токарев С.А. Проблемы составления Европейского историко-этнографического атласа // СЭ, 1966. №5.
137. Булатова А.Г. Лакцы (XIX-нач. XX вв.) // Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971.
138. Бунятов Т.А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957.
139. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // ИГЭД.
140. Вавилов Н.И. Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития // Изв. АН СССР, серия биологическая. 1957. №5.
141. Вавилов Н.И., Букин Д.Д. Земледельческий Афганистан // Избр. труды. Т. 1. М., Л., 1969.
142. Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. №2.
143. Вавилов Н.И. Мировые центры сортовых богатств (генов) культурных растений // Избр. труды. М., Л., 1965.
144. Вавилов Н.И. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М., Л., 1957.
145. Вавилов Н.И. Пять континентов. М., 1962.
146. Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Избр. произ. Т. 1. Л., 1967.
- 146а. Вайнштейн С.И. Историческая этнография в структуре этнографической науки // СЭ, 1987. №4.
147. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.

148. Вайнштейн С.И. Проблемы происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа скотоводов умеренного пояса Евразии // IX МКАЭН. Доклады советской делегации. М., 1973.
149. Вайнштейн С.И. Проблемы происхождения оленеводства в Евразии // СЭ, 1970. №6. 1971. №5.
150. Варавин П.С. Летние и зимние пастбища Закавказского края // СМИБ ГКЗК. V. I. Тифлис, 1888.
151. Варланияц Л.А. Постплиоценовая история Кавказско-Черноморо-Каспийской области. Ереван, 1948.
152. Вардунян Д.С. Историко-сравнительная характеристика хозяйственно-культурных типов Армении // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980-1981 гг. Тезисы докладов. Нальчик, 1982.
153. Вардунян Д.С. К характеристике хозяйственно-культурных типов Кавказа // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976-1977 гг. Тезисы докладов. Ереван, 1978.
154. Вардунян Д.С. Характеристика основных этнографических районов Армении в XIX в. // VII МКАЭН. М., 1964.
155. Варганияц В.А. Сельскохозяйственные особенности Дагестана. Из доклада Дагестанского областного агронома // Газ. Дагестанские ведомости. 1913. №43, 46, 48.
156. Васильев А.Г. Казикумухцы // Этнографическое обозрение. №3. М., 1899.
157. Васильев А.Г. Тавлинцы // Новое обозрение. 1889. №1919.
158. Вереш П.Т. Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
159. Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. М., 1959.
160. Викторов А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов А.Л., Микулич И.Н., Эльдаров М.М. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический очерк. Махачкала, 1958.
161. Вильерде Лиль-Адам В. Две недели в Даргинском округе (Путевые заметки) // ССКГ, VIII. Тифлис, 1875.
162. Виноградов В.Б., Дударев С.А. Рец. на кн. В.М. Шамиладзе. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии // Быт и культура Юго-Западной Грузии (на груз. яз.). Резюме на русс. яз. VIII. Тбилиси, 1980.
163. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. С приложением карты Кавказа. М., 1889.
164. Влэдуциу И. О горно-скотоводческом хозяйстве румынских мокан (По материалам Цара-Бырсей). // СЭ, 1962. №6.
165. Возникновение и развитие земледелия (ред. В.Д. Блаватский, А.В. Никитин). М., 1977.
166. Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.И. Бытовая культура Грузии XIX-XX вв.

традиции и инновации. М., 1982.

168. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ, 1, 1968. ССКГ, 3, 1870.
169. Восточные источники по истории Дагестана (Сборник статей и материалов). Махачкала, 1980.
170. Вуя Р. Поселения и жилища румынских крестьян Северо-Западной Молдовы // СЭ, 1962. №3.
171. Габиев Д.С. Эволюция лакского жилища (XVIII-XX вв.) // КЭС. IV. М., 1969.
172. Габиев С. Лаки. Их прошлое и быт // СМОМПК, 36, 1906.
173. Гаджиев М.Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
174. Гаджиев М.Г. Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана // ФПХПОРС.
175. Гаджиев М.Г. Древнейшие поселения горного Дагестана — // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
176. Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969.
177. Гаджиев М.Г. К выделению северовосточнокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
178. Гаджиев М.Г. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла. // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
179. Гаджиев М.Г. Некоторые особенности культурного прогресса по материалам археологии Северного Кавказа // КПЭБРЖ.
180. Гаджиев М.Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV-III тыс. до н.э. // КСИА, 1966, №108.
- 180а. Гаджиев М.Г. Ранне-земледельческая культура северо-восточного Кавказа. М., 1991.
181. Гаджиев М.Г. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане // АО 1968. М., 1969.
182. Гаджиев М.Г. Чиркейское поселение раннебронзовой эпохи // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в СССР в 1970 г. Тбилиси, 1971.
183. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.
184. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
185. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976.
186. Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. XIX — начало XX в. М., 1981.
187. Гадло А.В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

188. Ган К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан // СМОМПК. XXXI. 1902.

189. Гарданов В.К. Земледелие у адыгов в XVIII-первой половине XIX вв. // СЭ, 1965. №4.
190. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
191. Гвоздецкий Н.А. Кавказ. Очерки природы. М., 1963.
192. Гвоздецкий Н.А. Физическая география Кавказа // Вып. 1. Общая часть. Большой Кавказ. М., 1954; Вып. 2. Предкавказье. Закавказье. М., 1958.
193. Гегешидзе М.К. Террасное орошаемое земледелие на Кавказе // VII МКАЭН. М., 1964.
194. Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане // ИГЭД.
195. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. М., Л., 1941.
196. Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
197. Геология СССР. Т. IX. Северный Кавказ. М., Л., 1947.
198. Герасимов И.П., Марков К.К. Четвертичная геология. М., 1939.
199. Гербер И.Г. Известие о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Т. 17. NN7-8.
200. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // ИГЭД.
201. Герман К.Ф. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия акад. И.А. Гильденшtedта через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 гг. СПб., 1809.
202. Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.
203. Гладилин В.Н. Роль народонаселения в процессе взаимодействия природы и общества в каменном веке // ПЧМКПСПГ.
204. Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан. Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г. // Военный сборник 1862 г. №1-3.
205. Голубятников В. Морские и речные террасы Дагестана // Тр. АИЧПЕ. Вып. 3. М., 1937.
206. Горное животноводство Северного Кавказа и Закавказья // Труды межвузовской конференции по горному животноводству. Орджоникидзе, 1967.
207. Гостин С.Д. Некоторые вопросы экономики горцев Кавказа // Доклад в Кавказском экономическом обществе. Тифлис, 1912.
208. Греков Б., Якубовский А. Золотая орда. Л., 1937.
209. Григорьев А.А., Будыко М.И. О периодическом законе географической зональности // Доклады АН СССР. Т. 110, №1. М., 1956.
210. Григорьев Г.П. Наши предки — неандертальцы // Природа. 1970. №8.
211. Громов В.К. К истории фауны млекопитающих Кавказа // Изв. АН СССР,

серия биологическая. М., 1948.

212. Гроссгейм А.А. Растительный покров Кавказа. М., 1948.
213. Гумилев Л.Н. Этнос и ландшафт // Изв. ГО СССР, 100. Вып. 3. Л., 1968.
215. Гуревич А.Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
217. Гусейнов С.И. Горский скот Дагестана и пути его преобразования Махачкала, 1961.
218. Гюль К.К., Власова С.С., Кисин И.М., Тертеров А.А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.
219. Давулов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1971.
221. Дагестанская область (в 1891 г.). Естественные и производительные силы области и экономическая деятельность ее населения // КК на 1893 г. Тифлис, 1892.
222. Дагестанская промышленность за 5 лет. Махачкала, 1925.
223. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1857.
224. Даниленко В.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Южной Европы. ФПХПОРΟΣ.
225. Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX — нач. XX в. Махачкала, 1970.
227. Дельбрук Г. История военного искусства в рамках политической истории. Ч. 2. М., 1937.
228. Джанашивили М. Абхазия и абхазцы // Зап. КОИРГО. XVI. 1894.
229. Джапаридзе О.К. К истории грузинских племен на ранней стадии меднобронзовой культуры. Тбилиси, 1961.
230. Динник Н.Я. Путешествие по Закавказью и Дагестану // Изв. КОИРГО. Т. 21. №2. 1911.
231. Добрынин Б.Ф. География Дагестанской ССР. Махачкала, 1926.
232. Долуханов П.М. Эпоха бронзы: экологические, экономические и культурные процессы // КПЭБРЖ.
233. Дробышев Д.В. Геологическое строение Дагестанской ССР и ее полезные ископаемые "Природные ресурсы Дагестанской АССР". Т. 1. М., Л., 1935.
234. Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1-3.
235. Енин К.Т. Зерновые культуры Дагестана (хлебные злаки и зерновые бобовые) // Сельское хозяйство Дагестана. М., 1946.
236. Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. Ч. 1. М., 1865; Ч. 2, М., 1868.
237. Ермолова Н.М. Развитие скотоводческого и охотничьего хозяйства в эпоху бронзы // КПЭБРЖ.
238. Жданко Т.А. Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана // СЭ, 1971. №4.
239. Жданко Т.А. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуседлых

скотоводов-земледельцев-рыболовов дельтовых областей в Средней Азии // Археология и этнография Средней Азии. М., 1979.

240. Жданко Т.А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
241. Жуковский П.М. Мировой генофонд растений для селекции, мегацентры и эндемичные микрогенцентры. Л., 1970.
242. Заваров С. Кавказ в сельскохозяйственном отношении в 1899 г. Тифлис, 1900.
243. Заваров С. Опыт исследования сельского хозяйства хлебного района Эриванской губернии и Карской области. Тифлис, 1899.
244. Загурский Л.З. Поездка Г.Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. Т. IX. 1876.
245. Зефиров И. Большой Карачай и его хозяйство // На аграрном фронте. 1925, №9.
246. Зиссерман А.Л. 25 лет на Кавказе (1842-1867). СПб., 1879. Ч. 1-2.
247. А.З. (Зиссерман). Десять лет на Кавказе // Современник. 1854. Т. 48. №11.
248. Золотарев А.М. К вопросу о происхождении эскимосов // Антропологический журнал, 1937. №1.
249. Золотов К.Н. К истории животноводства древнего Дагестана (Сообщение 1) // Тр. ДСХИ. XII. Махачкала, 1966.
250. Золотов К.Н. К истории животноводства древнего Дагестана (Сообщение 2) // Там же.
251. Золотов К.Н. О животноводстве в древнем Дагестане // Тр. ДСХИ. Т. 18. Махачкала, 1968.
252. Золотов К.Н. О мясном питании населения древнего Дагестана // Тр. ДСХИ. Т. 16. Махачкала, 1965.
253. Золотов К.Н. Остеологические особенности сельскохозяйственных животных по материалам археологических раскопок // Тр. ДСХИ. Т. 18. Махачкала, 1968.
254. Золотов К.Н. О стратиграфии культурных слоев в Верхнегубинском поселении // Тр. ДСХИ. Т. 17. Махачкала, 1966.
255. Золотов К.Н. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности (по остеологическим данным) // МАД. II. Махачкала, 1961.
256. Зонн С.В. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. М., 1946.
257. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежавшего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч.3. СПб., 1835.
258. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. СПб., 1876.

259. Из горской криминалистики // ССКГ. III. 1870.
260. Из дагестанских памятных записей. Пер. Т.М. Айтберова и А.Р. Шихсаидова // Восточные источники по истории Дагестана (Сборник статей и материалов). Махачкала, 1980.
261. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965.
262. Иоселиани П. Путевые заметки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862.
263. Исаков М.И. Талгинский могильник // КСИИМК. 67. М., 1957.
264. Исаченко А.Г. Основные вопросы физической географии. Л., 1953.
265. Исаченко А.Г. Понятие тип местности в физической географии (в связи с вопросами ландшафтной систематики и картографирования) // Вестник ЛГУ. №12, серия геологии и географии. Вып. 2. Л., 1960.
266. История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX века. Архивные материалы. Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., ИВЛ, 1958 (ИГЭД).
267. История Дагестана в 4-х т. Т. 1. М., 1967. Т. 2. М., 1968.
268. Ихидов М.М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала, 1967.
269. Кабо В.Р. Предистория производящей экономики // ФПХПОРС.
270. Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимоотношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Сб. 5. География населения. М., 1947.
271. Каган М.С. Классификация и систематизация // Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979.
272. Каганкатваци Моисей. История агван. СПб., 1861.
273. Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Ч.1. Тифлис, 1888.
274. Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе // МУКЛЗПИСК. II.
275. Калантар А.А. Характеристика кавказских пород овец. Тифлис. 1913.
276. Калмыков И.Х. Из истории скотоводства ногайцев // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических исследований 1976-1977 гг. Тезисы докладов. Ереван, 1978.
277. Калоев Б.А. Агулы (Историко-этнографический очерк) // КЭС. III. М., Л. 1962.
278. Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1971.
279. Канивец В.И. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. // УЗ ИИЯЛ. Т. 1. Махачкала, 1956.
280. Канивец В.И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // УЗ ИИЯЛ. Т. 3. Махачкала, 1957.
281. Канивец В.И. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. 1. Махачкала, 1959.

282. Каракашлы Д.Т. Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа. (Историко-этнографическое исследование). Баку, 1964.
283. Каранаилов О. (и А. Барсов). Аул Чох // СМОМПК. IV. Тифлис, 1884.
284. Карандеева М.В. О новой трансгрессии Каспийского моря // ВГ. 24. М., 1951.
285. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК, XXXVIII. (Ал-Мукадассий, Масуди, Ибн-Хаукаль). 1908.
286. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. XXIX (Ал-Истахри). 1901; XXXI (Ибн-ал-Факих). 1902; XXXII (Ибн-Хурдадбех, Кулама, Ибн-Русте, Ал-Якуби). 1903.
287. Кармышева Б.Х. "Кочевая степь" Мавераннахра и ее население в конце XIX — начале XX вв. (по этнографическим данным) // СЭ, 1980. №1.
288. Киракос Ганзакечи. История Армении. М., 1976.
289. Кларк Г. Доисторическая Европа (Экономический очерк). М., 1953.
290. Клинген И.Н. Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока. М., 1960.
291. Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М., 1982.
292. Кобычев В.П. Типология кавказского народного жилища // УП МКАЭН. М., 1964.
293. Ковалевский В.Г. Культурно-географическая и биологическая роль горных районов // Природа, 1931. №2.
294. Ковалевский В.Г. Мировые особенности в вертикальном распространении сельскохозяйственных культур. Природа, 1932. №1.
295. Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана // ИГЭД.
296. Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.
297. Козлов В.И. Этнос и культура (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // СЭ, 1979. №3.
298. Козлов В.И. Этнос и территория // СЭ, 1971. №6.
299. Козлов В.И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности / // СЭ, 1970. №6.
300. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. Вып. 1. 1902. Вып. 2. 1904.
301. Колесник С.В. Общие географические закономерности земли. М., 1970.
302. Коробкова Г.Ф. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ // УСА. Вып. 1. Л., 1972.
303. Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней

- Азии // МИА, 158. Л., 1969.
304. Коробкова Г.Ф. Переход к земледелию и скотоводству и прогресс орудий труда (По материалам ранних земледельческих культур юга СССР) // ФППХПОРОС.
305. Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.
306. Котляревский Н.В. В горах Дагестана с 1842 по 1875 гг. СПб., 1884.
307. Котович В.Г. Археологические работы в горном Дагестане // МАД II. Махачкала, 1959.
308. Котович В.Г., Шейхов Н.Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (итоги и проблемы) // УЗ ИИЯЛ. VIII. Махачкала, 1960.
309. Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
310. Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ, Т. IX. Махачкала, 1961.
311. Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. I. Махачкала, 1959.
313. Котович В.Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // СА. 1965. №3.
314. Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
315. Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Работы в Прикаспийском Дагестане // АО 1971. М., 1972.
316. Котович В.Г. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ. III. Махачкала, 1957.
317. Котович В.М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965.
318. Котович В.М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976.
319. Котович В.М., Марковин В.И., Хехнева Т.Д. Древние и современные ареалы диких копытных на территории Дагестана // МАД. Т. 3. Махачкала, 1973.
320. Краснов Ю.А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975.
321. Краснов Ю.А. Некоторые итоги и задачи изучения истории земледелия в советской археологии // КСИА. 118. М., 1969.
322. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. 174. 1971.
323. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э. // МИА, 68, 1958.
324. Крупник И.И. Становление крупно-табунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ, 1976. №2.
325. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
326. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
327. Крупнов Е.И. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе // КСИИМК. XXIV. М., 1949.
328. Крупнов Е.И. К истории Моздокской степи и западного Прикаспия //

- Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 2. Орджоникидзе, 1969.
329. Крупнов Е.И. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и Северо-Западного Прикаспия // МАД. II. Махачкала.
330. Крупнов Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА. 23. М., 1951.
331. Крюков М.В. Об общих принципах типологического исследования явлений культуры (На примере типологии жилища) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
332. Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
333. Кузнецов Н.И. В делях Дагестана // Изв. ИРГО. Т. XLIX, Вып. 1-3, 1913.
334. Кузнецов Н.И. Нагорный Дагестан и значение его в истории развития флоры Кавказа // Изв. РГО. Т. XLVI. Вып. 4-7.
335. Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения Южно-русских степей // ВДИ. 1974. №4.
336. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (по материалам армянской сельской культуры). Ереван, 1983.
337. Кунов Г. Всеобщая история хозяйства. Т. 1. М., Л., 1929.
338. Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. 2. Тбилиси, 1950.
339. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (2-я половина XVI — 30 гг. — XVII вв.). М., 1963.
340. Кушнарева К.Х., Лисицина Г.Н. Прогресс земледельческого производства у племен Южного Кавказа VI — нач. I тыс. до н.э. // КПЭБРЖ.
341. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа V-III тыс. до н.э. Л., 1970.
342. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
343. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // КЭС. IV. М., 1969.
344. Лавров Л.И. Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. I. М., 1952.
346. Левин М.Г. История, эволюция, диффузия (по поводу одной дискуссии) // СЭ, 1947. №2.
347. Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // КСИЭ. II. М., 1947.
348. Левин М.Г., Чебо, саров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. К постановке вопроса // СЭ, 1955. №4.
349. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.
350. Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М., 1971.
351. Либеров П.Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н.э. — V в. н.э.) // МИА, 53. М., 1960.

352. Лиlienберг Д.А. Некоторые вопросы оледенения Восточного Кавказа // Бюллетень МОЖП. Отдел геологический. Т. XXXIV. Вып. 4. М., 1959.
353. Лиlienберг Д.А. Основные черты рельефа Дагестана. Там же.
354. Линь Яо Хуа, Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы Китая // ТИЭ. XXIII. М., 1961.
355. Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954.
356. Лисицына Г.Н. Культурные растения и их роль в развитии производящей экономики на территории Кавказа // ФППХПОРОС.
357. Лисицына Г.Н. Орошаемое земледелие эпохи неолита на юге Туркмении. М., 1965.
358. Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В. Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
360. Любин В.П. О проявлениях локальных различий в нижнем палеолите (по материалам Кавказа) // УСА. Вып. 2. Л., 1972.
361. Любин В.П. Природная среда и человек в плейстоцене Кавказа // ПЧМКПСНГ.
362. Ляйстер А.Ф., Чурсин Г.Ф. География Кавказа // Природа и население. Тифлис, 1924.
363. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. Докапиталистические формации. М., 1956.
364. Магомедов А.Ф. К вопросу о хозяйстве носителей восточного варианта кобанской культуры // Древности Дагестана. Памяти Е.И. Крупнова. Махачкала, 1974.
365. Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968.
366. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII- начале XIX вв. Махачкала, 1957.
367. Максимов А.Н. Скотоводство малокультурных народов // Учен. Зап. Ин-та истории РАНИОН. Т. 2. М., 1927.
368. Малеев В.П. Основные черты развития растительности Среднеземноморья и горных областей юга СССР (Кавказа и Крыма) в четвертичный период // Труды Гос. Никитского ботанического сада. Т. 25. Вып. 1-2. М., 1948.
369. Мамбетов Г.Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
370. Маркарян Э.С. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
371. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ, 1981. №2.
372. Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.

373. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
374. Марков Г.Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. // СЭ, 1973. №1.
375. Марков Г.Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- 375а Марков Г.Е. Этнография и историзм // СЭ, 1987. №4.
376. Марков Е. Кавказ в его настоящем и прошлом // Живописная Россия IX. СПб., М., 1883.
377. Марков Е. Очерки Кавказа. Картины Кавказской жизни, природы и истории. СПб., 1887.
378. Марковин В.И. Археологические находки с территории Тарнаира // КСИИМК. 67. М., 1957.
379. Марковин В.М. Взаимодействие культур Северного Кавказа в эпоху бронзы // КПЭБРЖ.
380. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. 93. М., 1960.
381. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Неолитическая стоянка близ города Буinakска // КСИИМК. 67. М., 1957.
382. Марковин В.И. Неолитическая стоянка близ Махачкалы // МАД. 1. Махачкала, 1959.
383. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. Владикавказ, 1928.
384. Марушвили А.И. Основные вопросы позднекайнозойской истории ландшафтов Кавказского перешейка. // Географический сборник. М., Л., 1952.
385. Масальский В.И. Сельскохозяйственная производительность Кавказа // Сельское и лесное хозяйство России. Всемирная Колумбова выставка. СПб., 1893.
386. Маслов Е.П., Керфов К.Н. Очерки экономической географии Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1964.
387. Массон В.М. Культурный прогресс в эпоху палеометалла // КПЭБРЖ.
389. Массон В.М. Поселение Джейтун (Проблемы становления производящей экономики) // МИА 180. 1971.
390. Массон В.М. Проблема неолитической революции // Тезисы докладов на заседании, посвященном итогам полевых исследований 1967. М., 1968.
391. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М., Л., 1964.
392. Массон В.М. Становление древнейшего земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке // ФППХПОРОС.
393. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.
394. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
395. Матюшин Г.Н. Пути проникновения производящего хозяйства в Европу

// ФПХПОРОС.

396. Мелконян Э.Л. О соотношении понятий "социально-экономическая формация" и "хозяйственно-культурный тип" // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976-1977 гг. Тезисы докладов. Ереван, 1978.

397. Мелларг. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Перевод с англ. и комм. Е.В. Антоновой. М., 1982.

398. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

399. Мерперт Н.Я. Неолитическая революция и ее памятники // Вступительная часть к работе Мелларга "Древнейшие цивилизации Ближнего Востока". М., 1982.

400. Мечников И.И. Цивилизации и великие исторические реки. М., 1924.

401. Миклухо-Маклай Н.Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // УЗ Ин-та Востоковедения АН СССР. 9. 1954.

402. Миллер А.А. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // ПИМК. 1933. №1-2.

403. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М., 1958.

404. Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические исследования этнических культур. Ереван, 1979.

405. Мкртумян Ю.И. Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX в. // СЭ, 1968. №4.

406. Мовша Г.Г. К вопросу о колесном транспорте в Трипольской культуре // КПЭБРЖ.

407. Моора Х.А. и А.Х. К вопросу о историко-культурных подобластях в районах Прибалтики // СЭ, 1960. №3.

408. Морозов С.Г. Пастбища Дагестанской АССР и вопросы реорганизации их хозяйства // Плановое хозяйство Дагестана. №2-3. Махачкала, 1929.

409. Мунчаев Р.М. Археологические исследования в Дагестане 1954 г. // КСИИМК. 71. М., 1958.

410. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 100. М., 1961.

411. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

412. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане // СА. 26. 1956.

413. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М., 1981.

414. Мухаммед-Рафи. Извлечение из истории Дагестана // ССКГ, У. Тифлис, 1871.

415. Нагинский Н.А. Вюрмское оледенение Дагестана // Изв. ГО. СССР. Т. 80. Вып. 2. М., 1948.

416. Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895.

417. Найдич-Москаленко Д.В. О принципах классификации русских пахотных — орудий // СЭ, 1959. №1.

418. Народы Кавказа // Народы мира. Этнографические очерки. М., Т. 1, 1960; Т. 2, 1962.

419. Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала, 1956.

420. Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.

421. Нейштадт М.И. Некоторые итоги изучения отложений голоцена // Палеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного метода. М., 1965.

422. Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана // СЭ, 1952. №4.

423. Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Женская народная одежда аварцев // КСИЭ, XVIII, 1953.

424. Никольская З.А. Религиозные представления и земледельческие обряды аварцев // ВРА. Вып. 7. М., 1960.

425. Нисченков А. Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871.

426. Новиков Ю.Ф. Генезис плуга и этнография // СЭ, 1963. №2.

428. Общий обзор Кавказского края // Военный сборник, 1858. №8.

429. Окладников А.П. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии // Материалы конференции "Этногенез народов Северной Азии". Новосибирск, 1969.

430. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

431. Ольшевский М.Я. Записки. Кавказ с 1841 по 1866 гг. Ч. 1. СПб., 1894.

432. Омаров А. Как живут лаки // ССКГ. Т. 3. Т. 4. Тифлис, 1870.

433. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.

434. Османов М.О. Географическая среда и производящие формы хозяйства (по этнографическим данным) // ФПХПОРОС.

435. Османов М.О. К вопросу о принципах классификации жилища // УЗИИЯЛ. Т. 19. Махачкала, 1969.

436. Османов М.О. К истории транспорта народов Дагестана XIX-нач. XX вв. // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1979.

437. Османов М.О. К определению формы скотоводства у народов высокогорного Дагестана в XVIII-XIX вв. // СЭ, 1986. №4.

438. Османов М.О. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ. Т. 20, серия общественных наук. Махачкала, 1970.

439. Османов М.О. Расселение и численность даргинцев в XVIII-XIX вв. // ДЭС. 1. Махачкала, 1974.
440. Османов М.О. О формах и типах скотоводства (По материалам Дагестана XIX в.) // СЭ, 1984. №6.
441. Османов М.О. Формы скотоводства в системе хозяйственно-культурных типов Дагестана // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1982-1983 гг. Тезисы докладов. Махачкала, 1984.
442. Османов М.О. Формы скотоводства даргинцев во второй половине XIX — начале XX вв. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами) // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1977.
443. Османов М.О. Формы скотоводства даргинцев во второй половине XIX — начале XX вв. (в связи с хозяйственно-культурными типами) // Там же.
444. Османов М.О. Формы скотоводства народов Дагестана в советское время // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. (этнографические исследования). Махачкала, 1979.
- 444а Османов М.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — начале XX вв. М., 1990.
445. Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы Дагестана и процессы этнического общения и консолидации // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических антропологических исследований 1976-77 гг.
446. Османов М.О. Хозяйство Дагестана в XVI-XVII вв. // История Дагестана. Т. 1. М., 1967.
447. Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
448. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.
449. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX-XV вв. Ч. I. IX-XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. М., 1953. Ч. II. XIV-XV вв. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование русского централизованного государства. М., 1953.
450. Пантюхов И.И. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896.
451. Пантюхов И.И. Современные лезгины // Кавказ, 1901. №228, 233.
452. Пастухов А.В. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шахдаг // Зап. КОИРГО. Т. 16. 1894.
453. Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. Материалы симпозиума (ПЧМКПСП). 1974.
454. Першиц А.И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.
455. Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной

- Аравии в XIX — первой трети XX в. // ТИЭ. 69. 1961.
- 455а Першиц А.И. Этнография: некоторые спорные вопросы // СЭ, 1987. №4.
456. Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
457. Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ, 1867. NN№7, 8, 12, 13, 15, 16.
458. Пигулевская Н.В. Сирийский источники VI в. о народах Кавказа // ВДИ. 1939. №1.
459. Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.
460. Пиккуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
461. Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тыс. до н.э. Л., 1949.
462. Пиотровский Б.Б. О характере закономерностей в истории культуры // Тезисы докладов на заседании, посвященном полевым исследованиям в 1960 г. М., 1961.
463. Пиотровский Б.Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА, XXIII. 1955.
464. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. I. Баку, 1914.
465. Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма // Избр. философские произведения. Т. II. М., 1956.
466. Погребова М.Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД, II. Махачкала, 1961.
467. Поршнев Б.В. Феодализм и народные массы. М., 1964.
468. Постановления Кайтагского ушма Рустем-хана. ССКГ. I. Тифлис, 1868.
469. Поташов П.Д. Крупный рогатый скот в альпийской зоне Северной Осетии // Изв. Осет. НИИ краеведения. Вып. 3. Владикавказ, 1928.
470. Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
471. Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978.
472. Проценко Ю.П. Краткая география Кавказа. По сравнительному методу. Тифлис, 1889.
473. Пуляркин Е.А. О содержании понятия "географическая среда" и о влиянии географической среды на общество // Природа и общество. М., 1968.
474. Путешествие Абу-Хамида ал Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971.
475. Равдоникас В.И. К вопросу о возникновении скотоводства // ПИДО. 1934. №3.
476. Равдоникас В.И. Энгельс и проблема происхождения скотоводства в Европе

- // Вопросы истории доклассового общества. М., Л., 1936.
477. Рабинович М.Г. Древний ландшафт и жилище // СЭ, 1969. №2.
478. Рабинович М.Г. К методике этнографического картографирования // Проблемы картографирования в языковедении и этнографии. Л., 1974.
479. Радде Г. Хевсурия и хевсуры (опыт монографии). Тифлис, 1881.
480. Ракитников А.Н. Некоторые особенности исторической географии земледелия и животноводства в Средней Азии // Вопросы географии. 50. Историческая география. М., 1960.
481. Реймес В. Введение в историю хозяйства. М., Л., 1929.
482. Рейнгард. К вопросу о четвертичном оледенении Кавказа // Докл. АН СССР. А. 1927. №19.
483. Решетов А.М. Введение // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
484. Рклицкий М.В. Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области // Изв. Осет. НИИ краеведения. Вып. II. Владикавказ, 1926.
485. Робакидзе А.И. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем // КСИЭ. XXXVI. 1962.
488. Робакидзе А.И. Поселение — как источник изучения общественного быта // VII МКАЭН. М., 1964.
489. Россиков К.Н. Конхидатль и Нижнее Энхели. (Из поездки в Нагорный Дагестан) // Зап. КОИРГО. XIII. Вып. 1. 1884.
490. Россиков К.Н. Поездка в Чечню и Нагорный Дагестан (с орнитологической целью) // Там же.
491. Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии ГО СССР. Вып. 1. Л., 1961.
493. Свидерский П.Ф. К антропологии даргинцев // Весь Кавказ. 1. Тифлис 1903.
494. Свидерский П.Ф. Материалы для антропологии Кавказа. Кумыки. СПб., 1898.
495. Семевский Б.Н. Взаимодействие системы "человек — природа" // Природа. 1970. №8.
496. Семенов С.А. Возникновение земледелия и начальные стадии его развития // ФПНХПОРОС.
497. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
499. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966.
500. Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ, 1982. №2.
501. Семенов Ю.И. Эволюция религии. Смена общественно-экономических формаций и культурная преемственность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

502. Сергеева Г.А. Арчинцы. М., 1967.
503. Сергеева Г.А. Природно-географическая среда и этно-культурные контакты в Дагестане // СЭ, 1981. №3.
504. Сержпутовский А.К. Поездка в нагорный Дагестан. Петроград, 1917.
505. Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана // ИГЭД.
506. Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана // Там же.
- 506а. Симпозиум по типологии явлений культуры // СЭ, 1979. №2.
507. Система ведения сельского хозяйства Дагестана. Махачкала, 1983.
508. Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. // МИА. 23. М., 1951.
510. Современные этнические процессы в СССР. М., 1975.
511. Соколов А. Очерк Западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до р. Самура, между гор и морем, со включением морской торговли города Дербента // Кавказ. Тифлис, 1848. №11.
512. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
514. Степанов Е.Ф. Предварительные итоги двухлетних работ сектора ботаники по изучению пастбищ и сенокосов Дагестана // Труды 2-й научной сессии Дагестанской базы АН СССР. Махачкала, 1949.
515. Страбон. География.
516. Суринов В.М. К определению этнических традиций в земледелии // СЭ, 1971, №3.
517. Телегин Д.Я. О путях сложения неолита на юге Европейской части СССР // ФПНХПОРОС.
518. Терентьева Л.Н., Шлыгина Н.В. К вопросу о формировании этнографических границ Прибалтийского региона // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
519. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977.
520. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб, 1884; Т. 2. М., Л., 1941.
521. Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979.
522. Типы традиционного сельского жилища Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.
523. Титов В.С. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена // КСИА, 88. 1962.
524. Тихвинский С.Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
525. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана // ИГЭД.
526. Токарев С.А. Историко-этнографические области коренного населения Америки // Народы Америки. Серия "Народы мира. Этнографические очерки". Т. 1.

- М., 1959.
527. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
528. Токарев С.А., Чебоксаров Н.Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии // СЭ, 1951. №4.
529. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического изучения. М., 1948.
530. Толстов С.П. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии // ВИ, 1961. №11.
531. Толстов С.П. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии // СЭ, 1960. №6.
532. Толстов С.П. Очерки первоначального ислама // СЭ, 1932. №2.
533. Толстов С.П. Проблемы родового общества // СЭ, 1931. №3-4.
534. Толстов С.П. Этнография и современность // СЭ, 1946. №1.
535. Толстой Н.И. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований. // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.
536. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. — VII в. н.э. М., Л., 1959.
537. Трипольский Н.М. Аварский округ // Медицинский вестник, 1866. №9-13.
538. Трипольский Н.М. Казикумухский округ // Медицинский вестник. 1864 №39, 40; 1865, №36-38, 40.
539. Тургиев Т.Б. О скотоводстве у алан // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 2. Орджоникидзе, 1969.
540. У Жу Кан, Чебоксаров Н.Н. О непрерывности развития физического типа хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая // СЭ, 1959. №4.
541. Умаханов М-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVI в. Махачкала, 1973.
542. Федоров В.П. Основные вопросы четвертичной истории Каспийского моря // Тр. КИЧП. XII. М., 1957.
543. Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (Историко-этнографические очерки). М., 1978.
544. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
545. Формозов А.А. Археологические путешествия. М., 1974.
546. Формозов А.А. Древние историко-этнографические области Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
547. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
548. Формозов А.А. К истории древнейшего скотоводства на юге СССР // Труды МОИП. Т. XLVIII. М., 1972.
549. Формозов А.А. К истории древнейшего скотоводства на юге СССР // Основные проблемы териологии. М., 1972.
551. Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.
552. Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
553. Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Тезисы докладов. (ФППХПОРОС). М., 1974.
554. Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
555. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975.
556. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.
557. Харузин Н. История развития жилищ у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.
558. Хашаев Х.М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.
560. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
561. Хашаев Х.М. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. М., 1965.
562. Хлопин И.П. Возникновение скотоводства и разделение труда в первобытном обществе // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
563. Христианович В.П. Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта // Труды Северо-Кавказской ассоциации НИИ, №36. Институт местной экономики и культуры при Северо-Кавказском госуд. университете. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1928.
564. Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование. Л., 1984.
565. Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси // МИА, 51. М., 1956.
566. Цалкин В.И. Происхождение домашних животных в свете данных современной археологии // Проблемы доместикации животных и растений. М., 1972.
567. Цалкин В.И. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья // МИА, 61. М., 1958.
568. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
569. Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока // Проблемы истории Дальнего Востока. Владивосток, 1969.
570. Чебоксаров Н.П., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971.
572. Чебоксаров Н.Н. О древних хозяйственно-культурных связях народов

Прибалтики // СЭ, 1960. №3.

573. Чебоксаров Н.П. Хозяйственно-культурные типы Восточной Азии // Народы Восточной Азии. Серия "Народы мира. Этнографические очерки". М., Л., 1965.

574. Чебоксаров Н.П., Чебоксарова И.А. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

575. Черников С.С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ, XXV. 1957.

576. Черныш А.И. К вопросу о соотношении границ палеолит-мезолит и плейстоцен-голоцен и особенности развития материальной культуры и природной среды Прикарпатья. // ПЧМКПСИГ.

577. Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.

578. Чеснов Я.В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

579. Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

580. Чеснов Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г. Левина) // СЭ. 1970.

581. Чеснов Я.В. О специфике свайных жилищ Юго-Восточной Азии // СЭ. 1965. №3.

582. Чеснов Я.В. О теории "культурных областей" в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976.

583. Чеснов Я.В. Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии // СЭ, 1972. №4.

584. Чеснов Я.В. Традиционные формы хозяйства горных кхмеров Южного Вьетнама // СЭ, 1966. №6.

585. Чистов К.В. Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.

586. Чигая Г.С. К природно-хозяйственному районированию Грузии // Дополнительные материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в СССР в 1964 г. Баку, 1965.

588. Чурсин Г.Ф. Праздник "выхода плуга" у горских народов Дагестана // Изв. КИАИ. Т. 5. Тифлис, 1927.

589. Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979.

590. Пашко Д.И. Агроклиматическое районирование СССР. М., 1967.

591. Шенников А.А. Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья XVI до XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977.

592. Шенников А.А. О понятии "этнографический комплекс" // Доклады отделений и комиссий ГО СССР. Вып. 3. Этнография. Л., 1967.

593. Шенников А.А. О русских крестьянских усадьбах XVI в. // Доклады отделения этнографии ГО СССР. Вып. 2. М., 1964.

595. Шиллинг Е.М. Из истории одного дагестанского земледельческого культа // КСИЭ. I. 1946.

596. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975.

597. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969.

598. Шишкевич Ф. Историкогеографические записки о страпах, лежащих между морями Черным и Каспийским. СПб., 1810.

599. Шмелева М.Н. Вопросы типологии и классификации при сравнительном изучении пицц народов СССР // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976-1977 гг. Тезисы докладов. Ереван, 1978.

600. Шнирельман В.А. Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства // СЭ, 1974. №3.

601. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (Культурно-историческая проблема). М., 1980.

602. Шнирельман В.А. Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки) // СЭ, 1977. №2.

603. Шнирельман В.А. Современные концепции производящего хозяйства (проблема механизма) // СА, 1978. №3.

604. Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ СГПИ, Вып. 1. (Исторический). Свердловск, 1938.

605. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М., ГРВЛ. 1981.

606. Ahrens R. Wirtschaftsformen und Landschaft. Gamburg, 1927.

607. Bodenstädt F. Die Volker der Kaukasus. Berlin, 1855.

609. Childe I. Man Makes Himself. London, 1939.

610. Erckert R. Der Kaukasus und seine Volker. Leipzig, 1887.

611. Forde C.D. Habitat, Economy and Society. London, 1948.

612. Frodin J. Zentraleuropas Alpwirtschaft. Bd. I. Oslo, 1940.

613. Gregor H.F. Environment and economic life. Prisceton, 1963.

614. Grigg D. The agricultural regions of the world: Review and reflections // Economic Geography. 1969. Vol. 45. №2.

615. Guldenstadt I.A. Reisen durch Russland und in Caucasischen Geburge SPb, I, 1787; II 1791.

617. Hahn E. Das Alter der Wirtschaftlicher Kultur der Menschheit. Ein Ruckblick

und ein Ausblick. Heidelberg, 1905.

618. Hahn E. Die Entstehung der pflugkultur. Heidelberg, 1909.

619. Hahn E. Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaftlicher kultur der Menschen. Leipzig, 1896.

620. Hahn E. Die Wirtschaftsformen der Erde // Petermans geographische Mitteilungen. Bd. 38. Gotha, 1892.

621. Reineggs I. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und SPb, 1796. Th. I.

623. Sieger R. Die Alpen. Leipzig, 1900.

627. Whittlesly D. Major agricultural regions of the Earth // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 26. 1936.

628. Wissler C. American Indian, N.Y., 1922.

629. Wissler C. Man and culture. N.Y 1923.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
АО — Археологические открытия
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВГ — Вопросы географии. Москва
ВИ — Вопросы истории. Москва
ВРА — Вопросы религии и атеизма
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. Москва
ГО СССР — Географическое общество СССР
ДСХИ — Дагестанский сельскохозяйственный Институт. Махачкала
ДЭС — Дагестанский этнографический сборник. Махачкала
ИАЭСА — История, археология и этнография Средней Азии
ИГЭД — История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. Москва: ИВЛ, 1958.
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
КИАИ — Кавказский историко-археологический Институт
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КК — Кавказский календарь. Тифлис.
КОИРГО — Кавказское отделение императорского Русского географического общества. Тифлис.
КПЭБРЖ — Культурный процесс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума. Ереван, 1982.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. Москва-Ленинград
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии. Москва-Ленинград
КЭС — Кавказский этнографический сборник. Москва, Тбилиси
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИВ — Ленинградское отделение Института Востоковедения РАН
МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования Института археологии. Москва-Ленинград
МИЭБГКЗК — Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис.

МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук.

МОИП — Московское общество испытателей природы

МУКЛЗПИСК — Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис.

ОЛЕАЕ — Общество любителей естествознания, антропологии, этнографии. Москва

НИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Москва

ПИМК — Проблемы истории материальной культуры. Москва

ПЧМКПСНГ — Первобытная среда, человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва

РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского научного центра РАН. Махачкала

СА — Советская археология. Москва

СПИИ — Свердловский государственный педагогический институт

СИЭ — Советская историческая энциклопедия. Москва

СКАНИИ — Северокавказская ассоциация научно-исследовательских институтов

СМИЭБГКЗК — Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис

ССК — Сборник сведений о Кавказе. Тифлис

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис

СССК — Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис

СЭ — Советская этнография. Москва

ТИЭ — Труды Института этнографии. Москва-Ленинград

УЗ ИВАН — Ученые записки Института востоковедения РАН. Москва

УЗ ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского научного центра РАН. Махачкала

УЗ СПИ — Ученые записки Свердловского государственного педагогического Института

УСА — Успехи среднеазиатской археологии

ФППХПОРОС — Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Тезисы докладов. М., 1974.

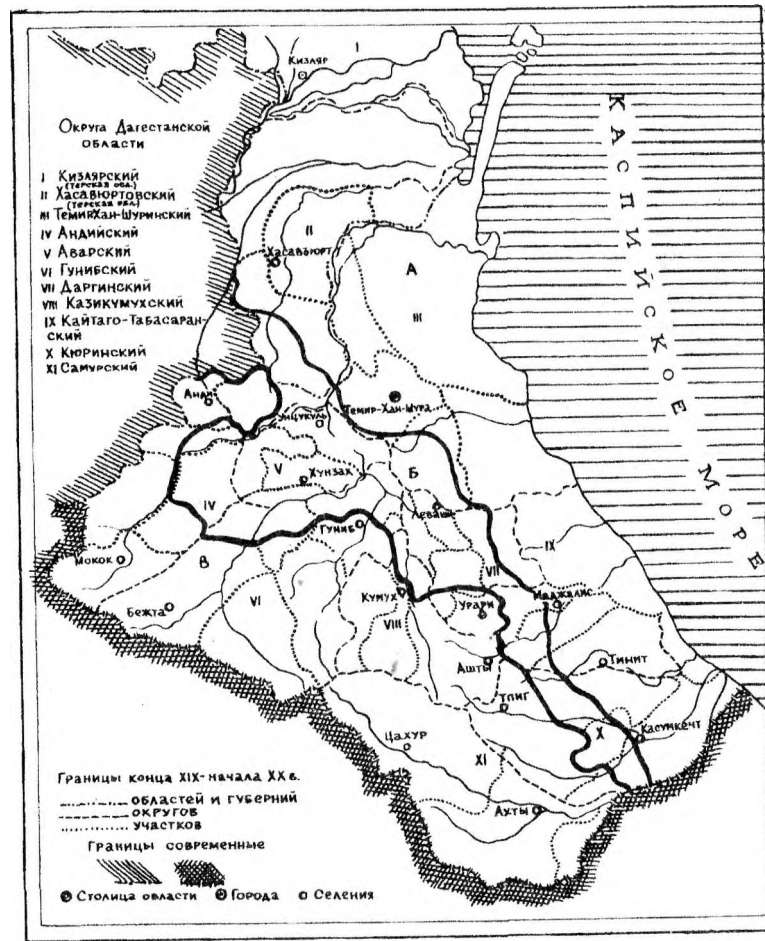
ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан. Махачкала

ЦГВИА — Центральный государственный Военно-исторический архив. Москва

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Карта хозяйственно-культурных ареалов Дагестана (XVIII — начало XX вв)
- Таблица №1. Хозяйственные показатели по участкам и округам (по ХКА).
- Таблица №2. Хозяйственные показатели по Союзам обществ и владениям (по ХКА).
- Таблица №3. Участки и союзы обществ с показателями угодий и скота на одно хозяйство, превышающими средние по Дагестану (по ХКА).
- Таблица №4. Пахотные угодья
- Таблица №5. Пахотные орудия
- Таблица №6. Молотильные доски
- Таблица №7. Транспортные средства. Колесный транспорт (повозки).
- Таблица №8. Транспортные средства. Выючный транспорт среднегорья и высокогорья
- Таблица №9. Хлебопекарные устройства (по преобладанию)
- Таблица №10. Мельницы
- Таблица №11. Поселения
- Таблица №12. Жилище
- Таблица №13. Жилище высокогорья
- Таблица №14. Шубы и обувь
- Таблица №15. Компонентный анализ хлебопекарных устройств

Карта хозяйственно-культурных ареалов Дагестана
(XVIII - начало XX века)

А — равнинный (с нижним предгорьем)
ХКА земледельцев — стационарных скотоводов
Б — горный ХКА земледельцев и отгонных скотоводов
В — высокогорный ХКА подвижных скотоводов и земледельцев

ТАБЛИЦА №1
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПО УЧАСТКАМ И ОКРУГАМ

Участок, округ	Селения	Хозяйства	Пахотные угодья	Сенокосы	КРС	МРС		Лошади		Ослы		Весь скот в переводе на 1 КРС	
						Всего	В переводе на 1 КРС	Всего	В переводе на 1 КРС	Всего	В переводе на 1 КРС		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Равнинно-предгорный ХКА													
1. Хасавюртовский на 1 хоз-во	55	4878	30249	6361	21902	48490	9698	2988	3884	6	4	35488	
2. Аксlevский	52	3654	29690	33	45	10	2,0	0,6	0,8	-	-	7,3	
3. Т-Х-Шуринский	15	3785	8,1	6,5	5,8	12	2,4	1,1	1,4	255	153	35172	9,6
4. Таркинский	8	2444	6814	2862	12325	73147	14629	1304	1695	0,06	0,04	28802	7,5
5. Чирюртовский	4	1220	1,8	0,7	3,2	19	3,8	0,3	0,4	-	-	18994	7,7
			10,4	0,3	4,7	11	2,2	0,6	0,8	163	98	15716	12,9
			8145	4121	5849	42711	8542	944	1227	0,1	0,08		
			6,7	3,4	4,8	35	7	0,8	1				

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
6. Карабулахкентский		5	3763	15266	269	10911	52986	10597	1034	1344	107	64	22916
				4	0,07	2,9	14	2,8	0,2	0,3	0,03	0,02	6,0
7. Нижне-Кайтагский		28	5041	35788	7090	24157	21082	4216	2349	3054	46	28	31455
				7,1	1,4	4,8	4	0,8	0,4	0,6			6,2
8. Северно-Табасаранский		84	3962	13152	4081	15555	23327	4666	1420	1846	179	107	22174
				3,3	1	4,0	6	1,2	0,3	0,4	0,04	0,03	5,6
9. Гюнейский		53	3973	16408	-	12509	17497	3499	1052	1368	81	49	17425
				4,1		3,1	4	0,8	0,2	0,3	0,02	0,01	4,3
10. Улусский магал		12	523	4492	-	1867	690	138	335	436	28	17	2458
				8,6		3,6	1	0,2	0,6	0,8	0,05	0,03	4,7
ИТОГО		316	33243	185065	59314	137708	352103	70421	16886	21952	865	519	230600
на 1 хоз-во		-	-	5,5	1,8	4,1	10	2,1	0,5	0,7	0,02	0,01	6,9
% к области		25	24	61	66	29	14	-	29	-	2	-	21
ГОРНЫЙ ХКА													
1. Салатавский		51	4588	7568	-	20566	58171	11634	1939	2521	207	124	34845
на 1 хоз-во				1,6		4,5	12	2,4	0,4	0,5	0,04	0,02	7,6
2. Дженгутаевский		15	6224	14574	1669	18942	69950	13990	1862	2420	265	159	35511
				2,3	0,3	3	11	2,2	0,3	0,4	0,04	0,02	5,7
3. Технучальский		12	1731	528	306	3414	13343	2669	507	659	1310	786	7528
				0,3	0,2	2	8	1,6	0,3	0,4	0,7	0,4	4,3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
4. Каратинский		18	2344	1012	966	6348	41246	8249	546	710	1587	952	16259
				0,4	0,4	2,7	17	3,4	0,2	0,3	0,7	0,4	6,9
5. Хунзахский		39	3454	7999	4222	17480	68569	13714	1727	2245	2763	1658	35097
				2,3	2,2	5	20	4	0,5	0,6	0,8	0,5	10,1
6. Батлухский		10	833	1426	876	5377	9377	1863	466	606	746	448	8294
				1,7	1	6,4	11	2,2	0,5	0,7	0,9	0,5	10,0
7. Койсубулинский		15	2797	1368	2874	13515	42434	8487	1398	1817	2237	1342	25160
				0,5	1	4,8	15	3	0,5	0,6	0,8	0,5	9,0
8. Цатанихский		17	1642	1650	2848	7750	18498	3700	821	1067	1313	788	13305
				1	1,7	4,7	11	2,2	0,5	0,6	0,8	0,5	8,1
9. Тилитль-Гидатлинский		25	3236	11567	580	15080	45872	9174	1004	1305	2190	1314	26873
				3,5	0,2	4,6	14	2,8	0,3	0,4	0,7	0,4	8,3
10. Куядинский		9	2554	1802	-	11943	24075	4845	546	710	2219	1331	18799
				0,7		4,6	9	1,8	0,2	0,3	0,8	0,5	7,3
11. Кутишинский		18	2682	1614	18	5619	29795	5959	449	584	37	22	12184
				0,6	0,007	2,1	11	2,2	0,2	0,2	0,01	0,009	4,5
12. Цудахарский		14	3367	1502	101	6625	51021	10204	1433	1863	1814	1088	19780
				0,4	0,03	2	15	3	0,4	0,5	0,5	0,3	5,8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
13.	Акушинский	12	4935	1360	310	4471	46672	9334	1095	1423	601	361	15589
				0,2	0,05	0,9	9	1,8	0,2	0,3	0,1	0,07	3,1
14.	Мекегинский	18	5273	4251	542	10992	46702	9340	663	862	956	574	21768
				0,8	0,1	2,1	9	1,8	0,1	0,2	0,2	0,1	4,1
15.	Вицхинский	28	2797	2164	1389	4757	59168	11834	1026	1334	1205	723	18648
				0,8	0,5	1,7	21	4,2	0,4	0,5	0,4	0,2	6,6
16.	Уркарахский	32	3988	3079	1267	9226	52763	10553	1728	2246	1082	649	22674
				0,7	0,3	2,3	13	2,6	0,4	0,5	0,3	0,1	5,7
17.	Каракайтагский	49	2528	3843	1649	8802	16185	3237	949	1234	94	56	13329
				1,5	0,6	3,5	6	1,2	0,4	0,5	0,03	0,02	5,2
18.	Южно- Табасаранский	59	2983	10203	-	13040	50233	10046	1456	1892	2	1	24979
				3,4		4,4	17	3,4	0,5	0,6	-	-	8,3
19.	Котур- Кюринский	53	4093	12688	-	14191	39787	7957	987	1283	43	26	23457
				3,1		3,4	10	2	0,2	0,3	0,01	0,006	5,7
	ИТОГО	494	62049	90198	19617	198138	783801	156760	20602	26782	20671	12402	394082
	на I хоз-во	-	-	1,4	0,3	3,2	13	2,5	0,3	0,4	0,3	0,2	6,3
	% к области	39	46	29	21	41	31	-	35	-	58	-	37

284

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
	Высокогорный ХКА												
1.	Гумбетовский на I хоз-во	18	2595	982	924	9039	183900	36780	2113	2747	3168	1901	50467
				0,4	0,3	3,5	71	14,2	0,8	1	1,4	0,8	19,5
2.	Андиийский	7	1545	428	191	1776	51171	10234	1265	1645	209	125	13780
				0,3	0,1	1,1	33	6,6	0,8	1,1	0,1	0,08	8,9
3.	Ункратль-Чамалалский	19	1795	1035	1003	8543	53237	10647	467	607	865	519	20316
				0,6	0,5	4,7	29	5,8	0,2	0,3	0,5	0,3	11,3
4.	Тиндальский	10	953	946	99	4265	16455	3291	93	121	587	352	8029
				1	0,1	4,5	18	3,4	0,1	0,1	0,6	0,4	8,4
5.	Дилойский	35	993	671	447	3275	31785	6357	406	528	167	100	10260
				0,7	0,4	3,3	32	6,4	0,4	0,5	0,2	0,1	10,3
6.	Андалалский	13	2551	1976	-	10726	131911	26382	1199	1559	2516	1510	40177
				0,8		4,2	52	10,4	0,5	0,6	1	0,6	15,7
7.	Тлейсерухский	41	2444	1437	785	11807	91008	18201	671	872	1479	887	31767
				0,6	0,3	4,8	37	7,4	0,2	0,3	0,6	0,4	13
8.	Бохнадальский	38	1230	905	-	7113	58111	11622	613	797	94	56	19588
				0,7	-	5,8	47	9,4	0,5	0,6	0,07	0,04	15,9
9.	Анпухо -Капучинский	65	1544	1046	-	7732	50758	10151	833	1083	63	38	19004
				0,7		5	33	6,6	0,5	0,7	0,04	0,02	12,3
10.	Сюргинский	16	2550	1197	924	12390	33213	6642	912	1186	1650	990	21208
				0,5	0,4	4,8	13	2,6	0,3	0,4	0,6	0,4	8,3

285

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
11.Мукарский	29	1709	1250	921	6262	38207	7641	725	943	865	519	15365	
			0,7	0,5	3,6	22	4,4	0,4	0,5	0,5	0,3	9,0	
12.Кумухский	26	2604	1545	917	4437	14187	2837	1341	1743	1035	621	9638	
			0,6	0,3	1,7	5	1,0	0,5	0,7	0,4	0,2	3,7	
13.Ашты-Кулинский	21	3230	1778	1316	8316	80423	16084	2020	2626	1212	727	27753	
			0,5	0,4	2,6	25	5,0	0,6	0,8	0,3	0,2	8,6	
14.Курахский	37	2931	8181	-	11474	75127	15025	1589	2066	129	77	28642	
			2,8		3,9	25	5,0	0,5	0,7	0,04	0,02	9,7	
15.Докузпаринский	16	3791	2871	2648	13746	138143	27628	3383	4398	-	-	45772	
			0,7	0,7	3,6	36	7,2	0,9	1,2			12,0	
16.Ахты-паринский	23	4029	1596	1096	9104	147831	29566	1764	2293	-	-	40963	
			0,4	0,3	2,2	37	7,4	0,4	0,6			10,0	
17.Лучекский	41	3572	2959	356	14374	158569	31713	1963	2552	-	-	48639	
			0,7	0,1	4	44	8,8	0,5	0,7			13,6	
ИТОГО	455	40066	30803	11627	144379	1354036	270807	21357	27764	14039	8424	451374	
на I хоз-во	-	-	0,8	0,3	3,6	34	6,7	0,5	0,7	0,3	0,2	11,2	
%к области	36	30	10	13	30	55	-	36	-	40	-	42	
Всего по Дагестану	265	35358	306066	90558	480225	2489940	497988	58845	76498	35575	21345	1076056	
на I хоз-во	-	-	2,2	0,6	3,6	18	3,6	0,4	0,6	0,3	0,1	8,0	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
По округам													
Равнинно-предгорный ХКА													
1.Хасавюртовский округ	158	13120	67507	40142	63585	150889	30178	8934	11614	213	128	105505	
			5,1	3	4,8	11	2,2	0,7	0,9	0,01	0,008	8,0	
2.Темир-Хан-Шуриинский	47	17436	69860	9670	59543	266739	53348	6597	8576	790	474	121941	
			4	0,5	3,4	15	3,0	0,4	0,5	0,04	0,03	7,0	
3.Кайтаго-Табасаранский	193	15519	55862	14087	57740	113357	22671	6446	8380	1401	840	89631	
			3,6	0,9	3,7	7	1,4	0,4	0,5	0,09	0,05	5,7	
4.Кюринский	214	14503	51972	-	53081	183334	36667	5419	7045	283	170	96963	
			3,6	-	3,6	12	2,4	0,4	0,5	0,02	0,01	6,7	
ИТОГО	612	60578	245201	63899	233949	714319	142864	27396	35615	2687	1612	414040	
			4	0,4	3,9	11	2,2	0,4	0,6	0,04	0,02	6,8	
% к области	48	45	81	71	49	28	-	46	-	8	-	38	
Горный ХКА													
1.Аварский	81	8726	12443	10820	44122	138818	27764	4412	5735	7059	4235	81856	
			1,4	1,2	5	16	3,2	0,5	0,6	0,8	0,5	9,4	
2.Даргинский	78	18807	9924	1895	40097	207403	41481	4552	5918	5058	3035	90531	
			0,5	0,2	2,1	11	2,2	0,2	0,3	0,3	0,2	4,8	
3.Казикумухский	104	10340	6737	4543	23772	191985	38397	5112	6645	4317	2590	71404	
			0,6	0,4	2,3	18	3,6	0,5	0,6	0,4	0,2	6,9	
ИТОГО	263	37873	29104	17258	107991	538206	107641	14076	18298	16434	9861	243791	
			0,6	0,5	2,8	14	2,8	0,4	0,5	0,3	0,2	6,4	
% к области	21	28	9	19	22	22	-	24	-	46	-	23	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Высокогорный ХКА													
1. Андийский	119	11956	5602	3936	36660	391137	78227	5397	7016	7893	4736	126639	
			0,4	0,3	3	32	6,4	0,4	0,6	0,7	0,4	10,6	
2. Гунибский	191	13559	18733	1365	64400	401735	80347	4866	6326	8561	5137	156210	
			1,4	0,1	4,7	30	6	0,3	0,5	0,6	0,4	11,5	
3. Самурский	80	11392	7426	4100	37224	444543	88909	7110	9243	-	-	135376	
			0,6	0,3	3,2	39	7,8	0,6	0,8	-	-	11,9	
ИТОГО	390	36907	31761	9401	138284	1237415	247483	17373	22585	16454	9873	418225	
			0,8	0,2	3,7	33	6,6	0,5	0,6	0,4	0,3	11,3	
% к области	31	27	10	10	29	50	-	30	-	46	-	39	
Всего по всем ХКА													
Дагестана	1265	135358	306066	90558	480225	2489940	497988	58845	76498	35575	21345	1076056	
на I хоз-во			2,2	0,6	3,6	18	3,6	0,4	0,6	0,3	0,1	8,0	

ТАБЛИЦА №2

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПО СОЮЗАМ ОБЩЕСТВ И ВЛАДЕНИЯМ

1	2	3	4	5	6	7	КРС		Лошади		Ослы		14
							8	9	10	11	12	13	
Союз обществ, владение	Селения	Хозяйства	Пахотные угодья	Сенокосы	КРС	МРС	В переводе на КРС	Лошади	В переводе на КРС	Ослы	В переводе на КРС	Весь скот в переводе на КРС	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Равнинно-предгорный ХКА													
1. Эндери на I хоз-во	36	2540	19316	8658	10895	14091	2818	1306	1698	6	4	15415	
			7,6	3,4	4,3	5	1,0	0,5	0,6	-	-	6,0	
2. Костек	19	2338	10933	7703	11007	34399	6880	1682	2186	-	-	20073	
			4,6	3,3	4,7	14	2,8	0,7	0,9	-	-	8,5	
3. Аксай	52	3654	29690	23781	21117	44228	8846	4007	5209	-	-	35172	
			8,1	6,5	5,8	12	2,4	1,1	1,4	-	-	9,6	
4. Бамматулу	6	2301	4782	2207	6680	36923	7385	697	906	88	53	15024	
			2,2	0,9	2,9	16	3,2	0,3	0,4	0,04	0,02	6,5	
5. Шамхальство	21	7781	48923	5437	29506	128508	25702	3556	4623	277	166	59997	
			6,3	0,7	3,8	16	3,2	0,4	0,6	0,03	0,02	7,7	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
6.Верхн. Теркеме	6	966	9257	4401	4125	4358	372	494	642	41	25	5664	
			9,6	4,6	4,2	4	0,8	0,5	0,7	0,008	0,005	5,8	
7.Теркеме	12	1540	17446	1936	8450	4726	945	959	1247	1	-	10642	
			11,3	1,2	5,5	3	0,6	0,6	0,8	-	-	6,9	
8.Гамри	10	2535	9085	755	11582	11998	2400	896	1165	4	2	15149	
			3,6	0,3	4,6	5	1,0	0,3	0,5	-	-	6,0	
9.Кара-Кайтаг	11	1097	2289	803	3573	3720	744	393	511	-	-	4828	
			2,1	0,7	3,2	3	0,6	0,3	0,5	-	-	4,4	
10.Раятские сел. Казия	15	1744	7137	1850	7494	11772	2354	639	831	146	88	10767	
			4,1	1	4,3	7	1,4	0,3	0,5	0,08	0,05	6,2	
11.Харалиар	9	346	1776	392	1413	2828	566	145	189	15	9	2177	
			5,1	1,1	3	8	1,6	0,4	0,5	0,04	0,02	6,3	
12.Джогдильдере	6	211	1182	384	1028	2515	503	111	144	9	5	1680	
			5,6	1,8	4,9	12	2,4	0,5	0,7	0,04	0,02	8,0	
13.Этек	19	577	2894	-	2633	3954	790	257	334	-	-	3757	
			5	-	4,6	7	1,4	0,4	0,6	-	-	6,5	
14.Даре	6	615	1942	-	2008	2242	448	165	214	2	1	2671	
			3,1	-	3,3	4	0,8	0,3	0,3	-	-	4,3	

062

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
15.Чиле	27	2082	9838	-	6333	14915	2983	481	625	20	12	9953	
			4,7	-	3	7	1,4	0,2	0,3	0,01	0,01	4,8	
16.Стал	4	473	1939	-	1863	506	101	186	242	-	-	2206	
			4,1	-	4	1	0,2	0,4	0,5	-	-	4,6	
17.Каргас	18	1278	3756	-	3525	6107	1221	312	405	76	45	5196	
			2,9	-	2,7	5	1,0	0,2	0,3	0,06	0,03	4,0	
18.Гюджа	11	869	2832	-	3118	4975	995	178	231	-	-	4344	
			3,2	-	3,6	5	1,0	0,2	0,3	-	-	4,9	
19.Улусский магал	12	523	4492	-	1867	690	138	335	436	28	17	2458	
			8,6	-	3,6	1	0,2	0,6	0,8	0,05	0,03	4,7	
ИТОГО на I хоз-во	300	33470	189509	58307	138217	333455	66691	16799	21838	713	428	227174	
% к области	24	25	63	65	29	13	-	28	-	2	-	21	
Горный ХКА													
1.Салатау	51	4588	7568	-	20566	58171	11634	1939	2521	207	124	34845	
			1,6	-	4,5	12	2,4	0,4	0,5	0,04	0,02	7,4	
2.Эрпели	5	1130	1581	357	4415	31358	6272	482	627	160	96	11410	
			1,4	0,3	4	28	5,6	0,4	0,5	0,1	0,08	10,1	

201

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
	3.Мехтулинское	15	6224	14574	1669	18942	69950	13990	1862	2421	265	159	35512
				2,3	0,3	3	11	2,2	0,3	0,4	0,04	0,02	5,7
	4.Технуцал	12	1731	528	306	3414	13343	2669	507	659	1310	786	7528
				0,3	0,2	2	7	1,4	0,3	0,4	0,7	0,4	4,3
	5.Карата	9	1128	575	258	2224	20357	4071	235	305	836	502	7102
				0,5	0,2	2	18	3,6	0,2	0,3	0,7	0,4	6,3
	6.Хунз	25	1789	3268	1793	8005	27676	5535	1727	2245	2763	1658	17443
				1,8	1	4,5	15	3,0	0,9	1,2	1,5	0,9	9,7
	7.Хедодал	12	1481	3411	2433	7877	32678	6536	400	520	600	360	15293
				2,3	1,6	5,3	22	4,4	0,3	0,3	0,4	0,2	10,3
	8.Наха-Хинпалал	14	1374	1341	2084	6118	13609	2722	421	547	713	428	9815
				0,9	1,5	4,4	10	2,0	0,3	0,4	0,5	0,3	7,1
	9.Батлух	10	833	1426	876	5377	9317	1863	466	606	746	448	8294
				1,7	1	6,4	11	2,2	0,5	0,7	0,8	0,5	10
	10.Хинпалал	20	3249	2997	3638	16745	55538	11108	1398	1817	2237	1342	31012
				0,9	1,1	5,2	17	3,4	0,4	0,5	0,7	0,4	9,5
	11.Гидатль	12	1887	5425	211	9399	23225	4645	681	885	1355	813	15742
				2,9	0,1	5	12	2,4	0,3	0,4	0,7	0,4	8,3

292

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
	12.Куюнда	5	1489	1083	7	8869	12157	2431	408	530	1180	708	12538
				0,7	0,004	6	8	1,6	0,3	0,4	0,8	0,5	8,4
	13.Акуна	22	4906	2127	122	6810	44595	8919	872	1134	267	160	17023
				0,4	0,02	1,4	9	1,8	0,2	0,2	0,05	0,03	3,4
	14.Усипа	4	1203	342	90	1490	11592	2318	390	507	106	64	4379
				0,3	0,07	1,2	10	2,0	0,3	0,4	0,09	0,05	3,6
	15.Мути	3	1315	307	66	1171	9989	1998	195	254	60	36	3459
				0,2	0,05	0,9	7	1,4	0,1	0,2	0,02	0,01	2,6
	16.Цудахар	12	2985	1482	88	6380	48871	9774	1280	1664	1684	1011	18829
				0,5	0,03	2,1	16	3,2	0,4	0,6	0,6	0,3	6,3
	17.Мекеги	9	2787	2913	198	5721	41993	8397	581	755	755	453	15326
				1,1	0,07	2	15	3,0	0,2	0,3	0,2	0,2	5,5
	18.Урахи	12	3061	1556	407	6135	17150	3430	322	419	536	322	10306
				0,5	0,1	2	6	1,2	0,1	0,1	0,2	0,1	3,3
	19.Вицхи	28	2797	2164	1389	4757	59168	11834	1026	1334	1205	723	18648
				0,8	0,5	1,7	21	4,2	0,4	0,5	0,4	0,2	6,6
	20.Малжалис-кадга	6	649	905	280	1984	2270	454	102	133	30	18	2589
				1,4	0,4	3	3	0,6	0,1	0,2	0,05	0,03	4,0

293

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
21.Ганк	7	1671	779	583	2983	1652	330	691	898	195	117	4328	
			0,5	0,3	1,8	1	0,2	0,4	0,5	0,1	0,1	2,6	
22.Мүйре	10	794	732	126	2322	20196	4039	476	619	447	268	7248	
			0,9	0,2	2,9	25	5,0	0,6	0,8	0,5	0,3	9,1	
23.Ирчамул	23	750	769	581	3192	3757	751	251	326	6	14	4273	
			1	0,8	4,2	5	1,0	0,3	0,4	-	-	5,7	
24.Шурканти	10	457	438	161	1472	3154	631	176	229	76	46	2378	
			0,9	0,3	3,2	7	1,4	0,4	0,5	0,2	0,1	5,2	
25.Каттаган	5	224	347	104	565	5544	1109	129	168	12	7	1849	
			1,5	0,5	2,5	25	5,0	0,5	0,7	0,05	0,03	8,2	
26.Хараг	5	150	248	317	549	950	190	73	95	-	-	834	
			1,6	2,1	3,7	6	1,2	0,5	0,6	-	-	5,5	
27.Кухрук	25	515	752	415	1652	2324	465	240	312	7	4	2433	
			1,5	0,8	3,2	4	0,8	0,5	0,6	0,01	0,01	4,7	
28.Кырах	10	697	1517	555	2516	1836	367	121	157	1	-	3040	
			2,1	0,8	3,6	3	0,6	0,2	0,2	-	-	4,3	
29.Чуркуль	14	299	540	166	903	1102	220	91	118	1	-	1242	
			1,8	0,5	3	4	0,8	0,3	0,3	-	-	4,1	

294

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
30.Нитриг	14	1062	3157	-	4003	19761	3952	475	618	-	-	8573	
			3	-	3,8	19	3,8	0,4	0,6	-	-	8,0	
31.Дырча	7	409	1533	-	2430	15978	3196	291	378	-	-	6004	
			3,7	-	5,9	39	7,8	0,7	0,9	-	-	14,6	
32.Сувак	13	320	678	-	1966	8298	1660	268	348	-	-	3974	
			2,1	-	6,1	26	5,2	0,8	1	-	-	12,4	
33.Кабир	5	874	3395	-	2807	6004	1201	208	270	-	-	4278	
			3,9	-	3,2	7	1,4	0,2	0,3	-	-	4,9	
34.Ахмар	5	299	1155	-	960	3874	774	90	117	9	5	1856	
			3,9	-	3,2	13	2,6	0,3	0,4	0,03	0,02	6,2	
35.Котур-Кюра	36	2191	6180	-	8094	20903	4181	584	759	19	11	13045	
			2,8	-	3,7	9	1,8	0,2	0,3	-	-	5,9	
ИТОГО	475	57318	77793	19291	182813	718340	143667	19458	25295	17788	10672	362447	
на I хоз-во	-	-	1,3	0,3	3,2	12	2,5	0,3	0,4	0,3	0,2	6,3	
% к области	38	42	25	21	38	29	-	33	-	51	-	34	
Высокогорный ХКА													
1.Гумбет	18	2595	982	924	9039	183900	36780	2113	2747	3168	1901	50467	
			0,4	0,3	3,5	71	14,2	0,8	1,1	1,4	0,8	19,5	
2.Анди	7	1545	428	191	1776	51171	10234	1265	1645	209	125	13780	
			0,3	0,1	1,1	33	6,6	0,8	1,1	0,1	0,08	8,9	

295

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
	3.Цунга-Ахвах	3	445	167 0,4	336 0,7	1962 4,4	7649 17	1530 3,4	192 0,4	250 0,5	160 0,3	96 0,2	3838 8,6
	4.Багулал	6	771	270 0,3	351 0,4	2162 2,8	13240 18	2648 3,4	119 0,1	155 0,2	591 0,7	354 0,4	5320 6,9
	5.Чамалат	9	1036	635 0,6	775 0,8	5454 5,2	31882 31	6376 6,2	398 0,4	517 0,5	401 0,4	241 0,2	12588 12,1
	6.Ункратль	10	759	400 0,5	228 0,3	3089 4	21355 28	4271 5,6	69 0,09	90 0,1	464 0,6	278 0,3	7728 10,1
	7.Тинли	5	715	726 1,0	87 0,1	2930 4,1	9624 13	1925 2,6	72 0,1	94 0,1	385 0,5	231 0,3	5180 7,2
	8.Хварипи	5	238	220 0,9	12 0,05	1335 5,6	6831 29	1366 5,8	21 0,1	27 0,1	202 0,8	121 0,5	2849 12
	9.Шуратль	15	401	217 0,5	175 0,4	1519 3,8	19800 49	3960 9,8	255 0,6	331 0,8	14 0,03	8 0,02	5818 14,5
	10.Асахо	7	168	137 0,8	106 0,6	427 2,5	3090 18	618 3,6	84 0,5	109 0,6	18 0,1	11 0,06	1165 7,0
	11.Шитль	13	424	317 0,7	166 0,4	1329 3,1	8895 21	1779 4,2	67 0,1	87 0,2	135 0,3	81 0,2	3276 7,7

296

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
	12.Андалал	18	3729	2748 0,7	- -	14090 3,8	144329 39	28866 7,8	1374 0,4	1786 0,5	3601 0,9	2161 0,6	46903 12,5
	13.Ратлу-Ахвах	5	661	485 0,7	127 0,2	1155 1,7	26219 40	5244 8	405 0,6	527 0,8	293 0,4	176 0,3	7102 10,7
	14.Келеб	7	329	199 0,6	- -	1389 4,2	5913 18	1183 3,6	75 0,2	97 0,3	184 0,5	110 0,3	2779 8,4
	15.Тлейсерух	13	823	359 0,4	234 0,3	4450 5,4	52450 64	10490 12,8	310 0,4	403 0,5	424 0,5	254 0,3	15597 19
	16.Мукратль	10	413	271 0,6	3 0,007	1591 3,8	8308 22	1662 4,4	89 0,2	116 0,3	214 0,5	128 0,3	3497 8,8
	17.Карах	18	1208	807 0,7	633 0,5	5776 4,8	30250 25	6050 5,0	272 0,2	354 0,3	841 0,7	505 0,4	12685 10,5
	18.Джурмут	8	260	161 0,6	- -	2248 8,6	30300 116	6060 23,2	160 0,6	208 0,8	83 0,3	50 0,2	8566 32,9
	19.Тланада	5	185	105 0,5	- -	1380 7,4	11500 62	2300 12,4	82 0,4	107 0,5	3 0,01	2 0,01	3789 20,4
	20.Тлебель	7	182	90 0,5	- -	731 4	3827 21	765 4,2	42 0,2	55 0,3	7 0,04	4 0,02	1555 8,5

297

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
21	Бохвал	6	230	178	-	1350	4400	880	122	159	-	-	2389
				0,7	-	5,9	19	3,8	0,5	0,7	-	-	10,4
22	Ухгала	5	115	78	-	444	1884	377	86	112	1	-	933
				0,7	-	3,9	16	3,2	0,7	1	-	-	8,1
23	Андрос	7	258	293	-	960	6200	1240	121	157	-	-	2357
				1,1	-	3,7	24	4,8	0,4	0,6	-	-	9,1
24	Тох	16	174	86	-	832	5600	1120	86	112	-	-	2064
				0,5	-	4,8	32	6,4	0,5	0,6	-	-	11,8
25	Анпук	6	177	158	-	678	4150	830	102	133	16	10	1651
				0,9	-	3,8	23	4,6	0,5	0,7	0,09	0,05	9,3
26	Кос	4	62	37	-	340	880	176	19	25	2	1	542
				0,5	-	5,5	14	2,8	0,3	0,4	0,03	0,01	8,7
27	Томс	9	142	97	-	636	2138	428	19	25	15	9	1098
				0,7	-	4,5	15	3,0	0,1	0,2	0,1	0,06	7,7
28	Таш	22	334	205	-	1170	4322	864	102	133	30	18	2185
				0,6	-	3,6	13	2,6	0,3	0,4	0,09	0,05	6,5
29	Гунзал	3	95	59	-	330	4010	802	75	98	-	-	1230
				0,6	-	3,5	42	8,4	0,8	1	-	-	12,9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
30	Калгча	5	560	404	-	3746	29658	5932	430	559	-	-	10237
				0,7	-	6,7	53	10,6	0,7	1	-	-	18,2
31	Сирха	16	2550	1197	924	12390	33213	6642	912	1186	1650	990	21208
				0,4	0,3	4,6	13	2,6	0,3	0,5	0,6	0,4	8,3
32	Таш	5	661	485	127	1155	26219	5244	405	527	293	176	7102
				0,7	0,2	1,7	40	8	0,6	0,8	0,4	0,3	10,7
33	Игары	4	212	178	151	782	2436	487	54	70	117	70	1409
				0,8	0,7	3,7	11	2,2	0,2	0,3	0,5	0,3	6,6
34	Мукар	16	875	751	661	2594	7495	1499	367	477	518	311	4881
				0,8	0,7	3	8,6	1,7	0,4	0,5	0,6	0,3	5,5
35	Кумух	26	2604	1545	917	4437	14187	2837	1341	1743	1035	621	9638
				0,6	0,3	1,7	5	1	0,5	0,7	0,4	0,2	3,7
36	Буржун-Дарга	8	700	318	399	2458	21496	4299	478	621	10	6	7384
				0,4	0,6	3,6	31	6,2	0,7	0,9	0,01	0,01	10,6
37	Кули	12	2418	1312	768	5495	51474	10294	1435	1866	1177	706	18361
				0,5	0,3	2,3	21	4,2	0,6	0,8	0,5	0,3	7,6
38	Дүрех	13	834	499	259	3668	30712	6142	358	465	347	208	10483
				0,6	0,3	4,4	37	7,4	0,4	0,5	0,4	0,2	12,5

300

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
39.	Кушан-дере	6	281	455	-	1064	15040	3008	158	205	59	36	4313
				1,6	-	3,8	53	10,6	0,5	0,7	0,2	0,1	15,3
40.	Агул-дере	7	593	861	-	2420	24789	4958	322	419	72	43	7840
				1,4	-	4	42	8,4	0,5	0,7	0,1	0,07	13,2
41.	Рича	8	491	1285	-	2048	16413	3283	316	411	13	8	5750
				2,6	-	4,2	33	6,6	0,6	0,8	0,02	0,01	11,7
42.	Курох	17	1678	5728	100	6305	26338	5268	900	1170	10	6	12749
				3,4	0,06	3,7	15	3,6	0,5	0,7	0,006	0,003	7,5
43.	Атты-пара	6	2166	1665	1850	8312	95467	19093	2319	3015	-	-	30420
				0,8	0,8	3,8	44	8,8	1,1	1,4	-	-	14,0
44.	Докуз-пара	10	1625	1206	798	5434	42676	8535	1064	1383	-	-	15352
				0,7	0,5	3,3	26	5,2	0,6	0,8	-	-	9,4
45.	Ахты-пара	19	3387	1220	745	7136	142372	28474	1666	2166	-	-	37776
				0,3	0,2	2,1	42	8,4	0,5	0,6	-	-	11,1
46.	Рутул	18	1772	1559	447	7203	41074	8215	397	516	-	-	15934
				0,9	0,2	4	23	4,6	0,2	0,3	-	-	9,0
47.	Ихрек	5	751	846	131	3863	21479	4296	114	148	-	-	8307
				1,1	0,2	5,1	29	5,8	0,1	0,2	-	-	11,0

301

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
48.	Цахур	22	1691	930	126	5276	101475	20295	1550	2015	-	-	27586
				0,5	0,07	3,1	60	12	0,9	1,2	-	-	16,3
ИТОГО	на I хоз-во	490	44570	38764	12960	159195	1438145	287630	22588	29365	17074	10245	486435
				0,8	0,3	3,6	32	6,4	0,5	0,7	0,4	0,2	10,9
% к области		38	33	12	14	33	58	-	39	-	47	-	45
Всего по	Дагестану	1265	135358	306066	90558	480225	2489940	497988	58845	76498	35575	21345	1076056
	на I хоз-во			2,2	0,6	3,6	18	3,6	0,4	0,6	0,3	0,1	8,0

Таблица №3

Участки и союзы обществ с показателями угодий и скота на одно хозяйство, превышающими средние по Дагестану

ХНА	Всего участков (союзов)	По МРС			По КРС			По общему условному поголовью скота (8,0 гол.)	По пахотным угодьям		
		Всего	Совпадают с превышающими средние уровни		Всего	Совпадают с превышающими средние уровни			Всего	Совпадают с превышающими средние уровни	
			По КРС (3,6 гол.)	По пахотным угодьям (2,2 дес.)		По МРС (18 гол.)	по пахотным угодьям (2,2 дес.)			По КРС (3,6 гол.)	По МРС (18 гол.)
Участки											
1.Равнинно-предгорный ХКА	10	2	1	1	7	1	7	2	9	7	1
2.Горный	19	2	1	1	8	1	3	6	5	3	1
3.Высокогорный	17	15	10	1	11	10	1	16	1	1	1
Всего	46	19	12	3	26	12	11	24	16	11	3
Союзы обществ											
1.Равнинно-предгорный	19	-	-	-	13	-	13	3	18	13	-
2.Горный	35	9	5	3	17	5	5	12	8	5	3
3.Высокогорный	48	37	26	2	34	26	3	37	3	3	2
Всего	102	46	31	5	64	31	21	52	29	21	5

Таблица №4

ПАХОТНЫЕ УГОДЬЯ

1 Террасные поля среднегорья (а) и горных долин (б).

а

б

2. "Склоновые" поля высокогорья.

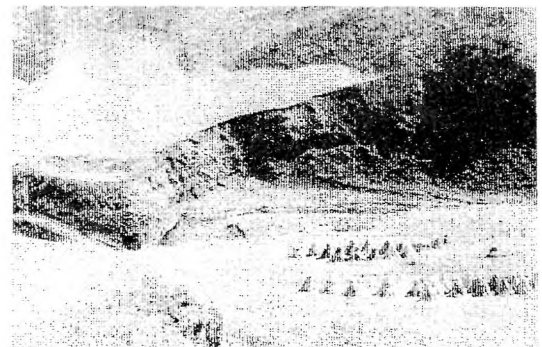
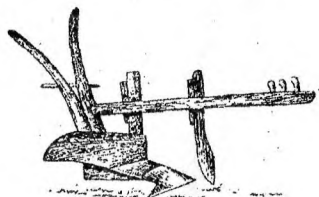

Таблица №5
ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ

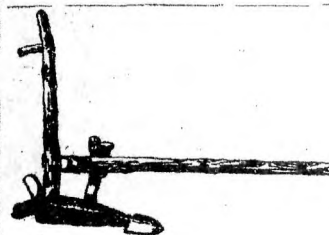
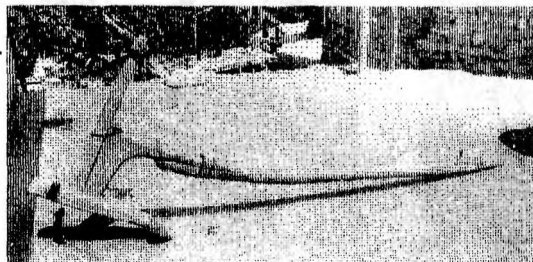
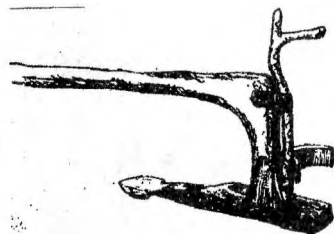
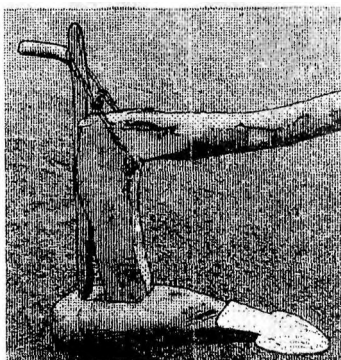
а

б

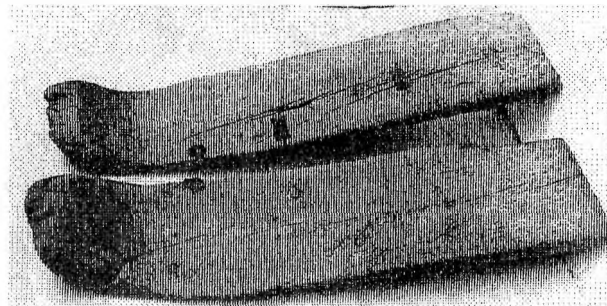
1. Равнинный отвальный плуг
а) общий вид; б) рабочая часть

2. Горные рала

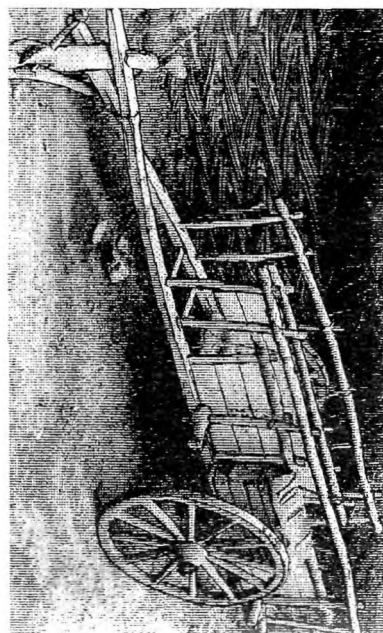

Таб №6

МОЛОТИЛЬНЫЕ ДОСКИ

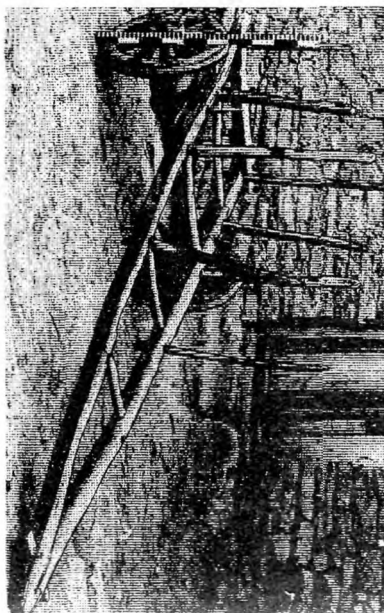

1) Колесный транспорт (повозки)

а) равнинная арба

б) предгорно-лесная арба

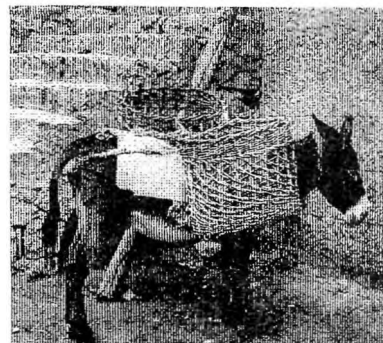
в) высокогорная арба

Таблица №8
ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА
 2. Вьючный транспорт среднегорья и высокогорья

а) Перевозка грузов на ослах в среднегорье

а. с помощью грузового седла, а также без приспособлений, привязыванием груза

б. с помощью сапеток

б) перевозка грузов в высокогорье

а. вьючно-верховая лошадь (с грузовыми хурджинами)

б. вывоз из леса строительных бревен

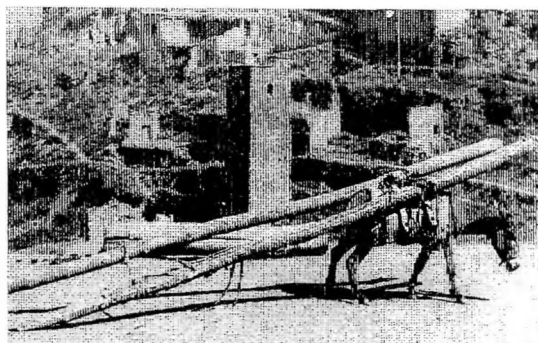
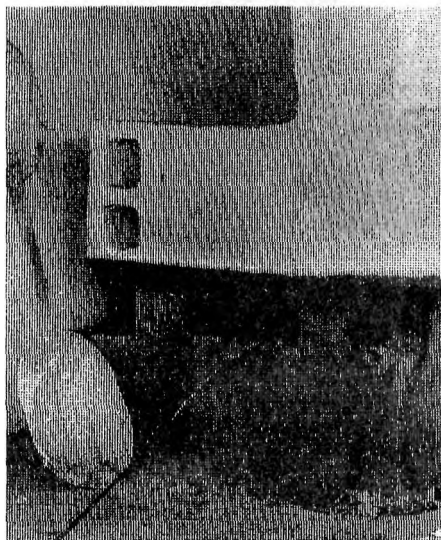
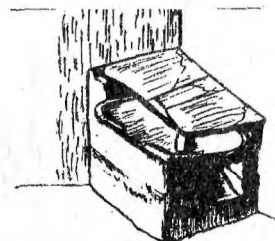

Таблица №9
ХЛЕБОПЕКАРНЫЕ УСТРОЙСТВА (ПО ПРЕОБЛАДАНИЮ)

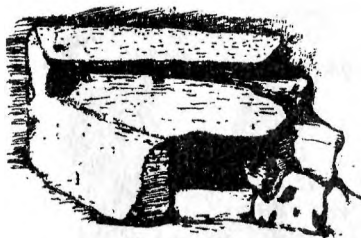
а, б, — равнинный корюк; в, г — среднегорный "хъар";
д — среднегорный "тарум"; е, ж — высокогорный садж
с треногой-подставкой

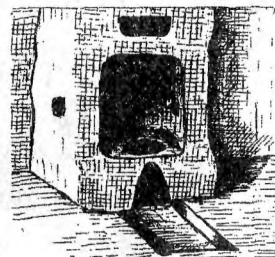
б.

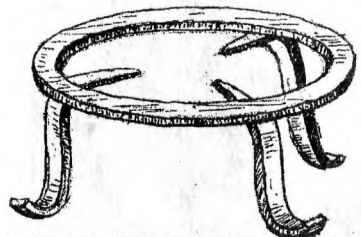
в.

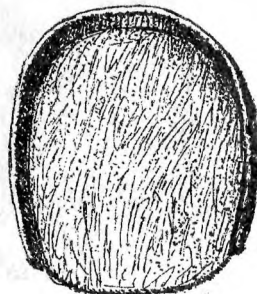
г.

д.

е.

ж.

Таблица №10
МЕЛЬНИЦЫ

1. Равнинные мельницы с вертикальным колесом

2. Горные "азиатские" мельницы

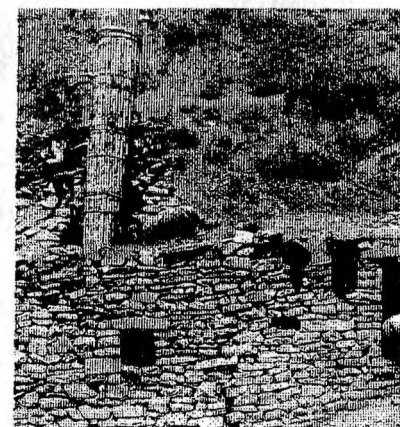
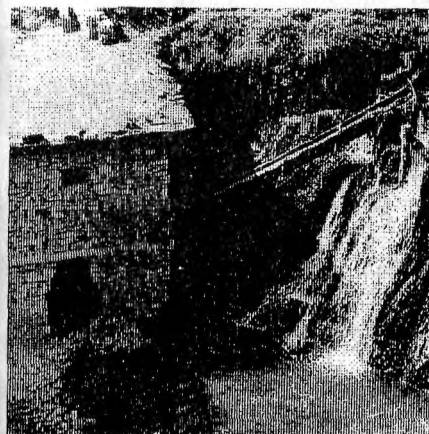

Таблица №11
ПОСЛЕНИЯ

1. Равнинное селение

2. Горные и высокогорные селения

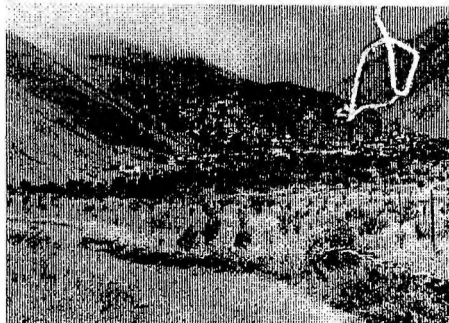

Таблица №12
ЖИЛИЩЕ

1. Равнинное жилище

2. Горное жилище

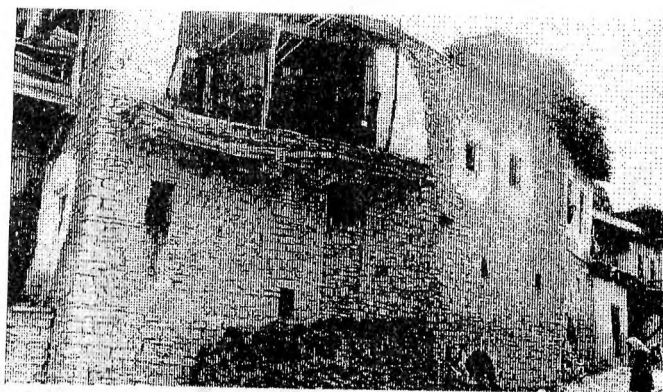

Таблица №13

ЖИЛИЩЕ ВЫСОКОГОРЬЯ

Таблица №14
Шубы и обувь

1. Равнинные приталенные одеваемые шубы

2. Горская накидная шуба с
ложными рукавами

3. Горцы в накидных шубах без
рукавов, с пелериной (высокогорье)

4. Шерстяные сапоги высокогорья

**КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ХЛЕБОПЕКАРНЫХ УСТРОЙСТВ (ХПУ):
структура, районирование, параллели с соотношением печных и вареных мучных изделий**

№ типа	Типы ХПУ	Дифференциальные переменные									
		А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К
		Конструкция	Форма использ. для нагрев. выпекающей поверхности ХПУ энергии топлива	Форма и располож. выпекающей поверхности (место расп. теста) ХПУ	Экономичность	Обеспеченность района ареализации ХПУ топливными ресурсами	Сорт выпекаемого хлеба (преобладающий)	Обеспеченность района ареализации ХПУ зерновыми ресурсами	Соотнош. хлеба с вареными мучными издел. в районе локализации ХПУ	Связь районированного ХПУ с занятиями населения, с хозяйственно-культурными традициями (по преобладанию)	Локализация ХПУ по природно-хозяйственным зонам (по преобладанию)
1	Очажное ХПУ	Открытая безэлементная	Жар	Уступающий под	Неэкономичное	Достаток	Пресный, кислый	Относит. достаток	Преобл. хлеба	Земледельцы и скотоводы	Предгорье, равнина
2	Коррек	Печного типа, двухсекционная	"	"	"	Относит. достаток	Кислый	Достаток	"	Земледельцы	Равнина, предгорье
3	Хьар	Печного типа, этапированная	Пламя	плита	Относительно экономичное	недостаток	Пресный, кислый	Недостат.	Преобл. хинкала	Земледельцы и скотоводы	Среднегорье, высокогорье
4	Самдж	Открытая безбархасная	"	"	"	Относит. недостаток	Пресные лепешки	Острый недостаток.	Преобл. пресн. хлеба	Скотов. и землед. с отг. и подвигж. скотоводством	высокогорье
5	Тондыр	Закрытая ямная	Пламя и жар	Стены ХПУ	экономичное	"	Кислый	Достаток	Преобл. хлеба	Земледельцы	Равнина
6	Тарум	Закрытая камерная	"	"	"	Острый недостаток. (и слаб. топ.)	"	Недостат.	Преобл. хинкала	Земледельцы и скотоводы	Среднегорье

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. О ПОНЯТИИ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО ТИПА. ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ	18
ГЛАВА II. ОЧЕРК ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ДАГЕСТАНА	35
ГЛАВА III. ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ ДАГЕСТАНА В ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ВРЕМЯ	50
I. Пути и основные этапы зарождения и развития производящего хозяйства Дагестана в эпоху первобытно-общинного строя	50
1. Географическая среда Дагестана и вопрос о вызревании элементов и зарождении производящего хозяйства. (Мезолит и ранний неолит (VII-VI тыс. до н.э.)	50
2. Становление и дальнейшее развитие производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства — "неолитическая революция" (неолит и энеолит, VI-IV тыс. до н.э.)	60
3. Расцвет первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства (эпоха бронзы, III-II тыс. до н.э.)	67
4. Хозяйство периода разложения первобытно-общинного строя (X в. до н.э. V в. н.э.)	83
II. Хозяйственно-культурные типы в эпоху феодализма	91
1. Хозяйство в период становления и развития феодальных отношений; время активного воздействия кочевников и их хозяйства (VI-XV вв. н.э.)	91
2. Хозяйство в период углубления феодальной раздробленности, накануне присоединения Дагестана к России (XVI-XVIII вв.) ..	103
ГЛАВА IV. ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.	120
часть первая. ХОЗЯЙСТВО	126
I. Земледелие	126
1) Место отрасли в хозяйстве	126
А) Равнина	126
Б) Среднегорье (горная часть)	132
В) Высокогорье	139
2) Тип земледелия	140

3) Система земледелия	146
А) Удобрение посевов	151
Б) Орошение	153
4) Садоводство	158
5. Земледельческие культуры	159
6) Земледельческий цикл	164
2. Скотоводство	165
1) Формы скотоводства	167
2) Виды и категории скота	172
3. Заготовка сена	174
4. Половое разделение труда	177
3. Домашние промыслы и отходничество	181
4. Транспорт	186
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ	197
1. Пища и напитки (система питания)	206
1) Пища	206
2) Напитки	218
2. Хлебопекарные устройства	222
3. Мельницы	228
4. Жилище	231
5. Одежда	237
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	248
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	256
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	285
ПРИЛОЖЕНИЯ	287

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru